

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

№ 349/1 1·2013

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское отделение Общероссийской общественной
организации «Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
и Администрации города Иркутска

Основан в 1930 году
Выходит 6 раз в год

Содержание

Колонка главного редактора

Александр Лаптев. Обращение к читателю 3

Проза

Глеб Пакулов. «Расписка». Повесть 7
Валерий Хайрюзов. «Капитан летающего сарая». Повесть 57
Олег Корнильцев. «А у воды бежала трясогузка». Рассказ 91
Владимир Жемчужников. «Книга миниатюр» 106
Борис Екимов. «Говори, мама, говори...». Рассказ 144
Василий Хлыбов. «Попытка вернуться». Рассказ 158

Поэзия

Ростислав Филиппов. «Там, где Шёлковый путь переходит во Млечный» 51
Геннадий Гайда. «Из глубин тектонических гул приглушённый...» 85
Борис Архипкин. «Перед снежинкою шапку снимай...» 100
Виктор Соколов. «Моё здесь остаётся слово...» 140
Евгений Варламов. «Пусть долго дням скупым тянуться...» 152
Нина Кашина. «И улица пустынная чиста...» 167

Память

Татьяна Суровцева. «Ростислав Филиппов в моей творческой судьбе» 49
Владимир Скиф. «Он творил с трепетной полнотой своего сердца» 148
Капитолина Кокшенева. «Человек с догматом» 179
Александр Дулов. «Один семестр вместе с Леонидом Бородиным» 188
Анатолий Казаков. «Переписка с женой Василия Белова Ольгой Сергеевной» 197
Виталий Сидорченко. «Парень из нашего города...» 200
Иван Молчанов-Сибирский. «Здесь миг похож на вечность...» 265

Беседы Сибири

Интервью председателя Правления иркутского регионального отделения Союза писателей
России поэта Василия Забелло «Союз писателей — союз сильных духом людей» 174

Человек и природа

Анатолий Сосунов. «Россия снова кормит птиц» 208

70 лет Сталинградской битвы

Ольга Калаянова. «Сталинград с нами навечно» 221

Исторические чтения

Леонид Корытный. «Продажа Аляски как крупнейшая политическая и экономическая ошибка России» 228

Коротко о новой книге

Анатолий Собенников. «Владимир Костин. Колокол и болото» 237

Литературная хроника

Екатерина Фалалеева. «Ностальгия Сергея Ступина» 239

«Москва театральная — Александру Вампилову» 240

Валентина Семёнова. «Хроника литературной жизни» 241

«Хроника дней русской духовности и культуры «Сияние России» 243

Маргарита Просекина. «Хроника событий 2012 года» 251

Владимир Максимов. «Новая литературная премия» 257

Александр Лаптев. Вручение премий журнала Сибирь им. А.В. Зверева 259

Критика

Владимир Максимов. «Писать по-своему, от чистого сердца, из глубины души» 248

Александр Лаптев. «Вспомним, братцы, россос славу!» 260

Александр Лаптев. «Иркутск. Бег времени» — новый культурный проект» 263

Коротко о книгах

Информация об изданных книгах 258

Некро.юс

«Он с нами! Слово на блаженную кончину писателя Л.Л. Кокоулина» 272

Главный редактор **АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ**

Заведующий отделом поэзии **ВЛАДИМИР СКИФ**

Заведующий отделом прозы **АЛЬБЕРТ ГУРУЛЕВ**

Заведующий отделом критики и публицистики **АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

А.Г. Байбородин

Н.А. Озерникова

Ю.И. Баранов

В.Г. Распутин

В.В. Барышников

Т.Н. Суровцева

В.К. Забелло

В.Н. Хайрюзов

И.И. Козлов

М.И. Яковенко

В.П. Комлев

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки С. Бурчевская. Комп. верстка А. Гордиевских. Корректор Н. Шильникова.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600.

Адрес редакции: 664025. г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Тел.: 20-37-86. E-mail: laptev99@mail.ru, info@irdl.ru. (Рукописи по e-mail не принимаются, за исключением особо оговоренных случаев). Подписано в печать 30.04.2013. Формат 70x108/16. Усл.-печ. л. 22.

Отпечатано в типографии «Форвард». 664009, г. Иркутск, ул. Советская 109.

© Сибирь, 2013

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

За восемьдесят лет своего существования журнал «Сибирь» пережил немало. Были взлёты и падения, журнал имел шумный читательский успех (в эпоху «развитого социализма») и едва-едва сводил концы с концами (во второй половине 30-х и в начале 90-х годов). Фактически являясь единственным профессиональным литературным изданием в Иркутской области, журнал печатал лучшие произведения сибиряков, открыл немало имён, оставивших след не только в отечественной, но и в мировой литературе. Журнал уверенно шагал в ногу со временем и откликался на злобу дня, был в гуще событий. До 1991 года журнал, как и вся советская литература, находился под неусыпным контролем и опекой советских и партийных органов. Советская власть выделяла солидные средства на издание журналов и книг, взамен от писателей требовали вполне определённых тем и настроений — всего того, что подпадает под определение социалистического реализма, провозглашённого магистральным направлением советской литературы на первом съезде советских писателей в августе 1934 года. Ситуация была очень жёсткая и предельно чёткая. Судить и рядить обо всём этом в короткой статье я не стану. Но хочу отметить очевидный факт: эпоха соцреализма закончилась, и нам теперь предстоит найти новые смыслы, обозначить идеалы и к этим идеалам стремиться. Отмечу на всякий случай, что идеалы и идеология — это разные понятия. И если сегодня у российского государства нет официально установленной идеологии (вместо этого конституцией декларируется идеологическое многообразие), то это совсем не значит, что у нас не может быть общих идеалов. Единой идеологии — нет, а общие для всех идеалы — были, есть и будут. Это идеалы человеколюбия, сострадания, терпимости и гуманизма — всё то, о чём устами своих героев говорили великие русские писатели: Гоголь, Пушкин, Достоевский, Толстой, Тютчев, Тургенев, Куприн, Лесков, Чехов и многие другие. Без таких идеалов никакое общество не может существовать и успешно развиваться.

К счастью, нам сегодня не нужно ничего изобретать и заново открывать. Задачи литературы и искусства давно уже названы и объяснены. Нужно лишь вспомнить о том, что такое литература, каковы её цели, методы и задачи. И всё сразу встанет на свои законные места. Я позволю себе процитировать отрывки из статьи В.Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» (1840 г.). Это избавит меня от необходимости нудно и долго объяснять то, что так хорошо и коротко выразил в своей статье великий русский критик.

Вот что он писал о соотношении действительности и искусства: *«Действительность прекрасна сама по себе, но прекрасна по своей сущности, по своим элементам, по своему содержанию, а не по форме. В этом отношении действительность есть чистое золото, но не очищенное, в куче руды и земли: наука и искусство очищают золото действительности, перетопляют его в изящные формы... И потому-то в науке и искусстве действительность больше похожа на действительность, чем в самой действительности, — и художественное произведение, основанное на вымысле, выше всякой были... Искусство,*

ЛАПТЕВ Александр Константинович (1960, Иркутск). Автор пяти книг прозы. Кандидат технических наук. Член Союза писателей России.

заимствуя у действительности материалы, возводит их до общего, родового, типического значения, создаёт из них стройное целое».

Белинский отвергал примитивный натурализм и бездумную фотографичность (с одной стороны), и также он не принимал беспочвенные фантазии, под которыми не было не только крепкой фактической основы, но которые были лишены обычного здравого смысла. Художник берёт из действительности факты, копит впечатления, затем эти впечатления перерабатывает в своей душевной лаборатории и возвращает миру в очищенном и облагороженном виде. Это и есть то самое чистое золото, о котором говорил критик.

Об этом размышлял Иван Гончаров (в романе «Обломов»). Вот характернейший диалог Обломова с литературным критиком Пенкиным:

«(Пенкин): ...верность-то, верность какая! До смеха похоже. Точно живые портреты. Как кого возьмут, купца ли, чиновника, офицера, будочника, — точно живьем и отпечатывают.

(Обломов): Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де ни возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманизмом. Одно самолюбие только. Изображают-то они воров, падших женщин, точно ловят их на улице да отводят в тюрьму. В их рассказе слышны не «невидимые слезы», а один только видимый, грубый смех, злость...

— Что ж еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость — желчное гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут все!

— Нет, не все! — вдруг воспламенившись, сказал Обломов, — изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов. — Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову... — сказал он, улегшись опять покойно на диване. — Изображают они вора, падшую женщину, — говорил он, — а человека-то забывают или не умеют изобразить. Какое же тут искусство, какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию.

— Что же, природу прикажете изображать: розы, соловья или морозное утро, между тем как все кипит, движется вокруг? Нам нужна одна голая физиология общества; не до песен нам теперь...

— Человека, человека давайте мне! — говорил Обломов, — любите его...

— Любить ростовщика, ханжу, ворующего или тупоумного чиновника — слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой! — горячился Пенкин. — Нет, их надо карать, извергнуть из гражданской среды, из общества...

— Извергнуть из гражданской среды! — вдруг заговорил вдохновенно Обломов, встав перед Пенкиным. — Это значит забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами. Извергнуть! А как вы извергнете из круга человечества, из лона природы, из милосердия Божия? — почти крикнул он с пылающими глазами.

— Вон куда хватили! — в свою очередь с изумлением сказал Пенкин.

Обломов увидел, что и он далеко хватил. Он вдруг смолк, постоял с минуту, зевнул и медленно лег на диван».

Комментировать тут нечего. И спорить не с чем. Илья Ильич Обломов, безусловно, прав. Жаль только, что значительную часть жизни он провёл лёжа на диване. Он мог бы, подобно другому литературному персонажу (автору «Легенды о Великом Инквизиторе»), явить миру образец той самой подлинной литературы, о которой говорил с таким вдохновением и такой верностью.

Но вернёмся к Белинскому. Вот его рассуждение о предназначении поэта и о том, должен ли поэт быть гражданином или он как бы сам по себе: *«Поэзия не имеет никакой цели вне себя, но сама себе есть цель, так же, как истина в знании, как благо в действии... Как красота, так и поэзия — выразительница и жрица красоты, сама себе цель и вне себя не имеет никакой цели. Если она возвышает душу человека к небесному, настраивает её к благим действиям и чистым помыслам, — это уже не цель её, а прямое действие, свойство её сущности; это делается само собою, без всякого предназначения со стороны поэта. Поэт есть живописец, а не философ. Всегдашний предмет его картин и изображений есть «полное славы творенье» — мир со всею бесконечностью и разнообразием явлений. Поэзия не терпит отвлечённых идей в их бестелесной наготе, но самые отвлечённые понятия воплощает в живые и прекрасные образы, в которых мысль сквозит, как свет в гранёном хрустале... Это не значит, чтоб поэт не мог отрываться от созерцания мира, взятого в самом себе, и вносить в него свой идеал, чтоб лиру песнопения, кинжал трагедии и трубу эпопеи не мог он менять на громы благородного негодования и даже на свиток сатиры: но смешно требовать, чтоб в этом он увидел цель своей жизни и за долг поставил подчинить своё свободное вдохновение разным «текущим потребностям». Свободный, как ветер, он повинуетя только внутреннему своему призванию, таинственному голосу движущего им бога, а на крики тупой черни, которая бы стала приставать к нему, в своей дикой слепоте:*

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя, —

он может и должен отвечать, если только стоит она ответа:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы,
Для вашей тупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд!
Но, позабыв своё служенье,
Алтарь и жертвоприношенья,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

А.С. Пушкин

Здесь также комментировать особо нечего. Можно и должно согласиться и с Белинским и с Пушкиным, а попутно посетовать на то, что в последнее время наши «толстые» литературные журналы то и дело сбиваются на внелитературную полемику и пытаются воспитывать всех вокруг, вместо того, чтобы вспомнить о своём главном предназначении, которое заключается в том, чтобы представлять читателю произведения, в которых *отвлечённые понятия воплощены в живые и прекрасные образы*, то есть говорить языком художника, а не публициста, не политолога, не философа и уж тем более не языком революционера.

И наконец, последний отрывок из статьи Белинского:

«И что ж, разве это не великое счастье — пробудить полёт к высокому в иной дремлющей душе? Разве это не великое счастье — родить к себе сочувствие в сердце, которого мы никогда не знали и не узнаем, которое живёт, может быть, в далёком от нас уголку этого мира, но которое от наших строк забьётся в лад с нашим сердцем и, в общем человеческом интересе, сознает своё родство с нами по духу, в ознаменование торжества духа над условиями пространства и времени!..»

Согласимся и с этим. Действительно, это великое счастье для писателя, когда на его строчки откликаются люди во всех уголках земного шара. Это значит, что писатель коснулся чего-то главного и неизбежного в душе человека, тронул потаённые струны, вызвал к жизни бессмертные образы — образы, которые надолго переживут своего создателя. К этому счастью, вольно или невольно, стремятся все пишущие, даже если сами не хотят себе в этом признаться.

*Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...*

Ф.И. Тютчев

Ко всему сказанному я хочу добавить лишь несколько строк: журнал «Сибирь» открыт для всего талантливое, самобытное, оригинальное, искреннее и честное. Литература во всем её многообразии и глубине, во всём блеске, великолепии, пронзительности и тайной силе — вот главное содержание журнала на ближайшую перспективу.

ТАМАРА БУСАРГИНА

Предисловие

Совсем недавно в целлофановом пакете со случайно сохранившимися рукописями, письмами (Глеб Пакулов никогда ничего не собирал и не хранил), я обнаружила и со вниманием прочла рецензию Константина Седых от 8 апреля 1969 года на повесть Г. Пакулова «Расписка».

Суть рецензии, вкратце, такова: повесть надо было посвятить лучшим из лучших наших советских геологов, сильным, мужественным и закалённым людям, радующим нас открытиями полезных ископаемых. Но автор решил подойти к этому делу иначе. Г. Пакулов не нашёл ни одного геолога, ни одного рабочего, чтобы они остались в нашей памяти такими героями, как П. Корчагин или лётчик Мересьев. Это повесть, в основном, о серых и жалких людях (кроме симпатичного Гошки, человека, с которым можно идти в бой и геологический поход). Лучшие мужчин автору удалось женщины.

Вывод таков: «У Пакулова есть все данные довести повесть до самой высокой кондиции, человек он, безусловно, способный, с хорошими литературными задатками. Важно ему только помнить, что он должен быть не вообще писателем, а писателем советским. Поскольку повесть имеет существенные идейно-художественные просчёты, для отдельного издания она должна быть существенно переработана».

Перерабатывать Пакулов ничего не хотел. Он более десяти лет работал геофизиком Сосновской экспедиции, не однажды попадал в ситуацию, подобную той, которую отобразил в «Расписке». Он видел всяких геологов и рабочих, и таких, которые во всех обстоятельствах сохраняют достоинство человека, видел и тех, кто не выдерживает обычных капризов сибирской природы, теряет себя в условиях оторванности от привычной среды, вынужденного безделья и т.д.

Повесть вскоре опубликовали в альманахе «Ангара» благодаря заступничеству А. Шастина, который, в пику К. Седых, на этом же писательском собрании сказал: «Разбудите меня ночью и спросите, надо ли публиковать повесть, и я отвечу — надо!» (Так вспоминал Г. Пакулов).

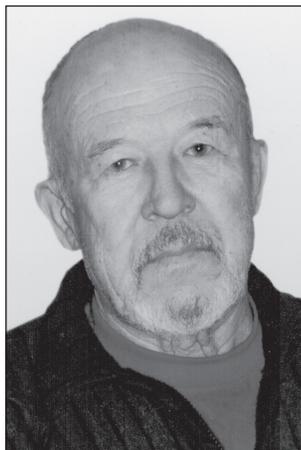
В 1975 г. «Расписка» и «Ведьмин ключ» вышли в Иркутске в сборнике с повестями С. Кийтайского «В начале жатвы» и Б. Степанова «После войны». «Расписку» напечатали с предварительным условием — Гошка должен жить. Пришлось его из-под лавины откопать. В конце повести Гошка отбивает на базу телеграмму об открытии полевого сезона. Повесть и всю книгу так и назвали: «Открытие сезона».

Сборник повестей Г. Пакулова, выпущенных Московским издательством «Современник» (Глубинка. М., 1984 г.), был так лихо отредактирован неким Л. Егоршиловым, что автору оставалось лишь порадоваться, что книга до Иркутска не дошла.

На этом злключения «Расписки» не закончились. Недавно я обнаружила, что в 2010 г. все повести московского издания Глеб Пакулов исправил по рукописям (кроме «Ведьмина ключа»). Похоже, «Расписку» автор решил приблизить к первоначальному замыслу, а главное, точнее поработать по слову. Это он любил — текст книги весь испятнан карандашными поправками, которые я с помощью лупы усердно разобрала и отпечатала. Этот текст и предлагаю журналу «Сибирь», в надежде, что он заинтересует и читателя.

В рецензии К. Седых замечено: «Хороши у Пакулова диалоги. Они почти всегда лаконичны и выразительны». Видимо, так считал и Александр Вампилов. Он подарил московское издание пьесы «Прощание в июне» (1966 г.) с надписью: «Пакулову от Вампилова, как драматург драматургу». А что? Вдруг повесть привлечет внимание какого-нибудь режиссёра?

ГЛЕБ ПАКУЛОВ

РАСПИСКА

ПОВЕСТЬ

С охапкой облепленных снегом поленьев Женька, практикант-геолог, впятился в палатку, бросил их у железной печки. Поленья мёрзло стукнули об пол, скользнули в стороны.

— Устрою вам Ташкент! — весело пообещал он, отряхивая телогрейку.

— Практикуйся, студент, — кивнул геофизик Гошка. — Жар костей не ломит.

— А вошка тепло любит, — поддакнул практикант.

Гошка сидит на нарах и катает на крышке радиометра тоненькие свечи. В палатке, подбитой суконным утеплителем, сумрачно. Перед Гошкой горит фитиль в банке с топлёным жиром. Пламя на конце фитиля свинчивается и копотно уносится к брезентовому потолку.

Ещё недавно в отряде были свечи, и их жгли напрапалую. Гошка тоже жёг, но аккуратно собирал огарки, плавил их и припрятывал. Теперь он катает из сбережённого парафина кривенькие свечки и сбывает их Женьке. За это студент — любитель читать по ночам — состоит при нём на побегушках. И того, и другого эта игра забавляет.

— Дьяво-ол! — ноет Женька, стараясь протолкнуть в печку сукастое полено. Из дверцы густо валит дым, щиплет глаза. Студент отмахивается от него двумя руками, кашляет и плюётся.

— Хрен ты, а не дневальный! — глядя из-под упавшего на глаза чуба, кричит Гошка. — Опять коптильню устроил. Огня давай!

С противоположных жердяных нар на Женьку смотрит геолог отряда Сергей. В зыбком свете плоски лицо его тускло отсвечивает медью. У него давно болит зуб, и оттого он хмур и сердит.

ПАКУЛОВ Глеб Иосифович, прозаик, поэт (1930, станица Бусеевская Амурской обл. — 2011, Иркутск). Автор книг прозы: *Тиара скифского царя*: повесть (Иркутск, 1970); *Горнист Чапая и Сказка про девочку Лею...* (Иркутск, 1971); *Варвары*: роман (Иркутск, 1976); *Глубинка*: повесть (М., 1981); *Останцы*: рассказ (Иркутск, 2002); *Гарь*: роман (Иркутск, 2005; М., 2010); поэтич. сб. *Славяне* (Иркутск, 1964: Бригада). Член Союза писателей России.

— Чего орёте? — раздраженно спрашивает он, поддерживая ладонью вздутую щеку. — А ты, друг Евгений, аккуратней кочегарь. Не сдельно нанялся дымить.

Он слез с нар, отбросил полог и вышел из палатки. Студент подёргал полено, отчего железная печка скособочилась и заскрежетала в суставах жестяная труба.

— Просовувай, або выбрасувай! — командует Гошка. — Ну-у!

— А я что делаю?! — орёт студент. — Сую!

— Ти-хо!... Что за бедлам опять? — хрипло спрашивает начальник отряда. Он сидит за складным столиком в углу палатки и, низко припав к бумагам, скрипит пером. Начальник шуплый, в зелёном х/б, не сразу отличишь от брезента, и тоже дымит «Беломором», прикуривая одну папиросу от другой.

Женька каблуком сапога бьёт в торец полена.

— Но-но! — прикрикнул начальник. — Печь свалишь и сторим за секунду. Брезент же кругом!

Студент брякнул дверцей, поправил как мог печку и скособоченную трубу.

— Грейтесь, — проворчал, размазывая сажу по лбу. — А то замёрзли от ударной работы. — Он снял с подпорного столба тозовку, клацнул затвором.

— Браконьер! Опять куропаatok калечить, — пристыдил Гошка. — У них вот-вот птенцы вылупятся.

— Самцов, Гога, можно, — убеждённо отрезал студент. — Они теперь безработный элемент, трутни, как мы.

Начальник поднял голову от бумаг.

— Погода портится, — кивнул на перекрещенное брезентовыми лямками оконце. — Займись чем-нибудь другим, пересиди, а то попадешь в буран, как прошлый раз. Переживай тут за тебя, людей на поиски гоняй...

— До бурана вернусь, — натягивая свитер, ответил Женька. — От палаток далеко не уйду. Обещаю не гибнуть безвестно.

— Ну, развинтились, — начальник покашлял в кулак. — Что в голову взбредёт, то и протыпывают. Ни распоряжений, ни техники безопасности для них не существует.

— Обижашь, Харламий Адамыч, — набивая магазин тозовки блестящими патрончиками, надулся студент. — Лично я все распоряжения исключительно бегом выполняю, технику безопасности даже когда спу, повторяю.

Он до бровей напялил берет со значком бородатого «команданте», прощально поднял руку.

— Постой! — приказал начальник. — Проведём инструктаж.

— Так его, хищника, Харламий, накачивай мудростью.

Харламий как от надоевшей мухи отмахнулся от Гошки, пальцем поманил к себе студента:

— Иди-иди к столу. Куропатки тебя подождут. Месяц кончается, обязаны повторить. Присаживайся на часок.

— Чего-с, — качнулся к нему Женька.

— А того-с, — в тон ему ответил Харламий, — рискованный ты чересчур, шалопаи, я погляжу.

Гошка с интересом вслушивался в их пререкания, не вытерпел:

— А что они, инструкции, меняются, что ли, чтоб их бесконечно повторять?

— Давай вечером проведём, — предложил Женька. — На сон грядущий.

— Вы что за моду взяли этак разговаривать? — Харламий постучал кулаком, ухватил плоску и, подсвечивая себе, нырнул под стол. Женька обречённо стащил берет, присел на краешек нар.

— Порядок есть порядок, — ворчал Харламий, гремя замком вьючного ящика. — Если начнём отсебятину пороть, анархия будет, а не отряд.

В палатку вернулся Сергей, удивлённо взглянул на присмиривших, чинно сидящих парней, улыбнулся косо.

— Чего это вдруг приуныли? — Он поводит глазами. — Где начальник?

Гошка показал пальцем. Сергей озадаченно нахмурил лоб, заглянул под стол. Потом прилёг на нары, достал книгу по минералогии.

— Сергей Иванович! — обратился Женька. — Как ты мозги не вывихнешь этими ромбодекаэдрами? В институте не усвоил? Ведь не молоденький уже.

Сергей лениво навёл на Женьку выпуклые глаза, с шумом втянул воздух и отвернулся к стенке.

— Правильно поступает Сергей, — продышал из-под стола Харламий. — Пока время есть, надо его с толком использовать.

Зажав под мышкой бухгалтерскую книгу, с плоской в руке, раскрасневший Харламий вылез на свет, поёрзал, усаживаясь на скамье.

— Апрель, май, — он полистал страницы. — Вот! — ткнул пальцем в пустую графу. — И не морочь мне голову. Росписи нет? Нету. А это что означает? А это означает, что правила техники безопасности на текущий момент повторить обязан. Так сказать, быть во всеоружии подкованным.

— Подставляй копыта, студент! — Гошка сочувственно покачал головой.

— Давай, давай! — нетерпеливо потребовал Женька. — А то пойду заблужусь, замёрзну, но от сознания, что накачан инструкциями, оттаю, воскресну и явлюсь...

— Хватит скалить зубы, — мягко попросил Харламий. — О тебе же беспокоятся, дорогой мой... Вопрос: что будешь предпринимать, если на улице ураган, а тебе надо попасть в соседнюю палатку?

— В этих случаях ходят, держась за протянутую от объекта к объекту верёвку, — заученно начал Женька. — Если оторвёт от оной, или она лопнет, надо сесть и не сходить с места!

— Правильно, — строго кивнул Харламий. — Ну и... Так и будешь сидеть?

— Что вы, что вы! — Женька выставил испачканные сажей ладони. — Буду выть на помощь и не терять присутствия духа, свойственного человеку, воспитанному в духе патриотизма и верности...

— Последнего в инструкции нет, но вижу — не забыл. Пошли дальше.

— А дальше я ещё пуще знаю.

Он схватил ручку, небрежно черкнул в книге и отошел, подмигнув Гошке, мол, туфта всё это, взял тозовку и важно прошествовал к выходу. Харламий накрыл промокашкой Женькину подпись, тиснул ладонью, хмыкнул.

— Вот арап! — прищурясь, взглянул на Гошку. — Твоя школа.

— Не-ет, — Гошка тоже приузил глаза. — Школы у нас разные у всякого.

— Допустим, допустим... Ну, а сам что предпримешь, если, к примеру, бурная река, а тебе её необходимо перебраться?

— Необходимо, значит как-нибудь переберусь, — раскуривая сигарету, ответил Гошка.

— То есть как это — «как-нибудь»? — насторожился Харламий. — На этот счёт есть точные указания к действию. Ты-то что мне голову морочишь, кажется, не новичок в геологии. Женьку можно понять, практикант, второй курс, трепач, а ты?

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Гошка. — Ты меня неделю назад проинструктировал, когда я собирался на участок сходить.

Харламий быстро заглянул в книгу.

— Неужто запомятовал. — Он подозрительно взгляделся в Гошку. — Роспись стоит, гуляй смело... И у тебя, Сергей, — бережно перемахнул несколько страниц, — графа, кажется, в порядке. Вот она, подпись, всё в аккурате.

Сергей повернул голову, бессмысленно из какого-то своего далека уставился на Харламий. Начальник рукавом обмахнул коленкоровый переплёт книги и полез под стол прятать.

Бухгалтерскую книгу эту Харламий завёл давно. Чьих только подписей в ней нет. Все, кто побывал под его началом, оставляли их на её страницах, да не по разу: расписывались ежемесячно, такой порядок был заведён в экспедиции. Но если у других начальников отряда люди расписывались в чём угодно: в ученических тетрадках, блокнотах, а то и вовсе на клочках бумаги, то у Харламийа Адамовича Полозова это дело обставлено чётко, по-бухгалтерски.

Из всего нынешнего состава отряда один Гошка знал, откуда у него такая слабость к учёту и прочей «бухгалтерии». Лет пять назад в отряде Харламийа произошло ЧП: не вернулся из маршрута студент-практикант. Искали его долго. И наземными группами, и с воздуха —

вертолётами. Когда стало ясно, что не отдаст тайга практиканта, а ответить за него кому-то придётся — зашуршали бумагами. Тогда-то и открылось, что нету одной, наиглавнейшей росписи пропавшего — в книге учёта знаний по технике безопасности при ведении геолого-поисковых работ. За предыдущий месяц стоит, а за этот нету. И долго пришлось бы Харлампию топтать бесплатную обувь, да приспела телеграмма из управления: нашелся студент. Кружил, блудил по тайге, и повезло — наткнулся на якутов-охотников. Харламгий после этого случая несколько полевых сезонов отсидел на базе экспедиции замначем по хозяйственной части, а нынче снова возглавил отряд. Теперь в книгу свою — прошнурованную, в надёжной обложке — лишний раз заглянуть считает делом верным. Не то что боится за маршрутчиков — печальный исход в тайге стал редким, техника выручает, — просто усвоил, что нельзя отпускать людей в дебри с просроченными подписями. В первые дни по завхозовской привычке за банку тушенки, пачку сигарет заставлял расписываться, но скоро поостыл. Понял, что подпись от подписи отличается. Теперь консервы, папиросы, спички и прочее хозяйственное добро на поварихе висит. Она за полставки тянет эту нагрузку, с неё и спрос.

Гошка лежал на спальнике, прикрыв руками глаза. Тишина, от которой в ушах разливаются тоненький звон, стояла в палатке, и ему казалось, что он ощущает её, плотную, ватную. Он сделал руками гребок, будто разбрасывая душистый наволок, резко поднялся и стал натягивать сапоги.

— Гро-об несут, коня ведут! — мрачно завёл он, — конь головку клонит!

— Прекрати, Георгий, — не поднимая головы от бумаг, попросил Харламгий и помотал вялым лицом. — С виду парень взрослый, как таковой и есть, а ведёшь себя... Плохо ведёшь, безответственно.

— Эх, да что я, не знаю сам, люди? — Гошка сжал на коленях ширококостные кулаки. — Сознаю. За спиной как-никак два полных курса: технический и плюс на общем режиме.

Харламгий и Сергей удивлённо уставились на него. Их поразил серьёзный тон, которым он произнёс эти слова. В конце концов от него и пошла в отряде мода — ёрничать, подшучивать друг над другом. Вначале это как-то забавляло, потом надоело. Видимо, надоело и Гошке, да всё продолжал упорно в том же духе. Изредка скажет всерьёз, так на него уставятся недоумённо: все давно привыкли к его подначкам и не ждут ничего другого.

— Паясничая, — продолжал Гошка, — рожи вам строю, да не только вам, а и для себя. Нас взбалтывать надо, иначе такая муть на душу осядет, очокуримся на этом гольце от безделья.

— А ты подыщи себе «делье», — посоветовал Сергей. — В геологии района лишний раз подразберись, в приборах покопайся, паяй или что там, я не геофизик, не знаю. Но чем-нибудь займись.

Гошка с неприязнью взглянул на него, усмехнулся:

— Этим я всю зиму на камералке вплотную занимался, и все приборы в порядке. Без нужды копать в них, ваньку валять, не могу. А вот ты можешь, ну и лежи себе, жуй пережеванное, у тебя получается. Но я-то! — он подолбил в грудь кулаком. — Я-то, бесталанный, живого дела хочу. В маршруты ходить, рабо-о-тать!

Сергей вроде не слушал, что-то выписывал из книги в толстую тетрадь.

— Вот ты занят делом, как я себе представляю. Пока мы тут груши околачиваем, может, кандидатскую накаатаешь, — заиздевался Гошка. — Продолжай. Могу тему подкинуть, соответствующую духу времени. А то и две.

— Это какую же? — поинтересовался Сергей.

— Излагаю, записывай. — Гошка серьёзно уставился на Сергея. — Влияние благосостояния народа на диаметр канализационных труб, ширину и вместительность унитазов. Это первая. Вторая...

— Довольно пороть хреновину! — вскинулся Сергей. — Не одному тебе тошно. Бездельничаем вынужденно, дорогой мой, терпи.

— Вообще-то, не твоё это дело, Георгий, — вмешался Харламгий. — Раз человек чувствует, что может, пусть пробует. Годикам к тридцати пяти защитит диссертацию, а это, знаешь, это уже высота-а...

— Стоило для этого лезть на голец! — Гошка оттопырил губы. — Утопли в снегу с головой, а всё ж «нам сверху видно всё»? И зори и дали светлые...

— Понесло-о, — хмыкнул Харламий. — Чего только в башке твоей нету, чего только не ляпаешь. Статья по тебе плачет, без права переписки. Не насиделся в ИТП.

Рисуя в тетради ёлочки, Сергей вздохнул:

— Не удивляйся, Харламий. Ещё месяц, как куры на яйцах, здесь проторчим, все заговариваться станем.

— Почему же «заговариваться»? — Начальник откинулся спиной к стенке. — Следить надо за собой, лишнего не брякать, не заговоришься... А тебя, Георгий, давно бы стоило за язык притянуть, да по всей форме. Я знаю, какие разговорчики среди рабочих ходят. К примеру, о характере наших работ. Не хуже любого из ИТР знают, что ищем, зачем ищем. А кто с ними панибратствует, турусы всякие разводит?

— Извиняюсь, разговор про тилур и всякую зашифрованную хренотень не ведём. Беседы исключительно про международное положение, о выплавке чугуна и стали на душу населения, о...

За стенами палатки прохрупал снег, отдёрнулся полог. В ярко-белом прямоугольнике входа черно запятнала фигура Женьки.

— Как жизнь без меня? — заорал он, обстукивая сапоги.

— В духе и свете эпохи! — бодро отрапортовал Гошка. — Лежим в поте лица! Работаем на мирный атом!

— Молодцы! — весело похвалил студент.

— Что там? — Харламий ткнул рукой в брезент. — Опять снежит?

— Ага. — Женька задёрнул полог. — Опять снежком пробрасывает.

Чавкая сапогами по раскисшему земляному полу, он подошел к Гошке, потряс над головой куропаткой. По белой её грудке скатывались красные градины, печально болталась мокрогрудая головка.

— Убери, — потребовал Гошка.

Харламий зажмурился, пристыдил:

— Как не жалко, как рука поднимается!

Женька поставил малокалиберку в угол, вышел и скоро вернулся без птицы. Сергей брезгливо смотрел в мутное оконце, за которым начали густо мельтешить снежинки. Стало ещё сумрачнее. Временами по брезенту щелкало, будто кто-то швырял бекасинником, и тогда через жестяную разделку вверху палатки влетала снежная крупа. Она сеялась на печь и шипела, припорашивала головы, таяла.

— Сыпь, родной, давненько не было, — смахивая с кудрей мелкие бисеринки, сквозь зубы процедил Гошка. — Июль сейчас или октябрь?

— Действительно. — Сергей сунул тетрадь под спальник. — Такой вот глобус. Всё перепуталось.

Гошка тут же подхватил:

— Под знаком Зодиака Стрелец стал Львом, а Дева стала Раком.

— Пробыл в узилище всего ничего — а нахватался... — Сергей стал надевать куртку. — Пойду взгляну, как там погода, не задурила бы надолго.

Женька достал шахматную доску, громыхнул фигурами. Гошка согласно кивнул, и Женька тут же скинул сапоги, забрался к нему на спальник.

Оранжевые блики от раскалившейся печи прыгают по полу, потрескивают смолистые поленья. Гошка берёт в руки по фигуре. Прячет за спину. Студент не любит играть черными и молчит, пылливо заглядывает в лицо Гошки, пытается отгадать по глазам, в какой руке у него белые.

— Левая! — Он схватил его за рукав: — Кажи!

Гошка разжал кулак, засмеялся. Женька закатил глаза, простонал:

— Ну невезу-уха. Всё время чёрные!

Через полчаса вернулся мрачный Сергей. Он подсел к столику Харлампия, вытряхнул в ладонь из флакончика таблетку пирамидона, положил в рот.

— Харлампей! Я с рабочими разговаривал.

— О чём же?

— Не верят, что тут когда-нибудь начнём работы. — Сергей хрустнул таблеткой, поморщился. — Я вот о чём подумал: нам не спрашивать надо — прилетит вертолёт или не прилетит, а требовать надо. Разумно будет перебраться с этого участка на другой и начать работы. Здесь неизвестно сколько прождём.

— Легко рассудил, — укорил Харлампей. — Нас на другой участок до тех пор не перебросят, пока этого не оценим. Кому хочется расходы по лишней транспортировке на собственную шею принимать? Никому. Стало быть, подождём. Вон на соседних гольцах снег уже почти сошел.

— Они ниже нашего, — возразил Сергей.

— Выше, ниже!.. Чего теперь-то шумиху поднимать? Надо было на базе паниковать, упираться. — Харлампей перебросил бумаги с места на место. — А то ведь как было? Никто и рта не раскрыл...

— Гошка протестовал, — вспомнил Сергей, но Харлампей не слушал, продолжал:

— ...а теперь, задним числом, крик поднимать не стоит. На базе не хуже твоего знают о нашем положении. Не так ли?

— Странно всё это. Майский план сгорел, июньский горит, никакой отчётности не шлём, а руководству хоть бы хны. Почему ни разу не прилетят, не глянут своими глазами? Ведь не всё же время нет лётной погоды! — Сергей отодвинул плошку к начальнику, сказал, глядя в его высветленные глаза: — Я десять лет в экспедициях и всякого насмотрелся, но чтобы пятнадцать человек в течение сорока дней били баклуши, такого видеть не приходилось. Возможно, в вашей экспедиции это в порядке вещей, я не знаю, я человек новый, но это же головатяпство форменное!

— Но и по-другому можно назвать, — мягко заговорил Харлампей. — К примеру — стечение обстоятельств. По-всякому можно назвать, но всё это будут голые слова, а вот две тысячи кубов канав выкопать надо, это факт, вот он, в бумагу вписан. А где прикажешь копать? Здесь! Снег сойдёт и нажмём, дадим план. Попутно пойдёт съёмка, то да сё, перекроем кое-что, выкрутимся. — Он оттолкнул плошку назад к Сергею, приказал из потёмок: — Не паниковать! Будем ждать, пока оголится земля.

— Мы, ИТР, подождать можем, но какой смысл держать канавщиков? — не сдавался Сергей. — Пусть развезут их по другим отрядам, где их можно использовать. Временно. Ведь отдачи от них никакой. Один ропот.

— Я это понимаю. — Харлампей поправил фитилёк коптилки. — Вот сижу, дни им актирую, нарядики выписываю в счет будущих заработков. Проведу каждому по триста рублей, и ропот утихнет. Начнём работы — удержу разницу.

— Это в перспективе, — всё больше мрачняя, ответил Сергей. — И Бог знает, в какой ещё.

— Ты на своём не настаивай, Сергей Иванович, не упрямясь, — набычившись, с заметной угрозой предупредил Харлампей. — Ну, потребуем вывезти рабочих. А какие разговоры на базе пойдут, тебе известно?.. Скажут, не справился Полозов с обязанностями, отвык от полевых условий. Допускаю — снимут меня. Но и ты, как геолог отряда, слетишь. Не знаю, как тебя, но меня такая перспектива не манит. Так что, Серёжа, пусть будет всё как есть, а начнём кубы выдавать, покажем — справляемся с обязанностями или нет.

— Да, но время упущено, и понимаешь, — Сергей пошевелил пальцами, — боевой дух из рабочих вышел.

— Ну, хватит, — Харлампей пристукнул ладонью. — Я сказал, рубли от них не уйдут, рубли не дух, да и я не дерево какое-нибудь, понимаю, всем надо есть.

— И пить! — подсказал Женька, вода над доской ферзем.

— И пить! Да! — Харлампей повернулся к шахматистам. — Прошу не вмешиваться в серьёзный разговор!

Сергея снова стал донимать зуб. Он кривил лицо, с шумом подсасывал воздух, потом решительно поднялся, подошел к ребятам.

— Слушай, — он потемневшими, вымученными глазами смотрел на Гошку. — Будешь связываться с базой, передай, что требуем снять нас с участка. Требуем-ем!

— Что-о? — Харламий приподнялся над столиком. — Ты... Ты по какому праву распоряжаешься?

— И требуем начальника экспедиции, — закончил Сергей и повернулся к Харлампию. — Распоряжаюсь по праву старшего геолога отряда.

— Та-ак, — начальник растерянно заводил глазами. — Сидели, терпели и — на тебе! Недельку какую-то переждать не можем, сами на рога лезем!

Гошка злорадно хохотнул и снял Женькиного ферзя.

— Мат? — не поверил Женька. — Я зевну-ул! Верни ферзя!

— Прекратите бедлам! — фистулой перекрыл Женькин вой Харламий. — Слово тихо сказать нельзя! Не отряд, а Содом какой-то, Гоморра. Тут, понимаешь, — он подолбил лоб косяшками пальцев, — голову от забот пучит, а они!

В палатке стало тихо.

— Продул, сдаюсь, — шепотом признал своё поражение студент и смахнул фигуры с доски. Гошка снизу вверх глянул на Сергея, спросил:

— Чьей подписью скрепить телеграмму?

Сергей пожал плечом:

— Моей, разумеется. И начальниковой.

— Я арестовываю рацию! — объявил Харламий.

— То есть? — заморгал Гошка. — Каким образом? Кляп в глотку и наручники надеть?

В палатку поскреблась и робко вошла повариха Вера. Свет, едва пробиваясь сквозь брезент у входа, бледно обрисовывает её узкое вдовье лицо.

— Обедать будете? — тихо спрашивает она.

— Попозже, — ответил Харламий. — Накормите сперва рабочих.

Вера из-под низко повязанной косынки смотрела на малиново ракрасневшуюся печку, не уходила. Женька надёрнул штаны, влез босыми ногами в сапоги.

— Пойду похлебаю, вы тут без меня разберётесь, — бурчал он. — Тебе, маэстро, могу обед на дом доставить, но только за две свечки. Учитывая мой проигрыш и предстоящий нервный криз.

— Тащи. Дам две, — улыбнулся Гошка. — Вера, что ты там вкусного напарила?

— Сечку, — повариха виновато вздохнула, — ка-ашу.

— Что такое, Смирнова? — с неотошедшим гневом спросил Харламий. — Опять эта сечка!.. Нету других продуктов, что ли?

Повариха переступила грязными сапогами, потупилась.

— Да я б и первое, да я бы второе какое получше сготовила, да печурка одна, махоньякая. — Вера затеребила кофту. — Цельный день вокруг неё топчусь, по льве плаваю. Попросила ребят, чтоб хоть воду из кухни отвели, говорят: «нам и так хорошо». А у меня уж ноги околodelи.

Она всхлинула, прижала к губам конец косынки и вышла. Следом с миской в руке выскользнул Женька. Харламий убрал бумаги во вьючный ящик, постоял у печки, подумал и сел бриться.

* * *

После обеда в палатку ИТР зашли двое рабочих-канавщиков.

— Можно? — спросил щуплый, похожий на подростка тридцатилетний Васька, за пристрастие к густому чаю прозванный Чифиристом. Его вечно знобит, он плотно запахивается полами телогрейки и всовывает в рукава, как в муфту, бледные суетливые руки.

— Входите, — разрешил Харламий. — Что у вас?

Васька посмотрел на напарника — Николая, плотного здоровяка, мол, говори давай, зачем пришли, даже подтолкнул локтем.

— Ребята поговорить с вами хотят, — начал тот. — Решать надо...

— Просют к нам заглянуть, — просипел Васька. — Заодно прокомиссуете, в каких условиях трудящиеся живут.

— Ну-у, хорошо, зайду, — пообещал Харламий. — Вот дела доделаю.

Рабочие степенно вышли. Всё ещё сидя на нарах, Гошка с интересом проводил их глазами, потом стал наблюдать за явно встревожившимся Харлампием. Женька занимался своим делом — пристраивал к самодельным лыжам-снегоступам крепления, весело насвистывал.

— Что это они, а? — ища ответа, заводил головой Харлампий. — Парламентёров прислали, так надо понимать?

— И понимать нечего. — Гошка подогнул ноги калачиком. — Сходи, поговори по душам, пора бы.

— Вот именно — по душам, — ковыряя больной зуб спичкой, поддержал Сергей. — А то настроение у них... Уйти могут.

— Куда-а? — вытаскивая из лыжины вогнутый гвоздь, выкрикнул Женька. — Жить им надоело, что ли?

— Здесь жить надоело, — Гошка сделал ударение на первом слове. — Вполне допускаю, что снимутся и пойдут с этой Голгофы.

— Не болтай, — Харлампий вздёрнул подбородок. — Надоело, понимаешь?

— Ну сам рассуди, — Гошка протянул к нему руки. — Нам зарплату и полевые начисляют аккуратно, а это уже кое-что, а не ихняя повременика. Знают они разницу? Знают. Обидно? Факт. Так что, Харлампий, могут запросто и того...

— Что это — «могут и того»? — начальник приузил глубокие, близко к переносице посаженные глаза. — К чему намёки, недомолвки? Договаривай!

Женька перестал насвистывать и, готовый заржать от Гошкиного ответа, замер над лыжиной.

— Значит, так, — Гошка выдержал паузу. — Пойдёшь на переговоры, прихвати наган. Чуть чего, ты вверх — «бах!» как ординарец Петька в «Чапаеве», и быстро, в тишине, пока не очухались, излагай приказы и инструкции.

— Безответственный ты человек! — с насадой упрекнул Харлампий. — Всё бы тебе «бах»!

Гошка с Женькой захохотали. Сдержанно посмеялся и Сергей. Глядя на них, Харлампий покривил губы и неожиданно улыбнулся.

— Хорошие вы ребята, — сказал, — только трепачи весёлые. Вот стукнет каждому по сорок, как мне, загрустите.

— Поумнем, — уточнил Женька, вертя в руках лыжину. — Как, братцы, сгодится?

— Шею сломать, — ответил Гошка.

— Ну, мужики, — Женька забеспокоился. — Ну, честно?

— Отличные снегоступы, — поднимая с пола вторую лыжину, похвалил Сергей. — Заказываю себе. Очень хорошо, Женя, очень.

— Ходули бездарные, в мастера! — отрубил Гошка.

Студент выпустил лыжину и ринулся на Гошку. Вскрикивая, они беззлобно завозились на нарах. Харлампий подошел к рации, насупился.

— Довольно дурачиться! — прикрикнул, трогая пальцем стылый глаз индикатора. — Развеселились, чертяки, хохочут на весь лагерь.

Растрёпанные, тяжело дыша, парни сидели перед Харлампием, улыбались.

— Послушайте, где вы всякой чепухи нахватались, оболтусы? — участливо спросил Харлампий. — Пы-ы-ыли в вас... А теперь серьёзно. То, что я рацию арестовал, это, сознаю, через край хватил. Вот схожу к рабочим, поговорю, тогда и решим ладом, что предпринять. Вам, Сергей Иванович, тоже не худо бы поприсутствовать, как заместителю.

Сергей колыхнул плечом, дескать, надо так надо, и по ступенькам, вырезанным в снегу, затопал вверх из палатки за начальником.

* * *

В палатке у канавщиков светлее — снят суконный утеплитель. На верёвке, провисшей над железной печью, сушится одежда, гудит труба, жарко, накурено. Перед открытой дверцей сидит парень в синей майке, курит. От жары у него вспотела голова, и черные косички волос прилипли ко лбу. Рядом стоит Васька и с озабоченным видом запаривает густой чай в задымлённой литровой кружке. Николай сидит в углу палатки, читает толстенный роман под заглавием «Море в ладонях»:

— ...«и она горячо и пылко прижалась к его мужественной груди, и смех их журчал, как ручейки в скалах, а море шептало: люблю, люблю»...

Васька глядит в кружку — не уплыл бы чифир — и каждое предложение сопровождает одной и той же фразой:

— Во дают чуваки!

— Не встревай, люди слушают, — урезонивает его парень с забинтованными глазами. Парень этот прихватил горную болезнь — слепоту — и не может глядеть на снег.

В противоположном углу палатки идёт весёлая игра в карты. Играют в подкидного. Все так увлечены, что не заметили вошедших. Харлампиский поздоровался, направился к игрокам.

— Ну, кому везёт? — спросил он, взглянув на карты. — Кто в дураках?

— А все дураки, товарищ начальник. Присаживайтесь, — пригласил бородатый Хохлов, тасуя только что начатую глянцевою колоду. Хохлов — бригадир. У него черная кудлатая голова цыгана и светлые, удлинённо-дикуватые глаза.

— Спасибо, я в азартные игры не люблю, — отказался Харлампиский. Он побулькал сапогами в журчащей по полу талой воде, пристыдил: — Что ж вы, товарищи дорогие, и ты, бригадир, для себя постараться не хотите? Окопали бы палатку водоотводной канавкой — и порядок. Мы свою окопали, и теперь терпимо, не такое болото.

Слушая начальника, Хохлов с треском гнул колоду, молчал, насмешливо кривя губы.

— А нам тут не век жить, — просипел от печки Васька-Чифирист. — Вам другое дело. Если разобратся — специальность заставляет, потому окапывайтесь.

— И оклад большой и хороший, — поддержал парень в синей майке. — А мы нынче здесь, завтра посмотрим.

— Ждёте, чтоб дядя вам окопал? — Харлампиский потряс рукой. — В любой обстановке надо устраиваться по-людски. Вон сколько вас, гавриков. Вышли разом и все дела. А то хлев! Фуркнули карты из рук Хохлова и веером шлёпнулись на спальный мешок.

— По пустякам вы ругать умеете, — растягивая слова, заговорил он. — Давайте о серьёзном поговорим.

— Давайте, — закуривая, кивнул Харлампиский. — Мы для того и пришли.

Хохлов гладил бороду, будто доил её.

— Работать когда-нибудь начнём, или нет?

— А как же. — Щуря глаз от дыма папиросы, Харлампиский наугад совал стогоревшую спичку в коробок. — На днях и начнём.

Хохлов покрутил головой.

— Сами, поди, в это не верите, а говорить приходится, понятное дело почему. — Он оглядел рабочих, словно искал подтверждения своим словам. — А мы вам так скажем: вызывайте сюда руководство, пускай полюбуются на снег и решают, кого там, раз вы сами не в состоянии. Почему никто из них глаз сюда не кает, почему так?

— Чудак ты человек. У руководства, — Харлампиский ткнул пальцем вверх, — всяких других забот много. Таких отрядов, как наш, в экспедиции десятков. Побывать у всех времени не хватит.

— У нас зато лишнего времени навалом, — Васька снял с печи кружку, поплевал на обоженные пальцы. — Вот и пусть летят. Поделится.

— Да они нарочно не летят, чтобы мы тут на ихнем же вертолёте не задали! — крикнул перебинтованный.

Рабочие зашумели:

— Сидим, свищем в кулак!

— Нанимали — тыщи сулили, а забросили куда? В Антарктиду!

— И пуцай не летят! Пёхом утопаем — и привет!

Хохлов поднял руку, повёл ею, будто смахивая гвалт, сказал в тишину:

— Верно, братва, всё верно. Завезли нас и держат, сами не знают зачем, да еще толком ничего не объясняют.

— Ни газет поинтересоваться, ни радива! — цедя чифир сквозь марлю, выкрикнул с хрипотцой Васька и остро глянул на Сергея. — Сами, небось, тёпленько устроились. И джаики мурлычат по ночам, и девахи повизгивают. Житуха!

— Погодь ты с девахами, — зло осадил его Харламий. — Давайте будем рассуждать... Июнь месяц идёт, а лета нету — вот что интересно!

— Говорю тебе — его не бывает тут. Вообще. — Васька развёл худенькими руками. — Антарктида.

Харламий повернулся к Ваське.

— То есть как это — не бывает? — Он снова побулькал в воде сапогами. — Вот же ведь таёт. Это ли не доказательство. Таёт! «Антарктида».

— К августу, в лоб её, стает! — ругнулся Васька. — К тому периоду последние штаны сотрём. — Он отхлебнул из кружки и, обжегшись, сплюнул. — Та-ает!

— Вот! — Хохлов с усмешкой ткнул в него рукой. — Видите, до каких нервов довели человека. Так что просим решительно отправить нас на базу. Подгоняйте транспорт и — аля-улю.

— А не хочется — платите по четыреста колов в месяц независимо. Тогда я согласный лежать. — Васька задрал рубаху. — Во! Кажись до пролежней довалялся, чего уж там.

Из угла выдвинулся ослепший, прокричал с обидой из-под низкой повязки:

— Может нас уже на счету никаком нету! Забросили на ледник и позабыли. Ежели не прилетит завтра трещотка, пёхом утопаю в жилуху!

— Все уйдём! — решительно поддержали рабочие.

— Хлопцы! — криком вмешался Сергей. — Прошу выслушать!

— Опять уговаривать и заливать станете, чтоб потерпели? — перебил ослепший. — А тут даже снег такой, глаза портит.

Сергей стиснул его за плечи, успокоил:

— Это пройдё-ёт! Еще денёк-другой посидишь в темноте, и отпустит. С кем не бывало. — Он повернул голову и встретил взгляд бригадира.

— Верно, это у него пройдёт. И не станем больше темнить. — Хохлов по-прежнему пристально глядел на Сергея. — Скажу прямо — уходим мы. Всё! Завтра!

— Хох-лов! — Харламий погрозил пальцем. — Не мели, чего не следует.

— Следует.

Сергей вышел на середину палатки.

— Хлопцы!.. Да тише там! — Он углом рта втянул воздух, скривился от боли. — Как вы решили, так и будет, никто насильно держать не имеет права. Прошу одно: дождитесь вертолёт — и улетите. А самостоятельность свою оставьте.

— Во! Инженер опять да потому же — сватает. — Васька отбежал от печки к Хохлову, будто искал защиты. — Видал его? «Дождитесь». А если всякая жданка кончилась? Сказано — до нервов довели!

— Сейчас же перестань! — потребовал Сергей. — Распоясался.

— Лагерь никому не покидать! — чувствуя, как похолодел затылок, отчеканил Харламий. — Будет вертолёт — увезут. Возможно, в другой отряд, начальство решит. А ты, — он шагнул к Ваське, — насчёт нервов не распространяйся. Мы с Сергеем не новички в геологии. И каждый сезон находятся ухари вроде тебя, горлопана, запомни.

Харламий размашисто — брызги по сторонам — прошёл к выходу, закарабкался вверх из палатки по размятым ступеням. За ним, сутулясь, побрёл Сергей.

В пылу спора почему-то никто не вспомнил, как обстояло дело полтора месяца назад. О чём говорили, в чём сомневались и во что верили. Рабочие, всё больше молодые, приезжие, нанимались отработать сезон на горных выработках экспедиции, ждали, когда их перебросят к месту работы, праздновали, шатались по посёлку, а утрами, опухшие и угрюмые, осаждали базовскую контору.

— Сколько ещё тут мыкаться? Обещали же заработок...

Тот же Гошка объяснял:

— А там! — он показывал в сторону белеющих за рекой гольцов. — Там, думаете, сахаром горы присыпаны? Снег лежит, снег! Закукуем на месяц.

Но рабочих это не смущало.

— Ну и покукуем, подождём. На месте по крайней мере.

Вылетать на участок было нельзя, весна запаздывала, а на базу приезжали всё новые от-

ряды ИТР и рабочих, стало тесновато от народа. Тут-то начальству экспедиции поступило сообщение, что к ним вот-вот нагрянет главковская комиссия. И как ни упирались отдельные начальники отрядов, как убедительно ни звучали их доводы о невозможности начинать работы в горных заснеженных районах, отряды спешно развезли по прошлогодним участкам. Это вынуждены были сделать потому, что не были найдены новые участки в долинах или других легкодоступных местах.

Отряд Полозова перебрасывал в высокогорный район зелёный МИ-4. Весь день мотался он из посёлка на голец, перевоза людей, инструменты, продукты, приборы и прочие припасы. Вертолёт приземлялся прямо на утрамбованный метелями снежный наст. И рабочие, шурясь от непривычной белизны, весело разгружали его, оттаскивая от винтов, не перестающих мотить воздух, ящики, спальные мешки, — всё огромное имущество отряда.

— Ну, славяне, загорай! — притопывая по насту, злорадно кричал Гошка. — Устраивайся на зимовку.

Харламий с Сергеем сидели на ящиках, переговаривались. Видно было — растерялись. Техник-геофизик Тамара и нанятая из местных повариха Вера испуганно озирались, но взгляду не за что было зацепиться: он скользил по белому, пустому, бесконечному. Студент Женька весело насвистывал. Это была его первая практика.

Рабочие отмахивались от Гошки:

— Ну, позагораем с недельку, и снег сойдёт. Вона как оно греет, родимое! — Щурясь, они ласково глядели на солнце.

Харламий расхаживал среди имущества, молчал. Деятельный на базе, здесь он как-то сник. Обращались с вопросом, он тяжело поднимал глаза, отвечал невпопад, распоряжения отдавал противоречивые. Оно и понятно: за час перемахнуть из лета в нетронутую зиму с людьми, с заданием, не только благополучно устроиться, но и начать долбить шурфы и каналы, вести геологические поиски и геофизическую съёмку... От такого сникнешь.

Первые дни никто не страдал от безделья: выкапывали в снегу трёхметровой глубины ямы под палатки, спускались далеко вниз, где росли чахлые лиственницы, рубили их на колья, затаскивали наверх, пилили дрова. Когда устроились и немного обжились, кое-кто из рабочих стал высказывать сомнения насчет скорого начала работ. На такого шикали. С вопросами больше обращались к Гошке, парень простецкий и нужды работяг понимает.

— Здесь прошлый год зарабатывали на канавах по пятьсот рублей. В это время уже вовсю копали, — откровенно отвечал Гошка. — А нынче... Дней пятнадцать баклуши побьём. Раньше снег не сойдёт.

Однако год на год не приходится. Прошли самые поздние сроки, а снег лежал, хотя солнце жгло по-южному, и лица людей чернели от загара, да вдруг, отнимая последнюю надежду, в конце второй недели повалил свежий, забуранило. Когда пурга кончилась, ветер намертво прикатил новые сугробы, и они по ночам дышали неистребимым полярным холодом. Сидение продолжалось.

Сейчас снег заметно осел, щетинился льдистыми иглами, кое-где его промыло талой водой. Было похоже, что он скоро сойдёт.

* * *

Выйдя из палатки рабочих, Харламий завернул в палатку-кухню, стоящую на отшибе. Вера в цинковом тазу мыла посуду. Над жирной парящей водой двигались её полные красные руки, стопка чистых алюминиевых мисок матово отсвечивала на жердяном столе. Заметив начальника, она схватила полотенце, суетливо обмахнула скамью.

— Вот туточка, — пригласила она и, вскинув руки, поправила косынку. Фартук на её груди выпер двумя засаленными буграми.

— Жердей надо настлать, — глядя на разжиженную землю пола, сказал Харламий.

— Надо, ох надо, — вздохнула повариха. — Цельный день народ в лыве толчётся, прямо бяда.

Харламий прошел в угол, наклонился.

— А это откуда? — удивился он, разглядывая букет в стеклянной банке.

— Да Женька из-под горы принёс. Жарки, — несмело улыбаясь, объяснила Вера, подходя к начальнику. Харламий взял букет, понюхал.

— Там, за кухней в ящике хек припахивать начал, — вспомнил он. — Снег кругом, а мухота откуда-то налетела.

— Дак лето ж, — проговорила за спиной Харлампия Вера и вздохнула. — Хоть и снег, а всё равно ле-ето.

— Ты рыбу, хек этот серебристый, выбрось, да куда-нибудь подальше и закопай.

— Да много хеку-то, — испугалась повариха. — Добра-то. Поди дорогая, зараза, раз се-ребриста.

— Спишем. По два рубля на брата накину за питание, и обойдётся. Здоровье дороже. — Он поставил букет на место, отряхнул ладони. — Вот отведём воду на кухне, пол настелем тебе, только корми людей повкуснее. Компоты там всякие, фигли-мигли. Разнообразь.

Глядя мимо Харлампия, Вера согласно кивала головой.

— А правда, что рабочих увозить будут? — спросила она, подняв робкие глаза на Харлам-пия. — Ежели правда, то и мне в свою деревню собираться?

— Тебя не отпущу. — Харламий неловко притянул к себе повариху, зашептал: — Вроде бы и люди вокруг, а один я, как палец. Ты вот только, как же отпущу?

— Странно слушать даже, — держа руки по швам, тоже зашептала Вера. — Зачем я вам, кулёма малограмотная? В городе образованных будет с вас.

— А толку с них! — руки Харлампия спозли на Верины бёдра. — Ты тихая... Складная.

— Не... Не надо, — боязливо сжалась повариха. — Стыдно и даже странно.

— Распишусь, — сдавленно выкрикнул Харламий. — Всё по закону, а как же! Только закончится сезон — сразу!

— Пустите-ка. — Вера повела глазами. — Сюда идут.

Начальник резко отстранился, нагнулся над стопкой вымытых мисок.

— Моете, так воду горячую чаще меняйте! — нарочито громко, вместе с тем подмигивая Вере, упрекнул он и ткнул кулаком в стопку. — В чистоте залог здоровья.

Вера боязливо отступила к печке. В проёме показалась могучая фигура Хохлова, из-за спины его любопытным бурундуком выглядывал Васька Чифирист.

— Веруня, мы пришли на айроплан поглядеть! — со света не замечая Харлампия, бодро доложил Хохлов.

— Идите пока, идите. — Вера предупредительно загородила вход. — Апосля приходите, пускай летат.

— Да чего ты? — засуетился Васька. — Он ещё вчера бурлил, аж шест мотало. Пора!

Харламий глянул вверх. Под самым потолком шатровой палатки висел молочный бидон, прикрученный к центральному колу. «Брагу завели!» — догадался он и приказал:

— Снять!

Хохлов отстранил повариху, удивлённо шагнул на голос.

— Ба-а, — освоившись с полутьмой и узнав начальника, недовольно протянул он. — Это вы-ы...

Васька в дверном проёме мотнулся туда-сюда, исчез.

— Снять! — повторил Харламий. — И немедленно!

— Сейчас. — Хохлов задрал голову. — За тем и явились.

— Смирнова! — окликнул Харламий обмершую повариху. — Это что тут у тебя такое?

Вера подошла и тоже уставилась вверх.

— Что ему здесь, браговарня? — петушился начальник. — Ишь, развинтился!

Верх палатки прожжён искрами, и солнечные лучики золотыми нитями протянулись к полу.

— Неужто впрямь развинтился? — встревоженно шевельнулся Хохлов, и глаз его, попав в узкий луч, блеснул по-маячному.

— Я не о бидоне говорю, Хохлов, а о тебе! — Харламий пнул в кол. — Это воровство!

— Неправдушки, — пробасил Хохлов. — В ведомости у Верки по килограмму сахара на человека записали. Так что не воровство.

Начальник посопел носом, отошел к порогу.

— Ни одному человеку продукты на руки не отпускать, — распорядился он. — Иначе никакие ведомости бухгалтерия принимать не будет. В отряде общий котёл. Вот так-то. А такое своеволие, — показал на бидон, — это чёрт знает что такое. В конце концов могли бы ко мне обратиться, раз невтерпёж, раз выпить захотелось. Теперь же снять и вылить. Ещё мне в отряде попок не хватает и пьяных драк.

— Будет сделано, — двусмысленно пообещал Хохлов в спину уходящему начальнику.

Откуда-то вынырнувший Васька подмигнул бригадиру и, изменив голос, крикнул:

— А драки бывают и не по пьянке, так оне поужастнее!

В палатке Гошка включил рацию, надвинул наушники и сидел ждал вызова базы. Вошел Харламий, спросил:

— Есть связь?

— Пока нет, — Гошка подтолкнул студента к печке. — Подшуруй, а то холодрыга подбирается.

Начальник прошел к столу, подумал и стал писать на листе бумаги. Женька приволок ящик из-под консервов, разломал. Промасленные дощечки дружно схватились пламенем, и оно утробно загудело в трубе. Харламий подозвал Сергея.

— Я тут составил депешу, — он протянул лист Сергею, покусал губу. — Так что готовимся к худшему. Вместе придётся головы в петли совать.

— За что? Не вижу вины.

— Как не видишь? В отряде форменный бунт. Ведь бунт же?

— Есть! — крикнул Гошка. — Нас кличут.

Харламий выскользнул из-за стола, поколебался, глядя на рацию, потом сунул лист Гошке.

— Отстукай ключом, — распорядился он. — А то кричишь на весь лагерь.

Гошка прижал микрофон к губам.

— «Кварц», «Кварц». Имею для вас РД, следите телеграфом. — Он застучал ключом, вслух повторяя текст: «Необходимо присутствие начальника экспедиции тчк рабочие требуют вывезти их на базу зпт жду указаний Полозов».

Отстукал, вопросительно уставился на Харлампия.

— Всё, Георгий. — Начальник взял лист с текстом. — Семь бед — один ответ. Запроси подтверждение... Да узнай, что там с погодой.

Женька радостно поглядывал то на Сергея, то на Гошку. Харламий внимательно вслушивался в Гошкин стукоток, шевелил губами, будто разбирался в морзянке.

— Телеграмму приняли дословно! — Гошка поднял наушники. Из них явственно доносился отрывистый писк.

— Ну, а погода?

— Всё та же: дождь, туман. Вылет запрещён.

— По-нят-но, — Харламий выпятил челюсть. — Отключайся. Дело сделано.

— Сделано, — согласился Гошка, сматывая наушники. — Я честно отработал свои полевые, теперь не грех и ухо придавить.

Женька похлопал Гошку по плечу.

— В девять часов ложатся дети. Ты принохайся, — он щелкнул себя по горлу, — выпивоном пахнет.

Харламий строго взглянул на студента, переспросил:

— Каким таким выпивоном?

— Натуральным, — ответил Женька, глядя на начальника невинными глазами. — Случай есть, да и телеграмму заодно обмыть надо.

— Брагой?

— Ну во-от ещё, — обиделся студент.

Недоверчиво оглядев практиканта, Харламий прошел на своё место за стол. Женька пригнул Гошкину голову к своей, задышал в ухо:

— Сегодня пятнадцатое июня, так?

— Умница, — Гошка прикрыл глаза. — Дальше излагай.

— Раз не врут календари, — совсем тихо зашептал студент, — то пятнадцатого родился... — он сделал паузу и вдруг рявкнул: — Я!

Гошка отпрянул, покрутил пальцем в ухе, потом сграбастал Женьку в охапку.

— У-уродина ты моя рыжая, раскрасивая! — звонко чмокнул в щёку. — Поздравляю! — оттолкнул от себя. — Тадысь напиток, водкой прозываемый, у ты в заначке, верю, быть должен!

От толчка Женька попятился, сел на противоположные нары:

— Еще на базе прихватил.

— Так не томи-и! — прижав кулаки к горлу, прорыдал Гошка. — К поварихе изыди по закусу!

Сергей с Женькой хохотали. Гошка убедительно изображал человека, которому невтерпёж хочется выпить. Харламий, не отрываясь от бумаг, крутил головой, улыбался. Потом он вышел из-за стола, сел на свою персональную раскладушку. Студент выскочил из палатки, а Гошка, нащупав в изголовье спального мешка чемоданчик студента, поставил его на стол.

— Интере-есно, — Сергей заложил карандашом нужную страницу книги, с которой не расставался. — Неужто со спиртным? Или разыгрывает? Немножко бы принять, оно хорошо, зуб подлечить.

Сергей отложил книгу, стал натягивать резиновые сапоги. Гошка поднял чемоданчик, скобочился, изображая, до чего он тяжёл.

— Ну, ду-ух! — удивлялся Сергей. — Столько времени берёт, и ни гу-гу. Характерец.

Выпятив губы, они удивлённо покивали друг другу.

— Братва! — раздвинув плечами полог, в палатку влетел Женька. — Разогревайте пюре! — Он пихнул кастрюлю на печку. Вынимая из-за пазухи банки, похвастал: — Придут дамы, слышите, господа? Вот нож, Гога, открывай. Я хоть переоденусь.

Гошка подбросил на ладони банку, причмокнул:

— Помидорчики-то, ба-а! Болгарские... Из Тамариных, небось, закровов.

— Отломилось и мне, — подмигнул, натягивая свитер, Женька.

Гошка внимательно посмотрел на него и начал ножом вспарывать консервы.

Сергей подошел к студенту, торжественно протянул многостержневую шариковую ручку.

— Вот, чтобы хватило на весь диплом, сохрани. Уши давай.

— Спа-си-бо! — вытягиваясь на носках за руками Сергея, захныкал Женька. — Вижу Москву, вижу-у!

— Так его, спиртоноса рыжего, — подзудил Гошка. — Только пюре не прозевай.

— Момент, — Сергей отпустил Женьку, стал ложкой мешать в кастрюле. — А вы, Харламий Адамович, почему ложитесь? Надо посидеть, выпить, поговорить. По случаю именин не грех, зачем обижать юношу.

— Нездоровится что-то, — отказался начальник. — В животе бурлит.

— Все болезни от нервов, — определил Гошка, — и медвежья тож.

Сергей погрозил ему кулаком, взял со стола банку с маслом, зачерпнул ложкой.

— Вот и надо водчонки хватить, а сверху чайку горячего. Всё бурление как рукой снимет.

— Ты, Серёжа, комбижиром заправь, — наблюдая за ложкой, посоветовал Харламий. — На складе нет больше сливочного.

Гошка открыл рот, насторожился. Харламий в сиреневых трусах сидел на раскладушке. Его сухонькие ноги в голенищах сапог напоминали пестики в ступах.

— Это почему же комбижиром? — Гошка вытянул шею. — В чём дело? Съедем сливочное, тогда хочешь не хочешь...

— Ну, не всё ли вам равно, — Харламий потупил глаза. — Комбижир то же масло, его у нас много, а это побережь бы для лечебных целей. У меня желудок плохой.

Сергей воткнул ложку обратно в банку, отошел к печке. Начальник полез в мешок. Глядя на него, Гошка удрученно молчал. В последнее время он всё пристальнее присматривался к нему, но, как признавался самому себе, начальник оставался для него задачей из головоломных.

— Адамыч, — наклонился над Харлампием студент. — Девушки придут, поддержи компанию.

— Нет, Женя, поздравляю, но пас. — Харламий до самого горла застегнул молнию спального мешка. — Надо отлежаться.

Студент обиженно надулся, отошел. Гошка подтолкнул его локтем.

— Чего пристаёшь к человеку? Командиру напиваться с подчинёнными устав не велит. —

Он облизал нож. — Порядка, салага, не знаешь. Начальник выпьет, но с глазу на глаз с собою, в спальном мешке.

Харламбий чертыхнулся и повернулся спиной. Женька щелкнул замочками, распахнул чемоданчик. По плотному ряду бутылок порхнули весёлые блики.

— Ну и ну-у! — Сергей подбоченился. — Гога, глянь сюда.

Спрятав руки за спину, Гошка подошел к столу, с минуту разглядывал наклейки, потом тяжело вздохнул.

— Жалко терять друзей, но рабов ещё жальче. Вот, дарю тебе свободу, студент, и пусть сгорят твои цепи! — Он посыпал на столешницу горсть свечечек. — Зажжём все. Ура!

— Ура, но только зажжём не все сразу, — зажадничал Женька. — Будем по одной.

— Будет так, как положено! — Гошка принялся зажигать свечечки и расставлять кружком в центре стола. Студент с грустью наблюдал за его руками.

— Признайся, — он благодарно обнял Гошку. — Признайся, что ты нарочно накатал их ровно двадцать?

— Не придумывай меня добрым, вьюнош. — Гошка играючи оттолкнул его плечом. — Сошлось совершенно случайно.

Вошли Тамара и Вера. Стройная, с широко расставленными, чуть раскосыми глазами, Тамара приветственно вскинула руки.

— Приветики! Женечка, поздравляю. — Она подошла к студенту, вытянула губы и чмокнула в пухлую щеку. — Расти умненьким, слушайся старших. Верочка, поздравь.

Повариха в новенькой телогрейке и цветастом — алые розы по черному фону — платке протянула ладошку лодочкой.

— Приятной дальнейшей жизни, — как одно слово выговорила она, пожимая Женькину руку.

— Спасибо, девочки, — студент поясисто поклонился. — Прошу к нашему столу, будьте как дома.

Сергей радушно раскинул руки:

— Девочки, раздевайтесь!

Гошка прыснул. Тамара томно завела глаза вверх, а повариха съёжилась и покраснела. Сергей сконфузился, дал Гошке подзатыльник и вежливо стал помогать Вере снять телогрейку.

Тамара скинула голубую на меху куртку, осталась в свитере.

— Будет тайная вечеря? — спросила она, пробираясь к Гошке. — Откуда такая роскошь, свечки? — наклонилась, заглянула ему в лицо.

— Начёс вспыхнет, — сказал он.

— Ах! — Тамара схватилась за причёску. — Ну тебя, напугал.

— Вот свинство собачье, — без зла посетовал Гошка, глядя на последнюю свечку. — Снова завалилась. Или у него в метрике напутано, или сам темнит, но двадцати ему нету. Слышишь, студент?

— Плохая примета, — накапывая стеарин на столешницу и пытаясь прикрепить свечу, высказала Тамара. — Падает, значит, что-то отпадёт.

— Ни в черта, ни в Бога, ни в приметы не верю, — звякая бутылками в чемоданчике, ответил Женька. — Просто живу.

— Легко живешь, — позавидовал Гошка. — Безоблачно. Зачем тогда бабушкин сонник с собой возишь?

Женька многозначительно покосился на него, фыркнул носом и начал повязывать галстук. Тамара прижалась к Гошке, шепнула:

— Послезавтра твой день рождения, верно?

Гошка потёрся лбом о её висок, ласково боднул:

— Эт-то точно, — подтвердил он. — Я не родиться не мог.

Студент подхватил Веру под руку. Повёл к столу.

— Садитесь, кто куда, — пригласил. — Разливайте, возглашайте, бражничайте. Вот вам, вот вам, вот вам!

Он картинно выставил бутылки в хоровод из свечей. Расселись. Сергей откупорил, разлил по кружкам. Гошка взял одну, направился к Харлампию.

— Прими от соратников... Слышишь, Адамыч? — позвал он. — Болеть нехорошо. Выпей, улыбнись. Ведь улыбка это флаг корабля... Ну же, капитан, тебя умоляют матросы!

— Отойди, — раздался из мешка глухой голос. — Никакой в тебе степенности.

— Верно, — согласился Гошка. — Я буйный. Тихопомешанные, те степенные.

— Гоша, — вмешалась Тамара и укоризненно качнула начёсом.

Гошка махнул ладонью, сел на место. Кружки столпились над столом, брякнули.

— Выпьём за тех, кто в любой перемёт

Лезет, страх отшатнув,

Не думая, кто там за дверью ревет —

Ветер или шатун! — с пафосом прочёл Гошка. — За Женьку!

Тамара дунула на одну плошку, на другую, погасила. Остались гореть только свечки. Выпили, помолчали. Зыбкие язычки свечек скудно высветлили стол, дальше вокруг — темнота. Только из дырок печной заслонки подмигивали, шарили по полу щупальца огня. Выпили ещё, и Гошка взял в руки гитару.

— Третий раз весну встречать будем, — пощипывая струны, выговорил Гошка. — Иркутск, Ангара, набережная, тополёчки в листочках. Первые, клейкие. Это раз! — гитара в его руках взрыдала. — И в Усть-Куте, на базе, то же самое. Это два!.. Теперь здесь сидим...

— Три! — выкрикнул Женька.

— Ждём. — Гошка тряхнул гитарой, склонил ухо, прислушиваясь к отлетающему стону. — Три пока отставить. Не нашего ума дело.

— Ужас какой-то! — Тамара хрустнула пальцами. — Ждать, бесконечно чего-нибудь ждать!.. Ведь сидят же счастливики в камералке, работают до пяти, отдыхают по-людски.

— Купаются в Лене, — подзудил Женька, — на лодочках катаются, цветики-цветочки друг другу дарят, танцы, кино, занавеской закрыто окно. А между прочим, полевую надбавку «за тяготы и лишения» получают, как и мы, грешные.

— Это несправедливо, — вспыхнула Тамара. — Жестоко и несправедливо по отношению к полевикам!

Гошка похлопал ладонью по гитаре.

— Люди! Что у нас за разговоры? Или скулим, или ругаем. Ну на что это похоже?

— Надоели друг другу — вот что. — Женька поднялся. — А ведь всего-то второй месяц морда к морде!.. Что же вытворять начнут те, которые от Земли — да к другим планетам? На годы, в неизвестность, сквозь немой и...

— Ой, не надо. — Тамара поймала его за руку. — Гоша, играй.

— Что за аналогии, студент? — усмехнулся Гошка. — Туда пошлют кадры покрепче нас, слабаков. По всем параметрам. За них не бойсь.

— За них и выпьем, — предложил Сергей, подлил в кружки, поднял свою.

— За них! — нестройно поддержали остальные.

Выпили, закусили.

Гошка полуобернулся к Тамаре и, чуть трогая струны, запел, как заговорил:

Ты со мной не добрее, не строже,

Стал я вроде не к месту заплаткой.

Но каждой ночью по новой пороше

Я крадусь до твоей палатки.

С кем смеёшься ты в ней, хорошая?

Будто сыплешь на блюдечко грошики...

Сергей осторожно поставил пустую кружку на стол, подпёр щеку ладонью, закрыл глаза. Вера не знала, куда деть руки, сидела тискала платочек, будто готовилась запевать или плакать.

Гошка пел — вышептывал:

*... Над следами большими и маленькими
Я стою, зло сметаю их валенками.
Тут на грудь мою бросится, рада мне,
Твоя лайка по кличке Маришут.
И обида десантником падает,
Не успевшим раскрыть парашют...*

Тамара не мигая глядела на Гошку, и в глазах её, набухших слезами, стояли маленькие свечечки. Он столкнулся с её взглядом, спросил:

— Поедешь со мной на мыс Доброй Надежды?

Она смотрела сумеречно, будто сквозь Гошку.

— А какой он?

— Не важно. — Он отвёл глаза. — И это важно. Важно, что он есть, этот мыс Надежды. Мы побываем на нём, соглашайся.

— Тамара, не езд, — вмешался Женька. — Ты, да все мы, давно уже сидим на этом мысу. И если не прилетит завтра вертолёт, тогда... А что тогда?

— Начнём всей оравой таять снег в ведрах и сливать с горы, — мрачно пошутил Гошка.

— Ой, чо придумал-то! — ужаснулась Вера. — Долго ведь, в ведрах, и одно баловство.

— Разбаловались, факт! — Сергей поднял голову, погрозил кому-то пальцем. — Нужна рр-рука...

Гошка поднялся.

— Соотрядники! — Он поочерёдно оглядел всех. — Что-то у нас невесёлое веселье. Чего-то в нём нету.

— Нету! — снова подхватил захмелевший Сергей и утвердительно клянул носом. — Дело дрянь, а нету.

Тамара поднялась тоже. Гошка повертел гитару и бросил её на спальный мешок.

— Пошли, — он подал Тамаре руку. — А ты сиди, сиди, — замахал на Веру. — Мы вдвоём на звёздах погадаем.

— Вера, садись, — Женька усадил повариху на место. — Выпить есть чего, поговорить о чём найдётся. Чего разбегаетесь?

Гошка накинул на плечи Тамаре меховую куртку, поднял воротник.

— Как интересно — на звёздах. — Из меха глубокого воротника она ясно глядела на Гошку. — И сбывается, веришь?

— Верую и тебя научу, — пообещал он. — Без веры нельзя. — Легонько потрепал её за шею, подтолкнул к выходу.

— Мы скоро, — неуверенно пообещала Тамара имениннику.

Гошка пропустил её вперёд, задержался у выхода.

— Студент, если ты вдруг да полетишь туда, — он ткнул пальцем в небо, — никого из нас даже по знакомству не бери. Завалим экспедицию.

* * *

В палатке у рабочих было весело. В ней раздавались взрывы хохота, нестройно взвивались и скоро глохли песни. Николай с Васькой уже давно стояли на верхнем урезе снега, отойдя от своей палатки настолько, чтобы им не мешал подгулявший хор, и прислушивались к тому, что происходит в жилище ИТР. Яркая луна притушила своим сиянием далеко вокруг себя звёзды, и только у самого горизонта, куда от её нестерпимого света отхлынула темнота, они слезливо перемигивались, срывались и, прочертив по небу короткий пунктир, пропадали. Всюду за подсинёнными снегами радостно вскрикивали белые куропатки, со вздохами оседал подмытый тальми водами наст.

Неспокойно было на сердце Николая. Он третий сезон работал по геологическим партиям и представление о тяжелых переходах имел. Предложение Хохлова идти на базу пешком встретил с усмешкой, но во время разговора с начальником промолчал, не решился на открытый конфликт с бригадиром.

— Что-то замолчали, — сказал Васька, глядя на итээрговскую палатку. — А поёт душевно и на гитаре лабаёт вот так. Пойдём завалимся спать, что ли.

— Постоим чуть-чуть, поболтаем.

— О чём ещё?

— Всё о том, — Николай бросил окурочек под ноги, вдавил в снег. — Не нравится мне эта затея — бежать. Неизвестно ещё — дойдём ли до базы. В этой тайге тыщи дорог, и все в разные стороны, а кто точно знает, в каком направлении топтать?

— Не дрейфь, не пропадём, — заверил Васька, плотнее запахиваясь полами телогрейки. — Идти-то всё равно надо, раз такое дело. Коллективно решали.

— Коллективно, — насмешливо передразнил Николай. — Когда решали, на Хохловские кулаки поглядывали. А ему что? Летаёт с места на место, где лучше и где глубже, всё сразу ищет. А мне работать надо, у меня мать-старуха дома. Пенсии всего ничего.

Они помолчали, Васька вздохнул, спросил с откровенной завистью:

— Мать есть — хорошо, помогаешь, выходит?.. Мне вот высылать некому. Я на свете единственный, сам по себе.

— С матерью ещё сестринских четверо оглоедиков. Мал мала. Померла сестра, ну и приходится. Мужик её в бегах третий год... А до чего смышлёные растут чертяки. Дяденька-тятенька, так величают. Дяденька-тятенька...

— Всем выжить охота. Четверо... Многовато их на одного-то, человек. Ты Хохлова давно знаешь?

— Зна-аю. Из одной мы деревни, из Чувашии. Этот на чужом горбу куда хочешь влезет, такой. О нём у нас говорили, будто капусту из колхоза машинами тибрил и налево толкал, жил без горюшка. Потом сюда прикатил, в мостоотряде работал, да что-то скоро смылся. В Усть-Куте его встретил, когда в экспедицию нанимался. Начали мы работать, а он — князь, не приучен.

— За что ж бригадиром назначили? За что?

— За комплекцию. И языком молотит, как тот вертолёт махалками. Кайлить, рогом упираться, это не для него... Слышь, Вася, а на этой горе в прошлый год канавщики по пятьсот рублей в месяц выгоняли. Слово даю, я сам с одним работягой говорил, да и Гошка сказывал, помнишь?

— Зна-аю их политику, треплет небось, ИТР.

— К чему ему трепать? — Николай отбросил снежок, вытер руки о телогрейку. — Работяги о нём добром отзывались, он лёгкий человек.

Васька мазнул рукавом по носу.

— Да-а, — завистливо протянул он. — Хорошо бы по пятьсот-то. Только уж и таких денег не хочу. Во, как эта Антарктида допекла.

— Потихе кричи... Лодырить надоело, точно. — Николай облизал губы. — Но вот что — с Хохловым не пойду. И ты не ходи, пропадёшь.

Васька молчал. Николай взял его за рукав телогрейки, сказал с сожалением:

— Зря ты Хохлову поддаёшься. Он из тебя шестёрку делает. И в очко с ним зачем дуешься? Он в жизни мухлюет, а в картах подавно. Всегда в выигрыше.

Васька дёрнул телогрейку назад.

— Отыграюсь. Будь спок — спустит и моё и своё впридачу.

— Не ходи с ним, Вася. Подождём работы, а не будет её, то на вертолёт и на базу — увезут. Я лично подожду. Не вечно же снег будет лежать.

— Нет, Колян! — голос Васьки отвердел. — Я от Хохлова не отстану, да и как можно против гамуза? Надо всем вместе держаться, комком, тогда не пропадём.

От женской палатки донёсся воркующий смешок Тамары. Васька подтолкнул Николая:

— Айда к себе. Гошка с кралей своей синтетической выползает. Что на них пялиться.

Васька отвернулся, пошел к своей десятиместке. У входа подождал Николая, и они вместе спустились вниз.

Гошка, подталкивая Тамару, помог ей выбраться наверх по раздавленным каблуками ступеням, следом выкарабкался сам. Тамара стояла, запрокинув лицо к небу. В лунном иззеленаголубом свете, в небесной отблескивающей куртке, она почудилась Гошке статуей. Он подошел, остановился напротив. Тамара молитвенно сложила на груди руки в варежках и что-то нашептывала.

— Вот так стой и жди, — сказал Гошка. — Сейчас начнётся звездопад. Июнь — месяц умирающих звёзд.

— Может, надежд, — тихо откликнулась Тамара.

— Надежды вечны.

— Ты замёрзнешь.

— Нет, свитер тёплый.

— Не вредничай. — Тамара расстегнула свою куртку, полами её запахла Гошка и крепко сцепила за его спиной руки.

— Гоша, скажи что-нибудь, быстро, сразу.

— Шаньга! — Он тихо засмеялся. — Ты пахнешь шаньгой, только что с мороза. Пойдём?

— А звёзды? — Она откачнулась, глядя на него огромными глазами. — Мы же на карауле.

— Я снимаю тебя с караула, пошли.

— Нет, милый, — она повозила головой по его груди. — Не спеши. Мне так хорошо-хорошо... не спеши... Гоша, ты никогда мне не рассказывал, за что судили тебя?

Он не ответил.

— Не хочешь — не говори, — прошептала она. Видя, что попросила некстати, она прижалась к нему, затихла.

— Отпусти-ка, никак не достану.

Он полез в карман за сигаретами. Она подождала, пока он прикурит.

— Прости меня, пожалуйста, такую дурочку.

— За что? В этом деле тайны нет. Позапрошлый год дал проводнику-якуту карабин, он нас здорово тогда охотой выручал. Мы спешили до снега, до морозов управиться, не бросали работы, уж больно участок попался интересный. Продукты давно кончились, и если бы не проводник... Погиб он. Нашли, в заберег вмёрз. Выдолбили, а карабина при нём нету. Следствию что? Хоть бы какую записулку от проводника взял, что временно дал поохотиться, а нет её — где оружие? Может, он без карабина утоп. А я под шумок припрятал винтовку для себя. Попробуй докажи. — Гошка подряд несколько раз затянулся сигаретой. — Два впаяли, а просидел год — и вышел, повезло. Правда, до сих пор не понял, за что притянули: за утрату вверенного мне оружия или за то, что доверил его человеку для спасения отряда, а доверие не узаконил бумаженцией... Прошлым летом ребята с магистрали выудили карабин из Улькана. Это мне участковый, лейтенант, что меня в Иркутск сопровождал, сообщил письменно, порадовал... Ну и освободили скоро.

Гошка стоял, стиснув в зубах сигарету. Лицо его в резких пятнах света и тени было чужим и жестким. Тамара взяла его под руку, спросила:

— Не знаешь, к чему кораблекрушения снятся? Я часто вижу один сон: ночь, волны и человек в волнах. Он захлёбывается, вот-вот пойдёт ко дну, а тут вдруг обломок мачты, и он хватается за неё. К чему это?

— К чему такое снится, ты у Женьки узнай. — Гошка отщелкнул сигарету. Соря искрами, она прочертила дугу и пропала в сугробе. — Одно знаю, что корабли теперь без мачт, торчат только трубы железные. За них хватайся, не хватайся....

Невидимками в бирюзовых снегах хохотали куропатки, далеко в каньоне шумела работа-река. Она трудилась по своему разумному распорядку днём и ночью, и даже в лютый мороз Домугда, притиснутая ледовой крышкой, трудно проталкивалась вперёд, без усталости шлифуя своё гранитное ложе.

— Вот так, — ответил своим мыслям Гошка. Тамара потянула его за собой. Луна висела над их головами, и они уходили, не отбрасывая теней.

* * *

Вскоре на их место вскарабкались Женька с Верой. В женской палатке загорелся свет, и два силуэта чётко объявились на брезенте, как на экране. Женька присвистнул:

— Ну кино-о!

— Не мешай имя, — попросила Вера. — Любовь у них, сердечность.

— Сердечность! — заорал студент, вырывая из наста комок снега. — Эй, актёры, гасите свет!

Он размахнулся и швырнул снежком в палатку. Комок ударил в брезент, как в бубен. Тени нехотя разъединились, одна двинулась в сторону, и треугольник света упал на снег. Наступив на него, из палатки вышел Гошка, достал мятую пачку сигарет и, чиркнув спичкой, осветил бледное лицо.

— Ты, вижу, перебрал? — спросил он Женьку. — Пойдём баиньки.

Он через плечо всмотрелся в десятиместку рабочих, из которой нет-нет да вырывались отдельные громкие голоса, кивнул на прощанье Вере и по ступенькам скатился в свою палатку. Женька обиженно сопел.

— Ох, с гонором ваш Гоша, — тоскливо заметила Вера.

— С тенором!

— С кем? — быстро переспросила повариха и вдруг зачастила: — Пошто-то встретит наедине, уставится неотрывно, а говорит, говорит всё о чем-то другом. Складно выходит, а не понять. Блажной, чо ли...

— Стихи читает. Не обращай внимания.

— Не злись, не суди их. — Вера коснулась его груди. — Не ревнуй.

— Выставляла бы их из палатки, — ответил он. — Спать мешают, и вообще — что она, замуж за него собралась?

Повариха отвернулась.

— А я их не слышу! — неожиданно с весёлой злостью сказала она. — А я сплю!

Женька удивлённо уставился ей в спину.

— Почо их гнать-то? — чуть отвернув к нему голову, пропела повариха. — Эх ты, гуран молоденький, пушай пластаются. Небось и сам бы прибёг сольцы лизнуть, да другой на солонце пасётся... Никаво не понимаешь.

Она с головы на плечи спустила платок, нехотя шагнула к палатке.

— Ох и пьяна я нынче-е! Винище и то тверёзей. — Сладко потянулась и, отстонав в долгом зевке, предупредила: — К нам, пьяным, не приди смотри.

— Да иди ты! — совсем растерялся Женька. — Иди, спи.

Она растянула концы платка в стороны и плавными шажками пошла к палатке. Женька прислушался. Повариха тихонько пела:

*Несёт Галя воду,
Коромысло гнётся.
Стоит Ваня по-даль
Над Галей смеётся-а...*

Гошка лежал на спальнике одетым. Когда вернулся и затих в своём мешке Женька, он встал и ошупью в темноте выбрался из палатки. Лунатиком проскользнул к женской, отстегнул деревянные застёжки.

— Гоша, — шепотом окликнула Тамара.

Он не ответил, пробираясь мимо Вериной раскладушки.

— Глупый, — ласково сказала она в темноту.

Харламий не спал; он слышал, как ушел Гошка, закурил. Пульсируя в темноте огоньком папиросы, думал о том, какое замешательство в размеренную жизнь базы внесла его телеграмма.

«Если приедет начальник экспедиции, — размышлял Харламий, — устроит разгон. Рабочие, конечно, с претензиями: работы нет, другого чего нет, обманули! Да и свои итээровцы как поведут себя — неизвестно. От Гошки чего хочешь жди. Ещё этот студент, тоже не подарок. Сергей... и Сергей хорош. Нет чтобы порядок поддерживать, так сам с ними заодно пьёт. — Харламий пятернёй завозил по лицу. — Рабочие-то, а? Уйти грозятся... Так-так-так. Допустим, верголет не прилетит. Уйдут? Вполне возможно. Тогда что же получится, план работ сорвут, не под пистолетом же их на гольце сидеть заставлять. Уговаривал? Всеми силами, есть свидетели! Так нет, своё гнули. — Харламий вылез из мешка, сел на раскладушке. — Ну, пойдут, а вдруг что случится — тайга? Черт! Тогда — следствие... Ну, дудки, учёны! Разгон от начальника переживу, а тюрьму...»

Временами до его слуха долетал шум со стороны рабочей палатки.

«Брагу пьют, — тревожила мысль. — Перепьются, припрутся отношения выяснять, а тут свои такие же дрыхнут».

— Ну, ситуация! — Харламий сокрушённо помотал головой. — Кругом один.

Когда последние отголоски песен утихли и Харлампия обступила жуткая тишина, которая, казалось ему, проникала во все его поры, он быстро оделся, чиркнул спичкой и стал пробиваться к выходу. Но как ни подстёгивал его безотчётный страх перед тишиной и одиночеством, как ни казалось ему желанным высокое, ясное небо, он остановился, глядя на отблескивающие в свете спички никелированные части рации. Сжигая спичку за спичкой, Харламий стоял перед нею, чувствуя, как непреодолимо растёт желание исковеркать, выдрать из неё все хитроумные лампы, непостижимым образом состоящие в посредничестве между ним и начальством экспедиции.

«Как славненько было раньше, — завистливо и оттого с ненавистью к тому, спокойному, ранешнему прошлому думал Харламий. — Уйдёшь на полгода в тайгу, и всё. Сам себе любое начальство! Единственная связь — олени, да и то разок-два за сезон. А теперь? Вертолёт, рации и прочая механика. Каждый день отчитывайся, а зачем?»

— Зачем? — повторил он вслух, трудно отрываясь от рации.

Харламий не сразу, не вдруг выбрался наверх по окончательно раздавленным ступеням. Он выползал и снова соскальзывал вниз, бороздя по снегу растопыренными пальцами, чертыхался, но всё же вылез из ямы.

Ночь голубела. Стараясь не продавливать снег и не шуметь, начальник подошёл к палатке рабочих. Здоровый храп подвыпивших людей глушил чей-то неясный шепот. Харламий ворочал головой, пытаясь попасть в промежуток слышимости, и не попадал.

— Эт чо? — донёсся из нутра палатки сипоток Чифириста.

Начальник обмер.

— Стоит кто, ли чё ли, — встревоженно подтвердил другой голос, Харламий не узнал чей. — А ну, как медведь? Тень-то кака огромна на брезенте.

Харламий неприязненно глянул на низкую теперь луну и, приседая, стал отходить назад.

— Дошаришься, кто там! — долетело вслед. — Жажну картечью!

Начальник подошел к своей палатке и вперил взгляд в женскую. Поднявший его с постели страх и предчувствие беды требовали придумать такое, что оправдало бы его перед любой инстанцией, придумать заранее. Но тот же самый страх вышибал всякие мысли, и Харламий мелко тряса от нервного озноба. «Окончательно заболел, температуру, — уверял он себя. — Свалюсь, обязательно свалюсь». Сквозь подошвы сапог Харламий чувствовал холод враждебного снега, в голове возник и назойливо плавал комариным писком один и тот же обрывок Гошкиной песни: «Стал я вроде не к месту заплаткой... стал я»...

— Один этот хахаль-Карузо с ума может свести, — прошептал Харламий, и писк пропал. Но стоило ему закрыть рот, песня вернулась и закрутилась заевшей пластинкой.

— Тьфу-у! — сплюнул Харламий. — Уж верно навязалась не к месту.

Когда забрезжил рассвет, Гошка проснулся, натянул свитер и выбрался из палатки. Крыши палаток от предрассветного, расцвеченного перламутром неба искрились изморозью. Он попытался разглядеть дальние гольцы, но взгляд рассасывало в голубом, размытом. Далеко внизу, где чернел лес и шумела Домугда, клубился туман.

«Конец метелям», — решил он. Идти досыпать раздумал: вот-вот выглянет солнце, а он любил рассветы. Отсюда с гольца можно было увидеть солнце намного раньше тех, кто живёт в городах и посёлках, а налюбовавшись восходом, милостиво позволить солнцу явить себя другим.

Улыбаясь, Гошка взял лопату. Снег только сверху подёрнулся коркой, под ней он был сочный, податливый. Гошка резал его на ломти, складывал возле палатки. Часа через два из снега выступила фигура женщины.

Гошка творил азартно: носился кругом, отбегал в сторону, приседал. Погрев руки меж колен, снова бросался вперёд, вминал неровности, наращивал нужное.

С востока напирала синева, грудя на запад редкие тучи. В предрассветной, чуткой тишине ещё громче зазвонили под толщей снега разноголосые ручейки. Гошка курил, наблюдая,

как на соседние горбы гольцов напозала золотая кайма, чётко оконтуривая их на пепельной холстине неба.

Неслышно подошла и остановилась у статуи Вера. Стыдливо разглядывая её, она переступала огромными сапогами, удручённо молчала. Гошка покуривал, косо поглядывая на повариху, ждал, что она скажет.

— Ну и как?

Повариха посмотрела на него, сказала жалеючи:

— Совсем изведёшься так-то. Спать надо по ночам.

— Спасибо за ответ, — поклонился Гошка. — Поговорили об искусстве.

— Не знаю, об чём спасибо, а изгальтаться надо мной не следоват. — Вера глядела на Гошку обиженными глазами. — Ты зачем меня такой-то скатал?

Он вплотную подступил к поварихе.

— Да ты, никак, подумала, что я тебя вылепил? — Гошка удивлённо оглянулся на статую. — Что ты, Верочка, нет. Это... никто. Обобщение.

— Пусть хоть и так, — рот поварихи дрогнул. — Горемычная, как и я. На Тамарку не походит, та совсем другая, радостная.

Вера подошла к статуе, опустила руки. Гошка с любопытством наблюдал, как она копирует позу.

— Как есть я, только нагишом. — Повариха отступила, зашаркала сапогами в сторону кухни. С полдороги обернулась, сказала: — Чудно-ой ты скрозь... А бабу сломай, срам это, а не... общение.

Она скрылась в кухне. Вскоре белесый дым плотно повалил из трубы. Скатываясь по брезентовой крыше, он припадал к снегу и, тонко расслаиваясь, плыл в долину. Гошка сошел вниз. Ручейки огибали палатку, катили разноцветные камешки. Радостно было смотреть на их игру, стоя на живой земле. Стена снежного среза доходила ему до плеча. Вчера она была выше, скрывала с головой. Подчищая водоотводную канавку, он двигался вокруг палатки. Лопата скрежетала по щебёнке, вздыхал, оседал наст. Гошка выбросил наверх измятый снег, принялся нарезать новые ступени и утрамбовывать.

Счастливо расслабленный, потирая глаза кулаками, из палатки выскочил Женька и с открытым ртом пулей юркнул за угол палатки, и оттуда послышалось: «Вай-вай-вай! Журчат ручьи, тра-та-та-та, и тает лёд и сердце та-ает!»

— На, разомнись, пока совсем не растаяло, — Гошка протянул ему лопату.

— Не время, князь. Я еще «спу».

— Ладно. Оставлю половину ступеней тебе. Нарезешь.

— Можно включу рацию? Хоть последние известия послушаю, что там на свете... Ну, можно?

— Батарей и так едва тянут. Включишь — подсадишь. Как с базой свяжусь?

— Жмо-от! — заныл студент — Хоть на минутку! Ведь чую — меня мама по эфиру разыскивает! — Он выбросил над головой кулаки. — Сбегу! Нарезу ступени и — к едреней фене.

— Не ори! Люди спят.

— Ещё бы! — Женька деланно хохотнул. — Устали спать, потому и дрыхнут.

Гошка шутя замахнулся на него лопатой, и Женька шмыгнул в палатку, считая, что разрешение включить рацию получил. Слышно было, как шлёпнулись на пол его сапоги, закашлял прокуренным горлом Харлампий.

— Гога, — скоро позвал Женька. — Подь скорее. «Снег над палаткой кружится» передают.

Гошка быстро вскочил в палатку.

— Я тебе что говорил? — сказал, подходя к рации. — А ну вырубай!

— Полупардон! Старинная песня, — зашипел студент. — Юность отцов.

— Своего снега навалом, а ему всё мало. — Гошка рацию не выключил, присел рядом. Студент лежал, закрыв ладонью глаза, слушал. Его молодые пухлые губы растянулись в улыбке. Песня ещё не кончилась, а Гошка щелкнул выключателем.

— Вот. Был снег и нету. У нас бы таким манером. — Он взял студента за кисть руки: — Сколько накачал?

— Та-ак, — Женька присмотрелся к стрелкам. — Без четверти шесть.

— Через пятнадцать минут связь. — Гошка нахмурился, потёр лоб.

— Чего смурной? — Женька навёл на него ясные глаза. — Неужто действительно плохо?

— Хуже некуда. — Гошка прилёг рядом. — Ты ничего такого не чувствуешь?..

— Такого ничего. А ты чего?

— Контроль над собой терять начали, вот чего. — Гошка сцепил зубы. На обтянутом сухой кожей лице взбурлились желваки. Он с минуту глядел на студента и вдруг сорвался на крик: — Чего глазами ясными хлопаешь, салажонок? Звереть начали, а он — «такого ничего».

Женька опасливо отодвинулся в сторону, силился что-то сказать, но Гошка не давал, орал на него:

— Людей от безделья спасать надо!..

Он неожиданно умолк. В наступившей тишине Сергей на высокой ноте оборвал храп, приподнял голову, выпростался из мешка:

— Опять ор? С базой говорили?

— Пока нет ещё, — ответил Женька. — Гога репетирует.

Потягиваясь, Сергей начал одеваться.

— Понятно, понятно. А тут чертовщина всякая снится, — пожаловался он, надевая сапог. — Вроде бы Харлампий — принц Датский. Голый, понимаешь, бегаёт, сам чёрный, негр негром, но Харлампий. Со шпагой. — Сергей покосился в сторону Харлампиевой койки. — Кричит: «Быть лету или не быть? Вот в чём вопрос». — Сергей закатил глаза под лоб.

Женька зашелся в смехе.

— Тише, чертяка, нельзя же так. — Сергей покосился на спящего начальника. — Достукаешься, характеристику в институт составит такую...

Он на вялых ногах прокачался до порога, вышел. Женька не унимался, хохотал.

— Хватит ржать! — потребовал Гошка. — Башка и без тебя трещит.

— Здравствуй, Вера, здравствуй, — донёлся голос Сергея. — Раненько встаёшь, кормилица наша... Ну, если готов, будем завтракать.

— Слышал? — Гошка отмахнул головой. — Беги, тащи.

— Э! Э-э, — Женька погрозил пальцем. — Сам бегай. Теперь я вольный от крепостной зависимости, забыл? А ты, — он взглянул на часы, постучал ногтем по стеклу. — Пора, включай рацию.

Пока Гошка связывался с базой, кричал, клял помехи, требовал перейти на запасную волну, вернулся позавтракавший Сергей.

— Не будет! — встретил его злым выкриком Гошка. — У них там дождь, туман, будь он трижды проклят, вертолёт не выпускают, так я понял.

— Значит у них там лето, дождь, — Сергей прижал кулак к опухшей щеке. — И не выпускают... Весь месяц то туман, то дождь... А если по санзаданию заказать? Прилетит?

— Обязан. — Гошка подобрался. — В любую погоду.

— Ну так что ж?

Из-под нар Гошка вытащил старые комплекты батарей, начал проверять их тестером.

— Бесполезно! — Женька махнул рукой. — Они же ёмкость потеряли. Пойдём жрать.

Сергей проводил его глазами, сказал с досадой:

— Все мы ёмкость потеряли. А ты всё же добейся связи, чтоб поняли нас без лишних слов.

— Попробую. — Гошка зачищал контакты батарей. — Напряжение в них какое-никакое есть, принимать можно, а включусь на передачу — с минуту, думаю, протянут, а потом — пшик...

— Во всем-то у нас пшик! — Сергей неумело ругнулся. — Что ж на базе не набрал батарей этих самых, с запасом?

— Что их надо, ящиками хапать? — Гошка встряхнул чубом. — Выдали на месяц, обещали подвезти.

— «Обещали». Теперь связывайся на соплях. А запас, он понимаешь... Пословица даже на этот счёт есть.

— Знаю, знаю пословицу ту. Вот настроюсь на волну и буду долдонить: sos, в отряде тяжело больной, sos, в отряде...

— Не вздумай! — отбросив клапан спального мешка, погрозил пальцем Харлампий. —

По санзаданию они вылетят, но ведь дождь, могут грохнуться. Знаешь, что всем нам за обман будет? — Он покашлял в кулак. — Так что отставить эту затею. А вы, Сергей Иванович, инженер со стажем. Не ожидал, что рискнёте на такое.

— Погоди, Харламий! — вмешался Гошка. — Какой обман? Ведь ты болен же!

— Но не умираю же! А таким вызовом позволено пользоваться только в крайних случаях. Это же всегда риск!

— Послушай, Харламий! — взорвался Сергей. — Отряд в таком положении, что любой риск будет оправдан! Вон я только что опять с рабочими беседу имел...

— Ну и... — Харламий насторожился. — Как они?

— Что «как они»? — раздражённо переспросил Сергей. — Не пляшут же! Злые, понимаешь, опухшие. Сходи сам и послушай, о чём говорят.

Он дунул в мунштук папиросы, сунул её в рот. Харламий, потирая виски, сказал:

— Вот орёлики. Опухшие? Вчера у них брагу нашёл. Велел же вылить!

— Ка-ак же, — съязвил Гошка. — Так толпой и бросились выливать.

Начальник наложил руку на лоб, простонал:

— Охо-хо. Не послушался Хохлов... Гоша, свяжешься с базой, попроси ответ на нашу телеграмму. Официальный, за подписью начэкспеда.

— «Попроси!» — взъярился Гошка. — Открытым текстом такое загну, чтоб у них там штаны посползали!

— Ты что это? — начал багроветь начальник. — За хулиганство в эфире судят! Развинтился до безобразия! Если доверили рацию, решил что вздумается вытворять? Нет, дорогой, не позволю.

Сергей хмуро слушал их препирательства. Харламий постепенно успокоился.

— Как она не вовремя привязалась, хвороба, — пожаловался он, не отнимая руки со лба. Виногато уставился на Сергея. — Раньше-то, бывало, днями по колена в воде бродишь — и хоть бы хны. А теперь...

Сергей нахмуренный, весь в себе, все же отреагировал на его слова — безучастно покинул, зато Гошка не упустил случая, поддел:

— Состарился, Харламий. Сидеть бы тебе в конторе, в тёплом месте...

— Нет уж, — понял намёк, начальник отряда протестующе повозил головой по подушке. — В конторах теперь всё больше молодые сидят, да ранние, вроде тебя, молокососа. А я старый полевой волк. Так то.

Сергей встал, загородил собой Харламия от Гошки.

— Чего ты, Гога, на самом деле? Перестань, всё же он постарше тебя как-никак. — Повернулся к начальнику. — Тамара аптечку принесёт, выпьешь чего надо, а то чёрт знает, всякое может приключиться: воспаление легких, к примеру.

— Спасибо, Серёжа. — Харламий зашёлся надсадным кашлем. В глубине палатки глаза его сердито поблескивали. — Действительно, чувствую себя неважно. С недельку проваляюсь, знаю. Ты уж тут пораспоряжайся, прими, так сказать, командование.

— Ну какой разговор! — Сергей дёрнул плечами. — Отлежись, справимся, я думаю.

— Справимся, — подтвердил Гошка. — Объём работ, — он раскинул руки в стороны, — можно и лёжа руководить.

— Ну ты даёшь! — Сергей неодобрительно крутнул головой. — Человек болен. Посо-чувствовал бы, не ёрничал.

Сочувствовать Гошка явно не хотел. Он откинулся на спальник, завёл руки за голову. Солнце косо било в окошечко палатки, и там, где конец яркого бруса упирался в землю, она, подсыхая, парила. Сергей вытащил рюкзак, развязал.

— Схожу-ка я на первый участок, давно уж не проводывали.

— Хорошее дело, — одобрил Харламий. — Может, там хоть где-нибудь земля оголилась, зададим канавы, пусть долбят, дают плану кубаж.

— «Хоть где-нибудь»? — переспросил Гошка. — Без геофизических данных, на пустом месте? Так надо понимать? Это липа, Харламий.

— Ничего. Можно задать, — ответил за начальника Сергей. — Я тоже об этом думал. За-актируем как канавы, горные выработки по ложным аномалиям.

— Что, Георгий, съел? — Харламий с упрёком уставился на Гошку. — Серёжа спец по золоту, в урановой экспедиции первый год, здесь особая специфика, а уже разобрался, вник. С умом к делу подходит, с головой. Результаты поисков, само собой, вещь наиважнейшая, но план, пла-ан — бог! Выдай кубаж, хоть умри. Так что эти канавки тоже в дело пойдут. Сейчас главное — дать рабочим разрядку. Им всё равно, где копать, был бы заработок.

Гошкина голова в солнечном столбе, и ухо малиново просвечивает. Он сидит пришибленно, растерянно водит глазами.

— Но почему же по ложным аномалиям копать, их ведь тоже документировать надо, графики строить. Или наугад в карту тыкать? — Он спустил ноги на пол. — Нет, командиры, это вы задумали плохо. Как геофизик, я против.

— Надо копать, Гоша, где угодно, — настаивал Сергей. — От сознания, что начали наконец работать, рабочие духом воспрянут.

— А мы?

— Мы — ладно. — Сергей похлопал Гошку по плечу — А вот они... Моральный фактор надо учитывать.

— Иди на южный участок, — вроде бы сдаваясь посоветовал Гошка. — Нельзя ли там разбросать снег, на невоскрытых аномалиях? Попробовать копать с пожогом.

— Костры твои зальё-ёт, — простонал Харламий. — Вода прёт под снегом.

— Надо пробовать, — упёрся Гошка. — Там есть начатые канавы, их прошлый год осенью буранами занесло. С ними повозиться я согласен. Жди меня там, после связи подбегу.

— Добре, подбегай. — Сергей накиннул на шею ремешок фотоаппарата. — На месте посмотрим, подумаем. Возможно, отвалы обнажились или профильные колышки. Ты план участка прихвати.

— Прихвачу обязательно. А ты вот это обнови. — Гошка вытащил из-под нар Женькины снегоступы.

— Давай, — обрадовался Сергей. — Это давай, оценим. Ещё ружьишко твоё попрошу.

Гошка подал ему двустволку. Сергей переломил её, заглянул в стволы.

— Как бой?

— Нормальный. Это, брат, штучной работы, девятьсот десятого года.

— Царская? — изумился Сергей, разглядывая на казённом императорских двухглавых орлов.

— Отечественная, — поправил Гошка. — Тульской работы. Держи патронташ.

— Бра-атцы! — позвал Харламий. — Вижу, начинаете справляться и без меня, так уж позвольте отстраниться на время от дел по закону, официально.

Гошка хмыкнул:

— Бюллетень выписать? Или приказ повесить?

— А что, и приказ! — Харламий приподнял голову. — Надо. Тут производство, а не частная лавочка. Так уж, Сергей Иванович, черкни, я подмахну. Честь по чести.

— Да надо ли? — затягивая ремень патронташа, засомневался Сергей. — Через пару дней поднимешься. К чему формальности?

— Надо-надо, напишем. — Харламий порылся в полевой сумке, вынул лист бумаги и авторучку. — На-ко вот сочини, побудь хозяином.

— Ну, если без этого не обойтись... — Сергей подсел к столу и начал писать. Гошка, как и прежде, изучающе наблюдал за Харлампием, который совсем скис и тихо постанывал.

— Так, что ли? — Сергей протянул лист начальнику.

— Бу-бу, ага, угу-гу, — задвигал губами Харламий. — Всё по форме: число, месяц, фамилия. Спасибо, командуй. — Виногато улыбаясь, он поставил свою подпись, откинулся на подушку. Руку с приказом положил на грудь.

Гошка обнял Сергея, повёл к выходу.

— С повышением вас, Сергей Иванович! — сладко пропел он. — Рады мы, очень рады-с!

— Ой не радуйся, Георгий Петрович, — в тон ему ответил Сергей. — Если Харламий заболел серьёзно, и его придётся отправить на базу... В общем, я тут наведу порядок. Это вы учтите, товарищ геофизик.

— Учитываю. Нужен порядок, — согласился Гошка.

— Вот я и обещаю навести его. Работать начнём немедленно, и там, где укажу. Панибратство и пререкания — побоку. Пора всем гайки подкручивать.

Гошка уже не улыбался. Сейчас в Сергее было что-то такое, что заставляло верить — этот возьмётся за дело круто. Он покосился в сторону Харлампия. Тот лежал, закрыв глаза, но по напряженному лицу, на которое падал желтый свет лампы, было видно — прислушивается.

— Подкручивай, — жестко, без всегдашней усмешки, согласился Гошка. — Дело нехитрое. Главное — резьбу не сорви.

— Это я учту. А ты после связи немедленно на участок, — напомнил Сергей и, развернув полог, вышел из палатки. Гошка слышал, как он выбирался из ямы, что-то недовольно бурчал, потом влажный хруп снега под его ногами отдалился.

— Гога, — расслабленно позвал Харлампий. — Сними копию с приказа, будь ласка, да вывеси у кухни, лучше внутри, чтоб ветром не унесло. — Он, как белым флагом, помахал листком. — Новый-то начальник, Сергей Иванович, крутёхонек, а?

Гошка подошел к нему. Взял приказ, бегло прочел и бросил на стол. В палатку постучали, просунулся белый ящик, потом показалась Тамара.

— С добрым утром. — Она остановилась у порога и, широко раскрыв глаза, осваивалась с полумраком. Гошка провёл её к начальниковой койке, сам сел к столу.

— Что с вами? — Тамара склонилась над Харлампием. — Как самочувствие?

— Да вот, — начальник смутился. — Скрутило... во рту сухо.

Тамара протянула ящик.

— Надо что-нибудь против простудное. Кальцекс, или... я не знаю, что надо в таком случае. — Начальник порылся в аптечке, нашел, что надо, попросил запить. Тамара налила ему в кружку холодного чая.

— Ломает всего, потюю, а жару нет. — Харлампий положил в рот таблетку, отхлебнул из кружки, прополоскал рот и гулко сглотнул. Тамара поморщилась.

— Грипп бывает и без жара. — Она закрыла аптечку. — Кажется, возвратный называется.

— Похоже, он и есть. Коварный.

Гошка подошел к ним, взял из аптечки только что надорванную пачечку таблеток.

— Как бывшему армейскому санинструктору, мне стыдно, — сказал он, разглядывая пачечку. — Неужели при гриппе теперь пьют это?

— А что он выпил? — заволновалась Тамара. — Говори же, что?

— Что надо, я думаю. — Гошка качнулся на носках. — А ты тоже, сестра милосердия называешься.

— Ну, знаешь! — Тамара возмущённо выпрямилась. — Я, в конце концов, не врач и даже не санинструктор. Ты разбираешься, вот и посоветуй, что пить.

Они посмотрели на Харлампия. Начальник лежал вытянувшись, безучастно глядя перед собой, будто увидел там, в открывшемся ему далеке такое, что милостиво дано узреть только умирающим.

— Харлампий, — окликнул Гошка. — А, Харлампий!

— Ну чего ещё? — не меняя позы отозвался начальник. — Ты хоть кому-нибудь дашь спокойно помереть?

Гошка отвёл Тамару, усадил на краю нар.

— Дуру ломает, — шепнул он ей. — Похоже — сматывается с корабля.

— С какого корабля? — Тамара дрогнула сиреневыми губами. — Вдруг отравился?

— Всё в норме, — успокоил Гошка. — Закрепляющее принял.

— Не надо. — попросила она. — Ведь ты же добрый, Гоша, я знаю. Почему стараешься казаться злым, грубым?

— А я не стараюсь. Я просто всякий. — Он вынул платок и, притянув Тамару к себе, обтёр её щеку.

— Что там нашел? — она скосила глаза.

— Сажа была, — Гошка отстранил её на вытянутые руки. — Теперь нету.

Она прильнула к нему, зашептала:

— Я, по-моему, тоже бываю всякая. Помогаю Вере кастрюли чистить, золу из печки выгребаю, рабо-отаю. — Тамара смотрела радостно, будто ожидая похвалы. — Я и готовить

сама умею. В техникуме из нашей группы лучше всех салаты делала, шью, крою. В общежитии возле девчонок всякую науку прошла.

— Томик, ты очень способная, очень.

Тамара быстро поцеловала его в подбородок, спрятала на его груди голову, попросила:

— Пойдём к нам? Там уютнее, печка топится.

Гошка отказался, наговаривая ей на ухо, что скоро связь с базой, а там надо идти на участок. Всё так же прижимаясь к нему, она молча кивала головой.

— Мне страшно, Гоша. Что-то такое вокруг, или только мне, дура, кажется? Вот ушел ночью от меня, и всё, кольнуло в сердце: «Больше не придёт. Ничего у тебя, Томка, хорошего в жизни не было, и не будет». Ну скажи, что это неправда.

— Неправда. — Он сжал её руку. — Ты так больше не думай.

— Хорошо. — Она пальцами промокнула глаза. — Не думать — не буду... Ты что там за красотку вылепил? — Мокрыми глазами ревниво взгляделась в его лицо. — Какую свою мамзель изобразил?

— Ну, Тому-уся! — Гошка отстранил её от себя. — Женщина имя её! Пусть народ смотрит, помнит о вечном, о прекрасном, чтоб не опускался на четвереньки, не зверел.

— Ла-адно уж, — она ладошкой шлёпнула его по руке. — Всё же отвечай, как зовут твою прекрасную.

Гошка облапал её, поцеловал.

— Подлиза! — Тамара запустила пальцы в его вихры. — Всё равно ты не как все, ты странный, нет, не то слово. В общем, я Верке ни на словечко не поверила, что ты её вылепил.

— Во-от оно что! — Гошка рассмеялся, вспомнив, как повариха копировала позу статуи. — Нет, не её, хотя стоило бы. Одна за всех трудится.

Тамара оттолкнула его, капризно надула губы.

— Лучше бы аппаратурой занялся, графики составил. Фон на снегу в нужной норме.

— Не выйдет. — Гошка виновато потёрся ухом о плечо. — Я все батареи из приборов вынул для рации.

— Ну, не выйдет, так не выйдет... Рабочие грозятся уйти на базу пешком, ты знаешь? — Тамара хрустнула пальцами. — Это же опасно, как не понимают.

— Понимают. Только им Хохлов мозги запудривает.

— Ужасный этот Хохлов... А они как дети. — Тамара потрогала носки резиновых сапог. — Носки шерстяные надела, портянки навернула, а всё ноги мёрзнут... Понять рабочих можно, Гошенька, люди надеялись хорошо заработать.

— Понять можно, — согласился Гошка, — но уходить им из лагеря не можно! С тайгой шутить нельзя.

— Ведь за деньгами ехали. Там семьи, дети ждут. Вот и пойдут.

— Не пойдут, — сквозь зубы процедил Гошка. — Пешком пойдут, крестом на пути лягу, вот так.

Тамара сбоку удивлённо взглянула на него.

— Ты что такое говоришь? Почему крестом?

— Я им на базе хороший заработок обещал, а тут вон что! — закипая, продолжал Гошка. — Ведь копали же прошлый год в эту пору? Вовсю копали!

— Год на год не сходится, — возразила Тамара, ресницы её испуганно вздрагивали. — Позавчера какой буран был, что творилось! Я раньше такое только в кино про полярников видела.

— Ведь не врал же им я! И они мне поверили, — не слушая её, выговаривал Гошка. — А чем теперь мне их веру поддержать? Я вроде козла-provокатора оказался. А что на базе предупреждал о снеге, этого не помнят. — Он вдруг выругался. — Говоришь, махнут рукой и пойдут? Так это на меня, трепача весёлого, махнут. А я не приучен, чтоб на меня махали.

Тамара задумчиво покивала, поднялась.

— Я тебя, Гоша, понимаю, — сказала она. — Кажется, понимаю. Я пойду.

Он взял у неё аптечку, помог выбраться вверх, сам остался у входа.

— Нет, ты иди-ка сюда. — Тамара протянула ему руку, Гошка вылез из ямы. Она лукавы-

ми глазами показала на статую, у ног которой сидел на корточках Женька и что-то увлечённо лепил. Гошка присвистнул:

— В соавторы лезешь? — надвигаясь на студента, весело выкрикнул он.

Женька вскинул на него ясные глаза, заскакал:

— Недокомплект же! — со смехом объяснил он. — Женщине подобает быть с дитятем!

В ногах статуи лежал вылепленный из снега ребёнок.

— Это не её плод. К тому же слепой! — орал Гошка. — Зачем ей подкидыш? Она символ чистоты, девственница!

— Сейчас прозреет чадо! Я ему очи черные припас! — весело защищался студент. — Он ловко вставил две сизые сливины вместо глаз. — Какой же он подкидыш, он её, кровенький!

Тамара слушала их перебранку, улыбалась. Она понимала, что весь этот суматошный крик — не больше, чем обычный их балдёж, пустой, надоевший. Крик этот привлёк рабочих. Они вышли из палатки, подошли и, встав полукругом, молча разглядывали статую.

— Не извращай композицию! — наступал Гошка.

— С дитём разлучать не дам! — не сдавался студент.

Хохлов перевёл насмешливые глаза со статуи на Гошку.

— Баб лепит, — сказал он и повернулся к Тамаре. — Мало ему тебя, он ещё снежную завёл.

— Повариху и тоё охмурили, — вынимая из рукавов телогрейки бледные руки, подсказал Васька.

Тамара отступила от тяжелых глаз Хохлова и, проваливаясь в рыхлом теперь настe, побежала к своей палатке. Начёс желтым клубом виляя над её головой.

— И-эх! — криком подстегнул её Хохлов.

— Но ты-ы! — Гошка быстро сгрёб его за грудь, рванул на себя. — Ты-ы!

— Сопля-а! — удивлённо ахнул Хохлов и страшно, так, что затрещали отвороты Гошкиной телогрейки, сжал на ней обветренные кулаки. Наклонив головы, лоб в лоб, они затоптались у статуи.

— Ребёнка растопчете! — закричал Женька.

Хохлов и Гошка замерли, посмотрели под ноги и, оттолкнув друг друга, расступились.

— Памятники лепят! — сипло прокричал Васька Чифирист. — Тут хоть пропадай, а имя куклу жалко! — Он замахнулся на Женьку.

— Цыц! — Хохлов поддал ему ногой под зад. Васька отлетел в сторону, вмялся лицом в наст.

— Тоже мне драчун, — усмехнулся Хохлов. Он гребанул согнутой в локте рукой, и рабочие, как привязанные, потянулись за ним в палатку.

— Та-ак, — поднимаясь на колени, зашлёпал разбитыми губами Васька. — Значит, кровь начали пущать? — Он поднял глаза от испачканной ладони, дурно посмотрел на парней.

— Ты снегу приложь, — посочувствовал ему Женька. — А то во как разбарабанит.

— Пойдём залепим лейкопластырем. — Гошка взял его за рукав, но Васька, всё так же глядя вслед Хохлову, выдернул руку и решительно пошел за рабочими.

— Его жалеют, а он выкобенивается, — сказал Женька. — Пижон!

Васька крутнулся, зло приузил глаза на Женьку и, медленно отведя руку от губ, с силой запустил в него снежком. Студент увернулся, и снежок, просвистев у него над ухом, попал в статую.

* * *

Харламбий лежал на раскладушке, прислушивался к крикам, но тревоги, что терзала его в последнее время, не чувствовал. Наоборот, покой высветлил лицо, стёр горестные морщины. Довольные глаза нет-нет да поворачивались в сторону стола, на котором лежал листок приказа о временной замене его на посту начальника отряда. То, что дело с заменой им было обдумано заранее, Харлампия не тяготило. Он раз и накрепко приказал себе верить в болезнь и отсюда в законное оформление приказа о замене.

Скоро крики стихли, и в палатку вернулись мрачные Гошка с Женькой. Они молча уселись перед рацией, и Гошка включился на приём. База молчала. В наушниках стлыла зловещая немота, изредка простираемая чужой морзянкой. Постепенно её очереди отделились и заглохли совсем.

— Ко-нец, — тихо проговорил Гошка, стягивая с лохматой головы резиновые чашки наушников. — Они не вышли на связь, им это необязательно, а я сжёл последние батареи.

— На леченой кобыле далеко не уедешь, — глядя на еле светящийся глазок индикатора, изрёк студент.

— Брось, не мучайся, — Харламий шевельнул тощей рукой. — Телеграмму они получили, значит, в курсе дела, брось.

Гошка потянулся к выключателю, но Женька отвёл его руку. Так они сидели перед рацией до тех пор, пока совсем не пропала накальная нить лампы. В этот момент они так были похожи друг на друга, что показались Харлампию двойниками. Он даже захлопал глазами, чтобы сморгнуть привидевшееся.

— Кто мы? — спросил Женька, глядя на умерший глаз индикатора, и голос его странно дрогнул. — Мы чей-то бред, бре-ед. Сидим здесь всегда, тысячи лет, мы с другой планеты, но не помним с какой, а за нами не возвращаются. Мы придумали базу, похожих на нас людей, пытаемся войти с ними в контакт, а их попросту нет. Ни-че-го нету!

— Подайся в писатели, пока еще второй курс! Ай-яй-яй, — вода глазами за Женькой, робко пристыдил Харламий. — Как это ничего нету? И база есть, и начальство, рядом Байкало-Амурскую магистраль строят наши люди. Ты приляг, отдохни, уймись.

— И верно — уймись! — Гошка дёрнул за шнур, и штепсель чмокнув вылетел из гнезда. С мрачным видом смотал шнур на наушники и всё это забросил в дальний угол палатки.

— Правильно, — одобрил Харламий. — Меньше нервотрёпки. Погляди на себя, почернел весь.

Гошка не ответил. Оттолкнув с дороги Женьку, прошел к противоположным нарам, вытащил вторую пару снегоступов, начал одеваться.

— Бежишь? — нажимая на шипящие, спросил студент.

— Собирайся, вместе ходим на участок, — грубо предложил Гошка, подпоясывая ремнём телогрейку. — Тебе надо провентилироваться. Воздух на верхотуре всякий бред снимет.

— Заприглашал! — замахал руками Женька. — А сам чужие снегоступы захапал!

— Сергей ждёт. Тозовку дашь?

— Бе-ри! — отчаянно отмахнулся Женька. — Всё раздаю, даром! — Он порылся в рюкзаке, достал пачку патронов. — Лови, шмаляй на утеху.

Гошка поймал пачку, спрятал в карман. Ремень тозовки перекинул на шею, снегоступы взял под мышку и вышел. Стоя наверху, заметил, что обе руки у статуи отвалились и подтаявшей горкой лежат у ног. Он отвернулся.

— Солнышко-то как разыгралось! — подходя с миской в вытянутых руках, заметила Вера. — Глядишь, и лето скоро высидим.

Он отступил с дороги. Повариха встала на ступеньку, поскользнулась и на спине с визгом въехала в палатку.

— Ты чего? — опешил Женька.

— Склизко! — поднимаясь на ноги, ответила напуганная Вера. — Лестница ваша стаяла. — Она отстранила руку с миской, отряхнула подол от оплесков.

— Не ушиблась?

— Не-е. — Вера переступила сапогами, подошвы которых загнулись арбузными корками. — Прямо как по желобу влетела, чуть сердце не выскочило.

Женька показал глазами на её огромные стоптанные сапоги:

— Где такую рванину откопала?

— Кирзушки-то? — Повариха приподняла ногу. — В них самый раз. В резиновых ревматизмы развиваются. — Она подошла к Харлампию. — Вот бульону вам из свеженинки сготовила. Женя вчера куропатку принёс, из неё.

— Да? — Харламий приподнялся, потянул носом. — Наваристый, ничего не скажешь.

— Пока горячий — полезнее. — Вера поставила миску на край стола. — Сейчас и чайку сбегаю принесу.

— Спасибо тебе, — Харламий, таясь от Женьки, придержал её руку в своей. — Хлопотунья ты, молодец, благодарствую.

— Ой да чо, кака така хлопотунья. Я и себе в радость.

Радостная, с растерянной улыбкой, она прошла к выходу, гибко выскользнула из палатки. Харламий осторожно поставил миску на колени, зачерпнул ложкой.

— Что, небось, головы с похмелья раскальваются? — с укоризной спросил он, старательно прожевывая хлеб.

— Клёпки подогнаны прочно, Харламий Адамыч, да и выпили в меру, — ножиком нащипывая лучину, отозвался Женька. — В полгода бутылку — эка! Слону дробина.

— Нашли время веселиться! — укорил начальник. — Тут впору волком выть...

— А кого нам бояться! — Женька сердито дунул в печь и попятился, отмахиваясь от пыхнувшей оттуда золы.

— Вот выздоровею, я за тебя возьмусь, — пригрозил Харламий. — Гошку копируешь, подражаешь во всём, а тёмные пятна в его биографии не учитываешь. Так жить безоглядно нельзя! — Он взмахнул ложкой. — Ты без пяти минут инженер! Подчинёнными единицами руководить придётся, а кого в себе воспитываешь? Смотри, дошутишь. Напишу в институт соответствующую характеристику.

Что-то сильно толкнулось в палатку, и брезент входа отёрнулся в сторону. Цепляясь стволом тозовки за полог, вошел Гошка.

— Давай очки, — потребовал он. — Глаза не терпят.

Женька покорно вынул из кармана очки, стал протирать стёкла. Харламий слил остатки бульона в ложку, спросил:

— Уверен, что найдёшь канавы?

Гошка кивнул, взял у Женьки очки, попросил:

— Ступени новые нарежь, а то шею свернуть можно.

В палатку снова вкатилась Вера и, прижимая чайник к груди, заплакала.

— Что там? — крикнул Харламий. — Опять что?

— Обзывают всяко! — в голос начала Вера. — Продукты берут без спроса!

— Вот оно-о, началось, — упавшим голосом протянул Харламий. — Гошенька, глянь сходи. Если пойдут — препятствуй! Но аккуратней, чего доброго — прибьют.

Гошка поднял с земли повариху, выскочил вон. У кухни, глядя на итээровскую палатку, гурьбой стояли канавщики. Он надел очки, подошел к ним.

— Не дело задумали, братва.

— Дело! — Васька потряс банкой тушёнки. — Она снова тучи заходят, где ж он прилетит к обеду, вертолёт ваш? А это, — он подбросил на ладони банку, — харч на дорогу. Имеем право взять? Имеем.

В руках у рабочих по одной, по две банки.

— Но не таким же образом. — Гошка пнул сапогом пустой ящик. — Это же разбой.

— Ты вот что, — шаря глазами по лицу Гошки, задохнулся от злости Хохлов. — Ты нами не командуй, ты поварихе скамандуй продукты выдать по-хорошему, чтоб разбоя не выходило!

— Побольше сухарей, братишечки! — завопил Васька Чифирист. — Рвём из этой слепени! — Он ткнул пальцем в перебинтованного. — Все такими станем. Айда на кухню, хватай что попадёт!

Рабочие не шевельнулись. Они стояли потупясь, невольно пряча за спины банки консервов. Васька влетел было в кухню, но увидев, что он один, выскочил назад.

— За что мы тут слепнем? — снова насел он на Гошку. — Кто ответит, какой опыт над нами проводят? Ты?

— Не ори! — тоже закричал Гошка. — То-то, я гляжу, ты ослеп, а всё шибко видишь. Заказали всем очки тёмные. Привезут.

— «Привезу-ут!» — передразнил Хохлов. — Видали гуся? А ты сейчас помоги человеку! — Он сорвал с Гошки очки, надвинул ослепшему поверх бинтов.

Гошка сощурился.

— Не дурите, мужики, — миролюбиво попросил он. — Вертолёт каждую минуту...

— Кончай заправлять! — Не дав договорить, плечом в грудь толкнул его Васька. — Теперь нас не сдерживай. Иди. Пушай Верка выдаёт сухарей и комбижиру.

— Да вы что, вы же на смерть идёте.

Хохлов злорадно наблюдал за Гошкой, готовый тут же подсобить Ваське, если начнётся драка. Но Гошка на толчки Васьки не отвечал, продолжая доказывать, что затея их безрассудная. Видя, как рабочие начинают склоняться на его сторону, Хохлов широкой грудью напёр на Гошку, предупредил:

— Советую прекратить базар. Что ты пугаешь пужаных? Спустимся с гольца вниз, там пойдём речкой до Лены, а там сядем на пароход. Помаячим с берега — подберёт.

— Подберут нас, понял? — плаксиво подхватил Васька. — Устроимся в другом месте.

Гошка оглянулся. У итээровской палатки, опершись на черенок лопаты, стоял Женька и внимательно, весь напряжённый, смотрел на него.

— Ладно, Хохлов, твоя взяла, — повернувшись к бригадиру, вроде бы сдался Гошка. — Только объясни ребятам, шустряк, за сколько дней доведёшь их до Лены.

— Гляди-ка, — оторопел Васька. — Оскорбляет.

Хохлов повёл белесыми глазами, ответил Гошке:

— За день доведу. Летели сюда — приглядывался. Сорок километров, не больше.

Гошка утёр повлажневший лоб, тяжело выдохнул воздух.

— Ну, дура-ак, — сочувственно протянул он. — Через горы идти надо, а там снег на перевалах почище, чем здесь. И речкой не пройдёшь, там они повздувались, быка свернут, а если где наледи, так это ловушка. Соображать надо.

Васька, открыв рот, изумлённо смотрел то на Гошку, то на Хохлова.

— И ты ему не врежешь, бугор, — он подтолкнул бригадира. — Дурака спустишь?

Хохлов надвинул ему шапку на глаза, уставился в далёкую отсюда долину, задёрнутую густым сизым маревом.

— А что тут соображать? — он приузил глаза. — Мы уж посоображали и решили, верно, ребята?

— Дойдём, — неуверенно прошумели рабочие. — Хаживали.

— Сорок километров осилим.

— Не сорок, хлопцы. — Гошка повернулся к женской палатке, громко позвал: — Тамара! Она выбралась наверх, придерживая у горла отвороты голубой куртки.

— Принеси на минуту планшет, — попросил Гошка и повернулся к Хохлову. — Тайгу на горло не возьмёшь, пережует и выплюнет.

Подошла Тамара, протянула планшет.

— Ну, кто с топографией знаком? — Гошка оглядел рабочих. — Натё, прикиньте, сколько вёрст вам ломать до Лены. В сантиметре — десять километров. Мозгуйте.

Нахмурясь, Хохлов взял карту. Канавщики с интересом обступили его. Гошка сунул руки в карманы, подмигнул Тамаре, пусть, мол, подсчитывают, авось образумятся. Она поняла его, одобрительно прикрыла глаза.

— Наврано всё. — Хохлов сложил карту, вернул Гошке. — Летели всего час, а тут... Мало ли чего можно на бумаге напороть.

— Ну ты скажи! — Васька облизал вспухшие губы. — Кругом обман. Даже в картах!

— Нет, Вася, не обман. — Он поправил ремень тозовки. — Ближний путь — сто пятьдесят, а не сорок. Столько и бывалый таёжник в эту пору не осилит, да и рисковать не станет. Так что прошу вас — бросьте валять дурака.

— Чего-то уж больно много, если не врёт, — шаря в затылке, засомневался Васька. — Сто пятьдесят?.. Ого! Это же сколько кружек чифиру выжрать надо, чтоб дотопать?

Он ошалело заводил глазами. Рабочие заулыбались.

— Ну-у, влипли бы! — с отчаянием заговорил перебинтованный и сплюнул себе на сапог.

Гошка отдал планшет Тамаре. Рабочие дружески смотрели ей вслед, будто она уносила от них навязанную им беду. Стояли не шевелясь, отбросив на снег короткие синие тени. Солнечные лучи гвоздили сугробы, из них, изноздренных, поднимались курчавые дымки испарений, и дальние гольцы за ними сизо дрожали.

— Возьми, пожалуйста, — перебинтованный снял очки, наугад протянул Гошке. Он взял их, сунул в карман.

— Ребята, давайте начинать что-нибудь делать, — проталкиваясь к Гошке, заговорил Ни-

колай. — Вон Верка, когда уж просит пол настлать. Сходим в долину всей оравой за жердями, за час нарубим.

— Вот это по уму, — весело поддержал Гошка. — И палатку окопайте, а то скоро вода пойдёт, будете плавать, как в аквариуме. Шевелись, братва.

— Ну так берём топоры — и айда?.. — Николай обернулся к канавщикам, но наткнулся на иронический взгляд Хохлова. Замолчал.

— Чо припух. Агитируй, — просипел Васька и покрутил тонкой шеей в раздольном входе телогрейки. — Наваялися рубить — валяй руби. — Он покосился на Хохлова. — Может, за усердство бригадиром поставят.

— И пойду, — отрываясь от глаз Хохлова, выкрикнул Николай. — Кто со мной? — Он нагнулся, вытянул из коряги воткнутый топор.

— Лоб здоровый, один справишься, — обронил в тишине Хохлов, и никто из рабочих не стронулся с места. Они только переглянулись и тут же отвели глаза, потупились. Николай один пошел вниз. Шел он неуверенно, криво переставляя ноги, и чем дальше отходил от товарищей, всё замедлял и замедлял шаги. Гошка краем глаза наблюдал за канавщиками, ждал, чем всё кончится. Видя, что его взяла, Хохлов пристукнул банками тушёнки, насмешливо крикнул: — Шибче спускайся, а то мы тебя нагоним и срубим несколько жердин в помощь!

Николай остановился и, растерянно глядя на товарищей, повернул назад.

— Забыл, понимаешь, — сказал он, подходя к Гошке и выворачивая из кармана банку тушёнки. — Разоружаюсь, вот. — Он бросил её в пустой ящик.

— Облегчился, теперь иди-иди, подавай пример. — Васька схватил Николая за рукав. — Сказано — шибче спускайся.

— Убери цапку! — Гошка резко отбил в сторону Васькину руку. — И давай сам разгружайся, хватит комедь выламывать. А вы, ребята, что так дешёво продаёте себя этому хмырю? Он из вас, как из шестёрок, верёвки выёт.

Круглолицый парень исподлобья глянул на Хохлова, полез рукой за пазуху.

— Оно и верно — дурим, — согласился он. — Я думал — за день добежим, а раз так... — Он бросил свою банку. Следом, стуча о дно ящика, упало еще несколько.

— А ты? — шагнув к Хохлову, с угрозой спросил Гошка. — Ты чего ждёшь?

Васька Чифирист из-за спин рабочих быстро выбросил свои, брезгливо отряхнул ладони. Хохлов презрительно прищурился на него, потом так же оглядел остальных.

— Уд-дивительно мне, — глухо проговорил он и швырнул свои банки в снег у кухни. За ним дружно выбросили те, кто всё ещё держал в руках тушёнку. Красные этикетки с рога-тыми быками жарко испятнали снег, десяток доньшек-солнц вспыхнули, наставив на людей узкие лезвия нестерпимого света.

— Оставайтесь. — Хохлов задрал бороду, оглядел горизонт. — Сегодня ночью вас здесь снегом завалит, вон они, тучки, сползаются. — Он сплюнул и пошел в палатку. За ним побежал Васька. Он крутился вокруг Хохлова, размахивал руками, что-то доказывал или оправдывался.

— Собрались два гада, назвались — бригада! — вслед им крикнул Николай. Рабочие рассмеялись, кто-то пронзительно свистнул. Хохлов даже не оглянулся, зато Васька погрозил кулачком и, взмахнув полами телогрейки, спрыгнул за бригадиром в яму.

Рабочие дружно — кто взял верёвки, кто топоры — окружили Николая, договариваясь, по какому склону будет сподручнее заволакивать наверх жерди. Гошка сказал им, что пошел намечать канавы, попросил не отпускать из лагеря Хохлова с Васькой.

— Вдвоём иди сдрейфят, — успокоил Николай. — Такие только в толпе ячатся.

* * *

Женька наблюдал за Гошкой, пока тот не забрался на увал и не скрылся за ним. Повеселевшие канавщики посоветовались и гурьбой повалили в свою палатку. О чём они там шумели, разобрать было нельзя, но скоро в палатке стало тихо. Он нарезал новые ступени и отдыхал, глядя в долину. Борта долины, зелёные далеко внизу, чем выше поднимались к лагерю, всё больше рыжели мёртвой травой и наконец пропадали под гигантской нашлёпкой снега, на макушке которой стояли палатки отряда. Уже давно отмаячил на втором снежном увале Гошка

и скрылся за дальним гребнем, а Женька всё стоял, опершись на лопату, испытывая неуёмное желание сбежать вниз к траве, упасть, зарыться лицом в брусничник, или швырять и швырять камни в пенную от паводка реку. Но, представив, как тяжело будет взбираться назад на гору по мокрому снегу, он вздохнул и начал спускаться в свою палатку. Тихий счастливый смешок Веры и глухое воркование Харлампия остановили его. Женька повернулся и направился к женской палатке. Постучал костяшками пальцев по гулкому брезенту.

— Впусти, — попросил, — мне плохо.

— Если совсем плохо — входи, здесь аптечка, — разрешил голос Тамары.

Женька вошел, сел на Верину раскладушку. Тамара искоса взглянула на него и продолжила раскладывать пасьянс на крышке черного, с потёртыми уголками чемодана, водружённого на фанерный ящик.

— Плошечкой освещаемся? — проговорил он, глядя на копилку. — Заключение: хоть жисть у нас темней и плоше, но путь вернее и... и...

— Ладно, потом... Можно подумать, у вас электричество! — Тамара фыркнула, собрала карты, постучала ими о крышку ящика и, сбив колоду, сунула под спальник.

— А как твои ведовские успехи? — поинтересовался он, понимая, что говорит так себе, лишь бы болтать.

— Ты это о чём? — будто подозревая его в каком-то подвохе, спросила она, нервно расстёгивая замочек футляра с маникюрным прибором.

— Я о пасьянсе.

— А-а... Ещё ни разу не сошелся, — бойко двигая пилочкой по ногтям, ответила Тамара. — Я невезучая. А ведовские успехи, это какие?

Женька поднялся.

— Чего не подтапливаешь? — кивнул на печку. — Мы вчера с Гогой коряг натаскали кучу. Глубоко из-под снега выкапывали. Желаеть, растоплю? — Он подошел к Тамаре, взял с ящика, приспособленного под столик, патрончик с губной помадой, развинтил.

— Ну, растопить? — переспросил.

— Не надо, — покусывая губу, вяло отозвалась Тамара. — Гошка вернётся, тогда. Чаю вскипятим, на гитаре побрякаем.

— Жуткий цвет какой! — Женька провёл помадой по бумаге. — Синюшный как...

— Сирень тень-брень, — она грубо схватила у него патрончик. — Гошка не сказал, когда вернётся?

— Не сказал, но скоро, наверное, — пожал плечами Женька. — До вечера далеко. Когда-то да придёт.

— Бож-же ты мой! — Тамара уронила на колени вялые руки. — Никто толком ничего не знает, не говорят, что делать, чего ждать на этой лысой горе.

— Ну чего ты? — успокаивал он, глядя в её набухающие слезами глаза.

— Же-енька... Ведь палатки стоят на самом склоне, а что если снег сдвинется, поползёт. Он как враг. Затаился и ждёт. Мы ждём, и он ждёт.

— Не поползёт, стечёт ручейками, ты держи себя в руках, — вчитываясь в её глаза, убеждал Женька. — Скоро привезут письма, газеты, транзисторы на всю мощь врубим, разгоним всю твою мистику.

— Тише! — Тамара вытянулась, приоткрыла рот. — Гудит... Слышишь? Это вертолёт!

— А я что говорил! — Женька задержал дыхание, прислушался.

— Вот опять. Почему ты не слышишь?

— Не гудит, кажется тебе, — отмахнулся студент.

— Да нет же, нет! — Тамара высунулась наружу к выходу. — Ты глухой...

По пути она столкнула с ящика чемодан, он, ударившись об пол, раскрылся, как раззявился. Бельё, фотографии, бигуди вывалились из его нутра.

— Никакого гуда нет, убедилась?

— Каждый день вот так, даже по ночам слышу. — Тамара задрнула полог, расслабленно пошла на своё место. Над чемоданом остановилась, подняла голубую ленту, встряхнула.

— Ты кого-нибудь любишь, Женька? — нахмурила лоб. — Ну, там, в городе или в институте?

— Там? — переспросил он озадаченно. — Там, да. Конечно, да.

— А я вот здесь... Осуждаете, небось? — Она складывала и вновь встряхивала ленту. — Ну отвечай же!

— Брось ты, какой суд.

— Так, спасибо. Что бы еще у тебя разузнать?

— Придумай, я много чего знаю.

Лицо Тамары разрозвелось. Она присела на корточки, стала быстро складывать чемодан.

— Ну и фотографий у тебя, — Женька завистливо причмокнул. — Зачем столько возишь?

— Да так. Хочешь полюбоваться? — Она протянула ему пачку снимков, покривила пухлыми губами. — Все про меня, по всем этапам жизни.

Женька взял фотографии, стал перебирать.

— Вера шестствует, по шагам узнаю. — Тамара мотнула распущенными волосами. — Живёт, как спит, вот кому всё просто.

Повариха вошла тихая, вроде провинившаяся. Медленно стянула с головы полушалок, присела и тут же ничком ткнулась в кровать.

— Тама-ара, — донёсся её задавленный голос, — есть у него семья? Скажи ты мне за ради Бога!

— Семья? — Тамара недоумённо опустила на край Вериной раскладушки. — Ты это о ком, милая? — Она погладила повариху по голове.

— О Харлампии, — шепнула Вера. — Ласковый он ко мне, не как другие. Обходительный. Тамара оглянулась на Женьку, приложила палец к губам.

— Вот так, — шепнул он ей. — Сложности, они у всех.

Женщины о чём-то зашептались. Чтобы не подслушивать их разговор, Женька, насвистывая, стал разглядывать фотографии.

* * *

Рабочие гурьбой подошли к палатке ИТР. Прежде чем войти в неё, Хохлов сказал:

— Значит так. Как решили сообща, так я ему и выложу. — Он мельком глянул на Николая, под глазом которого фиолетово цвёл желвак, поморщился и решительно развернул полог.

— Можно?

— Входите, кто там, — разрешил Харлампий.

Рабочие вдвинулись в палатку, и сразу стало непривычно тесно в ней. Хохлов отделился от остальных, подошел к начальниковой койке. Харлампий приподнялся в мешке, насторожился.

— Мы к вам, — сказал Хохлов. — Все вот тут.

— Весьма рад, товарищи, — закивал Харлампий. — Что скажете хорошего?

— Слышим — заболели вы, — смущённо начал Хохлов, — неудобно вроде бы тревожить, но опять же надо...

— Говорите, товарищи, говорите, — осторожно подбодрил начальник. — Жду, чем порадуете. Ну же...

Хохлов помялся, заговорил, извиняючись:

— Снег хорошо начал таять, вот какая штука. Ну, мы побузили тут немного, понимаем, вы уж простите, а мы работой докажем, что... В общем, не сомневайтесь.

Он снова умолк. Васька пощупал скулу, подтвердил.

— Верно говорит бригадир. Мы потолковали между собой вкруговую и решили не уходить, а работать. Скажи, Николай?

— Решили и точка, — тот кивнул.

Чего другого, но такого решения Харлампий от них не ожидал. Это не увязывалось с его ночным размышлением, где всё так складно получалось: понятно — забузили архаровцы не на шутку, добром это не кончится. Пусть уж уходят. Уйдут, а я, в случае чего, и не начальник, а я как раз болею.

Он нахмурился, даже как-то огруз в мешке.

— Понятно, — покашлял в кулак. — Волынили, план срывали, а вдруг одумались, сознательными стали, что ли?

— Плана не срывали, — возразил Хохлов. — Работы не было, откуда ему взяться, плану? — Это вы мне заявляете, вам просто, а что я скажу начальству? — повысил голос Харлампов. — Ещё как сорвали... Ти-хо! Снег — это одна причина. Природный каприз, одним словом, а ваша буза, саботаж — это уже из другой категории, понимаешь. Интриганы!

— Пошто ругаете? — насупился Хохлов. — Мы не за руганью пришли, а чтоб наоборот, чтоб спокой вам был.

— «Спокой!» Ишь, как оно, дело-то оборачивается. А я и так спокоен. И следом за вами не побежал бы. Вы — из отряда, а я тут же — заявочку на базу, и мне сразу десять настоящих рабочих пришлют.

Канавщики потупились, притихли. В этой тишине особенно отчётливо стало слышно, как весело набулькивают за палаткой убегающие с гольца ручейки.

— А мы что же, по-вашему, рабочие не настоящие? Вы ни в каком деле нас ещё не видели, зачем же срамите? — Хохлов с обидой, недоумённо глядел на начальника. — Ведь не от работы бежать хотели, а наоборот. — Он показал на перебинтованного. — Вот, например, Сухов, он канавы роет что экскаватор. И остальные не сплхуют, приходилось над землицей стараться.

— Да уж не подведу, — подхватил перебинтованный. — Не первый сезон по экспедициям вкладываю. Отмечали даже, грамоты и те есть.

— Чего не знаю, того не знаю. — Харлампов поёрзал на раскладушке. — Одно знаю — вы меня шантажировали.

— Что такое делали? — Хохлов распрямил плечи. — Что за темнуху нам шьёте?

— Хватит, хватит! — осадил начальник. — Решили остаться — оставайтесь на здоровье, какой может быть разговор. Я даже рад. Но должен предупредить, что не знаю, сколько вам придётся сидеть без работы. Это одному Господу Богу известно. И поэтому требую сидеть и ждать тихо и мирно. Хоть всё лето, понятно?

— Как же так? — подал голос Николай. — Гошка сказал, что пошёл место для канав находить.

— Не в курсе дела я, что он там вам наболтал! — повысил голос Харлампов. — Я за его слова не ответчик и перед вами юлить не собираюсь. Где он найдёт эти места для канав под таким снегом? Арап он, Гошка ваш, вот что!

Снова стало тихо. Хохлов, подолгу останавливаясь на каждом, будто собирая ответы, оглядел канавщиков. На Николае взгляд продержал особенно долго.

— Ну что, агитатор, схлопотал? — спросил он и зло прихлопнул на голове шапку. — Ладно, ребята, всё ладно. Берём трудовые книжки.

— У меня книжек нет. — Харлампов ухмыльнулся. — Лично я вас не нанимал. Спрашивайте в отделе кадров на базе.

— Добро. — Хохлов кивнул, отчего шапка наехала ему на глаза. — Там и возьмём. А вам вот что скажу. У вас одна голова два языка имеет. — Он обдёрнул полы ватника. — Больше толковать не о чем. Тушёнку поварихе вернули, ничего не должны, так пойдём.

— Послушай, бригадир, — Харлампов виновато поморгал. — Я, собственно, ничего решать не могу, я болею. Вот и приказ об освобождении... Временно. Вы уж давайте прямым ходом по всем вопросам к Сергею Ивановичу, он теперь начальник отряда. Вот так.

— Ну уж нет, начальник! Вы нас сюда привезли, вам и вопросы наши, — отпарировал Хохлов. — А за харч на дорогу — особое дружеское спасибо. Мы и на сухарях выдюжим. Будьте здоровы.

— И не кашляй, — пожелал Васька. — Чао!

Канавщики направились к выходу.

— Одну мину-утку, — Харлампов помотал вмиг постаревшим лицом. — Решили меня под статью подвести? Не выйдет! Из лагеря ни шагу, запрещаю!

Васька тут же очутился возле него.

— Почему запрещаешь, раз на бюллетене? — прокричал он в лицо Харлампову. — Кто ты такой, раз ни нашим, ни вашим?

Канавщики грудились у порога, чего-то ждали. Харламий, морщась, отстранялся от Васьки бледными руками, но тот не отступал:

— Ты что ещё от нас хотишь?

— Угрожаете? — неожиданно спокойным голосом спросил Харламий. — Оскорбление действием? Насилие?

Быстро подошедший Хохлов рукой отгрёб Ваську за спину, но тот успел прокричать:

— Тебя снасилуешь! Весь в законах!

Харламий сделал движение, якобы выбираясь из мешка, но Хохлов придержал его за плечи, успокоил:

— Больше никто оскорблять не будет. А насчёт статьи я вас очень даже понимаю. — Он выпрямился. — Только вы и статью всякую наоборот от себя повернёте, так думаю.

— Договоримся по-умному, — начал Харламий.

— По-всякому было. Не получается, — отказался Хохлов. — Мы уходим, точка. Если окажется, что за питание задолжали, — дадим расписку. Пусть с нас на базе высчитают, ведь хоть сколько-то мы заработали.

После этих слов Хохлова спасительная мысль, которую Харламий безнадежно поджидал всю ночь и половину дня, вдруг ослепила его, представ в виде белого квадратика бумаги. Он даже зажмурился, чтобы подольше продержаться перед глазами, но квадратик, покачиваясь, отдалялся, отдалился и растаял. Однако дело своё он сделал.

— Расписку? — переспросил Харламий. — Дадите обязательно. Молодец, что порядок знаешь. Только дадите её мне не за питание. Дадите в том, что уходите по своей воле, в нарушение моего приказа. Ну?

— Давайте бумагу, — просто согласился Хохлов.

— Пожалуйста, на столе бумага! — тыча пальцем, совсем приободрился Харламий. — Вы со мной шуточку не шутите, товарищи. Это вам не пролезет, субчики.

— Как писать-то? — Хохлов взял листок приказа, перевернул, не читая, уселся за стол.

— Пишите так, — начальник сцепил зубы. — Расписка дана настоящая начальнику отряда товарищу Полозову в том, что мы в нарушение его приказа не покидать отряд добровольно уходим на базу. Здесь работать отказываемся.

— Работать мы не отказываемся, — отверг такую причину Хохлов. — Мы наоборот.

— Хорошо, тогда так: здесь пока работы нет. Далее. Если с нами что случится, виноваты мы сами. В чём и подписываемся.

Он диктовал, тщательно выговаривая слова. Канавщики смиренно стояли за спиной бригадира, следя за коряво врезаемыми в бумагу буквами. Вскинув голову, прислушивался к Харламию перебинтованный, распутив вздутые губы, переломился, следя за пером, Васька.

— Братцы! — Николай растолкал рабочих, накрыл листок ладонью. — Не надо этого, братцы.

Хохлов сдвинул его руку, расписался.

— Давай по одному, — он бросил ручку на бумагу, вышел из-за стола.

Когда все расписались, Хохлов пробежал глазами по фамилиям, сказал Николаю:

— А ты почему?

— Я не подпишу, я остаюсь, хоть убейте. — Николай отступил вглубь палатки, опустился на нары.

— Раскололся, гнидь? — не двигая губами, спросил Васька. — Агитировал, чтобы дружба промежду всех была, а теперь, когда мы комком держимся, ты поперёк коллективу, да?

— Ну-ка ты, рук не распускать! — предупредил Харламий. — Вольному воля.

Подсушивая чернила, Хохлов брезгливо помахивал листком, видно было — что-то обдумывал.

— Хрен она спасёт вас, эта расписка, если что. Получайте! — Он протянул листок начальнику, но передумал, бросил на стол и, расталкивая рабочих, вышел из палатки. За ним поспешили остальные.

— Всё-ё, а там посмотрим. А ты правильно поступил, что не пошел с ними. — Харламий повернулся к Николаю. — Видел, как за горло брали? Засвидетельствуешь, как не отпущал, уговаривал, а ушли. Ещё оскорбили!.. Дай-ка мне бумагу.

Николай подошел к столу, взял листок, уставился в него. Казалось, он его сейчас порвёт. Но этого не случилось. Не поднимая головы, Николай протянул бумагу начальнику.

— Вот и документ подтверждает, — Харламий разгладил на груди расписку. — Во-от... Без бумажки ты кто?.. То-то, не знаешь. А с нею — ого! Человек. мудро сказано.

— Кем сказано?

— Как кем? Умным, надо полагать, человеком... Пойди-ка, взгляни. — Харламий кивнул на выход. — Поразведай, что делают.

Николай послушно побрёл из палатки.

* * *

— Весёлая у тебя была жисть! — Женька выгнул спину, потянулся. — Архивчик что надо.

— Иди, Женя, не вздыхай. Что я, не замечаю? — Тамара попыталась улыбнуться. — Дурачок ты, я для тебя старуха, даже для полевой жены не гожусь. Твоя пташечка в институте, вот и лови её, не зевай.

— Да, пташечка, — Женька щелкнул языком. — Только наврал я всё тебе. Но всё равно спасибо за откровенность.

— Вот и умница. — Она потянула за рукав его телогрейку. — Снимай, хоть пуговицы пришью, ходишь растрёпкой.

Он снял, и Тамара с ватником присела на раскладушку. Женька наблюдал, как она ловко орудует иглой, благодарно молчал.

— Тихо-то как, а? — проговорил он. — Ушам больно.

— Это для тебя тихо... На! — блеснув зубами, Тамара перекусила нитку, бросила на руки ему телогрейку.

Голубое, пугающей глубины небо, какое бывает только высоко в горах, встретило Женьку. По привычке он огляделся и заметил, что кое-где из-под снега уже показались длинные метёлки стланика. Гошкина статуя подтаяла и чуть завалилась набок.

— О чём грустим? — весело окликнул он стоящего у итэровской палатки Николая.

— Парни ушли, — всматриваясь в темнеющую зелень и задёрнутую синей дымкой долину, тихо отозвался тот. — Далеко уже, не видать.

— Врёшь! — Женька забегал глазами по зимнему спуску.

— А чо врать-то? Расписку начальнику написали и ушли.

— Расписку? — быстро переспросил Женька. — За продукты, что ли?

— Да не-ет, — тошно посмотрел на него Николай. — За жизни.

Женька сорвался с места и бросился к своей палатке. Круша каблуками нарезанные ступени, он ворвался к Харлампью.

— Ты-ы! Ты что содеял, ростовщик? — Женька глотнул воздуха. — Они ушли потому, что ты... спятил!

— Перестань орать, — спокойно потребовал Харламий. — Да, взял расписку. Написали, дали и я взял. А ты бы на моём месте побрезговал? Ха! В своё время Гошка не взял писульку за карабин — и что? Под суд пошел! А я не хочу! — распаясь, выкрикивал Харламий. — А я не желаю. Им жизнь не мила, а не мне. Вот и написали, вот и пошли!

— На смерть отправил! — Женька схватился за голову. — Их надо догнать, вернуть. Давай вставай, не придуряйся, придумай что-нибудь, ведь тебя за эту расписку повесить мало!

— Сопляк! Тебя петух в задницу не клевал, потому так рассуждаешь! — побагровев, закричал Харламий. — Суд всё учитывает, каждую строчку, каждую букву, заруби это на носу. — Он сунул руку в спальник, вытянул чёрный наган, потряс им перед лицом студента. В дырках барабана яркими искорками мерцали латунные головки пуль. — Вот, если бы я этим стращал их не покидать отряд, тогда бы и засудить могли. А я — стращая, не переступил, уважил свободу выбора. По кон-сти-ту-ци-и!

— Ты сволочь! — Женька заотступал спиной к выходу.

— Назад! — приказал Харламий. — Вооружись ракетницей, будем самообороняться. Они могут того... вернуться.

Женька выбежал из палатки.

Рядом с Николаем стояла Тамара. Они, будто окаменев, глядели в далеко-далёко убега-

ющую долину, вслушивались, не прилетит ли оттуда крик, но внизу властно урчала, перека-
тывая камни, вздутая от многих ручьёв Домугда. Женька пробежал мимо. Его не окликнули.
Проваливаясь и черпая рыхлый снег голенищами сапог, он заторопился по Гошкиной лыжне
вверх от лагеря.

* * *

Если в июне в гольцовой части гор пройти по рыхлому снегу, в них остаются глубокие
голубые следы.

Гошка шел, оставляя их позади себя, оглядывался, дивясь удивительному в продавах
лыжни свету. Снегоступы то скользили поверху, то погружались по щиколотку. Весело и ход-
ко шагалось Гошке.

Сергея заметил издали. На сплошном белом окоёме одинокая фигура его торчала тёмным
столбиком.

— Эге-ге-гей! — раскрылив руки, закричал Гошка.

— Го-го! — прилетело ответом.

Гошка поддал ходу, и тёмная фигурка покатила навстречу.

— Фу-у, взмылили пригорочки, — прохрипел он, сходясь с Сергеем. — Чего так далеко
упорол? Участок во-он где остался. Там и аномалии прошлогодние. Я сейчас мимо бежал и
видел отвалы. Оголились, родненькие, не подвели.

— Поздравляю! — Сергей хлопнул его по плечу. — Тебе с Харлампия причитается. Об-
радуется.

Гошка вытер платком лицо, шею, задышал ровнее.

— Вот, пробежался, аж похудел, — пошутил он. — Да снег совсем рыхлый, водой про-
питался, вертолёту у нас не сесть, по брюхо провалится. Разве что в долине, так это у чёрта
на куличках, а поблизости склон не позволит. Так что пока площадка не выгаёт, и заикаться
о нём не стоит.

Они вернулись по Гошкиному следу к обнажившимся отвалам прошлогодних канав. На
участках то тут, то там выперли из-под снега глинистые горбики, но это не обрадовало Сер-
гея. Он с первого взгляда понял, что веселиться рановато: выработки затрамбованы снегом,
промёрзли, а чтобы их оттаивать кострами, дров не напасёшься. Да и где они, дрова, тоже под
снегом.

— Взрывчаткой будем рвать! — стоял на своём Гошка. — Накалывать в кострах ломы и
пробивать шпурь!

— Ничего из мерзлоты не вырвешь, взрывы будут стаканить, а толку? — со знанием дела
объяснил Сергей. — Запыжует килограмм взрывчатки, вырвешь килограмм грунта. Мар-
тышкин труд.

— Ну, и какой же выход?

— Начнём с полной очистки всех канав и шурфов на всём участке. Какая разница —
воду из них вычерпывать чуть попозже или теперь снег выбросить. А отвалы используем для
ограждения, чтоб вешними водами не топило. Вот такое моё решение. Это дня на три-четыре
займёт рабочих, а там земля оголится, вон как парит-жарит.

— Будь по-твоему, но ломы калить всё равно придётся.

Гошка взобрался на рыжий холмик отвала.

— Вижу-у!

— Кого? — встрепенулся Сергей.

— Канатные дороги, обогатительную фабрику! Стадионище-е, как на Медео! Театры,
весёлых людей — Ураногра-а-ад!

— А арбуза там не видишь, который нам в определённое место вбивать будут за провал
задания? — с усмешкой спросил Сергей и крутнул рукой у виска. — У тебя опять шкалит? На
такой верхотуре город?

— А что? Высокогорный! Вон там огромное озеро с островками и яхтами, — вдохно-
венно планировал Гошка. — Дальше по нагорью Хрустальный — аэродром, за ним... точно,
вижу арбуз.

— То-то. — И вдруг командирским голосом Сергей приказал: — Отставить! Ночью в

спальном мешке фантазируй хоть до утра, а сейчас прошу мозговать о реальном. Видишь, какое наследство подкинул мне Полозов? — Он подхватил снег горстью, бросил в рот. — Если он серьёзно заболел, мне тут придётся командовать всем парадом. Учти, я терпим только к реалистам... За ними, за ними, дорогой геофизик, будущее. — Он помолчал, к чему-то прислушиваясь. — Что это? Слышишь?

— Ничего не слышу.

— Значит, показалось... Вот я и говорю — будь реалистом, так надёжнее. — Сергей глядел на Гошку открытыми, снизу подсвеченными снегом глазами. — Надо, чтобы впереди маячило что-нибудь главное, существенное, а не «ничто и туманна даль». Должна быть у человека реальная цель! Высота определённая. Вот и шагай к ней, штурмуя, захватывай.

— Пощади, я весь в пене от штурмов, от захватов. — Гошка брезгливо стряхивал с себя воображаемую пену. — Швыряешься словами, словно...

— Горбатого могила... Неужели теперь не слышишь?

— Слышу. Но кому здесь кричать, разве что снежному человеку.

На вершине дальнего увала показался барахтающийся человек.

— Го...га-а-а! — накатился откуда-то слабый крик.

— Женька, — узнал Сергей.

— ...га-а! — снова надорванно долетело к ним.

Гошка сорвался с места, часто захлопал снегоступами навстречу студенту.

— Что произошло? — нагоняя его, кричал Сергей. — Что?

От самого лагеря до увала Женька протаранил в снегу глубокую борозду. Он стоял, утонув в ней по пояс, мокрый и злой.

— Ушли-и! — встретил их воплем. — На базу!

— Ври-и! — не поверил Гошка и побледнел.

— Точно, ушли! — Женька выжался на локтях из снежной борозды. — Харламий с них расписку взял! Погибнут — его хата с краю! — Снег под тяжестью Женьки осел, и он рухнул вниз.

— С краю? — глядя на сидящего в борозде студента, переспросил Гошка. — Хата?

— Часа уж три как упорол, — Женька в изнеможении едва шевельнул рукой. — От лагеря вниз в Домугду.

Сергей сплюнул в досаде.

— Ну-у, сюрприз, — сквозь зубы проговорил он, обтирая лоб рукавом. — Ну-у, ознаменовали мой день вступления в должность.

Гошка подтянул лыжные крепления, распорядился:

— Бери, студент, снегоступы у Сергея и бежим, завернём ребят.

— Я не могу, выложился весь, — откровенно признался Женька. — Валяйте с Серёгой.

Гошка махнул Женьке и заскользил по увалу. Сергей покатил следом по его лыжне.

— Там пустоты в наледях! — прокричал Гошка. — Сверху корка, а под ней колодцы. Наступят — и каюк, слышь, Серёга? Вода под лёд удёрнет — и конец!

— Ну, пироги! — переваливаясь на ходу, ужасался Сергей. — Ну, дураки!

Сергей с Гошкой огибали гигантское полукольцо кара. В центре провисшего над провалом снежного карниза они остановились.

— Гога, хватит! Дальше совсем опасно! — Сергей выкрикивал, захлёбываясь, едва дыша. — Если обогнали... отсюда... увидим. Хватит!

— Увидим, а толку? Они через пять минут потонут в устье! — хватая ртом воздух, кричал Гошка. — Скатимся по карнизу и там перехватим!

Сергей с ужасом глянул в провал, побледнел.

— Дура-ак, ты в уме? Взгляни-и! — простонал он. — Куда на рожон прём, за чьи грехи рискуем?!

— За свои, человечьи! — Гошка постучал снегоступами по карнизу. — Выдержит, крепкий!

— Нет! — Сергей отступил назад. — Что другое, а это — нет!

Гошка снял тозовку, со злостью воткнул прикладом в снег.

— Давай тулку, — приказал он. — Да живей ты!

Сергей, сразу успокоившись, расстегнул ремень патронташа и вместе с ружьём протянул Гошке.

— Думаешь, они выстрелы твои услышат? — Он замахал руками. — Они по льду прут, а под ними река грохочет, оглохнуть можно!

Гошка перепоясался патронташем, тулку перекинул на спину и повернулся лицом к спуску.

— Одумайся, — в спину ему заговорил Сергей. — Ты рискуешь, а они сами виноваты. Вот и пусть пожинаяют по своей прихоти. Ведь дали же Харлампию расписку? Дали...

Гошка напрягся и, оттолкнувшись, начал скатываться, всё набирая и набирая скорость. Он мчал по карнизу, залезшему зимними метелями и почти не тронутому солнцем. Казалось, что Гошка по касательной догоняет пенную реку, убегающую от него щетинистым горлом распадка. Рёв её явственно докатывался к Сергею.

Людей Гошка увидел внезапно и, кренясь набок, затормозил. В лицо из-под лыж ударил фонтаном косо срезанный снег, ослепил. Гошка упал. Крепление лопнуло, и одна лыжина скользнула с ноги в провал. Он подполз к краю, глянул в каньон. Люди показались ему черными запятыми на белой ленте наледи. Их цепочка двигалась по ней в полукилометре от устья. Гошка снял ружьё.

— Стойте-е! — завопил он. — Там пустоты-ы!!!

Рёв его смяла ревмя ревушая Домугда. Тогда он поднялся, свободной ногой наступил на оставшуюся лыжину, рванул её и, оборвав крепления, столкнулся следом за первой. Всаживая в наст каблуки, Гошка запрыгал вниз по карнизу, край которого полого спускался к устью. Люди шли всё так же далеко внизу, но левее. Гошка упал лицом на шершавый, как наждак, карниз. Он понял — раньше их к устью ему не успеть. И хрипло выматерился, стоя на коленях на самом выгибе карниза, что, крутым гребнем заворачиваясь под ним, нависал над глубоким провалом. И, сознавая, что должно случиться непоправимое, Гошка взвёл курки тулки. Медленно опустил стволы в каньон.

Аа-а-ах!.. Гул выстрела поглотила бездна и, удесятерив, выдохнула обратно. Далеко вверху вскрикнул и отшатнулся от дрогнувшего карниза Сергей и на четвереньках побежал в сторону.

— Что... Что делаешь? — кричал он, кровяня пальцы о жёсткий наст.

После выстрела цепочка людей на наледи остановилась, но тут же гусеницей зашевелилась дальше. Гошка дакнул на второй спуск и удивился, что вместе с выстрелом низко повисшее над гольцами солнце мячиком подпрыгнуло ввысь. Он так и глядел на него, широко и удивлённо, стоя на карнизе, летящем в долгий провал кара.

* * *

Женька прибрёл в лагерь в сумерках. У Гошкиной статуи, с которой свалилась и лежала, вмявшись в снег, подтаявшая голова, стоял в меховой куртке и раскатанных выше колен белых бурках Харламбий. Сцепив за спиной руки, он смотрел на рабочих. Они возвращались в лагерь. Чуть поодаль от Харлампия тесной кучкой стояли Николай и Тамара с Верой. Никем не замеченный, Женька устало опустился на снег и сел, прислонившись спиной к брезентовой стене кухни.

Первым к палаткам прибрёл Васька. Он был так измотан тяжелым подъёмом по пояс в мокром снегу, что казалось, даже глаза его взмокли от усталости. Харламбий, строго глядя на него, спросил:

— Что, гуси, слабо?.. Так-то. А предупреждал, уговаривал. Ничего. Наука на пользу.

Васька, даже не взглянув на него, рухнул на ящик из-под консервов, стянул с головы шапку. Он часто дышал, закрыв глаза, и от обросшей головы валил пар. Николай боком, незаметно, отошел в сторону и понуро скрылся в итээровской палатке.

— Герои, — не унимался Харламбий. — Хорошо, что всё хорошо кончается.

— Не всё, — просипел Васька.

Харламбий подолбил носком бурки в подножие статуи и она, скособочившись, с шумом развалилась. Васька нервно вскочил на нетвёрдые ноги, покачнулся.

— Не вернулись бы мы, вот тебе! — он выставил руку с сжатым кулаком. — Да он по нас

из ружья стрелил, и сам со снегом с обрыва рухнул. Все путя завалило, дальше не пройти. — Васька плюхнулся на ящик, виновато добавил: — Мы за лопатами пришли, чтобы, значит, начать работать, откапывать стрелка.

Отвалив губу, Харламий смотрел на Ваську и вроде бы не понимал, о чём он говорит. Тамара подбежала к Ваське:

— Кого, кого откапывать?! — вскрикнула и схватилась за горло. — Сергея? Гошка ему дал своё ружьё. Господи! Как можно стрелять, когда лавины даже от камушка...

Женька быстро прохромал к Ваське. Тот сидел, виновато глядя на Тamarу, силился что-то сказать, но губы только вздрагивали, кривились.

Женька схватил Ваську за плечи, встряхнул, но тот, всё так же глядя на Тamarу, наконец, разлепил губы:

— Гошку откапывать надо.

— Нет же, нет, Сергея! — Тамара беспомощно заозиралась. — Да вон он, Го-ошка!

Все, кто был в лагере, повернулись. Далеко за палатками на подсиненном сумерками снежном увале стоял человек. Не спуская приузенных глаз с увала, Харламий нагнулся к Женькиной кукле, желтым ногтем выковырнул сливы из расплющенного «лица» бабы.

— Кто там, не узнаю? — Он аккуратно обтёр сливину о рукав куртки, положил в рот.

— Да Гошка же! Не видишь, он без ружья! — Тамара рванулась вперёд к увалу, но Женька поймал её за руку.

— Уйди, не ври-и! — она вырвала руку, оттолкнула от себя Женьку, проваливаясь в снег, побежала к увалу.

— Ой, да чо это деется! — всхлипнула Вера и, подскочив к Харлампию, встала рядом. Начальник, всасывая щёки, обсасывал сливу и всё так же, вприщур, глядел в гору. Осмелев от страха, повариха подхватила его под руку.

— Чё стоишь-то чурбаном? — крикнула она и испугалась до шепота. — Ведь с нами ж беда-а...

Харламий, чмокая губами, шевельнул локтем, освободился. На него молча, в облепивших тело мокрых штанах, с кулаками шел Женька.

— Выклевал, — сквозь зубы шептал студент, — сожрал.

Харламий попятился от него, запнулся, упал на спину, и изо рта его вылетели чёрные косточки.

В это время к палаткам прибрёл Хохлов, не обращая ни на кого внимания, молча собрал несколько лопат, взвалил на плечо.

— Эй, парень, — окликнул он Женьку. — Айда-ка с нами, а эту гноину не шевели, он сам себя жизнью своей вонючей сказнит.

И тут с полпути от увала донёсся плач Тamarы.

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

РОСТИСЛАВ ФИЛИППОВ В МОЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ

К 75-летию поэта

Прежде всего он заинтересовал меня как забайкалец. Я знаю, что земля моя, малая родина, дала России немало талантов, отличающихся, к тому же, душевным благородством непростых русских людей. Ростислав Владимирович работал в газете «Забайкальский рабочий». Позже я узнала, что он уроженец другого края, выпускник МГУ. В Чите оказался, как говорится, по зову сердца, а у нас в Забайкалье уживаются только люди особой пробы.

Возможно, благодаря Ростиславу Филиппову, в «Забайкальском рабочем» появилось одно из ранних моих стихотворений (прямо скажем, лихое!); оно о том, кто создал золотое Забайкалье, с эпитафией из народной геологической поэзии: «Бог создал Крым, дворцы и дачи, а черт — Могочу да Букачачу, да Читу в придачу. . .» Вот, наверно, насмешила я тогда читателей!

Судьба свела меня с Ростиславом Филипповым, когда он стал иркутянином. Мы выступили вместе в какой-то аудитории, где он, выслушав мои стихи, сказал, держа меня за руку: «Может быть, эта девочка сделает одолжение, принесет к нам в издательство свою рукопись!» А он в те поры был главным редактором Восточно-Сибирского книжного издательства. Помню, ему очень понравилась моя «Баллада о старом руднике» и вообще стихи о Забайкалье... И вот в 1981 году вышел мой «Остров веры».

Благодаря его заступничеству я всегда оставалась на плаву. Как бы ко мне ни относились другие писатели. В 1989 году меня приняли в Союз писателей в Иркутске. Далее документы кандидатов в члены Союза писателей СССР уходили в Москву на обсуждение приёмной комиссии «Большого Союза», и наши книги должны были понравиться подавляющему большинству членов комиссии. Но в Москве кое-кому не понравилась моя фамилия. Дело вот в чем: живет в Москве критик Юрий Суровцев. Одно время он занимался тем, что писал и публиковал на первой странице «Правды» разгромные статьи на некоторых писателях, чем заслужил неприязнь многих других. И вот кто-то из приемной комиссии решил свести с ним счеты... вычеркнув ненавистную фамилию из списка кандидатов.

Ростислав как ответственный секретарь писательской организации присутствовал при этом, он убедил-таки пересмотреть мою кандидатуру — и они, ответственные секретари писательских организаций областей и союзных республик, вернулись и проголосовали — «за»!

Спустя несколько лет я сидела за столом в ЦДЛ с одним из тех «неприятелей» (между прочим, моим преподавателем на высших литературных курсах, ВЛК). Мы беседовали с ним об этом случае. Кстати, рекомендовал меня на ВЛК тоже Ростислав Филиппов. Увы, это были тяжелейшие годы развала — и страны, и писательского Союза...

А в последние годы народной власти Ростислав Владимирович выхлопотал для меня двухкомнатную квартиру, где я живу сейчас.

Не знаю Ростислава как балагура, гитариста, исполнителя романсов. Зато знаю как благородного, справедливого и мудрого человека. Просто поэт Ростислав Филиппов признавал поэтессу Татьяну Суровцеву — потому и благоволил. Мне это дорого!

Я знаю его как одного из самых талантливых сибирских и русских поэтов, чьи стихи, честные и сильные, отвечают нашим мыслям, нашей вере и нашим сомнениям. Они злободневны в хорошем смысле этого слова, если можно так сказать о той страшной эпохе, в которую он творил перед своей физической кончиной. Многие стихи поэта мы помним наизусть — потому что они написаны словно от сердца народного!

Светлая память ему и много переизданий его книг на радость любителям русской поэзии!

* * *

*Памяти Поэта
Ростислава Филиппова*

Под зеленые своды
Беспокойного лета
Принесли — и навеки
Положили поэта.
Он, плывущий над бездной
В узкой лодье своей,
Будет слушать победный
Шум зеленых ветвей.
Этот ливень случайный
И раскат грозовой
Как обряд поминальный
Над его головой.
После ночи дождливой
Солнце ярче горит,
И росы переливы
Как живой малахит...
Бесконечная нива,
Золотое жнивье!
Жизнь смела и ревнива:
Отбирает свое.
Оркестровые стоны
Окликают вдали —
Это люди с поклоном
Жертву ей принесли.
По ночам на погосте
Души дышат сполна,
И приходит к ним в гости
Ангел ночи — Луна.
С птичьей трелью рассвета
Души прынут в зенит.
Только слово Поэта
Над землею звенит...

В ЗИМОВЬЕ

Как же ты меня нашла, милая дворняжка?
От села за двадцать вёрст чёрт меня занёс.
Видно, жить на белом свете стало очень тяжело,
коли ты сюда пришла в эдакий мороз.

Добралась, а вот хвостом вертишь как-то слабо.
Чем тебя мне угостить — супом, калачом?
Ах, беда какая! Вижу — перебита лапа!
Заходи-ка в зимовьё! Стану я врачом.

Самоучка я, но всё же — вылечить сумею,
забинтую, где болит, только не рычи,
накормлю и напою, грусть твою развею
и согреться положу около печи.

В общем, ты располагайся, будто бы на даче.
Грязновато тут и тесно, впрочем, можно жить.
О моей занятой жизни, о твоей собачьей,
при свече ли, при лучине будем говорить.

Ты расскажешь, что стареешь, и тебя под вечер
за село хозяин вывел, зарядил ружьё,
а до смерти не убил, только покалечил.
Сволочь он — прости, но это мнение моё.

Ну, а я сюда приехал не стрелять по зверю,
хоть, признаться, до охоты я весьма горазд.
Сочиняю тут стихи и немножко верю,
что их, скажем, через год кто-нибудь издаст.

Вот и вылечу тебя — дело-то простое!
Отведу тебя в село: срок мой подкатил.
Если есть собачий бог — упрошу его я,
чтоб никто тебя под вечер в лес не уводил.

А потом в автобус сяду, сяду невесёлым,
словно другу дорогову в чём-то изменяю...
Я знакомых не завёл по окрестным сёлам,
так что очень попрошу — проводи меня.

СОБОЛЬ

Когда он мышковал, врубаясь носом
в пронзительные запахи тайги, —
вдруг были им опознаны враги,
и он забился в каменную россыпь.

Он голодал и вспоминал пиры,
когда с рябца сдирал он перья с кожей...

И трое суток голодали тоже
добытчик и собака у норы.

Он, выскочив на свет, ослеп с темна,
не ведая, что глаз его в прицеле,
не ведая, что он красив и ценен...
И выстрел гаркнул, какова цена.

* * *

Ружьё оставлю. Выброшу патроны.
Войду неслышно в белую тайгу.
Там притаились молнии и громы
в литых ружьях, в торжественном снегу.

Раздвину ветки, уколуюсь о сучья...
Как бог, свершая радостный обряд,
по облакам пройду я и по тучам,
которые весной легко вспарят.

И станет небо синим, а не серым,
и пронесётся солнце колесом,
и хлынет дождь... Он будет пахнуть зверем,
травой и стылой ягодой лесной.

Так будет тихо, что душа очнётся,
приветствуя земную тишину.
И радуга над сопками взметнётся,
упрётся краем в свежую сосну.

* * *

В музеи прихожу утрами.
Хожу по залам, не спеша.
Здесь обитает, точно в храмах,
Времени суровая душа.

Огонь сердец, раздумий сгусток...
И вот я всматриваюсь вдруг
С восторгом — в прошлое искусства,
С улыбкой — в прошлое наук.

С веками спорить недостойно.
На всё была своя пора —
На явный поиск флогистона,
На тайный поиск серебра.

В пыли алхимиков реторты.
Потом забыли в свой черёд
Тот самый первый, очень гордый,
Смешной — на Темзе — пароход.

У современности поспешной
Всегда высокомерен тон.
Магнитофон глядит с усмешкой
На молодецкий граммофон.

Сверхзвуковые самолёты,
Под солнцем пролетая в ряд,
Припоминают неохотно
Аэропланчик братьев Райт.

О, мир искусства — не таковский!
Как ни меняются года,
Векам и Рубенс и Чайковский
Оставлен раз и навсегда.

И мне итог давно привычен:
Уж так устроен человек —
Где ум был веком ограничен,
Там сердце прорывало век.

Зло инквизиторской порою
Не знало удержи кострам.
А Данте ад уже построил
Ему по гневным чертежам.

Ещё присматривались к птицам
Людские добрые глаза,
А он уже успел разбиться —
Икар, взлетевший в небеса.

Через века, через границы,
Не устарев и не устав,
Идёт Онегин с Датским принцем,
И вместе с Тёркиным — Фальстаф.

Уверен, физики и боги
Питают зависть к их творцам.
Умам принадлежат эпохи,
А вечность отдана сердцам.

* * *

Вы, конечно, сразу угадали,
Обойдясь совсем без волшебства,
Что для Вас играю на гитаре
И пою старинные слова.

Вы поверьте, я — не соблазнитель,
Но сегодня в этот тайный час
Никуда домой не уходите,
Потому что я пою для Вас.

Дальние зарницы заблестали —
Я на память их поберегу.
Я сегодня чуть сентиментален,
Даже чародействовать могу.

Говоря Вам это, не рискую.
Посмотрите — как разрыв-трава
В сказочную полночь колдовскую,
Светятся старинные слова.

Я пою. Друзья, склоняя лица,
Слушают, не ведая того,
Что кругом таинственно вершится
Наше небольшое торжество.

Убирают со стола посуду,
Это значит — надо уходить.
Вот и всё. Я больше петь не буду.
Можно вас сегодня проводить?

ГОРОДСКИМ ВОРОБЬЯМ

Листопад сегодня. Листопад...
Как сквозь щёлку солнце тонко светит.
Воробьи, нахохлившись, сидят,
будто бы обиженные дети.

Худо им — они не соловьи.
Им зима готовит испытанье.
Серые товарищи мои
думают о зимнем пропитанье.

За любую крошку — быть боям.
Сытый день зимою очень редок.
Уж кому-кому, а воробьям
на земле никто не ладит клеток.

Деревенским родичам легко:
откормились, на полях летая...
до амбаров им недалеко.
Выпала им доля золотая!

Лошади — надёжнее всего!
И хотя им тяжело на службе,
от пайка дневного своего
поклевать всегда дадут по дружбе.

Только с каждым годом всё трудней —
как-то так уж на земле ведётся —
с каждым годом меньше лошадей
в городе работать остаётся.

ИМЕНИНЫ

*27 марта — день памяти святого
Благоверного моравского князя
Ростислава, единомышленника
и защитника «учителей словенских»
Кирилла и Мефодия*

У меня сегодня именины.
И стакан, как водится, подняв,
Говорю я: «Здравствуй, мой былинный
Благоверный княже Ростислав!»

Жаль, что я в твоей Мораве не был.
Не встречались мы во все века —
Потому что ты давно на небе,
Я же на земле живу пока...

Рад, что были в службе, а не в свите
У тебя Мефодий и Кирилл.
Был ты щедрым в хлебе и защите,
И на подвиг их приободрил.

И явились в мир из сочетанья
Духа, почвы, бытия и снов

Наших слов словенских очертанья,
Образа предвечных наших слов.

О глаголы счастья и страданья!
С той години и по наши дни
Согревают жизнь и мирозданье
Духосотворённые они!

Их деянья весело и веско
Отозвались в нашей стороне —
В Пушкине, Толстом и Достоевском,
В Бунине, в Распутине, во мне.

И пускай до самого исхода
Мы не знаем, что нам предстоит,
Но о судьбах мира и народа
Бог уже по-русски говорит.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

КАПИТАН ЛЕТАЮЩЕГО САРАЯ

ПОВЕСТЬ

— Какое у тебя звание?

Честно говоря, я не ожидал, что этим вопросом прямо на пороге штурманской комнаты меня встретит мой командир Иннокентий Ватрушкин.

После окончания лётного училища, в новенькой серой лётной форме и белой рубашке, наглаженный и начищенный, я приехал на свой первый вылет.

— Лейтенант, — бодро ответил я, ещё не понимая, к чему этот неуместный в данном случае вопрос.

— Вот что, лейтенант! — Ватрушкин сделал паузу, быстрым глазом оглядел мою форму и строго произнес: — Если хочешь стать капитаном, больше на вылет не опаздывай!

Я машинально глянул на часы. До вылета в Жигалово, который значился в нашем задании, оставалась ещё уйма времени, целых пятьдесят минут. Тем более, что рейс был почтово-грузовым, есть-пить не просил, и жаловаться на задержку с вылетом ни у кого причин не было.

— Это не твоё время, — словно угадав мои мысли, строго произнес Ватрушкин. — На вылет надо являться за час, а тот, кто хочет стать капитаном, является за два.

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич, прозаик (1944, Иркутск). Автор книг: *Непредвиденная посадка*: повесть, рассказы (Иркутск, 1979); *Опекун*: повесть, рассказы (М., 1980: Первая книга в столице); *Почтовый круг*: повесть, рассказы (М., 1982); *Отцовский штурвал*: повести (М., 1984); *Приют для списанных пилотов*: повести, рассказ (Иркутск, 1984: Современная сибирская повесть); *Малая Грузинская*: повести и рассказы (М., 1986); *Истории таёжного аэродрома*: для мл. шк. возр. (Иркутск, 1986); *Плачь, милая, плачь*: повести и рассказы (Иркутск, 1994); *То же* (М., 1995); *Без меня там пусто!*: (М., 1998); *Иркут*: избр. произв. (Иркутск, 2009) и др. Член Союза писателей России.

Я промолчал. Хотя Ватрушкину ещё не было и пятидесяти, но он был знаменит на всю Сибирь, на него показывали пальцем, он-де знал самого маршала Иосипа Броз Тито. Друзья-лётчики сказали: мне повезло, что посадили летать с таким опытным командиром.

Ватрушкин был одним из немногих, кто пришёл в авиацию ещё во время войны пятнадцатилетним мальчишкой. Был мотористом, потом переучился и стал лётчиком. Рассказывали, что во время войны бывал в Италии, в той самой авиационной части, которая спасла Тито, когда партизанский штаб в Югославии обложил немецкий спецназ.

Были у Ватрушкина взлеты, когда он командовал авиаотрядом в Киренске, были и падения, и тогда ему приходилось начинать свою лётную жизнь как бы с нуля. Впрочем, начальство, уважая его боевое прошлое, с пониманием смотрело на его очевидные слабости, например всем была известна его склонность к послеполётным фронтным, как он сам выражался, ста граммам. Для острастки иногда ему всё же грозили пальцем, мол, смотри, Михалыч, делаем последнее предупреждение. Но где найдешь такого лётчика! Такие, как Ватрушкин, на дороге не валяются.

Ватрушкин был лётчиком от Бога, и ему доверяли самые трудные задания. Он летал на аэрофотосъёмке, садился там, где не только приземляться, но и ходить-то было опасно. Он знал все пригодные и непригодные площадки, доставлял туда врачей, вывозил больных и не считал свою работу особенной.

— Нам сказали — мы слетали, нам бы стопочку подали, — посмеиваясь, говорил он, вернувшись из очередного полёта.

К нему в экипаж меня направили после того, когда его второй пилот Коля Мамушкин на оперативной точке прогулял с местной красавицей ночь, а утром пришел на вылет, как было написано в медицинском протоколе, с остаточными явлениями алкоголя. Наказание последовало незамедлительно, Мамушкина было предложено уволить. Чтобы спасти его, Ватрушкин предложил на полгода отправить Мамушкина на одну из открывшихся посадочных площадок на север области. Скрепя сердце, лётное начальство пошло ему навстречу, Мамушкина вначале отправили в Карам, а затем перевели в Ченгилей.

Сделав мне втык, Ватрушкин тут же приказал мчаться на грузовой склад и получить почту, а если подвернется, то и попутный груз.

— Чтоб через двадцать минут всё было в самолёте! — добавил он.

На складе нашу почту ещё никто не загружал. И, судя по всему, не собирался этого делать. Грузчики принимали московский рейс.

— Людей у меня нет, — развела руками начальник грузового склада. — Если хочешь вылететь вовремя, грузи сам. Кстати, а вот и ваша сопровождающая.

Она показала на светловолосую девчущку, которая упаковывала парашютную сумку. На ней была синяя колоколом юбка и, глядя, как она приседает, я подумал, что она похожа на подпрыгивающий шарик.

— Так это, значит, вас мы повезём до Жигалово? — улыбаясь своим мыслям, игриво сказал я, подождав, пока шарик отскочит от земли.

Девушка резко оглянулась. На меня глянули огромные, в пол-лица глаза.

— Что значит «повезём»? — медленно произнесла она, оглядев меня с головы до ног, и я увидел, как язвительная улыбка тронула её губы. — Возят груз, а я лечу сама!

Испортив мне настроение, она, шмыгнув носом, присела и продолжила впихивать в сумку бумажный пакет.

— Давайте помогу, — я взял пакет и, нагнувшись, открыл сумку пошире. И неожиданно увидел в ней собранный по всем правилам ранцевый парашют.

— Вы поосторожнее, там у меня специи, — сказала девушка.

— Что, решили этого кабана, — я кивнул на лежащий парашют, — замариновать? Откуда он у вас взялся?

— Мне его подарили, — уже спокойнее ответила девчущка. — Вот, везу с собой как учебное пособие.

— Вы, случаем, автомат Калашникова не везёте? — не очень удачно пошутил я.

— Да если бы и везла, вам-то до этого какое дело!

Ответ превзошёл мои ожидания, сопровождающая повела себя так, точно она, а не я, бу-

дет распоряжаться, что везти в самолёте. В её голосе почувствовалась обида. И все же меня это не остановило, более того, я решил поставить пассажирку на место.

— Мне до всего есть дело, — стараясь придать своему голосу необходимую твёрдость, сказал я. — У вас, должно быть, и документы на всё это есть?

Девушка выпрямилась, глаза стали узкими и сверкнули, как бритва. Мне даже показалось, что сейчас между нами произойдет короткое замыкание. Но она погасила взгляд и спокойным голосом произнесла:

— У меня нет ничего, что было бы запрещено брать на борт.

Я отметил, что она грамотно и почти профессионально сказала «борт», а не самолёт, как говорят все не имеющие отношения к авиации люди.

— И паспорт у вас при себе?

Я решил не сдаваться и сгордил очередную глупость, но понял это, когда она протянула мне паспорт; ну, не милиционер же я, в конце концов!

— Анна Евстратовна Каппель, — почему-то вслух прочитал я. — Да-а-а... фамилия у вас.

— Что, и это не нравится? — спокойно, но с некоторым вызовом произнесла девушка, забирая паспорт. — Вообще-то я окончила советский пединститут. И вот, по милости нашей славной авиации, уже который день торчу здесь и пытаюсь добраться до места своего распределения. Если надо, то я могу показать вам все свои документы. И медицинскую справку, что годна к полётам. Кстати, груз прошел всю необходимую для таких случаев проверку. Везу школьные материалы и наглядные пособия.

— И какая конечная точка вашего путешествия?

— Северный полюс под названием Чикан. Прилечу, мне в районе точно укажут. Туда и поеду.

— Но в Чикан самолёты летают только зимой! — воскликнул я. — От Жигалово туда ещё семь верст киселя хлебать. Ну, если, конечно, воспользоваться парашютом, тогда можно добраться и побыстрее.

— Что хоч, то и везу! — неожиданно резко и зло осадила меня будущая учительница и поставила парашютную сумку на поддон, где уже лежали гитара, школьный глобус, объёмистый чемодан и ещё какие-то узелки, коробки и сумки. Рядом с вещами «парашютистки», так я про себя окрестил учительницу, уже лежали затянутые в материю белые посылки и серые газетные мешки.

Препариться далее не имело смысла, весь этот бутор надо было поскорее отвезти на самолёт. Свободная грузовая машина стояла метрах в двадцати от поддона, но переносить эту поклажу на себе — нет, только не это. Я глянул на себя со стороны: через пять минут парадная форма превратилась бы в костюм грузчика. И тут мне в голову пришла блестящая идея. Возле стены стоял погрузчик, я подошёл, подёргал рычаги. Погрузчик подал признаки жизни, и я, забравшись на сиденье, потихоньку подогнал его к нашему грузу, кое-как со скрипом загнал железные клыки под поддон и, приподняв, начал разворот в сторону грузовой машины. Погрузчик вёл себя послушно, нацелившись на кузов, я дал многотонной махине ход. Она, урча и переваливаясь на неровностях, покатила вперед. Когда до кузова оставалось метра два, я начал давить на педаль тормоза, но погрузчик вдруг показал свой нор, он даже не сделал попытки затормозить. И через пару секунд он со всего маху врезался в кузов грузовой машины. С ужасом я увидел, что все посылки, все мешки и коробки посыпались на бетонный пол. Но и это не остановило набравшую скорость многотонную махину, погрузчик, словно разъяренный слон, боднул кузов машины, она тронулась с места и опрокинула стоявшую впереди тележку с московской почтой. Сделав свое чёрное дело, погрузчик посучил ещё немного колесами и заглох.

И тут понабежал народ! Учительница начала спасать свои школьные принадлежности, я бросился помогать, машинально откладывая в памяти: гитара цела, глобус не поврежден, их спасла парашютная сумка, приняв весь удар на себя. От гнева работников грузового склада меня спасла новенькая форма и любовь народа к лётчикам. А так бы точно запихали под погрузчик.

Через какое-то время я к своему ужасу услышал, что грузовой терминал прикрыли по техническим причинам, о чем тут же мне по телефону пришлось доложить Ватрушкину.

Но он уже был в курсе произошедшего и сухо поинтересовался причиненным ущербом.

— Так, мелочи. Раздавил пару посылок, — быстро ответил я. — Но мне пообещали, что составят акт, там ничего бьющегося не было.

Говорил я машинально, но бодро, пытаясь скрыть размер произошедшей катастрофы.

— Хорошо, что только грузовой прикрыли, могли бы закрыть аэропорт. Тогда бы точно башку нам открутили, — буркнул Ватрушкин. — Ты там меня жди, я сейчас подойду.

— Кто твой командир? — нацелившись ручкой в лист бумаги, строго спросила меня начальница ночной смены с поджатыми накрашенными губами. Я понял, что сейчас на меня будет составлен протокол.

— Иннокентий Ватрушкин, — буркнул я.

— А-а! Командир, как его, ах да, вспомнила — сарая! — Накрашенная неожиданно прыснула, но тут же сделала строгое лицо: — Если бы не он, то спустила бы с тебя штаны и выпоролла, как следует. Чего стоишь, давай собирай свои посылки.

Она захлопнула блокнот и ушла к себе. В помощь она прислала грузчика, который больше смахивал на породистого прикормленного волкодава.

— Выходит, с Кешей летаешь, — не то спросил, не то подтвердил свой вопрос грузчик и засмеялся лающим смехом.

— С ним, — я кивнул головой.

— Повезло!

— Не понял?

— Я говорю, тебе крупно повезло.

И все равно я не понял, с чем повезло — с командиром или с тем, что я мало раздавил посылку. Грузчик присел на поддон, достал сигарету.

— Не переживай. Кто из нас в детстве мимо горшка не ходил.

Я бросил взгляд на учительницу: слова грузчика выходили за пределы педагогической этики, но вполне укладывались в те рамки, которые используют мужики, обсуждая свои сугубо деловые проблемы. Грузчик почему-то посчитал, что моя случайная напарница заслужила доверительного мужского общения. Но меня покорило, что посторонний человек приравнял мой возраст к младенчеству, не хватало ещё, чтоб мне протянули соску.

— Ты не бери в голову! — грузчик неожиданно рассмеялся, кивнув на разбросанные вещи, которые собирала будущая учительница. — Это мелочи. А вот года три назад произошло такое! — Грузчик вновь зашелся лающим смехом. — Три дня аэропорт не работал. Все ассенизаторские машины города были тут.

— Что, так много наделал?

— Наделал. У них в экипаже был радист. В то время в городе дрожжей днём с огнём не сыскать было, вот он и привозил откуда-то с севера дрожжи. Какая бражка, самогон без этого продукта, да и хозяйкам в стирке без него не обойтись. Кому-то это шибко не понравилось, сообщили куда надо, и к прилету самолёта милиция в аэропорт пожаловала. Но Кешины друзья успели предупредить, так мол и так — встречают.

Они сели и порулили к вокзалу. Но по пути чуть в сторонку свернули, туда, где общественный сортир на восемь дыр стоял. Его ещё до войны соорудили и считай что с того времени не чистили. Кеша притормозил, прикрытый самолетом радист выскочил и выбросил дрожжи в этот самый сортир.

Я увидел, как учительница, усмехнувшись, насторожилась, затем сделала попытку поднять свой чемодан. Грузчик выказал неожиданную прыть, оборвав на полуслове свой рассказ, он перехватил у неё ручку чемодана и хотел одним махом забросить его в кузов. И неожиданно опустил чемодан на землю.

— Что там? — глухо спросил он.

— Книги, — виноватым голосом сообщила «парашютистка». — Я учительница.

— Слава Богу, что не пианистка! Такие тяжести будете носить, перестанете рожать, — набрав в себя воздух, сказал грузчик и, как штангист перед снарядом, выдохнув, поднял чемодан в кузов. — Так вот, милиция обыскала самолёт, — продолжал он с той же улыбкой, — но ничего не нашла. А тут, как назло — жара, каждый день за тридцать, ну, всё и поплыло! Что

было! Начальство стометровую санитарную зону вокруг аэропорта ввело. Потом бульдозерами яму сровняли и возвели нормальный толчок.

— Выходит, не было бы счастья?

У меня на языке вертелся вопрос, почему начальница смены грузового склада назвала Ватрушкина командиром сарая, но не решился, не та обстановка, чтобы заводить разговор на эту тему.

— А у нас всё через задницу доходит, — философски подытожил грузчик и, присев на поддон, достал пачку папирос. Было видно — ликвидировать почтовый завал он не торопился.

Поблескивая своей кожаной курткой, подошел Ватрушкин, и мне показалось, что с его приходом в сумрачный тёмный склад заглянуло солнце, тут же откуда-то понабежали женщины, окружили моего командира, защебетали. Иннокентий Михайлович, как и подобает знатному жениху, начал их обнимать, впрочем, вскоре я убедился, что он ни на секунду не забывал целей своего визита на склад.

— Мои любимые и дорогие! — рассыпая синь своих глаз, с улыбкой говорил Ватрушкин. — Грех свой признаем, и за непредвиденную работу обязуемся привезти вам рыбки. И всего, что вы пожелаете.

— Мы много чего можем пожелать! — смеялись женщины.

— Не сомневайтесь — исполним. Чего не доделаю сам, то попрошу вот этого лейтенанта.

— Да он ещё, поди, нецелованный!

— Вот вы ему провозку и дадите.

Меня подставляли самым наглым образом, я краснел и потел, но приходилось терпеть — сам виноват, какие тут могут быть обиды. Краем глаза я видел, что учительница, посмеиваясь, с сочувствием смотрит в мою сторону.

Появление Ватрушкина сделало своё дело, через несколько минут уже не только мой ленивый, но разговорчивый волкодав, но и вся смена собирала посылки и газетные пачки.

Произошло чудо: завал исчез, и мы, почти по расписанию, взлетели, и, набирая высоту, отвернув подрагивающий мотор от города, взяли курс на север. Через минуту, открутив голову Весёлой горе, винт нашего самолёта начал сжёвывать Кудинскую долину, на которой, как и тысячу лет назад, буряты пасли скот. Минут через двадцать на капот напозла Усть-Орда.

Почему-то я вспомнил Золотую Орду и, взвесив в себе терзавшие меня мысли, подумал, что то разорение, которое пришло с монголами на Русь, было, конечно же, несравнимо с тем, которое произошло по моей вине на грузовом складе.

«И на том утешимся», — сказал я себе и развернул свои мысли в другую сторону. А они перепрыгнули к другим, более поздним временам, я припомнил, что по тому пути, который связывал Иркутск с Леной и вдоль которого шёл наш самолёт, началось освоение Якутии. Да чего там Якутии, по этой дороге шло приращение России, по ней добрую сотню лет снабжалась вся русская Америка. Позже этот путь был хорошо освоен ссыльными, которых направляли сюда на поселение. Всё это я вычитал в книгах, когда начал готовиться к полетам по северным трассам.

Минуты через две после пролета Усть-Орды Ватрушкин, выкурив очередную папиросу, решил подремать.

— Если что, толкни меня, — сказал он и, подперев ладонью голову, прикрыл глаза.

Я крепче взял штурвал и почувствовал, как неведомое досель горделивое чувство охватило меня с головы до ног: уже не в тренировочном полёте, а в самом что ни на есть настоящем рейсе мне доверили вести самолёт. Краем глаза, сличая карту с пролетаемой местностью, я про себя отметил, что вскоре должно показаться озеро, а за ним будут Ользоны.

Время от времени я нет-нет, да и поглядывал в грузовую кабину, где, впялив лицо в боковой иллюминатор, сидела Анна Евстратовна. Поймав её взгляд, я махнул рукой, приглашая в кабину. Она не стала кочевряжиться, встала с плоского металлического сиденья и подошла к кабинному проходу.

И тут дремавший до сей поры мой командир приоткрыл глаза. Он оглядел пассажирку, затем молча достал стопорящую рули красную металлическую струбцину, засунул её учительке за спину и предложил сесть. Она с некоторой опаской и растерянностью выполнила

его просьбу. Я, зная, что труба — не лучшее средство для долгого сидения, начал крутить головой, чтобы найти что-то наподобие сиделки. И тут Ватрушкин, опередив мои мысли, достал из сумки толстый регламент и быстрым, почти неуловимым движением засунул его под попу учительницы. Я даже восхитился, как он молниеносно проделал эту операцию, и как она быстро поняла, что от неё требуется, почти синхронно приподняла со струбины своё лёгкое тело. Почти неуловимо она глазами поблагодарила Ватрушкина, а он чуть заметным кивком ответил и, закурив очередную папиросу, начал расспрашивать: кто она такая и зачем летит в северные края.

Позже я не раз стану свидетелем того, как совсем посторонние люди будут открывать Ватрушкину свою душу, свои незамысловатые тайны, рассказывать и доверять то, что хранили в себе за семью печатями.

Учителька быстро разговорилась, и уже через какое-то время мы знали про неё всё.

Оказалось, что отец у неё был военным лётчиком, а мать учительницей, и всю свою жизнь они мотались по разным гарнизонам, вплоть до того момента, когда у неё не стало отца. К нашему несказанному удивлению, она хотела стать лётчицей, ещё в школе записалась в парашютный кружок, участвовала в соревнованиях и совершила более ста прыжков. Моё лицо вытянулось в морковку, и нос нашего самолёта пополз в сторону от выбранного курса, что вызвало быструю реакцию командира — он шуранул ногой и установил самолёт на заданный курс.

— Всю жизнь мечтала, но пилотом так и не стала, — с грустью в голосе поведала Анна Евстратовна. — Девушек в лётное не берут. Пришлось поступать на исторический.

Когда пролетали Ангу, Ватрушкин, ткнув пальцем в стекло кабины, сказал, что в этом селе родился будущий патриарх всея Руси Иннокентий Вениаминов.

— Я туда летал, старики рассказывали, — добавил он для точности.

— Он был митрополитом Московским и Коломенским, — поправила его учительница. — В России в то время был синодальный период, и патриаршество было упразднено. Но вы правы, то положение, которое занимал Иннокентий, по сути было патриаршим.

Нос самолёта вновь повело в сторону, но я вовремя спохватился; таких тонкостей церковной жизни в лётном училище не преподавали, там учили одному: чётко и правильно держать курс. «Ну ладно, историки должны это знать, но откуда Ватрушкин знает?» — подумал я. Нет, не прост был мой командир, совсем не прост!

— А вон и Верховенск! — через несколько минут он ткнул пальцем в стекло кабины. — Посмотрите, какая красивая церковь.

Анна Евстратовна привсталала и стала внимательно рассматривать поселок.

— Моя мама здесь родилась, — сообщила она. — А я здесь никогда не была.

— Так надо было сюда попроситься, — сказал Ватрушкин.

— Но это другой район, я не знала.

— А вот скажи мне, дружок, — командир неожиданно повернулся ко мне. — Если у тебя нет компаса, как можно, глядя на церковь, определить стороны света?

От неожиданности я вспотел: надо же, учинил мне экзамен при постороннем человеке.

— Можно определить по кресту, — ответила за меня учительница. — Помимо большой перекладины, на кресте есть нижняя малая. Верхний конец её всегда указывает направление на север.

— Верно, — заметил Ватрушкин — Если есть солнце, то сторону света можно определить по часам.

— Ещё по деревьям, — наконец-то я пришел в себя.

— Весной по снегу, — добавила учительница.

От навигации командир перешел к астронавигации, похвалил казаков-землепроходцев, которые без компасов и моторов дошли до Восточного моря, так в России в старину называли Тихий океан.

Пока командир вёл светскую беседу с пассажиркой, я запросил погоду Жигалово. Сводка оказалась неутешительной: к нашему прилёту ожидалось усиление ветра до штормового. И самым неприятным было то, что он дул поперек посадочной полосы. Для нашего самолёта

предельно допустимой нормой было восемь метров в секунду. Но фактически сила его была одиннадцать, с порывами до пятнадцати метров. Я тут же сказал об этом Ватрушкину.

Нужно было принимать решение — следовать в Жигалово или уходить на запасной аэродром. Запасным у нас была Усть-Орда, которую мы пролетели час назад. Был ещё Качуг, но он ещё с утра был закрыт по технической причине, там ремонтировали полосу. Был ещё вариант лететь до Осетрово, но туда могло не хватить бензина.

— Следуем к вам, — сообщил Ватрушкин своё решение жигаловскому диспетчеру. — К прилёту прошу сделать контрольный замер ветра.

И Ватрушкин, и диспетчер понимали, что вся связь пишется на магнитофон, и зная это, они оба делали поправку на это неприятное техническое новшество, которое в случае чего могло стать непоправимой уликой.

Через несколько минут Жигалово вновь вызвало нас на связь. Голос у диспетчера стал другим, более жестким и встревоженным:

— Ветер усиливается, ваше решение?

— О-о-о! Сам Ваня Брюханов поднялся на вышку, — протянул Ватрушкин и достал свежую папиросу. — Следую к вам, сделайте ещё раз контрольный замер, — доложил он. — И ещё свяжитесь со столовой. Пусть к нашему прилёту приготовят свежих пельменей.

— Уже сделали, семнадцать метров!

— Хорошо. К вам на точку выйду через десять минут, — прикурив папиросу, сказал Ватрушкин. Повернувшись к Анне Евстратовне, он попросил её спуститься в пассажирскую кабину и пристегнуться ремнями.

— Это начальник аэропорта Ваня Брюханов, — объяснил мне Ватрушкин. — Он знает, что мне надо восемь, я думаю, мы договоримся.

— Но с ветром вряд ли, — заметил я. — Он-то нас не слышит.

— Пожурем, увидим.

Через десять минут мы были над Жигалово. Было видно, что на земле действительно сильный ветер, полосатый конус на аэродроме стоял колом, макушки деревьев клонило к земле, а на улицах поднимались клубы пыли.

— Сделайте контрольный замер, — попросил Ватрушкин.

— Пятнадцать метров, — спустя некоторое время сообщил Брюханов.

— Вот видите, уже сбавил, — спокойным голосом сказал Ватрушкин. — Я сделаю кружок, а вы сходите на полосу. Судя по всему, ветер стихает.

Вместо ответа в наушниках раздалось что-то нечленораздельное.

Минут через пять, когда Ватрушкин вновь запросил погоду, Брюханов уже с сердцем в голосе выдавил:

— Ветер одиннадцать метров. Советую уходить на запасной.

— Он, видите ли, советует! Не страна, а дом советов, — прокомментировал Ватрушкин. И, выждав ещё пару секунд, попросил: — Вы ещё раз замерьте. А мы постараемся угадать между порывами.

В наушниках вновь произошло какое-то клокотание, через секунду всё стихло, и всё же через пару минут выдохнуло:

— Ветер восемь метров. — Брюханов на секунду умолк, чтобы тут же добавить: — Но очень си-и-льный!

Ватрушкин показал мне большой палец и быстро начал снижение. Борьба с боковым ветром он не стал, а посадил взбрыкивающий от ветра самолёт поперек полосы. Пробега как такового не было — едва коснувшись земли, самолёт встал как вкопанный. Но это ощущение было секундным, мне показалось, что ветер опрокинет нас на крыло. Самолёт начало корчить и наклонять, было такое ощущение, что уже без помощи мотора он может самостоятельно подняться в воздух или, чего доброго, его, как щепку, унесёт в овраг. Но Брюханов быстро организовал всех мужиков, кто был на аэродроме, и они, повиснув на крыльях, помогли нам доползти до стоянки. Самолёт тут же привязали, зачехлили. И тут наконец-то я разглядел Брюханова. Был он крепок и высок ростом, на лице выделялся крупный нос. Он подошел к крылу, погрозил кулаком Ватрушкину, но уже через минуту они, два крепких, но уже поседевших хлопца, обнимались прямо у дверей самолёта.

Освободившись от своих прямых пилотских обязанностей, я схватил чемодан Анны Евстратовны, в другую руку для равновесия взял парашютную сумку и тут же, вспомнив грузчика, чертыхнулся про себя и поволок увесистую поклажу к самолётной двери. Ватрушкин, глянув на мой новенький летный костюм, улыбнулся:

— Ты уж извини, но погрузчиков сюда ещё не завезли, — перекрывая ветер, сказал он. — И грузчиков здесь ещё долго не будет.

Вот так, аккуратно, но со значением, Ватрушкин припомнил мне грузовой склад. Я молча проглотил пилюлю.

Много позже до меня дошло: он хотел предупредить, что за всеми пассажирами багаж не наносишься и разгружать и загружать почту, груз в маленьких аэропортах придется самому, и что моя новенькая, точно для кино, форма вскоре покроется пятнами, и мне придется то и дело отмывать и очищать её бензином. А пассажиры и пассажирки будут помнить меня только до той минуты, как я поставлю на землю чемоданы и они, подхватив их, тут же забудут, с кем летели, кто нёс поклажу, побегут себе по своим делам дальше.

Мои размышления и впечатления прервал налетевший ветер, он сорвал с головы новенькую лётную фуражку и покатил по траве. Я едва успел догнать её, и тут с аэродромной вышки всё тот же порывистый ветер чуть ли не в насмешку мне донес модную в то время югославскую песню из кинофильма «Любовь и мода», которая была больше известна как «Маленькая девочка»:

*Всю жизнь мечтала, пилотом стала.
И вот лечу я,
И не страшно ничуть.*

Мне пришлось ещё раз возвратиться к самолёту и, преодолевая порывистый ветер, перетаскать вещи Анны Евстратовны к деревянному зданию жигаловского аэровокзала. Анна Евстратовна решила сходить в районо, чтобы сообщить, что она прибыла и готова ехать, куда ей укажут. А нам оставалось готовиться к ночёвке, погода испортилась окончательно, и лететь куда-то или возвращаться на базу нам запретили.

— Вот что, не в службу, а в дружбу, — когда мы уже разместились в пилотской гостинице, сказал мне Ватрушкин, — сбегай до магазина. Это тот, что в судоверфи. — Командир протянул мне двадцать пять рублей. — Надо обмыть твой первый полёт. Возьми коньяк. — На какое-то мгновение командир призадумался. — Две бутылки мало, три много. — Ватрушкин махнул рукой: — Вот что, бери пять. Не хватит, так останется. И сними свой парадный костюм. Лучше надень мою куртку. Увидят тебя жигаловские, подумают, что это Муслим Магомаев к ним прилетел.

Сравнение со знаменитым певцом мне польстило. Магомаев был тогда у всех на устах. И то, что командир предложил взять его куртку, своей предусмотрительностью сразило меня окончательно. Действительно, могут не понять: лётчик, да ещё молоденький, затаривается спиртным. А в куртке — другое дело: и покупателям, если такие будут, понятно, что берёт коньяк бывалый летун.

— Да я вообще-то не пью, — заметил я.

— Что так? Большой? Или подлюка? — Ватрушкин как-то по-новому оглядел меня: — Пить не будешь, капитаном не станешь. Но насильно заставлять не буду. Как говорится: вольному воля.

— Спасённому — рай, — в тон поддакнул я. — А ещё мой отец говорил: бешенному — поле, ходячему — путь.

— Лежачему — кнут, а бестолковому — хомут! — засмеялся Ватрушкин. — Тот, который на нас надевают.

— Считается не тот, который надевают, а тот, который мы надеваем на себя сами, — буркнул я.

— Уже и закукарекал, — удивлённо протянул Ватрушкин. — Тебе бы надо на филолога, а ты в лётчики! Ну что, идешь?

— А у меня есть выбор? Конечно, иду, даже не иду, а лечу.

— Вот и ладненько! Если увидишь там папиросы «Герцеговина Флор», возьми пару па-

чек. В городе их днём с огнём не сыщешь, а здесь бывают, должно быть в память о тех временах, когда в этих краях в ссылке был соратник Сталина Валериан Куйбышев.

— Здесь ещё бывал Радищев, — вспомнил я. — Который написал «Из Петербурга в Москву». И проездом Чернышевский.

Реакция командира оказалось мгновенной.

— «Что делать»? — прищурившись, спросил себя Ватрушкин. — Вот что прикажешь делать мне? Был у меня уже такой же филолог, фамилия у него была Тимохов. Любил играть в карты и филонить. Чем это завершилось? А тем, что сам себя сослал на Колыму. Дальше было некуда. Может статься, что и тебя могут в этот самый Чикан отправить, к Анне Евстратовне. Скоро туда откроются полёты, и там наверняка потребуется человек.

В Чикан мне совсем не хотелось. Я понял, что Ватрушкина начала раздражать моя говорливость. И не мой первый полёт он хотел обмыть, а скорее всего, снять то напряжение, которое ещё с самого утра создал ему я. Вновь перед моими глазами встал почтовый завал и, судя по словам командира, ещё предстоял разбор, который не сулил мне ничего хорошего. Чего доброго могут и сослать.

И я пошел в незнакомый мне северный посёлок.

«Надо же, он даже знает, что в этих местах бывали Куйбышев и Чернышевский, — размышлял я над последними словами Ватрушкина, — вообще-то забавный старикан. Но надо с ним ладить. Не то и вправду сошлёт в Чикан. Тогда точно — не видать левого сиденья, как своих ушей».

Удивительно состояние молодости. Как волна, накатило плохое настроение и тут же откатило. Через пару минут я уже с другим чувством посматривал на рубленные столетние деревянные дома, на одиноко сидящих на лавочках людей. Сколько событий прошло, и сколько разных людей проезжало мимо этих высоких гор, обступивших Лену. Жигаловские дома спокойно смотрели на очередного залетевшего в их края летуна.

*Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах...*

Тихо про себя я стал напевать песню на стихи Есенина.

На улице всё же было пусто и ветрено. Но натянутая почти на самые уши лётная фуражка крепко сидела на голове, а на ногах были не кандалы, а уже посеревшие от пыли тупоносые башмаки. И всё же мне было приятно идти по улице в лётной форме, ощущать на себе не какую-нибудь, а настоящую кожаную командирскую куртку. Появись я в ней на Барабе, уж точно было бы разговоров. Но до командирской куртки мне ещё пылить и пылить. А здесь даже собаки с лентой поглядывали на мою выдавшую виды брезентовую, из-под самолётных формуляров сумку, которую Ватрушкин сунул в последний момент, чтоб скрыть цель моего похода в магазин.

Много позже, вспоминая свои первые лётные дни, я приду к одному простому выводу: впечатления от второго полёта никогда не станут первыми; всё сольётся в один рейс, с этими длинными, по несколько дней задержками в разных аэропортах, а взлёты и посадки, которые происходили без спешки и по расписанию, станут тем же обыденным делом, например, как открытие и закрытие многочисленных дверей в нашей повседневной жизни.

В магазине, который располагался около судоверфи, была обычная очередь, которая никуда не спешила. Я оглядел прилавки магазина, но ни водки, ни коньяка не увидел. Был питьевой спирт, папиросы «Казбек», «Беломорканал», «Прибой». Ещё я увидел, что здесь можно купить белую нейлоновую рубашку. Они лежали нетронутой стопкой, и меня это удивило — в городе их днём с огнём не найдешь, а здесь лежат, бери — не хочу.

Позже Ватрушкин, используя ненормативную лексику, что с ним бывало крайне редко, объяснит, что деревенские быстро расчухали: в жару рубашка липнет к телу, и даже её, как нам тогда казалось, несомненное достоинство — взял, постирал в холодной воде, встряхнул и надел, у них вызывал смех — не рубашка, а липкая резина.

— И я с ними согласен! — подытожил командир.

Ещё раз подивившись увиденному, я пристроился в конец очереди.

«Не хватит, так останется» с улыбкой вспомнил я, поглядывая на безыскусные этикетки. И тут на меня из очереди знакомо глянули где-то уже виданные глаза. Анна Каппель! Так и есть — она. Вот уж кого-кого, но её я не ожидал увидеть здесь. Она кивнула, мол, подходи и становись рядом.

Брать спирт у неё на глазах было неудобно, но деваться некуда, и я с постным выражением лица сгрузил бутылки в брезент. Не объяснять же прилюдно, что выполняю ответственное задание, что у меня сегодня первый полёт, кроме того, только что, почти на её глазах, мы совершили сложную посадку, за которую командиру и мне, как его помощнику, могли запросто вырезать талоны нарушения, а их-то в пилотском было всего два, после чего можно смело ехать в деревню и пасти скот. Нет, я объяснять ничего не стал, лишь задал дежурный вопрос:

— Как ваши дела?

— Дела у прокурора, — улыбнувшись, сказала Анна Евстратовна. — В районе уже никого нет, придется ждать. Вот стою, надо что-то купить перекусить.

— Да, дела хуже прокурорских, — пробормотал я и, подумав секунду, добавил: — Вот что, давай-ка пойдём в аэропорт. Поужинаем в столовой. Здесь кроме тушёнки и рыбных консервов брать нечего.

— Как же нечего, а это? — Анна кивнула на мою авоську.

— Командир сказал, что сегодня у него юбилейный полёт. Хороший повод.

— Я уже поняла. А вот у меня настроение — хуже не придумаешь.

— А чего тут думать! — сказал я. — Все равно твои манатки в аэропорту. Будем делать погоду.

Я уже знал, в таких случаях не надо уговаривать, надо брать инициативу в свои руки. Сработало!

Когда мы вернулись в аэропорт, начался дождь. Крупные капли, шелестя, ударили по крайним, высоким листьям, затем с шумом набежали и начали долбить заборы, крыши домов, деревянные тротуары. Мы с Анной Евстратовной едва успели вбежать в пустой аэровокзал, как за нами зашумело, зашуршало, точно кто-то большой и невидимый принялся жарить на огромной сковороде своё жариво.

В столовой уже был накрыт для нас стол. На белой скатерти стояли граненые стаканы, на тарелках парили заказанные ещё с воздуха пельмени. Кроме того была красная рыба, огурцы и помидоры. И что-то ещё шкворчало у поварахи на огромной сковороде.

Уже много позже я открою для себя, что подобное внимание к лётчикам больше почти нигде не встречал, бывало, на сельхозработах приходилось спать без простыней на матрацах, которые сами набивали соломой, готовить себе ужин из тушёнки или обходиться одним чаем. Здесь же по одному столу чувствовалось: в Жигалово к лётчикам относились с должным уважением; накормят, и спать уложат, и поднимут когда надо.

Я подошёл к Ватрушкину и коротко доложил обстановку, мол, так и так, наша парашютистка попала в аварийную ситуацию. И ей нужна помощь.

— Зови её сюда, — распорядился командир. — Тем более здесь есть представитель местной власти. — Ватрушкин кивнул на сидящего рядом начальника аэропорта Брюханова.

— Иван, выручай! — попросил Ватрушкин Брюханова. — Не в службу, а в дружбу. Девушке надо в Чикан. Она учительница, и едет туда по распределению.

— Да, действительно добраться туда непросто, дорога размыта, — почесав затылок, сказал Брюханов. — Неделю шли дожди. Автобус не ходит. Сейчас туда можно добраться на попутном лесовозе.

— Надо что-то придумать, — сказал Ватрушкин. — Негоже бросать человека на полдороге.

— Ну, разве что отправить на лесопатрульном вертолёте, — подумав немного, ответил Брюханов. — Или спустить на парашюте. Но это если вертолётчики согласятся. У них Чикана в задании нет.

— Так пусть нарисуют, — засмеялся Ватрушкин.

— Вы сказали про парашют, — неожиданно сказала Анна Евстратовна. — У меня есть с собой парашют.

— Парашют?! — Брюханов озадаченно посмотрел на необычную пассажирку. — Что, уже и с парашютом начали летать? Забавно! А кто мне потом передачи в тюрьму будет носить?

— У неё действительно есть в багаже парашют, — я решил проявить свою осведомлённость.
— Зачем ей в медвежьем краю парашют? — удивился Брюханов. — Всё видел, и как медведь в самолёт забирается, и как свиньи по воздуху летали. Кеша, помнишь?
— Лучше не вспоминай, — вздохнул Ватрушкин.
— Я буду проводить военно-патриотические занятия, — сказала Анна Евстратовна.
— Всё было, но чтоб прыгали медведи! — пытался перевести разговор в шутку Брюханов.
— Я не медведь, — заметила Анна Евстратовна. — Скажите прыгнуть, я прыгну!
— Представляете: учительница спускается в таёжный посёлок на парашюте, — рассмеялся Брюханов. — Можно писать очерк в районную газету.
— Парашют я везу, чтоб не медведей, а детей учить, — начала объяснять Анна Евстратовна. — К тому же он старенький, списанный.
— Понял, чтобы пацанва начала с кедров прыгать, — засмеялся Брюханов. — Да вы, милая, хоть представляете, куда едете?
— Думаю, что да!
— Ну если знаете, тогда прошу к столу, — после некоторой паузы перевел разговор Брюханов. — Ночевать вам, милая, всё равно придется здесь, в пилотской у меня есть свободная комната. Чтоб запомнили, северяне умеют встречать и провожать гостей. А вы собственно уже и не гостья, а наш человек, который не забывает, что надо не только учить, но и воспитывать настоящих мужиков.

Глянув на стол, Анна исчезла, но не прошло и минуты, как она появилась с бутылкой вина.
— Мне сказали, что у вас сегодня юбилейный полёт. Мне эту бутылку подарили перед вылетом. Я полагала, что открою её коллегам по приезду на место, но раз такой случай...
— Ну, вы это зря! Мы больше привычны к этому. — Ватрушкин постучал пальцем по бутылке со спиртом.
— Надо же, запасивая, — протянул Брюханов. — И вино хорошее, «Кокур», аж из самой Массандры. Ты, Кеша, посмотри! Сколько медалей. Наверное, за каждого сбитого наповал вручали. Ты вот что, бутылочку эту спрячь. С коллегами в Чикане откроешь. Там она будет к месту, а здесь мы спирт по широте разводим. Какая у нас — шестидесятая? Значит, воды будет всего сорок. Микитишь? И вообще, я сейчас позвоню начальнику района, пусть они тебя у нас оставят. Зачем тащиться в глухомань? Мы тебе здесь и жениха подыщем.
— Зачем искать, у меня есть! — сказала Анна.
— Что, он тоже прыгает с парашютом? — спросил я.
— Нет, у него аэрофобия. Сейчас он работает в театре и учится на режиссёрском.
— Что, это он срежиссировал вашу поездку в наши края? — поинтересовался Брюханов.
— Нет, я сама, — дрогнувшим голосом начала Анна Евстратовна. — Я уже давно самостоятельный человек и делаю то, что считаю нужным.
И, неожиданно улыбнувшись, продекламировала:

*Не надо мне чужого хлеба, —
Поверьте, я должна сама
Спустить с небес кусочек неба
На эти серые дома.*

— Хорошие стихи, — похвалил Брюханов. — Вот что, дочка, ты его перетаскивай сюда. И ему здесь место найдем. Интеллигенции у нас маловато, ты и сама это поймешь.
— Уже поняла.
— Да, здесь люди попроще, поглубже, — сказал Ватрушкин, поглядывая на Анну с какой-то непонятной для меня грустью. — Но они, если полюбят, уже никогда тебя не предадут. Вы сидите, а я пойду, покурю на свежем воздухе, — неожиданно сказал он и, поднявшись из-за стола, двинулся к выходу.
Я знал, что Ватрушкин был одинок, жена ушла от него, а вот другую не заводил, хотя, наверное, мог, у женщин он пользовался неизменным вниманием. Мой командир был художав и крепок, настоящий мужик, про таких говорят: глянет своими небесными глазами и может взять женскую душу с одного захода.

— А знаешь, мил человек, что твой командир был когда-то и моим командиром, — повернувшись ко мне, сказал Брюханов. — И было это в славном городе Киренске. Михалыч там руководил лётным отрядом. Это ещё в пятидесятых было. Хотя высшего образования у него для такой высокой должности не было, но было, как говорится, хорошее среднее образование. Ну и, конечно, война! Недаром тем, кто был на фронте, год за три шел. И вообще он человек исторический.

— Да ну, преувеличиваете! — протянул я.

— Вот тебе и да ну, — усмехнулся Брюханов. — Знать надо, с кем сидишь рядом. Так я о чем хотел рассказать? Михалыч — человек, как бы это вам сказать, который до всего пытается дойти сам. Расскажу один случай. Начала к нам в аэропорты приходить новая техника. Поначалу Михалыч не очень-то доверял ей. А тут привезли обзорный радиолокатор. Установили на горе. Ватрушкин решил в деле посмотреть и пощупать возможности новой, всевидящей, как говорили и писали, техники. Как это положено, заказал облёт. Сам сел в кабину и полетел с проверкой. Взлетели, значит, и пошли по кругу. Кеша начал запрашивать у диспетчера место и положение самолёта. Тот смотрит на экран локатора и дает: высота шестьсот, удаление двенадцать. Кеша через форточку посмотрит на землю и на высотомер.

— Верно!

Диспетчер по собственной инициативе подсказал, что сейчас они выполняют третий разворот.

— Верно, — подтвердил Михалыч, прикуривая очередную папиросу. Но не успокоился и решил ещё раз перепроверить:

— А что я сейчас делаю?

— Курите, Иннокентий Михайлович, курите! — последовал ответ.

— Надо же! — изумлённо протянул Михалыч. — До чего дошла техника, всё видят! — тут Брюханов расхохотался:

— Даже самая последняя собака в Киренске знала, застать Ватрушкина без папиросы всё равно, что увидеть Лену без воды.

— А между порывами ветра ему часто разрешаете посадку? — поинтересовался я.

— На этот случай смотри раздел руководства по лётной эксплуатации, полёты в особых случаях, — нахмурившись, ответил Брюханов.

— Я смотрел, там об этом ничего не сказано.

— А ты посмотри в дополнениях, — с нажимом ответил Брюханов. — Там чёрным по белому написано: действуй по обстановке. В переводе на наш язык — соображай! — Брюханов поднял вверх указательный палец. Как хороший актер, он выдержал паузу.

— Расскажу ещё один эпизод. Ты слушай-слушай, авось пригодится! И не лезь с дурацкими вопросами. — Было видно, что Брюханову явно не понравился мой вопрос про боковой ветер. И мне самому не понравился, посадка-то была на грани фола. Но начальник аэропорта не стал ставить меня на место, чего, мол, возьмешь с сопляка.

— В пятьдесят шестом в Киренск пришло пополнение. В их числе был и я, молодой, честолюбивый, вам скажу, дальше некуда. Скорее-скорее в небо, а потом на большой лайнер. Такие у меня были мысли. Но по всем документам, прежде чем возить пассажиров, нам надо было налетать сто часов с грузом. А груза на складе нет. Сидим в доме отдыха, в карты играем, денег нет, что дальше будет — неизвестно.

Вот и начали с ближайших озер потаскивать домашних уток. Жители деревни пожаловались Ватрушкину, мол, нехорошо поступают ваши летуны.

И Михалыч неожиданно нагрянул к нам в гости. Мы сидим за столом, а на печи ведро с утятинной, а на столе графин с гомырой. Увидав высокое начальство, вскочили, вытянулись во фронт.

— Включите радио. Нет, вы включите и послушайте! — загремел Ватрушкин. — Такая сложная международная обстановка, а вы здесь пьянствуете! Вы же все офицеры запаса. Первый выстрел — и в бой. А вы тут в запой!

— Так полётов нет, и денег тью-тью! — начали оправдываться мы. — Где же мы налетаем эти злосчастные сто часов, если на складе нет груза. Тут не только запьёшь, но от безделья подохнешь!

И тут взгляд Ватрушкина наткнулся на лежащего в кровати лётчика, фамилия у него была Тимохов. Тот как лежал, так и продолжает лежать, не обращая внимания на визит высокого гостя.

— Послушай, дружок, ты это чего? — повысил голос Ватрушкин. — А если бы сейчас война?

— Иннокентий Михайлович, — приоткрыв один глаз, ответил Тимохов, — если война, то я бы тогда надел каску и спал в ней.

— Ну, спи-спи, мы это учтём, когда будем составлять наряд, — мрачно сказал Ватрушкин и, взяв со стола графин, понюхал, сморщился и вылил гомыру в помойное ведро.

— И вам не стыдно пить такую дрянь! — вновь загремел он. — Вы же лётчики! На вас люди равняются.

Мы стояли, как остолбенелые: надо же так упасть в глазах командира.

— Так по Сеньке и шапка, — философски заметил Тимохов. — Употребляем то, что доступно. Мы же с маршалом Тито дружбу не водили.

И тут с Ватрушкиным что-то произошло, он прибрал живот, достал из кармана четвертную, и уже другим, распорядительным голосом обратился к Тимохову. — За то, что вспомнил про Тито — спасибо! Хватит, дружок, койку давить, слетай в магазин и купи коньяку. — Тут Михалыч сделал паузу и произнес: — Одну мало, две много...

— Возьми три. Не хватит, так останется! — воскликнул я.

— Молодец, выучил, — похвалил меня Брюханов. — Оглядел, значит, нас Михалыч, и уже другим, командирским голосом рявкнул:

— Слушайте мой приказ! Ещё раз местные пожалуются, отберу пилотские и пешком отправлю в Иркутск. А с завтрашнего дня будете возить свиней. Думаю, справитесь. Свиньи не люди, о них в воздушном кодексе ничего не сказано. Зарегистрируем как груз. Вот вам и работа, вот вам и грузовые полёты.

И начали мы развозить свиней по колхозам и леспромхозам. Возили их в Сурово, Коношаново, Знаменку. И Иннокентий Михайлович сам сел возить свиней. И подложили эти самые свиньи свинью Михалычу, — вздохнув, подытожил Брюханов. — Этот филолог, Тимохов, поленился как следует связать свиней перед взлетом. А они в воздухе взбесились, порвали веревки и начали носиться по самолёту. А в каждом хряке пудов по десять было. Самолёт то на дыбы, то в пике. Хорошо, Кеша приказал своему горе-помощнику открыть дверь. Ну, боровки, естественно без парашютов, — тут Брюханов скосил глаза на Анну Евстратовну, — как из стайки, сиганули в бездну.

— Это же библейский сюжет! — воскликнула Анна Евстратовна. — Как только бесы вселились в стадо, свиньи взбесились, завизжали и бросились с высоты в воду.

— Ты, дочка, права, визг стоял на всю округу, — подтвердил Брюханов. — Потом начались разборки, стали проверять, кто разрешил возить и почему. На одной из таких партийных разборок кто-то возьми и заяви:

— Ну и что, что фронтовик! У него не самолёт, а сарай, из которого свиньи прыгают, куда хотят.

— И имя вам — легион, — ответил Михалыч партийцу.

А у того глаза из орбит, начал стращать, что сделает всё, чтобы лишить Михалыча пилотского. Михалыч не стерпел, взял и врезал «другану» в лоб. Его судили, дали условный срок.

— Жалко, — неожиданно всхлипнула Анна Евстратовна.

— У них выхода не было.

— У свиней?

— Да я не о том! Жалко Иннокентия Михайловича.

— Я же говорил, он мужик с характером. Таким всегда тяжело.

— А вы ещё хотели про медведя рассказать. Который в самолёт залез, — неожиданно вспомнила учительница.

— Там всё очень просто, — махнул рукой Брюханов. — Охотники убили медведицу. А у неё осталось двое медвежат. Одного они предложили нам, мол, отвезите в зверинец. А мы тогда работали на аэрофотосъёмке. Поселили медвежонка у себя. Особенно мишка любил

сгущёнку. Мы улетим, он ждёт нас в пилотской. Но как только слышит звук мотора, бежит встречать самолёт. Михалыч ему из своих запасов обязательно баночку сгущёнки давал. А потом мы улетели в город, и медвежонок ушёл в тайгу. Года через два мы прилетели и остались на ночёвку. Утром прибегает техник, глаза по плошке. Кричит: медведь забрался в кабину самолёта. Ну, мы с ружьями на стоянку. Точно — медведь! Выпрыгнул из кабины и к Михалычу. Тот самый, но повзрослевший. Пришел по старой памяти за сгущёнкой. Мы его хотели взять в полёт и опустить в тайгу на парашюте. Шучу! У мишки бы разрыв сердца мог случиться. Но скажу честно, лётчики не слишком жалуют тряпку. Ну, извини — парашют. А уж тем более медведи. С ними мы летали, только когда бросали парашютистов, в других случаях — никогда. У нас говорили: лучше нырять с парашютом, чем прыгать с аквалангом. Сколько лет уже прошло, но я с содроганием помню свой первый прыжок.

Прыгали мы на По-2. Был такой самолёт. Левая рука пилота вверх. Приготовиться! Сердце, что колокол на пожаре! Переносишь ногу через борт, спускаешься на крыло и по команде «Пошёл!», под углом сорок пять градусов отгалкиваешься и летишь в бездну. Эти несколько секунд остаются с тобой навсегда. А тут проделать это сто раз! — умереть, да и только! Позвольте поцеловать вашу руку.

Но Анна Евстратовна не позволила, она смущённо захлопала глазами и беспомощно оглянулась на меня. Я решил прийти ей на помощь.

— Сегодняшняя посадка мне тоже запомнится надолго, — громко сказал я.

— Сильно болтало, — подтвердила Анна.

— А вот мы здесь болтаем уже больше часа, — глянув на часы, заторопился Брюханов.

— И всё же расскажите, — попросила Анна Евстратовна.

— Хорошо, расскажу. — Брюханов хитровато улыбнулся. — Было это в том же Киренске. Однажды захожу на посадку, а на полосе туман. Видимость ноль. — Брюханов сделал паузу. — Первый раз я промахнулся. Захожу второй раз. А у меня перед глазами горят красные лампочки критического остатка топлива. Я напряг всю свою волю, всё умение и посадил самолёт. Иннокентий Михайлович прибежал к самолёту, решил поблагодарить меня за успешную и героическую посадку. Протягивает мне для рукопожатия руку, — Брюханов поднял над столом свою руку-лопату, — а я её из-за тумана не вижу.

Анна оценила очередную байку Брюханова, долго смеялась.

— Вот на этой ноте закончим. Завтра рано вставать. Ты не огорчайся, отправим тебя, — сказал он Анне Евстратовне. — А к осени, думаю, откроем рейсы в Сурово, Коношаново, Чикан и Чингилей.

Утром в пилотской раздался стук. Приехал директор зверосовхоза — крепкий молодой парень с широким восточным лицом. «Скорее всего из эвенков или якутов», — подумал я. На нём, вопреки утверждениям Ватрушкина о нелюбви местных к новомодным новинкам, была белая нейлоновая рубашка и чёрный костюм. «Должно быть, чтобы все видели — начальник!» — усмехнулся я и даже подумал, что он выглядел как жених, который приехал за невестой, чтобы отвести её в загс.

— Ну, кого здесь надо забрать? — громко спросил он, увидев Брюханова. — А то мне позвонили из районо, сказали: Пётр Митрич, встретить учительницу.

— Запоздал маленько, мы решили её оставить у себя, — пошутил Ватрушкин.

— Раз вам она так понравилась, значит и нам подойдёт, — легко и просто в тон Ватрушкину рассмеялся директор. — У вас стюардесс, должно быть, хватает.

— Такой нет, — сказал Ватрушкин.

— Не всё вам, но и нам что-то достанется.

Переговорив ещё о чем-то с Ватрушкиным, Пётр Митриевич погрузил в машину вещи Анны Евстратовны, и она, помахав нам рукой, села в кабину.

— Если что, ты обращайся, — сказал ей Брюханов. — Меня в Жигалово все знают. Даже собаки. Надо будет в город, всегда отправим.

— А ты взял у неё адрес? — поинтересовался у меня Ватрушкин, когда машина отъехала от аэропорта.

— А то как же! Северный полюс. Деревня Чикан, — отшутился я.

Запоздало, но всё же я успел уловить в его голосе неизвестные мне ранее нотки, что дало повод предположить: моему командиру Анна Евстратовна пришлось по душе. Но чем?

Позже через кабину нашего самолёта пройдут сотни людей. Войдут, посидят пару часов и выйдут. А вот Анна Евстратовна запомнилась. И дело даже не в первом моём полёте.

Постепенно я начал привыкать к своей работе: чтобы экономить время, приходилось самому разгружать и загружать самолёт, отчитываться за почту и посылки, питаться неизвестно где и чем придется, всё на ходу, всё на лету. И большой лётчицкой зарплаты, как это считали мои знакомые, тоже не было, хорошо, что выдали добротную лётную спецодежду, она выручала во многих случаях, не надо было тратиться на нейлоновые рубашки и костюмы.

Но такие мелочи и неудобства совсем не огорчали, главное, я — лётчик! На моё место хотели бы попасть многие, но именно я вытянул счастливый билет.

Особенно мне нравились полёты ранним утром, когда земля ещё спала, и самолёт шёл без единого толчка, как по хорошо укатанному асфальту, нравилось, что, пребывая в хорошем расположении духа, командир продолжал читать мне лекции.

— Всю работу в полёте выполняет мотор, — уже набрав высоту и прикуривая очередную папиросу, не спеша начинал Ватрушкин.

«Очень тонкое замечание», — думал я про себя. Но уже не высовывался, а спокойно продолжал крутить штурвал.

— Не ты крутишь колёвал, а это он, тудяга, вращает винт, тянет нас вперед, — продолжал Ватрушкин свою мысль. — А те твои движения и навыки в пилотировании — поднять самолёт от земли, отвернуть, удержать на курсе, где убавить, а где прибавить мощность мотору, — всему этому тебя научили ещё в училище. Здесь перед тобой другая задача: безопасно долететь, посадить, выгрузить и загрузить самолёт. Существует ещё одна работа, невидимая и неслышная, — Ватрушкин стучал пальцем по лбу, — она происходит вот здесь, когда ты свой предстоящий полёт должен увидеть, продумать, выстроить и предусмотреть все кочки, все овраги, всю дорогу, то есть учесть погоду, ветер, облачность, размеры площадок, на которые придётся садиться, знать необходимое радиообеспечение, которым оснащена трасса. И даже знать, где будешь обедать и ужинать. Научись брать с собой термос, бутерброды — на голодный желудок много не налетаешь. Да и гастрит заработаешь. Хорошо, когда пассажирский рейс — они вошли и вышли, а если рейс почтовый или грузовой, и светлого времени в обрез, то ты уже не только лётчик, но и грузчик, и кладовщик одновременно. — Тут я согласен кивал головой, приходилось иногда за минуты перебросить тонну груза.

— Кроме того, второй пилот несёт ответственность за сохранность груза, и именно тебя начнут таскать, если что потеряется, — сквозь шум мотора долетал до меня голос командира. Почему-то мне казалось, что этими словами он напоминает мне про случай на складе, когда я опрокинул телегу с почтой. Но тогда Ватрушкин сделал всё, чтобы меня не наказали, и я на собственном опыте уяснил, что инициатива — наказуема.

— Это ещё не всё: на оперативных точках порой приходится самому заправлять самолёт, а тут надо держать ухо востро, что за бензин в бочках, нет ли в нём воды и грязи, — продолжал наставлять меня Ватрушкин. — И если остаёшься на ночёвку, то приходится быть и охранником. Вот такая наша работа. Но кто это знает? Тебя встречают и провожают по одежке и ценят за то, что ты — лётчик, король неба. Свою работу надо делать с твёрдостью и надёжностью — без крика и суеты. Принял командирское решение взлетать — взлетай! Запомни: суетливый лётчик вызывает раздражение, а бегущий — панику. Микитишь?

Я кивал головой — микичу! Ватрушкин говорил обыденные вещи, и мне казалось, что делает он всё это, чтобы заполнить паузу между взлётом и посадкой.

— Вон видишь поляну, там можно сесть в случае отказа двигателя, — говорил он, ткнув пальцем в стекло, — на эту площадку лучше садиться в горку, а то не дай Бог откажут тормоза, тогда точно будешь в овраге. Без нужды не лазь в облака, в них и летом можешь поймать лёд на крылья.

А при заходе на посадку Ватрушкин учил меня правильно строить расчёт на посадку в случае отказа двигателя, бывало, показывал полёт на минимальной скорости с выпущенными предкрылками, когда нас внизу, на дороге, точно стоячих, обгоняли машины. Ещё были советы, как определить на земле ветер, когда сам подбираешь для посадки площадку. Иногда для интереса он показывал посадку, после которой самолёт почти без пробега останавливался как вкопанный. С юморком Ватрушкин рассказывал, как ещё на По-2 садился на баржу, когда надо было, спасая людей, срочно доставить на посудину врача. Мне нравилось, как Ватрушкин закуривает в кабине, втыкает коробок между тумблерами и, откинувшись, смотрит куда-то в одну известную ему точку. Запах папирос внушал мне неведомое доселе спокойствие и уют, если такое вообще возможно в маленькой и тесной кабине.

Я долго не мог привыкнуть, что буквально через час после вылета из Иркутска, с его шумом и суеютой, попадаешь в совершенно иную, тихую и размеренную жизнь далёкого таёжного посёлка. У меня было такое ощущение, что самолёт — как машина времени, откручивает дни и года в ту или иную сторону, бывало, сядешь, например, в Караме, а там всё как сто и двести лет назад; тут же, неподалеку от посадочной площадки, пасутся коровы, едва откроешь дверь самолёта, как в кабину врывается запах свежескошенной травы, и тебя начинали атаковать оводы. Обычно первыми самолёт встречали местные лайки, а неподалеку уже толпились встречающие и провожающие. Они с интересом смотрели на тех, кто прилетел, что привёз, чтобы через несколько минут эта новость обсуждалась по всему посёлку. Северяне привыкли жить оседло, и любая поездка, новый человек вызывали у них живейший интерес.

На этих маленьких таёжных аэродромах к лётчикам было своё, особое отношение. А старых пилотяг, как иногда они сами подшучивали, летающих сараев, знали наперечёт. Про Ватрушкина и говорить было нечего, там он уже давно был своим человеком. Но и для меня, вчерашнего курсанта, нашлась своя ниша. Поскольку дело с посылками и иными передачами приходилось иметь мне, то и обратная связь осуществлялась через меня. Бывало, передашь из города посылку, тебе суют полмешка рыбы или кусок сохатины. Ты начинаешь шарить по карманам, чтобы рассчитаться, а тебе говорят: да чего ты суетишься, у нас этого добра полно, нам будет приятно, если ты возьмешь и угостишь кого-то.

В одном из полётов я наконец-то познакомился с Колей Мамушкиным, проступок которого позволил мне занять то место, которое до того было отведено ему. Мы прилетели по санзаданию в Чингилей и, поскольку врач уехал к больному, остались ждать, пока он проведёт консультацию и поставит диагноз.

Отбывающий на площадке ссылку бывший второй пилот Ватрушкина Коля Мамушкин, невысокого роста, с уже наметившимся животиком паренёк, поздоровался с Ватрушкиным, затем подошел ко мне.

— Давай знакомиться, — сказал он, протягивая руку. — Мы с тобой вроде бы как из одного экипажа. — Мамушкин кивнул в сторону Ватрушкина.

Подъехал «газик», и на нём вместе с врачом Ватрушкин уехал в деревню. Мамушкин сказал, чтобы я запер самолёт, затем позвал кого-то из местных ребят и распорядился, чтобы они охраняли самолёт. Он повёл меня к ближайшему ручью, где, по его выражению, смородина висела ведрами. И это было правдой, я быстро наполнил ягодой лётную фуражку. Но это было ещё не всё, пытаясь загладить свою вину перед Ватрушкиным, Коля приготовил нам по куску сохатины. По его словам, он задружился здесь с директором зверосовхоза, и тот в свободное время берёт его с собой на охоту. И совсем недавно они добыли сохатого. Поскольку холодильника у него не было, Коля решил угостить мясом нас. Когда я попробовал приподнять мешок с подношением, то едва оторвал его от земли.

Уже в обратном полёте в город я отсыпал собранные ягоды врачу, и тот сказал, что такой вкусной и запашистой ягоды он не пробовал никогда в своей жизни.

Надо отметить, что натуральный обмен между лётчиками и местными жителями был поставлен на широкую ногу; осенью из северных деревень и посёлков везли ягоду и орехи, а из города лётчики везли охотничьи припасы, сети, запчасти для лодок и катеров. Бывало, что заказывали лекарства, но, по рассказам Ватрушкина, деревенские болели меньше, чем городские.

— Да им и некогда, смотри, сколько у них работы! — подчёркивал он.

Но и в этот, я бы сказал, обособленный мир проникала обратная сторона цивилизации. На рыбе сильно не разживёшься, а вот на пушнине — вполне. Собирая смородину, я попросил Колю Мамушкина достать мне ондатровые шкурки на шапку, и тот, нахмурившись, поведал, что сделать это будет непросто, поскольку начальник местных воздушных линий Ефим Жабин обложил площадки и малые таёжные аэродромы своеобразным ясаком. Вот и приходится ему, чтобы сократить срок наказания и получить положительную характеристику, прискакать перед ним, выменивать у охотников за спирт пушнину и передавать её Ефиму.

«Вот это да! — подумал я. — Всё, как и сотню лет назад. Есть хозяин, есть и приказчик. Только всё в ином виде».

— Ты возьми выходные и прилетай ко мне, — сказал Мамушкин. — Есть у меня человек, через него, думаю, твою просьбу и порешаем. Заодно поохотимся, и ягод пособираем. Будет тебе на шапку и чем друзей угостить. Билет брать не надо, свои же привезут и отвезут.

Я так и сделал, взял выходные и прилетел в Чингилей. Свою вынужденную ссылку Мамушкин коротал в стареньком, ещё, наверное, оставшемся со времен Радищева, домике. Видимо, зверосовхоз не рассчитывал на длительное пребывание в этих краях авиации, насмотрелись на разных перелётных птиц и решили, что работа начальника площадки сезонная, чего тратиться, пусть сам обустривает свое житьё-бытьё. И Коля решил не напрягаться, сегодня здесь, завтра в другом месте. Всю обстановку в доме, где обитал Мамушкин, можно было пересчитать по пальцам: стол, кровать, пару табуреток, умывальник, помойное ведро. На вбитых в стену гвоздях висела куртка, дождевик, в углу ружьё и рыболовные снасти.

Только теперь я догадался, какой участи я избежал. Вся работа Мамушкина заключалась в том, чтобы вовремя перед посадкой самолёта разогнать с посадочной полосы коров и в амбарной книге зафиксировать время посадки, номер борта и фамилию командира.

— С такими обязанностями справился бы не только Радищев, но и отбывавший в этих местах Троицкий, — пошутил Коля, заваривая чай. — Тот хоть газеты читал, а у меня и времени на это нет. Но здесь, в школьной библиотеке, попался мне большой энциклопедический словарь. Нашел в нём троих Бабушкиных. Один — учёный, другой — революционер. Третий — полярный лётчик. И ни одного Мамушкина!

— В следующем издании ты будешь первым, — пошутил я.

— Ты намекаешь, что эту посадочную площадку моим именем назовут? — улыбнулся Мамушкин. — Скажут, первым, кто отбывал здесь ссылку, был Коля Мамушкин. Что я здесь открыл? Большого ума не надо, чтобы понять, самолёт как раз для таких медвежьих углов. Падая с неба на эти площадки, мы на минуту прикасались к земле и поднимались обратно. Для деревенских же мы, вернее вы, — Коля кивнул в мою сторону, — были и остаётесь небожителями. Они считают, что для лётчиков открыты иные дали. Лётчики могут войти сюда и тут же выйти, выпорхнуть на волю, а вот таким, как я, приходится перемалывать один на один и зимнюю скуку, и дожди, и жару, которая в иные дни бывает как в Сахаре. Впрочем, то мой взгляд, мои представления об этих забытых Богом местах.

Нарубив охотничьим ножом огурцы и открыв банку с тушёнкой, Коля откуда-то из-под стола достал бутылку спирта, разлил в стаканы.

— Ну что, за твой приезд, — сказал он.

— Да я в общем-то не пью.

— Что, больной? — знакомо спросил меня Мамушкин. — Ты это брось! Пить не будешь,

командиром не станешь. А я себе не отказываю. Можно сказать — спасаюсь. Тут от скуки подохнуть можно. Если бы не тайга и рыбалка, ушел бы в партизаны. А вон и мой друган. — Коля выпил спирт и пошёл к двери на шум подъезжающего мотоцикла. Я вышел следом и увидел знакомого мне эвенка, который приезжал в Жигалово за Анной Евстратовной.

— О-о-о! Знакомые лица. Митрич, — сказал он, протягивая мне руку. Ещё раз оглядев меня с головы до ног, он вернулся к мотоциклу и, порывшись, достал резиновые сапоги.

— Возьми. В такой обуви, как твоя, можно только по городским асфальтам ходить. А здесь тайга. Возьми и переобуйся. — Он снова вернулся к мотоциклу и принёс мне толстые вязаные шерстяные носки.

— Одень, не то ноги собьёшь. И вместо полётов попадешь к доктору.

Попив чаю, мы кое-как уселись в его трёхколесный мотоцикл «Урал» и по дороге, которую и дорогой было назвать сложно — пробитая и раздолбанная лесовозами, она напоминала залитые стоячей водой бесконечные грязные канавы, — разрывая рёвом мотора деревенскую тишину, то и дело подпрыгивая на ухабах, мы потелепались за околицу.

Через час Митрич привёз нас на старую гарь. То, что здесь когда-то бушевал пожар, выдавали всё ещё торчащие во все стороны с давними следами огня обугленные сухостоины и многочисленные уже заросшие мхом валежины.

— Вот здесь и остановимся, — сказал Митрич.

Точно с лесного оленя, он ловко соскочил с мотоцикла и принялся выгружать ведра, кастрюли, котелки, и начал обустраивать табор. Чтобы не выглядеть гастролирующим туристом, я начал таскать к мотоциклу сухие лежащие на земле ветки.

— Ты побереги силы, — сказал Митрич. — Я сейчас свалю вон ту сосну, и нам хватит дров на всю ночь.

Он достал из мешка бензопилу, запустил её с одного раза и ловко подпилит стоящую неподалеку сухостоину. Когда она, ухнув, упала на землю, он тут же, за несколько минут, распластал её на мелкие чурки. Пока Митрич налаживал костер, мы с Мамушкиным пошли смотреть ягоду. Её оказалось столько, что я, оглядев ближние полянки, остановился как вкопанный. Покрытые мхом кочки были черны от брусники. Тут же рядом была и черника.

— Я тебе говорил, ведрами стоит! — похвастался Мамушкин, доставая металлический, сработанный местным умельцем совок для сбора ягод.

— Комбайн, — я решил не отставать и продемонстрировал привычное для деревенского слуха название совка.

— Микитишь! — со знакомыми интонациями похвалил меня Мамушкин.

— Давайте, мужики, работайте, — крикнул нам Митрич. — Как у нас говорят: ешь-потей, работай-зябни, на ходу маленько спи. А мне ехать надо. Начальство должно из района пожаловать. А к вечеру я к вам вернусь, только не заблудитесь.

— Да с ориентировкой у нас в полном порядке, — засмеялся Мамушкин. — Или мы не лётчики!

— Лётчики, но не таёжники, — улыбнулся Митрич. — Это в небе вам все знакомо, а здесь профессор я.

Митрич развёл костер, вскипятил нам в котелке чай и укатил обратно в Чингилей.

К вечеру мы набили ягодой всё, что взяли с собой: картонные коробки, ведра и кастрюли. Когда солнце опустилось к ближайшей горе, усталый и довольный удачно складывающимся днём, я от избытка чувств устало завалился на спину в мягкий мох и стал смотреть на вечернее безоблачное небо, которое сизыми заплатками проглядывало сквозь наросшие после пожара берёзки. Отсюда с земли небо казалось далёким, немым, незначительным и, я бы сказал, крохотным. И нельзя было даже подумать, что оттуда сверху тайга и все, что её населяет, все эти запахи, шорохи, перестук дятлов, посвист пролетающих птиц, шевеление листы существует как бы само по себе, без видимой связи с тем, что стояло над всем этим едва слышным

человеческим ухом оркестром. Там же, вверху, в прозрачности и необъятности, тоже шла своя невидимая взгляду жизнь, текли воздушные реки, вздымались ввысь многокилометровые вихри, зарождались и уходили за горизонт облака и менялись краски. Я знал, что были там свои горы и распадки, это хорошо ощущалось на самолёте, который, бывало, без видимых причин бросало из стороны в сторону, а в иной раз разбушевавшаяся стихия готова была скинуть, как надоедливую железную птичку, в тайгу, прямо на вот эти лиственные колья.

Откуда-то из-за ближайшей горы неожиданно появился коршун, перед сном он, должно быть, делал контрольный облёт своих лесных угодий, и сразу же небо приобрело свою, казалось бы, потерянную связь с окружающим земным миром, я знал, он хорошо видит нас, возможно, стережёт, и, прослеживая его полёт, мне стало тепло от одной мысли, что неслышно скользящий над нашими головами лесной собрат, пока мы отдыхаем, делает за нас воздушную работу.

— Завтра надо попросить Митрича заехать в Чикан купить сигарет. В Чингилее одна махорка осталась, — сказал Мамушкин.

И я неожиданно для себя припомнил, что в Чиканской школе работает знакомая учительница, Анна Евстратовна.

— Так она теперь не в Чикане, а у нас в Чингилее преподаёт, — сообщил Мамушкин. — Здесь такая штука приключилась. Накануне учебного года уехал в город в больницу учитель. Хотели возить ребят в Жигалово, но Анна Евстратовна попросила поехать в Чингилей. Других не нашлось, здесь все учителя приросли к своим домам. И она поехала. Теперь здесь всё на ней. Скажу тебе, отличная училка! Ягодка! Школьный театр организовала, и они уже к эвенкам съездили. Боюсь только, что долго здесь не удержится, заберут в район или город. Охотников, шофёров в деревне полно, а вот такая — одна. Кстати, Митрич у неё вроде сторожа. Никого к ней на пушечный выстрел не подпускает. Все уже знают — втрескался. Когда Аннушка, так её теперь все кличут, сюда приехала, то её здесь не ждали. Мужики все в тайге, а у женщин своих хлопот полно. Стала она печь растапливать, а дрова сырые, не разгораются. И тут мимо Митрич ехал. Увидел, что учителька с сырыми чурками возится, завел трактор и приволок из леса пару сушин, распилил, наколол. С тех пор и она к нему питает особые чувства. Но дистанцию держит. У неё, говорят, городской ухажёр есть.

Я слушал Мамушкина, и в душе у меня бродили какие-то непонятные, но ревнивые чувства. Конечно же, летая, я вспоминал Анну Евстратовну, как-никак она была моей первой пассажиркой. Из рассказа Мамушкина выходило, что мы из рук в руки передали её на попечение Митричу. А уж он-то, я это уже успел оценить, умел быть заботливым и, судя по всему, надёжным человеком. Вот с тем, городским, о котором она сообщила нам ещё в Жигалово, я её не мог представить, а вот к этому тунгусу Митричу — приревновал.

Митрич приехал поздно, привёз рыбу, несколько крупных ленков, и мы сварили уху. Кроме ленков, Митрич привёз спальные мешки, и я, вспомнив, как он назвал себя лесным профессором, согласился: Митрич не только заботливый, но и предусмотрительный. По мнению Ватрушкина, это было главным качеством, которое отличает настоящего пилота от летуна. Действительно, с таким человеком не пропадёшь. В разговоре у вечернего костра Митрич признался нам, что хотел стать лётчиком и даже ездил поступать, но не прошёл медкомиссию. И в конце сказал одну фразу, которая, как вспышка, уже по-новому осветила всю мою нынешнюю работу.

— Для того, чтобы любить небо, не обязательно быть лётчиком. И вообще, умные люди говорят: то, что сделано с любовью, и стоит долго, и помнится всю жизнь.

После таких слов говорить больше не хотелось. Я забрался в спальник и, поразмышляв над словами Митрича, уснул сном хорошо поработавшего человека.

А утром, загрузив мотоцикл коробками и вёдрами с ягодой, Митрич повез нас в Чингилей. Когда въехали в село, я попросил его подвезти нас к школе.

— Мне нужно повидаться со старой знакомой, — сказал я.

— С Анной Евстратовной, — догадался Митрич. — Это мы запросто. Но у неё сейчас уроки. Может, чуть попозже.

— Ничего, мы на минутку.

Митрич подъехал к деревянной, срубленной из вековых лесин школе и попросил бегающих во дворе девочек позвать Анну Евстратовну.

— Скажите, что к ней гости из города.

Девочки быстрыми глазами оглядели меня, прыснули и скрылись в школе.

Анна Евстратовна вышла в строгом сером костюме и в модных туфлях, что сразу бросилось мне в глаза, потому что ходить в них по улице после прошедших дождей было бы безумием. Увидев меня, Анна Евстратовна обрадовалась, сказала, что не ожидала, и когда я начал мямлить, что заехал на минутку, она тут же настояла, чтобы я обязательно подождал, она сейчас закончит урок, и мы должны пообедать у неё.

Жила она здесь же, при школе, в пристрое, который, судя по свежим бревнам, был приделан совсем недавно.

— А вы зайдите, там не заперто, я сейчас подойду, — сказала она.

И мы зашли, но только с Мамушкиным. Митрич, сославшись на срочную работу, уехал по своим делам. Конечно, это было не жильё Мамушкина, у Анны Евстратовны всё прибрано, чисто, крашеный пол, на столе стопки тетрадей, на этажерке и полках книги. И свежий пропитанный смолью и хвоей воздух.

Я ещё раз осмотрел комнату: ну где же здесь можно было разложить парашют, его можно было показывать в разобранном виде только на школьном дворе или на аэродроме.

Коля нашел у Анны Евстратовны кастрюлю, наполнил её ягодой, затем сходил в огород и подкопал картошку.

— Ну, чего расселся, давай будем чистить! — скомандовал он.

И мы начали чистить. Искоса я оглядывал комнату — так вот куда занесла её учительская судьба! Через окно в комнату заглядывал кусочек неба, а далее был виден край деревенского поля и, насколько хватало глаз, стояла тайга. А на столе небольшие часы отсчитывали своё и наше время. Оно неумолимо летело с такой скоростью, что даже и на самолёте не угонишься.

Действительно, Анна пришла скоро, не вошла, а влетела, увидев, что мы заняты домашней работой, похвалила и, быстро переодевшись, придала нашим действиям ту осмысленность и законченность, которую может создать только женщина.

Между делом она рассказывала, как её здесь встретили, как быстро за пару дней соорудили вот этот пристрой.

— Побелили, покрасили, принесли новые табуретки, и даже где-то разыскали барское кресло, перетянули его бараньей шкурой, а на пол под ноги бросили медвежью шкуру. — Меня так и подмывало спросить про сырые чурки, но она и сама рассказала, как она боролась с вязкой, сырой древесиной, пытаясь растопить печь.

На это самое кресло она усадила меня, чтобы я чувствовал себя, как в кабине самолёта. За столом, в свою очередь, я предложил ей помощь, на тот случай, если потребуется что-то передать в город; отвезти, привезти посылку или её саму в Иркутск. Она с улыбкой глянула на меня и сказала, что хотела бы передать в город работы учеников на конкурс.

— Нет проблем, передам, — бодрым голосом заверил я.

Она достала папочку и передала мне. Вместе с нею она передала пакет.

— А это вам с Иннокентием Михайловичем, — сказала она.

— Что это? — спросил я.

— Ондатровые шкурки, двенадцать штук, как раз на две шапки.

— Да ты что, я не могу и не буду брать такие подарки, — нахмурившись, сказал я.

— Ты меня обидишь, — ответила Анна. — Я была вам так благодарна!

— Бери, бери! — сказал Мамушкин. — Охотники здесь сдают их по пятьдесят копеек за штуку.

— Я их не покупала, мне принесли, сказали, сшейте себе шапку. Здесь такие холода!

— Они правы, здесь действительно холодно, — заметил я.

Мысли мои пошли зигзагами; взять, подумает — лётчики все такие, берут и даже спасибо не говорят. Откажусь — обидится. Ещё в детстве мама меня учила: не бери чужого. Взял — потерял. Отдал — приобрел. И тут до меня дошло. Должно быть, шкурки ей принёс Митрич.

— Я не люблю меховые шапки. Мне нравятся платки, — сказала Анна.

— Нет, — твердым голосом сказал я. — Ты, пожалуйста, не обижайся. Мне Коля, — я кивнул на Мамушкина, — уже достал. — Мамушкин недоумённо глянул на меня, но я посмотрел на него долгим взглядом, и он прикрыл уже раскрытый от возмущения рот.

На обратном пути к его обители Мамушкин выматерил меня, затем сказал, что к ноябрьским праздникам из тайги начнут выходить охотники, и тогда он точно пришлёт мне шкурки. За сданную пушнину государство платило охотникам гроши, и она уходила на сторону; в основном передавали или продавали в город; одним надо было устроить своих родственников в больницу, другим нужен был мотоцикл или лодочный мотор.

— А ты зря не взял, обидел девушку, — сказал Мамушкин. — Хочешь, я тебе соболей на шапку достану? Ты мне пива, а я тебе соболей. Идёт?

— Я же не Чернышевский, — засмеялся я. — Это, говорят, он любил прохаживаться по Виллойску в собольей шапке. Мне бы что-то попроще.

Была в нашей работе особая статья. О ней говорили мало, а если и говорили, то мимоходом; те дрожжи, которые вез радист Ватрушкина, не были чем-то особенным и из ряда вон выходящим событием. Много чего приходилось возить лётчикам. Так повелось, где-то чего-то много, а кому-то постоянно недостает.

Утром перед вылетом, у входа в стартовый здравпункт, нас поджидали разного рода ходоки. Одни просили привезти с Байкала рыбу, другие орехи, ягоды, третьи тушёнку, гречку, тот же спирт и говорили, что просим не за себя и не для себя. Выяснялось, что у одного намечалась свадьба, у другого — именины или крестины, третьему надо было что-то нести в больницу. Поводов нагрузить, сделав заказ, было множество. Конечно, всё то, что было в их просьбах, можно было найти на рынке, но там было дорого, а Ватрушкин, бывало, совсем не брал с них денег.

— Как пришло, так и ушло, — говорил он. — Богаче уже не стану, а бедным никогда не буду.

Чаще всего всю эту непредвиденную, левую работу он поручал мне, и я, не нарушая сложившихся традиций, брал передачи, посылки и разносил их по разным адресам. Хочешь стать командиром — терпи! — говорил я самому себе. Но история с заказом Мамушкина имела продолжение. Однажды Ватрушкин, выслушав очередной, оформленный в привычные причитания, заказ, неожиданно для меня протянул ходоку десятку.

— Не в службу, а в дружбу, — с улыбкой сказал он. — Пока мы летаем, ты съезди на пивзавод и купи пива.

— Ты чё, Михалыч, охренел! — пожевав от удивления губами, буркнул тот. — Туда надо ехать на двух автобусах. Да и времени у меня нет.

— Но сюда-то приехать нашел время, — сухо заметил Ватрушкин. — Вот что, дорогой, у нас, кроме ваших заказов, своих дел полно. А вот он, — тут Ватрушкин показал на меня глазами, — каждый день ездит на работу на двух автобусах. Утром сюда, а вечером — обратно, на дорогу полдня. И ничего — ездит. Бывает, и пиво возит. А ещё ваши заказы развозит.

— Ну и лётчики пошли, шаг лишний боитесь сделать, — надулся заказчик.

— Ты это мне или себе? — поинтересовался Ватрушкин и уже другим, непривычным для меня голосом, добавил: — Вали отсюда, и чтоб я тебя больше здесь не видел!

На моей памяти это был единственный случай, обычно Ватрушкин никому не отказывал. Не только брал и привозил, но и частенько на своей «Победе» развозил гостинцы и заказы по домам. А после и меня подвозил домой; из аэропорта добираться до Жилкино, где я жил в ту пору, мне действительно приходилось на двух автобусах.

Через некоторое время моя новенькая форма потеряла былой лоск, как бы притёрлась к самолёту, ко всему, что окружало полёты, я сам уже стал иным, и не глядел на себя со стороны. И когда входил в автобус, на меня уже не оборачивались, не смотрели как на белую ворону. В конечном счёте всё стало на своё место, и мое каждодневное приземление в другие миры, в иную жизнь уже не казалось чем-то особенным, ожидание увидеть неизведанные ранее земли отошло в прошлое, а рассказы и авиационные байки на промежуточных ночёвках стали неким сопутствующим гарниром обычной лётной жизни. Они перешли в мою собственную жизнь и стали как бы продолжением моей биографии, моей жизни.

Как-то в один из осенних дней мы вновь прилетели в Чингилей по санзаданию, надо было срочно вывезти пострадавшего при пожаре мальчишку в город. На площадке было непривычно много народа. Не сразу я разглядел среди провожавших Анну Евстратовну. Она как бы слилась с окружающей местностью: деревенский румянец на щеках, приталенная овчинная тужурка. Выдал её модный завязанный галстуком платок на шее. И ещё резиновые сапоги на ногах, асфальта в Чингилее не предполагалось на ближайшие сотню лет, а вот дожди шли там регулярно. Она подошла к Ватрушкину и стала что-то оживленно ему объяснять. Оказалось, что пострадал её ученик, пожар случился ночью, погибла бабушка, а у него множественные ожоги, теперь вся надежда на самолет.

Мимоходом она представляла нам своих учеников и пригласила Ватрушкина в школу, сказав, что для такой встречи она соберет не только школьников, но и родителей.

— Вы лучше его пригласите, — кивнув на меня, ответил Ватрушкин.

— А я вас не разделяю, — ответила Анна Евстратовна. — Для меня вы одно целое. Как семья. Давайте назовём это встречей с экипажем.

И вскоре такой случай нам представился.

Перед ноябрьскими праздниками нас поставили в план лететь в Чингилей. Напросился или наоборот, организовал тот полёт Ватрушкин. Мне было всё равно куда лететь, но я всё же отметил, что в Чингилей Ватрушкин летает с особым удовольствием. И причина была понятна, обычно там нас встречала Анна Евстратовна.

Но едва мы пришли в диспетчерскую, как Ватрушкину позвонили с местных авиалиний.

— Вас тут домогаются артисты. Скандалят. Вы с ними разберитесь.

Разбираться Ватрушкин послал меня.

Выяснилось, что в Жигаловский район по приглашению администрации на гастроли летят артисты из филармонии. А скандал произошел из-за реквизита. Его оказалось много, и диспетчер побоялась, что он не поместится в самолёте.

— Оформляйте через грузовой склад! — потребовала она.

Но артисты взбунтовались: они посчитали, что это их личные вещи, и они могут, не оплачивая, взять их с собой в самолёт.

Руководитель группы заявил, что обо всем они договорились с начальником аэропорта Брюхановым и попросили связать их с Ватрушкиным.

— Нам сказали, что он отвечает за нашу доставку в Жигалово.

Когда я подошел в диспетчерскую, то неожиданно обнаружил, что уже встречался с руководителем ансамбля, им оказался друг Анны Евстратовны Вениамин Казимирский, которому она через меня передавала документы на конкурс.

Осмотрев вещи артистов, я решил, что оформлять через склад — только время терять, по моим прикидкам, реквизит входил в самолёт, но загружать его надо было быстро, для полёта в Чингилей нам могло не хватить светлого времени.

Но пока загружали вещи в автобус, пока выносили и вносили вещи необычных пассажиров, ушло ещё с час. Самое интересное, что артисты решили, что всю черновую работу должна делать служба аэропорта. А поскольку они — артисты, то их место в буфете.

Присланный мне в подмогу уже знакомый волкодав поглядел на шумливых пассажиров, на их выкрики; не так берёте, не так несёте, плюнул и, послав куда подальше, отбыл на свой склад.

Кое-как, с грохом пополам, мы всё же загрузили весь артистический бутор, усадили уже подвыпивших артистов на жёсткие металлические сиденья, и поднялись в воздух. Если в городе на солнечных местах ещё подтаивало, то за последними домами уже лежал снег. Тёмной шёрсткой выделялся лес, в который огромными белыми лоскутами вдавались поля, справа в стороне Байкала поднимались к небу горы. Самолёт шёл параллельно им по уже не один раз протоптанной воздушной дороге.

Казимирский оказался разговорчивым парнем.

— Ну что, вперёд и с песнями! — сказал он, притулившись в cabinном проходе на том самом месте, где сидела Анна Евстратовна, когда мы летели с ней в Жигалово. Но почему-то Ватрушкин не предложил ему сесть на струбцину, выкурив очередную папиросу, он по своему обыкновению решил подремать.

— Да, сложная у вас работёнка, — сказал Вениамин, оглядывая кабину. — Один на один с этим белым безмолвием. — Он кивнул на землю. — Как это там в песне? «Может быть, дотянет последние мили мой надёжный друг и товарищ мотор». Одна надежда на него, ведь так?

Я, вспомнив слова Ватрушкина о тудяге коленвале, согласно кивнул, как там работают крылья и расчалки, меня интересовало мало. Действительно, двигатель, громкий и неутомимый, порою из-за его грохота и поговорить было сложно, всегда оставался для лётчиков настоящим другом и помощником.

— Вот ты мне скажи, почему лётчикам не выдают парашюты? — начал дёргать меня за плечо Вениамин.

— Я выпрыгну, а ты останешься, — с улыбкой ответил я. — Что мне потом делать?

— Да, верно, помирать, так вместе, — согласился Казимирский. — Хочешь, расскажу анекдот про парашютиста? Летят. Вдруг один встаёт и идёт к двери. Сосед останавливает. Ты же без парашюта! Ему в ответ: ну и что, это же учебный прыжок.

Он хохотнул, а я подумал: чего только не наслушаешься в полётах. Пользуясь тем, что я знаком с его подружкой, Вениамин решил избрать меня временным поверенным в своих давних переживаниях.

— Когда-то я тоже хотел стать лётчиком и даже ходил на занятия в аэроклуб, — продолжил Вениамин. — И там насмотрелся такого!

Чего он там насмотрелся, мне было неизвестно, почему-то вспомнился диагноз, который поставила ему Анна. Аэрофобия! Поразмыслив немного, я подумал, что говорит он много и возбуждённо потому, что выпил перед полётом, так делают многие, чтобы спрятать свой страх. Думаю, он и в проход встал, чтобы не смотреть на землю.

Неожиданно Ватрушкин приоткрыл глаза:

— Послушай, а у тебя случаем нет спичек, — обратился он ко мне. — Я забыл свои.

Вениамин услужливо протянул Ватрушкину зажигалку.

— Значит, так, зачислили нас, усадили за столы, — продолжил Казимирский. — И начали гонять. Ну, я и заяви: нас принимали как здоровых, а спрашивают как умных. Меня взяли и отчислили.

— Вот что, дорогой, иди и сядь на место. Не дай Бог болтнёт, — спокойным голосом сказал Ватрушкин. — А парашютов у нас действительно нет.

Казимирский оказался понятливым, подняв руки, он быстро проговорил:

— Всё, всё, понял — ухожу с горизонта.

Спустившись в грузовую кабину, он, подмигнув мне, уселся на своё место и на всякий случай демонстративно пристегнулся ремнями.

В Чингилее нас встречало полпоселка. Впервые сюда прилетели артисты, аж из самого Иркутска. Был здесь и Брюханов. Он сказал, что договорился с Иркутском, и мы будем возить артистов по району, а сегодня здесь намечен концерт и ночёвка.

Концерт должен был состояться в школе. Анна Евстратовна, узнав, что прилетел Ватрушкин, попросила его выступить перед школьниками. И Ватрушкин согласился.

Я думал, что он начнёт рассказывать о нашей работе, но он начал свою речь с того, что ему приятно бывать в таких вот отдалённых посёлках.

— Основными скрепами, которые удерживают вот такие, как ваша, отдалённые деревни от вымирания и одичания, являются, — тут Ватрушкин начал загибать пальцы, — наличие работы, связь, я имею в виду транспорт, самолёты, машины. И сельские учителя. Лишится деревня хотя бы одной составляющей, и жизнь здесь станет ущербной и неполной, а может вообще сойти на нет. Немецкий канцлер Бисмарк говорил, что победа над Австрией была победой прусского школьного учителя. Он имел в виду наличие в Пруссии всеобщего школьного образования, которое позволило готовить квалифицированные кадры для армии. Продолжая его мысль, могу утверждать: наша победа над Германией была бы невозможна без школьного учителя. Давайте возьмём самолёт. Можно управлять им, не имея образования? Давайте, как в цирке, посадим в кабину медведя. Думаете, найдутся охотники полететь на этом самолёте? — вряд ли. А во время войны были подготовлены десятки тысяч технически грамотных лётчиков. И кто их готовил? Учителя. И эти парни и девчонки побили фашистских асов.

Далее Ватрушкин рассказал, как во время войны они спасли маршала Иосипа Броз Тито.

— В сорок четвёртом нашу часть отправили на авиабазу в Бари, — тут он подошёл к висевшей на стене карте и ткнул пальцем в сапог Аппенинского полуострова. — Кто мне ответит, какая здесь находится страна?

— Италия! — хором закричали ученики.

— Молодцы! — похвалил Ватрушкин. — Ставлю пять вашей учительнице. — Так вот, оттуда мы летали к югославским партизанам. — Палец Ватрушкина скользнул вправо поперёк Адриатического моря. — Кроме нас, на аэродроме базировались англичане, американцы. Наши лётчики были привычны к полётам с подбором на маленькие горные и такие же, как у вас, площадки. Мы летаем, американцы и англичане сидят и ждут, когда им подготовят хорошие аэродромы югославские партизаны. Более того, они не верили, что мы туда летаем. Тогда Шорников купил на базаре плетёные корзины и, слетав к партизанам в Боснию, привёз в них снег. Эти корзины мы поставили около английских самолётов, мол, посмотрите, снег есть только на Балканах. А позже Шорников вывез на самолёте главу партизан Иосипа Броз Тито, которого немцы уже видели в своих руках. Можете представить, как после всего этого американцы и англичане смотрели на нас.

Я сидел в классе, вместе со всеми слушал Ватрушкина, смотрел на географическую карту, которая висела на стене, вспоминал своё школьное время. В моей жизни было несколько учителей, которые определили всю мою жизнь. Самая первая, ещё в начальной школе — Клавдия Степановна, затем физик Пётр Георгиевич, которого мы называли Сметаной. И, конечно же, преподаватель истории Анна Константиновна. Это она учила нас видеть себя и мир с большой высоты не только в пространстве, но и во времени. И вот теперь рядом со мной оказался Ватрушкин. Каждый день он садился со мной, образно говоря, за одну школьную парту. Перемещаясь от одного аэродрома к другому, он ненавязчиво подсказывал и показывал то, что позже станет и для меня привычным делом. Разлетаясь утром с базового аэродрома, мы, что пчёлы, собирали пыльцу со всех сельских, северных аэродромов и везли в город взятки. Наш неуклюжий и внешне похожий на деревенский валенок кукурузник, поднявшийся из прошлой, казалось бы, другой, доисторической жизни, тащил нас вперёд, в другие миры.

И вот рядом с ним, здесь, в Чингилее, стояла маленькая, ладненькая Анна Евстратовна, которая рядом с ним совсем не походила на учительницу, встретив в коридоре, её можно было

признать за старшекласницу. Но едва она начала говорить, как в классе наступала прозрачная, я бы даже сказал благоговейная тишина. Что она знала такого, чтоб её слушали с таким вниманием? Историю? — Её знали и другие. Возможно, даже не хуже её. А если разобраться, она была моей ровесницей. Но сегодня я был всего лишь вторым пилотом, дело которого не мешать левому, держать ноги нейтрально и ждать зарплату. И мне ещё учиться и учиться, пока доверят самолёт и пассажиров.

Затем начался концерт. Вениамин со своими артистами спели несколько песен. Пели хорошо, с душой. Их долго не отпускали. А в конце, по просьбе Анны Евстратовны, артисты исполнили её любимую «Маленькую девочку», которую они посвятили нашему экипажу:

*В огромном небе, необъятном небе,
Летит девочка над страной своей,
Кто в небе не был, кто ни разу не был,
Пускай вздыхает и завидует ей...*

Здесь же, в школе, нам был приготовлен ужин, да такой, что мы открыли рот, едва вошли в учительскую. На столе была рыба солёная, копчёная, мясо пареное, варёное, жареное. Кроме того, картошка, солёные грузди, пельмени, брусника со сгущёнкой. Было приятно смотреть за хлопотами Анны Евстратовны. Ей помогала деревенская интеллигенция: фельдшер местного здравпункта, почтальон и жена директора леспромхоза. Всем этим действием руководил Митрич. Он же предложил выпить за здоровье приехавших артистов, за приехавшую представительницу района, за большого авиационного начальника Ивана Брюханова и, конечно же, за Анну Евстратовну. Не забыли и нас.

— Редко вы к нам прилетаете, — обращаясь к артистам, сказал Брюханов.

— Но метко, — пошутил Вениамин. — Прилетели и угодили прямо за стол. Я вот что хочу сказать. Самое устойчивое представление о прошедшей жизни — это мифы. Например, создали миф, что ссыльным здесь плохо жилось. Ну, комары, они и в Питере комары. Морозы, они у печки хорошо переносятся. У создателя Ревтрибунала Льва Троцкого, он, как вам известно, тоже отбывал ссылку в этих краях, насчёт картошки дров поджарить, — тут Вениамин кивнул на стол, — тоже губа была не дура. И вообще, вожди наши любили поесть. Мне давно хотелось своими глазами посмотреть, где и как отбывал ссылку Лев Давыдович. Думаю, с тех пор здесь мало что изменилось. Разве что появился самолёт. Убери его — та же картина.

— Мой дед был родом изТутуры, — сказал Брюханов. — Когда я спрашивал про ссыльных, он говорил — дармоеды. Жили на всём государственном. Это потом их стали показывать страдальцами за народ. А этот народ вкалывал с утра до ночи, жалел этих бедолаг и нёс им, бедненьким, всё, что заработал своим горбом. Пожили здесь, отдохнули и в бега. Кто в Лондон, кто в Швейцарию.

— Но их можно понять, — заметил Вениамин. — Цивилизованный человек должен жить в своей среде. Я всё время хотел понять революционную интеллигенцию, которая пошла в народ. И чего добились? Да ничего. Многие из них потом бомбистами стали.

Слушали Вениамина молча, иногда дипломатично кивали и только, мало ли чего наговорит залетевший артист.

— Со стороны так, наверное, оно и должно, — перебил Вениамина Митрич. — Медведи должны быть с медведями, бурундуки с бурундуками. Это их среда. И вообще, сколько людей, столько и мнений. А справедливость, как и везде, имеет одно неумовимое, но определяющее свойство: подлаживаться под покупателя и служить тому, у кого больше прав. Диалектика!

Поняв, что разговор может повернуться в нежелательную для него сторону, Вениамин прекратил поминать ссыльных, поскольку они здесь жили по принуждению, а сидящие за столом — по собственной воле, и никогда не жаловались, находя в жите-бытье свои выгоды и краски.

Но Митрич уже завёлся. Скинув с себя пиджак и выказав всем свою ослепительно белую нейлоновую рубашку, которая подчеркивала, что и здесь знают толк в моде, он глянул в упор на Вениамина своими глазами-щёлочками.

Но тут поднялась Анна Евстратовна.

— Пётр Дмитриевич! — ласковым и примиряющим голосом обратилась она к директору. — Мы сегодня собрались по другому поводу. Давайте отложим уроки диалектического материализма на завтра. А сегодня будем общаться.

— Нет, не отложим! Вот что я вам, дорогие гости, хочу сказать, — глухим голосом продолжил Митрич. — До войны в наших краях жило двадцать пять тысяч. Более трёх тысяч здоровых мужиков и парней ушло на фронт. Обратного не вернулось и половины. А сколько ещё было выбито в гражданскую? Ныне каждый год на учёбу в город уезжают сотни, и сюда, как с фронта, почти не возвращаются.

И тут мой командир вновь удивил не только меня, но и заезжих артистов и всех, кто был приглашён на ужин. Он встал, высокий, красивый, и спокойным голосом, так, как он обычно вёл в воздухе связь, начал читать стихи. Я их слышал впервые.

*Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать,
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.*

Присутствующий на ужине Мамушкин сказал, что Михалыч читал так, будто устанавливал радиосвязь с далёкими мирами.

*Горькую обновушку
Другу шила я,
Любит, любит кровушку
Русская земля.*

Ватрушкин замолчал, в учительской повисла тишина. Молчание сломал Митрич.

— Вы верно сказали, — директор кивнул в сторону Ватрушкина, — нас спасает лес, тайга. Вырубим его, здесь будет пустыня. Кому захочется жить в пустыне? Никому. Спасибо Аннушке, не побоялась, приехала в нашу глушь. Всем показала, что жить интересно можно везде.

— Пётр Дмитриевич, я не знаю, как вас отблагодарить, — улыбнувшись, сказала Анна Евстратовна. — Такой теплоты, как здесь, я не встречала и, видимо, никогда не встречу. Я слушала вас и подумала: есть ещё одна, но, может быть, главная составляющая, та, что нас сохраняет, охраняет и скрепляет государство. Это родной язык. Спасибо Иннокентию Михайловичу, что он вспомнил Анну Андреевну Ахматову. В сорок втором она написала ещё такие строки:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах,
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

Перед тем как идти к Митричу — он пригласил нас переночевать у него — Ватрушкин поинтересовался у Анны, проводит ли она уроки по парашютной подготовке.

— Сюда я летела, мне виделось одно, — с какой-то грустной улыбкой ответила она. — Вот приеду и переверну этот медвежий угол. «Я опущу кусочек неба на эти серые дома». А он сам взял меня в оборот. Здесь на меня опустилось само небо. Всё, как в затяжном прыжке.

От нас недалеко в тайге живут эвенки. Деревня называется Вершина Тутуры. Туда на зиму свозят детей, считая, что там их нужно не только учить читать и писать, но и приобщить к благам цивилизации. Так вот они, как могут, сопротивляются той цивилизации, которую мы всеми силами им навязываем. Хотят жить по тем законам, по которым жили их предки. И все эти дезодоранты, духи, машины, мягкие кресла и диваны, телевидение и прочие блага они с удовольствием поменяют на хороший карабин и собаку.

А парашют у меня стащили. Так, из баловства. Соседский мальчишка Пашка-тунгус. Так его здесь все называют. Вообще они чужого не берут. Взять чужое — большой грех. Но его кто-то подзудил: ткани там много, возьмём кусок, и будет у нас костюм для охоты. На снегу его совсем не видно. Ну, испортили мне учебное пособие, но натолкнули на хорошую мысль. Я решила разрезать парашют и сшить из него спортивные костюмы. Когда сделали выкройку и прикинули, то получилось, что хватит на целую команду. Мы собираемся на районную спартакиаду школьников. Оказалось, что здесь все лыжники и стрелки. Ну, словом, охотники.

— А запасной-то хоть остался?

— Запаска осталась, — Анна улыбнулась. — Даже если я очень захочу отсюда выпрыгнуть, то обратного хода нет. Ни запасного, ни какого-то иного. Меня отсюда попросту не отпустят.

— Это почему же?

— Да в неё вселился бес, — влез в разговор Вениамин. — Одних сюда ссылали, а ты себя сама закопала.

— Веня, концерт окончен, — спокойным голосом остановила его Анна Евстратовна. — Сколько можно? Притормози!

— Нет, вы видели! — усмехнулся артист. — Я бросил всё, чтобы приехать и поддержать её. Человеку свойственно двигаться вперёд. Вот у лётчиков есть хороший девиз: летать быстрее, дальше и выше всех. Я правильно говорю? Как там в песне? Все выше и выше и выше!

— Ты говоришь, запасной у тебя остался, — сказал Ватрушкин. — Так отдай ему.

— Это ещё зачем? — не понял Вениамин.

— Веня, я себя не закопала, я живу, — засмеялась Анна Евстратовна. — Живу нормальной жизнью. Костюмы шью, мне весь поселок помогает, детей учу. Чтобы понять меня, одного концерта мало. Надо здесь жить, а не прилетать.

Утром мы перелетели в Жигалово, затем в Сурово, Коношаново. Везде были встречи, концерты, а потом мы вернулись в Жигалово. Там Брюханов передал Ватрушкину радиogramму, нас срочно вызывали на базу. Тогда мне казалось, что мы расstaёмся ненадолго. Несколько раз уже с другим командиром я прилетал в Чингилей, но Анну Евстратовну почему-то не встречал. Года через два, когда закрыли леспромхоз, посадочную площадку в Чингилее прикрыли, думали до весны, а оказалось навсегда.

Позже, уже летая командиром на больших самолетах, возвращаясь с севера домой, с большой высоты я пытался найти в холодной и немой тайге крохотные огоньки Жигалово, и уже отталкиваясь от них по прямой, как ещё в школьные времена, отталкиваясь от звезд Большой Медведицы по внешней стороне ковша, искал Полярную звезду, так и здесь я искал огоньки Чингилея. Иногда находил, но чаще всего ответом мне была пугающая пустота.

Уже тогда было ясно, что малую авиацию добивают, она подверглась такому разорению, после которого на восстановление понадобятся годы; все посадочные площадки и аэродромы зарастали кустарником и травой, а самолёты были пущены на слом. Коля Мамушкин на мой вопрос, как же теперь добираются люди до Жигалово, ответил, что до Чикана и Жигалово можно добраться на машине, и что на месте Чингилея остался всего один дом.

— Это Ватрушкин любил летать туда и делал всё, чтобы площадку не закрывали, — сказал Мамушкин. — И за меня туда похлопотал, спасибо, я успел застать патриархальную таёжную Русь, ту, которая была и которой уже никогда не будет. А Брюханов помер вскорости после того, как перестали летать в Жигалово самолёты, — поведал Коля. — Васька Довгаль

видел его в поликлинике. Брюханов похвастал, что был у врача, давление сто двадцать на семьдесят, и пошутил, что ему с таким давлением можно и в космонавты.

А через два дня в автобусе ему стало плохо. Успели только довезти до больницы.

Эти подробности я знал. Знал я и то, что Мамушкин так и не стал восстанавливаться на летной работе, после Чингилея его перевели работать в Киренск. Там он и застрял. Но говорить на эту тему не хотелось, чего ворошить прошлое. Уже прощаясь, Мамушкин добавил:

— Наша Аннушка, ну помнишь ту учительку, она, представь себе, уехала. Ты думаешь — к этому артисту? Нет! Кстати, у неё, говорят, от того артиста ребёнок родился.

— Казимирский, — припомнил я.

— Аннушка Капелюшка, так её прозвали в Жигалово, уехала не с ним, а с Митричем. Говорят, у них ещё двое сыновей родились. Двойняшки. Вот и пойми этих женщин. Диалектика! — Мамушкин поднял вверх указательный палец. — Пришёл, привёз сухих дров, растопил печь. И взял в полон! Много ли женщине надо?

— Ну, ты не скажи, им, как и всем, хочется многого, — сказал я, поражённый неожиданной новостью.

— Кстати, крёстным отцом у них стал наш командир летающего сарая — Ватрушкин, — не замечая моих слов, продолжил Мамушкин. — К нему это прозвище прилипло навсегда. Он сейчас преподавателем в учебно-тренировочном отряде работает, и не ошибусь, он, должно быть, рассказывает молодым летунам, как спасал Тито. Да, чуть не забыл сказать самого главного. Она про тебя часто спрашивала, как складывается твоя лётная судьба. Стал ли ты капитаном? Кстати, если говорить о ней, то она была настоящей учителькой, без всяких там «но». Её в Чингилее, да и в самом Жигалово ещё долго вспоминали. Но кого бы она сейчас там учила? Медведей или бурундуков. Народу там совсем не осталось. Разъехались кто куда.

Эх, Россия-матушка! Умом тебя не понять.

ГЕННАДИЙ ГАЙДА

ИЗ ГЛУБИН ТЕКТОНИЧЕСКИХ ГУЛ ПРИГЛУШЁННЫЙ...

* * *

В вершинах крон всё явственней звучало
высокой темы грозное начало.

Она ветвилась, ширилась окрест,
и, призван ею, ширился оркестр.

И развернулась царственная ода
во весь размах крутого небосвода.

И было ей название: «Гроза».
Был сломлен дуб, и согнута лоза.

И ум смятенный гнался по пятам...
И только дух, ликуя, трепетал.

Узнав её, он крылья распростёр.
И ты вступил, как праведник, в костёр.

Сгорел дотла, и потому воскрес.
И мглу разъял животворящий крест.

И ты невольно осенил крестом
Счастливой муки долгожданный стон.

* * *

Сыну Михаилу

Грозный отсвет приметив на юном челе,
ни с того, ни с сего я изрёк: «На исходе
две Христом осеняемых тысячи лет.
И незримо во всём некий сдвиг происходит».

Произнёс в никуда и осёкся на сём.
И с тех пор я, на пир бытия приглашённый,
просыпаюсь и слышу сквозь веющий сон
из глубин тектонических гул приглушённый.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Нам от веку тяжело,
будет — тяжелее.
Но себя врагу назло
мы не пожалеем.

Нас баюкает пурга,
отпевает вьюга.
Пусть мы радуем врага,
не щадя друг друга.

И врага не пощадим
в годы роковые,

чтоб родных пожарищ дым
очи нам не выел.

Богатырь для страшной тризны
спустится с полатей.
Мы сполна ценою жизни
смерть врага оплатим.

Нечисть силы группирует...
Мы натруженной до боли
дланью помним, как пирует
меч в открытом поле.

* * *

Ветла — светла
и ясень — ясен,
берёзы нищенски чисты...
И лес нетронутый прекрасен
в цвету, в листве и без листвы.

Законы жизни непреложны —
и здесь за жизнь идёт борьба.

Но нет меж них
кумиров ложных,
нет раболепства и раба.

И у крутого поворота
над Гераклитовой рекой
идёт незримая работа,
стоит распахнутый покой.

* * *

Каждый день нас с тобой разлучают дела.
Целый день для других ты красивой была,
целый день ты была жизнерадостной с ними...
Ты придёшь, ты улыбку привычную снимешь,
на ночь бусы и серьги тяжёлые снимешь,
обручальное снимешь кольцо
и проточной водою умоешь лицо.

Для других будь уверенной, дерзкой, победной,
пусть сияет беспечности нимб...
А такой, беззащитной и бледной,
будь лишь только со мною одним.

* * *

Путник поздний,
как и древле,
к очагу торопится.
Далеко, в родной деревне,
бани жарко топится.

Знать, хозяйшкe не спится —
чувет бабье сердце,
всё хлопочет, суетится
то в избе, то в сенцах.

Жизнь сама собой текла,
вдруг кольнуло будто:
наварила, напекла —
гостю быть под утро.

Будет рада сыну, братцу,
жениху иль мужу,
дай-то Бог ему добраться
и в пургу, и в стужу.

Пусть он матери, сестрице,
суженой, жене ли

привезёт, как встарь, гостинцы
под крылом шинели.

Пусть он матушке, сестрёнке,
жинке иль невесте
привезёт с чужой сторонки
лишь благие вести.

Не письмо и не примета —
изнутри кольнуло,
меньше часа до рассвета,
и — не прикорнула.

Мать, сестра иль недотрога
обратилась к Богу:
«Приведи его, дорога,
к моему порогу...»

Путник поздний,
как и древле,
к очагу торопится.
За версту видать: в деревне
бани чья-то топится.

* * *

Брежит улыбка, и лёгкий прищур
ласковым светом лучится.
Очарование,
чур меня, чур,
поздно мне счастьем учиться.

В том, что не встречу
родней и милей,
сердцем готов поручиться.
Но очевидно, что в жизни моей
чуду уже не случится.

Долг предрешён —
никуда нам не деться,
полно, мой друг, сокрушаться.
Век бы не смог на тебя наглядеться,
так же, как впрок наддышаться.

Брежит улыбка, и лёгкий прищур
ласковым светом лучится.
Очарование,
чур меня, чур,
поздно мне счастьем учиться.

ЗАСТОЛЬЕ

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
А. С. Пушкин

Сомкнули стаканы — плеснуло вино
на чистую скатерть льняную...
и жизнь в освещенье предстала ином,
нездешнем, как будто в иную
реальность, как в воду, мы разом вошли
(а может быть, на́ берег вышли?).
А что потеряли и что мы нашли,
то ведомо только Всевышним.

Сомкнули стаканы — плеснуло вино —
на белом багряные пятна...
Мы связаны болью, утратой, виной,
и нет нам дороги обратной.

Глядит на нас даль легендарных историй
с участием и укоризной.
И чад, и исчадия беспечных застолий
развеяны трапезой-гризной.

Века истекли... И года истекали —
похмельем победы мы жили.
Наполним же трезвостью наши стаканы,
пусть трезвость вольётся нам в жилы!

И сердце, и разум она освежит,
и с ног не собьёт нас волна грозовая...
Сомкнём же стаканы за то, чтобы жить,
планиду — приемля,
стезю — сознавая.

ВИСОКОСНОЕ

1

Красные вьюги стезю замели.
В жёлтом чаду был сподоблен метаться я...
Господи, дай мне стопы оторвать от земли,
дай разомкнуть мне в цепи гравитации

цельнолитое, золотое звено —
я на цепи до бесстыдства нелеп.
С кровью младенцев смешали вино —
плеплом посыплю свой праздничный хлеб.

Горьким пеплом посолил
свой постылый, пресный хлеб.
В сердце ярость поселил,
в ярой ярости ослеп.

Боль в себе, как штык, неся,
молча я в себя кричу:
«Жизнь! Твой смысл почти иссяк
И не светит — брезжит чуть...»

Оглянусь: вокруг ни зги,
и скулит всю ночь тоска.
В спазмах стиснуло мозги,
Грудь сдавило, как в тисках.

Вот уж видно, свистнул рак
под моей кривой берёзой.
Пью всю ночь, как пьёт дурак,
пью и пью — а всё тверёзий.

Мне в иллюзиях не млеть,
не хранить надежд спесивых.
Я не в силах захмелеть
и не пить уже не в силах.

* * *

Засвечу слепую свечку,
затоплю сырую печку...
Долго ль мне в чужом дому
домовничать одному?

Ты спешишь и, лишь войдёшь,
вдруг ослабнешь, вдруг оттаешь...
Ты войдёшь, а снег и дождь
за дверьми плясать оставишь.

Будет дождь всю ночь толочь,
как склеротик, в ступе воду.
В эту непогодь невмочь
длить постылую свободу.

На рассвете снег с дождём
будут застить свет, как ересь.
Лучших дней мы тайно ждём,
их дождаться не надеясь.

Печь теплом наполнит дом,
а свеча уютом полнит.
Лучших дней в грядущем ждём,
сердце их в минувшем помнит.

Год за годом ждём-пождём,
год за годом — круг за кругом...
Мы под снегом и дождём
повстречаемся друг с другом.

Но себя не обнаружим,
но о главном промолчим.
У крыльца такая лужа...
Снова ноги промочил.

Засвечу слепую свечку,
затоплю сырую печку...
Долго ль мне в чужом дому
домовничать одному?

* * *

Душу стоном рвёт на части
беспризорный домовый...
Отчего стихи о счастье
слаще счастья самого?

Сталь пронзит — и кровью брызнет
на парнасские снега.
Столь нам дорог плач о жизни,
сколь и жизнь не дорога.

* * *

Где тополь столетние корни корёжил,
впервые пришлось нам увидеть живых
и бледных капустниц, и сороконожек,
и в лужах прогретых — червей дождевых.

Для нас распевали непевчие птицы,
для нас в тупиках сорняки расцветали...
и, с птицами вместе гнездясь, небылицы
под нашим безоблачным небом витали.

Восторги — срывали оконные створки!..
В сыновьих забавах — соль отчей заботы.
В линялой, но ладной своей гимнастёрке
отец по ночам возвращался с работы.

Простые и грешные наши родители,
великой священной войны победители,
врага одолев, одарили наследством:
и без позолоты немеркнувшим детством.

В надсадном труде с затаённою болью
вы нас от беды заслоняли собою.

* * *

Я в красивую жизнь окунулся,
я на чистом паркете споткнулся,
я, вина отхлебнув, поперхнулся
и российским стихом захлебнулся.

Остуди мои мысли, ненастье.
Мне ли, осень, тобою гнушаться?
Задохнулся однажды от счастья,
до сих пор не могу отдышаться.

Не одно миновалось распутье,
даль грядёт холодна и светла.

Прикрывавшие крону лоскутья
на ветру догорели дотла.

Не кори себя юностью злачной —
на ветру стала крона прозрачной,
ни плодов на ветвях, ни гнезда,
но сквозь крону сияет звезда.

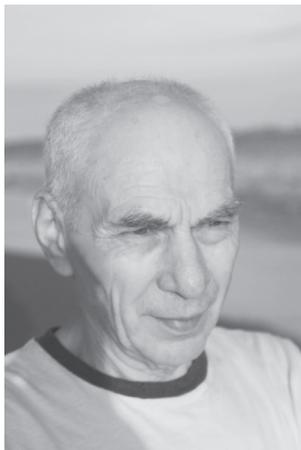
На морозе разительный свет —
луч на камне оставит свой след,
между датами жизни и смерти.
Эту бездну — подите — измерьте.

* * *

Как долго нас беспечность нянчит, долго
падают прозренья первозданность лбов.
Как поздно к нам приходит чувство долга,
и благодарность к ближним,
и любовь.

Здесь имена родных
на плитах каменных,
здесь ржавые ограды и осот...
Сюда ведь тоже позднее раскаянье
хлебнувший горя сын мой принесёт.

ОЛЕГ КОРНИЛЬЦЕВ

А У ВОДЫ БЕЖАЛА ТРЯСОГУЗКА

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

1

Во время войны мы с мамой жили в эвакуации в Сибири.

Мне было девять лет, когда в сентябре сорок третьего я сманил двух мальчиков убежать на фронт.

Вообще-то, я давно знал, что убегу на войну, но летом и так было не худо, а школа началась — мне ученье всегда было в тягость. Брёл после уроков по деревянным тротуарам, и вдруг озарило, как избавление: «Убегу на войну!»

Сейчас заглянул в Интернет: первое сентября в сорок третьем выпало на среду. Ну вот, а в четверг учительница, видимо, уже на дом задала — и я решил спастись.

Мои сподвижники были младше меня. Вадик Субарнов (ударение на «у») ещё в школу не ходил, но шустрый малец. Зимой нас подселили к Субарновым в узенькую боковушку — четвёртое наше пристанище за два года в посёлке. Мы с Вадиком замечательно ладили, играли самозабвенно, и понятно — его первого позвал. Вечером шепнул, он сразу согласился.

Вторым был Вася. Ему исполнилось восемь лет, он пошёл в первый класс.

Тут следует объяснить. До сорок третьего года в школу принимали с восьми лет. Таким образом, в свои девять я учился только во втором. Но именно в сорок третьем в школу «призвали» семилеток. Моя мама преподавала математику, она и её товарки-учительницы говорили между собой (со значением понижая голос), что это сделано, чтобы мальчики успевали закончить десятилетку, до того, как заберут в армию. В ту осень первоклашками стали дети рожденья 35-го и 36-го годов. Вот кипело малышнёй на переменах!

КОРНИЛЬЦЕВ Олег Борисович, прозаик (1934, Уфа). Автор книг: *События*: рассказы (Иркутск, 1982); *Райские куци*: повесть, рассказы и лит. запись воспоминаний иркутянина П.Е. Лунёнка; публикаций в коллект. сб. и журналах. Член Союза российских писателей.

Итак, Вася. Небольшой, крепенький, молчаливый, весь какой-то очень надёжный. Мы познакомились позапрошлым летом ещё в детском саду. Тогда один раз я был у него дома. Жил Вася на крайней улице в предпоследней избушке. Это была крохотная засыпнуха — двойные стенки из горбылей, меж ними опилки. Вася показал щель, через которую, если ударить палкой по горбылинам, эти опилки сеялись. Я не знал, что бывают такие строения. Под навесом в поленнице Вася нашёл ключ, отомкнул висячий замок. Кухонька, комнатка, лоскутные одеяла... Ещё у Васи я немножко попилил лучковой пилой, поиграли в мячик, скатанный из коровьей шерсти. Я не знал, что бывают такие пилы и такие мячики... Хозяйничали мы одни — Васина мать и сестра были на работе. Так и осталось: живёт он сам по себе, отдельно от взрослых.

Я пошёл в первый класс, год Васи не видел, а тут встретились. Вот с кем на войну! Предложил — он согласился. Только сначала ему нужно было отнести домой сумку с книжками, ну и, конечно, поесть. Кстати, школьные сумки тех лет, в большинстве своём, представляли мешочек, сшитый из разного тряпья, с двумя тряпичными ручками...

Когда шёл с уроков домой — испытал я совершенно неведомое состояние. Сейчас-то называть его умею: маята организатора.

Взять с собой хлеб, картошку, соль, спички — это просто. Ещё нужна верёвка... Я знал, что подходящий обрывок лежит на куче навоза, за коровьими стайками. В своё время обрывок хорошо напитался навозными соками, затем высох, приобрёл соответствующий цвет и валялся никому ненужный. А вдруг именно сегодня ребяташки его утащили?.. Вещмешок... Он в книжном шкафу, на нижней полке. (Шкаф дали нам в школе, на его полках мама хранила и книги, и бельё, и кое-какие вещи.) Перочинный ножик (моё главное сокровище, предмет почти сакральный) — под моим топчаном, в ящике с моими игрушками... А кто сейчас дома? Моя мама на работе с утра до вечера, но у Вадика папа или мама, тоже учителя, вполне могли оказаться дома. Да и сам Вадик не ухлестал ли на улицу? Уж больно резвый был мальчик. А Вася? Скоро ли придёт?

Но это я сейчас так упорядоченно излагаю, а тогда, от усилий всё рассчитать и увязать, в голове произошла такая болезненная сумятица, что я растерялся, если не сказать испугался. Думаю, в тот момент из своего детского мирка вывалился я в самую что ни на есть реальность, для которой был ещё мал. Немедленно бросил я потуги координатора и обрёл душевное равновесие. Но разочарование той минуты осталось на всю жизнь. Даже место, где это содеялось — врезалось навек. Рядом со школой деревянный тротуар спускался по горке высокими ступенями. Перила там заменяла доска, до того отполированная ладонями и рукавичками, что стала как бы костяной...

Родителей Вадика дома не было, зато Вадик на месте, верёвка тоже. Так всё ладно сошлось, что от сборов в дорогу запали только два момента.

Кусок хлеба с нашего кухонного стола, накрытый льняным полотенцем от мух, я забрал весь. Даже не промелькнуло поделить с мамой.

И второе. В тот день мама Вадика нажарила пирогов с картошкой. Здоровущие, жирные, с корочкой из настоящей муки, они разваливались под собственной тяжестью. Субарновы были местные, недавно получили гостинец из деревни: муку и сало. Вот этих пирогов мы взяли всего три штуки. И ещё одним Вадик меня угостил. Я съел — и почти наелся. В животе стало тепло, уютно. Тут и Вася подросел. Можно было отправляться.

Дом, в котором мы жили, — бревенчатый, новый, добротный, четыре квартиры, четыре крыльца, — был густо населён, а уходить следовало незаметно. Конечно, мы с Вадиком были свои, и Вася — мало ли ребяташек заходило поиграть во двор, но выдавал вещмешок, в который сложили припасы, диковинный предмет для нашего двора. Этот вещмешок из новой серой, в чёрную линеенку, материи, с удобными ляжками, ещё летом сорок первого года, когда фронт подходил к нашим местам, мама сшила под мой рост, под мою силу. И вот теперь, чтобы не так бросалось в глаза, я не стал надевать его, а нёс в руке у земли, между собой и Васей.

Вдоль всего дома от крыльца к крыльцу был положен деревянный тротуар. Наш отряд дробненько простучал по нему и — в калитку, и — на другую сторону улицы. Домов там не было, а тянулся глухой забор. Он огораживал тополёвый сад при поселковом клубе. Забор

кончился — мы за угол и дальше вдоль забора. Тут уж вольнее. Я надел в ляжки мешок. Потом мимо домиков — чёрт знает кто в них жил, мимо конного двора...

А всё же, что в моей голове творилось? Как представлял дорогу на фронт?

Однажды, зимой ещё, все обитатели нашей квартиры сидели на кухне. Мама Вадика чистила луковицу и плакала от неё. Вадик смотрел, смотрел и говорит:

— Наберу луку, поеду на фронт немцам глаза тереть.

Все засмеялись. Я вот по сей день помню...

Мой план был куда основательней.

Сначала напрямик идём на Алтай, в Алтайские горы. (Вот зачем нужна верёвка — лазить по горам!) Там ищем золото. На золото покупаем оружие и тогда уж — на фронт.

Неслабый проект. Как возник?

По радио читали повесть «Алтайские робинзоны». Несколько дней, с продолжениями. Но я слышал только одну передачу. Два мальчика в Алтайских горах откопали самородок с куриное яйцо. Что делали мальчики до этого и чем занялись после, я так и не узнал. Зато знал: Алтай где-то недалеко — мама говорила, что пионерский лагерь «Артек» эвакуировали на Алтай, и самый хороший ученик нашей школы, может быть, туда поедет. А за рекой Яя (ударение на первое «я»), возле которой стоял наш посёлок (тоже Яя), зеленела кустарником и желтела осыпями небольшая гора в виде равнобочной трапеции — я и смекнул: Алтайские горы в той стороне.

О золоте и самородках познания были конкретней. Мама хранила два золотых кольца. Блестящий перстенёк, из которого, когда меня ещё на свете не было, потерялся красный камешек. «Только подарили... Я так радовалась...», — рассказывала мама. И мужское кольцо — тусклое, тяжёленькое. Его неказистость мама объясняла тем, что сделано из самородка, золото без примесей. Самородок, при царе ещё, нашёл кто-то из маминной родни. Однажды я допёк: кто всё-таки нашёл? При каком царе? «Ай, да не знаю!.. При царе Горохе...», — отмахнулась мама.

Неизвестный родич, откопавший самородок, воображался довольно смутно, в глухом лесу, у подножья горы, в яме по колено, рубашка распоясской, лопата... Это неотчётливое виденье географически было точно привязано: Урал — мамина родина. Неизвестным предком и Уралом, куда, по маминим рассказам, меня однажды привозили ещё в пелёнках, я гордился с каким-то хозяйственным привкусом...

А что же мои спутники? Свой план Васе в подробностях я не излагал, да и Вадику — что-то не припомню. Верили мне...

Итак, сначала следовало выйти к реке.

По улице Набережной в десятке шагов от палисадников и скворечен были проложены рельсы. Мы зашагали по шпалам и вскоре оказались на воле. Под облаками и небом — измызганные кусты, цветущие лютики, поодаль штабеля брёвен, и — река, во всю ширину забитая брёвнами. Там их было десятки тысяч. По этому полю из плавающих лесин предстояло перейти на ту сторону.

У самого берега оставался просвет чистой воды, но мы знали, где можно попасть на брёвна. Шли по дорожке в запахе сосновой коры и преющей древесины. До сей минуты был побег, а теперь — странствие.

А странствующих подстерегают внезапности.

В одном месте дорожка сбегала в небольшую промоину. Мы были внизу, когда навстречу спустился незнакомый мальчик — шестой или седьмой класс.

— Олег, вы куда? — мягко и очень по-взрослому удивился он.

То, что незнакомец знает меня — было привычно. Мама преподавала математику и вдобавок была завучем школы. А вопрос... Но я уже слышал свой ответ:

— А мы зимой картошку брали в долг, мама велела отдать.

И разминулись.

От своей неожиданной изворотливости я был в лёгкой оторопи. Я, пожалуй, только маму обманывал, и то редко и без фантазии: «Выучил уроки?» — «Выучил». Но сильнее была неловкость перед Вадиком и Васей: так смухлевать в нашем благородном предприятии! Мы шли гуськом, ребята за мной, стыд я переживал спиной и затылком.

Но соврал-то я ловко. Выходило: мы идём к бетонной плотине, подпиравшей реку. Возле неё было подобие выселок: штук пять домиков и буйные огороды при них. Получалось — там одолжили картошку. (На самом деле, начиная с урожая сорок второго года, картошки, которую мы сажали в поле, всегда хватало до новой. Без неё пропали б.)

Однако довольно скоро я вернулся в прекрасное расположение духа, а тут подошли к месту, где предстояло перелезть на брёвна.

Рядом работала бригада. Женщины в основном. Баграми сплачивали на воде лесины, цепляли тросами, паровая лебёдка, звонко надсажаясь, тащила на берег... Если бы кто из бригадниц посмотрел в нашу сторону, нас бы, скорей всего, шугнули, потому что кошмаром всех матерей в посёлке было — их чада бегают по плавающим брёвнам. Стращали: «Сорвётесь, лесины сойдутся над головой, не выскочите!» Но мы перебрались на плашкоуты словно в шапках-невидимках. Эти плашкоуты — плоты из сосновых брусьев — были соединены тросом и плавучей дорогой далеко уходили в поля брёвен.

Вот интересно: в поселке произносили не плашкоут, а плашкот, не плотина, а плотина. Я говорил как все, но мама, посмеиваясь над моими плашкотами, от плотин приходила в такое раздражение, что я при ней следил за собой и говорил — плотина...

В тот раз потонуть нам не особо грозило — леса было набито в полтора-два слоя. В окнах мутной воды проступали подтопленные брёвна, а местами наоборот: их выпирало бугром. И всё это необозримое побоище было недвижно. Так что, когда, покинув плашкоуты, стали пробираться по брёвнам, следовало только внимательно смотреть, куда и как ставишь ногу — не оступиться, не оскользнуться. Утонуть было трудно, а навернуться о лесину — легко. Если кора содрана, а древесина сырая, туда лучше не вставать — скользко. Ствол в коре надёжней — шершавый. Но бывало, что израненная кора срывалась под ногой целым лафтаком. Нам с Васей было проще: на войну мы наладились босыми, а Вадик в ботиночках на кожаной скользкой подошве. Но до чего смышлён и ловок был мальчуган — ни разу не шибанулся.

Прыгали мы, корячились по этому залому долго, трудно и очень занимательно. Одно из лучших приключений детства. Но с каким облегчением выбежали мы, наконец, на берег!

Торная дорожка вела вдоль чистой, не забитой лесом протоки. Ноги сами несли. Сырая земля пружинила под пятками, но в ней попадались и камешки.

На брёвнах было не до разговоров, только: «Айда сюда, тут лучше!..», «Лесина скользкая...» (Вася и Вадик говорили — склизкая), — на брёвнах было не до бесед, а здесь, нарезая по дорожке, что за речи мы вели? Под небом-то сорок третьего года?

Не вспомнить.

Вот акустика, несомненно, была иной, чем на заломе — голоса звучали иначе. И дорожка, должно быть, усеяна первыми опавшими листьями тальника, и, может быть, у воды бежала трясогузка...

Вадика я хорошо помню. Невеличка, круглолицый, прехорошенький. Глазены так и сияли, вишнёвые. Как-то две молодые женщины, одетые по случаю воскресенья с претензией, прогуливались мимо полых ворот нашего двора, увидели Вадика и с визгами восторга бросились к нему — потискать хотели. Вадик смеясь, утёк, а мне было удивительно и грустно: почему такое внимание? Ведь я, например, знаю куда больше, бегаю быстрее всех ребятшек... Папа Вадика был неказист, даже голос какой-то линиялый, в армию его не брали из-за слабого зрения, но когда вижу на репродукциях красавиц-крестьянок Венецианова, особенно «Крестьянку с бураком» — вспоминаю Вадикову маму.

А Вася... В детском саду мальчики, бывало, обсуждали разные разности — например, какой род войск лучше. (Каждый выбирал, где служил отец.) Или, скажем, что немецкие самолёты обтянуты резиной, и поэтому пули от них отскакивают. Зато у немцев уже кончатся танки. По радио передавали: под каким-то городом они ехали в бой на танках из фанеры... Или о достоинствах монголоков — лошадок из Монголии, которых недавно пригнали на посел-

ковый конный двор... Вася в наших разговорах не участвовал, только слушал. Может, не умел фантазировать? Зато умел петь. Пел он всегда одну песню. Там было про то, что у матери четверо голодных детей, нечем кормить, и чтобы не мучились, когда уснули, она топором отрубила им головы — «четыре сырых головы...» Ещё, помню: в детсаду раздетые выскочили на заднее крыльцо. Поздняя осень, пар изо рта. «Здышки видно!» — сказал Вася...

Спешили по дорожке три счастливых ребятёнка...

Заглянул в Интернет. Третье сентября сорок третьего — восемьсот четвёртый день войны, её самое глухое время. Бои в Донбассе, на Северном Кавказе. Харьков освобождён, но в Смоленске немцы. У Васи отец пропал без вести, когда ещё в детсад ходили. И мы с мамой, как в сорок первом проводили папу до военкомата — ни весточки. Летом под Ростовом погиб дядя Женя, мамин брат, в Ленинграде умирала с голоду его жена, тётя Сима.

По дорожке у воды шагали три счастливых человечка, болтали о чём-то детском и безмятежном.

Думаю, что этот марш-бросок длился минуты четыре, ну, может, пять... Тальники слева разомкнулись в поляну. Костровище на ней. Мы поняли, как притомились, животы подвело.

Хворост нашёлся по кустам, даже несколько лёгких сосновых полешек. Огонь развёл, конечно, Вася.

Там, где мы жили до войны, бывало, компания учителей отправлялась в лес, к озеру. Брали нас, ребяташек, жгли костёр, пили чай, пекли картошку. Папа показывал, как умеет ходить на руках. Однажды он предложил мне побороться — и я его одолел! Уже в Сибири, в детском саду, я рассказывал и свято верил, что поборол папу!.. И я, конечно, видел, как взрослые пекут картошку. Когда пламя взялось, стал кидать картошины в огонь. Предвкушал эту минуту.

— Стой, стой! — быстро сказал Вася. — Погоди... Когда жар нагорит... — и палкой выкатил картошки из огня.

Помню свой конфуз, но сейчас занимает другое: Вася не крикнул, как покрикивают сверстники на обмишулившегося товарища, а сказал быстро и озабоченно.

Каким он стал, когда вырос?

Пока жар нагорит — было чем заняться. Субарновские пироги! Дома я завернул их в половинку «Пионерской правды». (Была такая детская газета, выходила даже во время войны. Этот номер мама принесла из школы.) Газета промокла салом, а пироги отчасти развалились. Но всё равно каждому достались полностью все огромные фрагменты. Господи, что за вкус!

Потом на бревёшке своим складником я резал хлеб на троих.

Складник был особенный: с костяной ручкой из рога дикого зверя, как полагал я. Поверхность ручки, чтобы не скользила в ладони, была словно иглой выжжена сложным узором. Ну, правду сказать, оба лезвия сточены до узких полосок и слегка болтались. Когда, бывало, мы с Вадиком на общей кухне строга́ли свои деревяшки, лучше получалось кухонным ножом.

Складник мне подарила Таисия Павловна Ермонская.

Однажды, в начале войны, папа ещё был с нами, после ночной бомбёжки мы отправились к Таисии Павловне. Немцы бомбили составы на железнодорожных путях, а напоследок обстреляли из пулемётов жилые дома. Две пули угодили в дом Таисии Павловны. Одна пробила толстенное бревно стены, дверь между комнатами, подломила ножку стола и впиалась в половицу, так, что её невозможно вытащить. А вторая — оконное стекло, боковину книжного шкафа и застряла в словаре Брокгауза и Эфрона.

— Вот, ёшь-клёш, — восхищался папа, — как бумага пулю держит!

Я спросил, а если в танк стрелять из винтовки много раз и всё в одно место — пробьёт? А если сто раз? А если тысячу?

— Всё равно не пробьёт, — сказал папа, к моему огорчению.

В нашей семье было всего две или три вещи, сделанные «до революции». Главная из них — швейная машинка «Зингер», а у Таисии Павловны — почти всё старинное. И дом, и мебель,

книги в шкафах и посуда в буфете, и бронзовый чернильный прибор — как сейчас понимаю, всё очень скромное. Таисия Павловна преподавала географию в школе. Про неё говорили, что она «чуть ли не из дворян».

В тот день Таисия Павловна подарила мне этот ножик и ещё коробочку от какого-то женского украшения. Коробочка — плоско-выпуклая, восхитительно гладенькая, коричневая с белым крапом. А внутри — шёлковая сиреневая подушечка! Захлопывалась эта прелесть с еле слышным аппетитным щелчком... Ну, а что сказать о складнике? Немой восторг обладания.

Когда нас повезли в эвакуацию, из игрушек я взял только ножик и гильзы от малокалиберной винтовки. Шесть штук. В моих играх они были как будто красноармейцы. Уложил их в коробочку Таисии Павловны. Мы ехали в телячьем вагоне на нарах, а красноармейцы — в коробочке. Я заглядывал к ним. Им было хорошо ехать в Сибирь...

И вот, после того, как мы поглотили субарновские пироги, я разрезал хлеб на три порции своим ножиком с рукояткой из рога дикого зверя. Наконец-то нашлось для него настоящее дело! Хлеб, конечно, не пироги, но слопали, присаливая. Соль была в спичечном коробке.

Сбегали к протоке, попили горсточками — кружки не было. И тут у воды обнаружили, как сильно свечерело, небо затянуло... Мы скорее к костру. Странно — потом ночью луна светила...

У огня опять стало хорошо, укрытно, от пламени шло такое *вещественное* тепло! Первый собственный костёр в жизни. Зарыли картошку в угли.

Конечно, навалилась бы ночь, догорел бы огонь, где сушняк по кустам шарить? Пошли бы домой, благо, ночь лунная. Было б на всю жизнь одно из лучших воспоминаний.

Сколько «бы».

Мы стояли полукругом. Лицом к огню, спиной к протоке. По ту сторону костра — полянка, дальше кусты.

Вдруг — свист, ор, вой! Из этих кустов выломались трое, люди, и — к нам.

Страх? Ужас? Я не успел расчувствовать, ибо выстрелил — не стреканул, а именно выстрелил — поперёк направления бега этих орущих, в просвет между кустами, в пологую горку, дальше ровное поле, некое — сухая трава. Испуг не сковал, я не бежал, я летел. И в чаду сознания ещё удивлялся, что ноги не чувствуют боли, хотя несусь по засохшим будылям. Через пару секунд другое изумление: гонял я — у сверстников не было ровни, но тут запалиться не успел, а они вот уже — рядом.

И я стал.

Оказалось — подростки, лет четырнадцать. Молча принялись обыскивать. Не грубо шаря, а летуче охлопывая. Карманы штанов, за пазухой. Искал один, второй, глотая воздух, приходил в себя, потом подоспел третий. Только теперь я осознал, что у меня в правой руке сложенный складник, они по второму разу хлопали, и не замечали. А я даже руки приподнимал, чтобы им удобней... Складник не умещался в ладони, но не видели, надежда ворохнулась...

— В руке! — хищно сказал тот, что не шарил.

Я сам разжал пальцы...

И пошли прочь, склоняясь головами к среднему — добычу рассматривали. Свернули к переправе, исчезли в кустах...

Вот каково мне было возвращаться? Ещё одно удивление: не хотелось идти. Первые шаги — заставил себя.

У костра Вася и Вадик бродили, словно потерянные. Они тоже было сыпанули, но за ними не погнались...

Огонь догорал. Сумрачно, сыро сделалось на поляне и слегка противно: чужие нагадили в твоём доме.

Какие слова мы говорили? Что я лепетал — предводитель разгромленного отряда?

Про картошку мы всё-таки не забыли. Раскопали, съели полусырую...

И — пошли домой.

Вещмешок уцелел — в траве, в тени его не заметили.

Яркая луна — на брёвках видно, куда ставить ногу. Молчали пришибленно. Но — дети: труды по переходу развлекли. Горят уши и щёки от упражнений на брёвках. Хорошо возвращаться домой! Мы уже разговариваем, громче всех я.

— А мы скажем!.. — кричу в восторге избавления от тягостного, преуспевший за день во вранье. — А мы скажем!.. — хочу объяснить, чего нафантазируем дома, чтобы меньше влетело, и — слышу мамин голос:

— Олег!

На берегу в лунном свете три фигуры. Мама, отец Вадика, и ещё — небольшая, женская. В траурном молчании вылезли из-под берега.

Если взрослые что и говорили, то скупю.

И возвращались в молчании, ничего доброго не сулящем. Впереди мама, я за ней, за нами остальные. Когда понял, что незнакомая женщина — Васина сестра, крайне удивился. Я-то полагал, что Вася никому не нужен, и поэтому совершенно свободен.

Вошли в посёлок, и — луна в облака ушла. Как представил, сколько ещё переться по этой темени строем арестантским... И усталость, конечно. (Как Вадик выдержал? Ни хныкнул, ни пикнул!) Но скоро накрыло забытьё, только слышу: ноги подо мой шагают, шагают... И — чу! — гремим тротуаром возле нашего дома.

Когда проходили мимо соседского крыльца, совсем опомнился: вещмешок с плеча, на ходу навозную верёвку вытащил и забросил в дырку под крыльцо — наш детский тайник. Ловко получилось. Стыд, если б мама узрела обхезанный обрывок. Но отчасти и скардность: вдруг пригодится.

И вот мы в нашей комнатёнке. Ждал: сейчас колотушка прилетит. Но мама устало и безнадёжно:

— Спать ложись...

На кухне под умывальником сполоснул ноги. Привычное упражнение. Балансируешь на одной ноге, руками успеваешь поддавать носок умывальника, добывая воду, и на весу, над ведром, мыть другую ногу. Сполоснул — и скорей на скрипучий топчан, на матрац, набитый сеном, на подушку, приятельски хрустнувшую в ухо. Благодатно пахнет она травяной трухой. Голову под одеяло и — в сон, волшебное убежище от всяких бед.

На следующий день под крыльцом верёвки не оказалось. Эх, надо было забросить дальше!.. Ножик я не вспоминал, там от меня не зависело.

2

Было это в сентябре сорок третьего, в сибирском посёлке Яя.

Уехали мы с Яи летом сорок шестого, а переживать события того дня стал лет через пять. Раньше, кажется, и не вспоминал. Думаю, из самозащиты — такого насилия над собой я прежде не испытывал. Да и потом.

Но вот вошёл в возраст тех разбойничков-отроков... Помню, забрался на чердак по углу рубленого дома, в котором тогда жили. Сидел в сухой полутьме...

Почему они тогда побежали за мной? Углядели складник? Или потому, что метнулся от них?.. Но кой чёрт затащил их в эту чашу? Если б они шли по дорожке у воды и слышали наши голоса, они бы тихо и подкрались — мы спиной стояли. Значит, шли вёрхом, учуяли дым, слышали голоса, тихо спустились. Поэтому по кустам лезли.

Мне бы рвануть не поперёк их бега, а строго от них, тогда б костёр между нами... Всё равно бы догнали... Почему я не стал резко вилять, когда они рядом оказались? Хотя, конечно — без толку, через пару секунд схватили б...

Но, самое обидное, почему, когда меня обшаривали — не скинул ножик в траву? Так просто! Разжать пальцы, переступить, кашлянуть в момент, когда он шумнёт сухой травой и стукнется о землю. А когда ушли, поднял бы...

Не догадался.

Не складника было жалко — обидно, что так беспомощно и покорно.

А можно было запузырить его что есть мочи! Никому не доставайся! Вечером в траве не нашли б. Я представлял, как мечу ножик ввысь и вдаль, к вялым облакам! Но — наполовину дворовый, наполовину домашний мальчик, такого приёма я ещё не знал.

Сколько раз *на протяжении всей своей жизни* галлюцинировал: они подбегают, а я запускаю ножик в вечерний свет!.. И только сейчас, когда пишу, через шестьдесят девять годков — докумекал: ведь то, что ножик у меня в руке, я осознал лишь, когда стали обыскивать! И благо, что отдал. Забросил бы нож на их зло — могли бы напинать. Но тут — добыча! И они, довольные, отвалили. А нет — вернулись бы к костру, пристали б к ребятишкам, нашли бы мешок, который, в отличие от ножа, был вещью в хозяйстве годной.

А помните моё удивленье, что Вася кому-то нужен? Что его искала сестра? Это интересно.

В детском саду был у меня задушевный приятель Игорь Паскевич. Я проводил с ним куда больше времени, чем с Васей. Игорь с матерью жили в «доме специалистов» — двухэтажном деревянном бараке. В мрачной комнате, где кроме двух коек и голого стола была ещё табуретка, мы всегда играли одни. Ни разу не видел его маму! Но мысли не возникало, что Игорь живёт сам по себе и свободен как ветер.

Потому, что *Игорь был мальчик моего круга*. Его мама — врач госпиталя, который должен был со дня на день принять первых раненых.

Я, захлёбываясь, рассказывал своей маме про Васю и Васин мячик из коровьей шерсти, в который мы играли на дороге, перед Васиной хибарой. Мячик плотный, из рыжих и белых волосков, приятный в руке — летал он плохо, лёгкий, и не отскакивал, но всё равно, это потрясение: мячик из коровьей шерсти! Я не сомневался, что Вася изготовил это чудо сам. «Корове по боку катаешь, катаешь», — показывал он ладошкой... Я был влюблён в этого маленького мужичка, но понимал, что Вася из другой жизни. У Васи была песня про «четыре сырых головы», засыпнуха из горбылей, летний очаг во дворе, сложенный из горелого кирпича, луковая пила... А у нас книги и тетради, которые мама проверяла ночью, когда я спал. В нашем доме жила учительская чета — в квартире у них висела огромная карта мира, и имелся номер довоенного журнала мод. Но главное — самодельный телескоп, который, до того, как уйти на войну, делал, да не доделал глава семьи. Недавно он вернулся с тросточкой и негнущейся ногой. Интересно: дошлифует Игорь Авдеич линзы к своему телескопу или подождёт, когда мы победим? Я Васей был очарован, но понимал, что мы разные. И вот я решил, что у *них* детей не принято искать... Сословный предрассудок девятилетнего мальчика. Это притом, что моя мама из семьи рабочих, а папа вырос в детском доме!..

Мои приятели скоро пропали из моей жизни.

В детсаду ещё не пришёл как-то в группу Игорь Паскевич. Открывать госпиталь на Яе почему-то не стали.

Зимой, лёгшей после той осени, когда мы убежали, в школе на переменах я перестал встречать Васю. Не сразу хватился, а когда обнаружил, не задумался — нет и нет... А теперь строю догадки. Надеюсь, ничего худого. Иначе бы услышал от ребятишек — двери классов выходили в общий коридор. Когда утонул четвероклассник — вся школа гудела. Да и что случись, наши мамы, Вадика и моя, не промолчали б... Но уехать с Яи Васина семья не могла. Кто бы их отпустил с лесозавода, готовящего крепёж для кузбасских шахт? Рабочих не хватало: там стройбатовцы из Средней Азии, а в сорок пятом, сорок шестом — пленные немцы, японцы и наши — побывавшие в немецком плену... Может, Васю отдали куда в деревню, где посылней? К бабушке-дедушке?

А следующим летом отца Вадика Субарнова назначили директором в деревенскую семилетку, и они уехали.

Относило во времени, относило. На шестьдесят семь лет отнесло. И, пожалуй, я бесчувственен к этому обстоятельству: от меня не зависит.

Но пока что в моей воле: захочу и снова Вася, Вадик и я выходим из нашей квартиры. Силой затворяю тяжёлую дверь, утеплённую кошмой под обшарканным брезентом. Накладываю накладку на пробой, замыкаю висячий замок, ключ — в кладовку на полочку в условленное место, и наш отряд ссыпается с чисто вымытого крыльца. Мы с Васей босопяты, а Вадик в ботиночках, передом — бум-бум-бум по чутким плахам тротуара. Рюкзак несущ у земли, укрывая между собой и Васей. Лямки мешка хороши на ощупь! Чтобы не резало плечи, мама сделала их широкими и мягкими: вчетверо свернула материю, протачала несколько раз. А зингеровскую машинку, на которой шила, бросили, когда поехали в эвакуацию. И через тридцать лет мама сокрушалась: «Ну, что бы не сунуть в вагоне под нары?!». В Сибири обшивала меня и себя на руках или просилась к кому-нибудь на машинку.

А когда мы вышли за калитку — какая импровизация! Какая тактическая находка! Резко на ту сторону улицы к забору и — вдоль него, и вдоль него!.. Забор был такой вышины, что лишь на второе лето я научился через него перелезть. За ним с начала войны дичал клубный сад. Только ребятишки, и то не часто, носились по дорожкам. Крытая сцена, ряды лавок, танцплощадка... Наведывались в сад компанией, но как-то летом, в сорок четвёртом, я забрался один.

Яркое утро после ненастья, пахло тополёвой смолой, было таинственно идти одному сквозь трепещущие тени и солнце, но за поворотом я увидел Надежду Васильевну, пожилую учительницу немецкого языка. Она сидела на лавочке и читала книгу.

«Отперли сад!..»

Надежда Васильевна обрадовалась мне, вручила четвертушку тетрадного листа, изящный «довоенный» карандаш, сточенный до малой малости, и попросила сбежать домой. Скоро «Последние известия» — записать города, взятые нашими. Я помчал. Для быстроты не стал карабкаться на забор, пролез в подкоп, ободрался.

Радио было в комнате Субарновых. Наши взяли Могилёв.

Надежда Васильевна тоже была из эвакуированных. Нас везли в Сибирь в товарном эшелоне, а она от Днепропетровска до Сталинграда ехала на платформе, груженной металлоломом...

А от сада до конного двора — рукой подать. Однажды с Васей сберегли по кусочку хлеба и отправились на конный двор «кормить лошадей». В проходной сидел хмурый дьяхан с батогом — мы заробели и ушли...

Но прочь из посёлка, на волю, к штабелям брёвен, к запаху древесины и корья, главному запаху нашего детства!.. Сначала я, за мной Вадик, потом Вася — ногой на ржавый, напряжённый трос, перепрыгиваем на плашкоуты, и аля! — плавучей дорогой среди полей мёртвых лесин, потом по ним...

Выбегают на тот берег три счастливых человечка и — по дорожке, вдоль предвечерней протоки!.. Дорожка усеяна таловым листом, а у самой воды бежит трясогузка...

Но пора. Со всей мальчишьей мочи запускаю складник Таисии Павловны Ермонской в меркнувший свет — не то вечера, не то моей памяти.

БОРИС АРХИПКИН

ПЕРЕД СНЕЖИНКОЮ
ШАПКУ СНИМАЙ

* * *

Спасибо тебе за письмо.
Спасибо тебе за молчанье.
Они постоянно со мной,
Глаголы твоих замечаний:
«Будь ярким творцом красоты!
Наполни искусством пустоты!»

«Не трудно», — заметила ты
По поводу трудной работы.
Глагольные рифмы шепчу,
Читать начинаю сначала.
Как будто дознаться хочу,
О чём ты в письме промолчала.

АРХИПКИН Борис Михайлович, поэт (1952, Иркутск — 2003, Иркутск). Автор книг: *Стихотворения на льду* (Иркутск, 1984: Бригада); *Тон* (Иркутск, 1993); *Яблоко из двух* (Иркутск, 2001). Член Союза писателей России.

* * *

*Стихотворенье, написанное в год
тысячелетия Крещения Руси*

Источник есть
И есть явление —
Закат сменившая заря.
Благая весть,
Благословенье,
Крещению благодаря.

Глубокий след, пройдя,
Оставят
Тысячелетья торжества.
Двенадцать лет пройдёт —
Настанет
Двухтысячный от Рождества!

Июль 1988 года

* * *

Отколесила давняя война,
Отубивала,
Отпытала,
Зáмерла!

За Лорку,
За траву,
За даль,
Не отделимую от берега...

Не умолкай во мне,
Моя вина,
За то, что не упал
Солдатом замертво.
За детский сон,

Не хватит звёзд —
Подснежников нарву
И на могилу —
Лепестками
Бережно...

* * *

Людам, любимой, искусству
Пишутся песни мои.
Мир субъективного чувства,
Общенародной любви.

Верит высокому небу
Чистая муза моя.

Был в этом мире иль не был
Нашим поступкам судья?

Клетки мороза растают,
С крыши капели прольют.
Чистая — значит святая.
Верую — значит люблю.

* * *

Сергею Старикову

Человека проверит поэзия.
У поэзии острые лезвия.
У тебя на губах — кровь росы.
Осторожно неси.
Не рассыпь!

Он — колокол.
Он — в комнате.
Он — колокол.

Он — в комнате. Бессонница.
Он — в комнате.

Его глаза — два круглых центра света.
Он — дирижёр карандаша и цвета.
Зима холодная над городом, пустая...
Он каждым утром — солнце выпускает!

НАМ

Останемся под небом неразбитым,
Мы, накрепко прибитые к земле,
Крылами, обнажёнными, как бритвы,
Узоры оставляя на стекле.

На свете мы не смеем прекратиться —
У каждого семья, работа, круг.
Во имя обновления традиций
Мы всё-таки проснёмся поутру...

* * *

Виллю Соколову

В создание площади,
в кольцо
Пути-дороги вышли.
Стерильно — белое лицо
Твоё, Всевышний.

Во имя вечной красоты
Мы на кольце, на круге.
Святые комнаты.
Святых
Глаза и руки.

В домах прохожий наследит,
Оставит след художник.
Луна — предвестница седин,
Холодный дождик.

Ни дня без белого листа,
На ветках — ни листочка.
Молитва тихая проста —
Рисунок точен.

* * *

Произнеси моё имя,
Почётное имя,
Высокое имя,
Бессменное имя,
Бессмертное имя,
Жестокое имя —
ПОЭТ!

* * *

Молча вышли на балкон —
Просто больно было плакать.
Над несчастьями — благо,
Над землёю — небосклон.

* * *

«Вот так и будешь жить в тоске», —
позавчера сказала.
Вчера я целый день ходил
под гнётом этих слов.
Сегодня — завтрашнего дня —
начало показалось,
А послезавтра — на земле —
да здравствует любовь!

АППЛИКАЦИЯ

10

Не понимаю закрытых комнат.
Не принимаю разбитый город.
На свет и тени, на снег и копоть.
Построю дом свой на месте голом.

На грани между добром и кражей
Ни слов, ни звуков. Пред битвой будто.
Построю дом свой, но утром каждым
В огромный город стремиться буду.

9

Мы — чёрные руки подъездов.
Глаза одинаковых окон.
Мы — страхи, мы — ваши болезни,
Нас много, вас мало, нас много.

Мы детство, мы юность, мы зрелость.
Мы всюду, мы жизнь, мы — до точки.
Осеннюю веточку срезать —
Весной не появятся почки.

8

Характер пластилиновый
Наследуют растения.
Деревья — это линии,
Природные изделия.

Из маленького семени,
Планеты, солнца красного.
Весенние, осенние,
Балетные, контрастные.

7

Контраст — земля и небо.
Контраст — слова и дело.
Колючий дождик снега
Следы на части делит.

Горячим следом пахнет
На скатерти асфальта.
Себя осмысли в плане
И фикции, и факта.

6

Народная судьба —
И мука, и борьба.
Стекает пот со лба
Крестьянина, раба.

Рабочего, слуги,
Прислужника машин.
Прощанием руки
Белеющей маши.

За то, что не враги —
Спасибо, красота!

На улицах другим
Стихи свои раздам.

5

Трамвайный холод
Звенит монетой.
Вхожу — выходят.
Свободно место.

Стекло морозно —
Оставь автограф.
Заснежен воздух.
Как выдох тонок!

4

Дома. Окно.
Разлитый дым.
Настанет ночь —
Растают льды.

Слова молитв.
Глаза икон.
Стихи мои —
Свеча, поклон.

3

Уши, шум.
Свет в глаза.
Сцена. Шут.
Полон зал.
Слёзы — шут.
Смехи — шут.
Чуда ждут.
Мысли ждут.

2

Мысль — сон.
Мысль — явь.
Грань зон —
Мир плавь.

Сор лет.
Сил слабь.
Плавь лесть
Губ зла.

1

Зло —
Добр.
Слов
Дробь.

Рук
Две.
Круг.
Цвет.

ОДА ГОРОДУ

Подходит мир к двухтысячному году,
Иркутску-городу справляем триста лет.
Омыв лицо, он загляделся в воду,
Что чистым зеркалом осталась на земле.

Вовек да здравствуй, город у Байкала!
И, обновляясь, сохрани резьбу!
Чтоб красота твоя не расплескалась,
Её талантливые люди берегут.

Иркутском не устану восхищаться,
По каждой улице пройдя его насквозь.
Как повезло мне! О, какое счастье,
Что я — хозяин в этом городе. Не гость.

* * *

Путь представляется узким —
Будто забыл, что я — русский,

То, что живу у Байкала.
Собственно, тень испугала...

Свет и простор. О, Россия!
Утром на листьях росинки.

Сила народа — в единстве

Слов изречённых и действий.

Нам предстоят перемены —
Вижу воочью примеры.

Небо! Да здравствуют люди,
Землю которые любят!

Надо идти на работу —
Так понимаю свободу.

СТРАННАЯ ПЕСНЯ

(отрывки из поэмы)

2

Настроенный на трату, на распев,
Нацеленный на улицы, на лица,
Мечтаю о грядущем, не сумев
В сегодняшние дни определиться.

По утреннему городу иду:
Вот зданье областного телецентра,
Который приучил меня к труду,
Здоровье дал, довольствие...
И — в церковь.

Отсюда крестный мой меня привёл,
Отсюда и мои две книжки вышли...
Плюсуй! — знакомых множество при нём,
Отца и мать, и дедку с бабкой — вычти.

Остался брат. А девочка на льду
Сама своих девчат на шее тащит...
По холодку на студию иду,
Её привычно называя «ящик».

4

Медленно солнце цветное восходит
И освещаются спящие лица.
Город Иркутск, что с тобой происходит?
Что происходит с тобою, столица?

Всюду великие, всюду колоссы,
Город, прости их покамест, покуда.
Надо ответственность взять за вопросы —
Элементарная трусость откуда?

Жизнь сумасшедшая. Шизофрения.
Это итог. Показатель системы.
Вот демократия. Вот тирания.
Магия с манией несовместимы.

Деньги украдены либо посеял.
О, эти вечные дыры в карманах!
По совмещению с небом осенним
Тютелька в тютельку — капли из крана.

Если тебя называют поэтом —
Вкладывай в книгу куплеты и капли...
Ты в Дом Советов ходил за советом,
Только охранники не пропускали.

Всё это в прошлом. Зачем же сегодня
Снова советчики и постовые
Консолидируют нас и разводят,
Связки насилия голосовые?

5

Ветхость отчего крова,
Соберись не упасть!
Время масти пиковой —
Часто карты не в масть.

За узоры резные
Поселиться рискни!
Наши мысли земные
Небесам вопреки.

Мысли выхода, входа,
Мысли света и тьмы.
Предварительный холод
На пороге зимы.

7

Ну, начинайся,
Со снегом и холодом,
Постным продуктом,
Рождественским голодом,

Чисто сибирский период — зима!
Перед снежинкою шапку снимай! —
Так и друзьям поступать посоветуй.
И — по дороге, по снегу, по следу...

11

И отрицательно желанье,
И положительно.
Переживай! Переживайте!
О жизнь! О жители!

Впустите в собственное сердце
Завет и заповедь!
Россия остаётся в центре
Востока, Запада.

Экранизируют романы
В угоду зрителям.
«Умейте обходиться малым» —
Твердят просителям.

И сам я, в общем-то, проситель,
Сейчас особенно.
Меня, смеясь, переспросите —
О чём я, собственно?

Да всё о том — ЧТО делать с болью
И одиночеством?
С ненужной никому любовью,
Ненужным творчеством?!

12

Надо к себе относиться поостроже.
Через стекло.
Вижу весну. Результат подытожу —
Будет тепло.
Не Ботичеллева — «Примавера»!
В наши края
Входят Любовь и Надежда и Вера...
...В чёрных корнях

Теплится зелень земного покровы,
Тянется вверх.
Было бы солнце на небе здорово —
Скоро рассвет.

Есть ли культура в самом министерстве,
В городе стен?
Цепкие ногти реминисценций —
Кровь на листе.

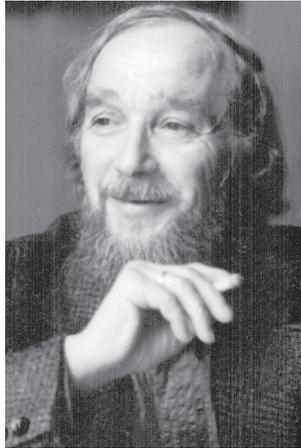
Перенасыщенный — не напился! —
Все хороши!
Странную песню сейчас написал я,
Но — от души.

P. S.

Буду естественным, если быть скромным,
Тёмные мысли подальше запрячу.
Так вот примерно на свете живём мы,
По существу, с элементом чудачеств.

Август 1994 г. – август 1995 г.

ВЛАДИМИР ЖЕМЧУЖНИКОВ

КНИГА МИНИАТЮР

Продолжение следует

КРУГОБАЙКАЛЬСКАЯ

Изумительна красота нетронутых байкальских берегов! О них в своем «Житии» протопоп Аввакум, человек с зорким глазом художника, написал восторженное слово: «всё богоделанно».

Как будут осваиваться, благоустраиваться эти берега? Как не нарушить гармонию? — трудна задача. С трепетом, с величайшим тактом касаться надо бы того, что священно.

Хочется напомнить об одном беспримерном явлении в истории освоения сибирского моря — о сооружении Кругобайкальской железной дороги в самом начале двадцатого века, ещё при царе. Это событие, помимо всего прочего, тем замечательно, что вмешательство человека не убило красоты первозданной. Железный путь, невероятными трудами пробитый сквозь нависающие над прибором утёсы, вписался в ландшафт слитно, неотделимо, будто так было всегда.

Всяк проезжающий по уникальной Кругобайкалке обратит внимание на потемневшие от времени многочисленные тоннели, мосты, виадуки, галереи, подпорные стенки. Прочнейшая кладка у этих сооружений. Тёсаный камень почти незаметно для глаза переходит в скальный, необработанный. Руками сделано! Каждый камень хранит прикосновение рабочих рук, каждый перед укладкой мыть полагалось, — чтобы накрепко сцеплялся с раствором.

ЖЕМЧУЖНИКОВ Владимир Борисович, прозаик, публицист, сценарист и драматург (1937, ст. Кузино Свердловской обл.). Автор десяти книг прозы и пьесы *Дорогой Саша...* (об А. Вампилове, пост. в Ирк. ТЮЗе в 1997). Член Союза писателей России и Союза кинематографистов.

* * *

Дед с бабкой (на картину Галины Новиковой)

Пред вечным Байкалом
сидят на скамье старики
молчаливо, устало, печально,
как осенние, предотлётные чайки.

* * *

На прогулке с комнатной собачкой:

— Стоп, моя Ласка, впереди — недружественная свора!

ТОРГАШИ

Назывался город «культурный центр»,
превратился город в торговый центр.
Был народ самым читающим,
стал народ самым торгующим.
И как выйдешь на площадь,
вокруг глянешь — ни души.
Везде только торгаши,
торгаши, торгаши.
Озабочена одним
половина нации:
подешевле бы купить,
дороже бы продаться.
Но, скажите, может ли
величаться нацией
это племя торгашей,
сброд купи-продайцев?

* * *

Застольный «закидон»:

— Людей любишь, только когда пьяный.

* * *

Пиши, брат, пиши. Ведь только бумага и останется после тебя — папка с письмами да альбомом фотографий. А ещё, быть может, кому-то запомнится эта книжица. Как удачная реплика на празднике земного бытия.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

*На оформление первого издания
«Книги миниатюр»*

Замысел художника
да будет вам известен:
вольным парусом плывёт
в синеве небесной
лебединое перо —
отзвук грустной песни.

* * *

Словесная дуэль в посёлке:

— Я тебе как врежу — барельеф на стенке останется!

— Тронь-тронь! Меня в детстве конь копытом убивал — и у того ничего не вышло.

* * *

Милая сердцу арифметика пишущего человека: если выдавать даже по одной страничке в день — за год наберётся роман в 365 страниц! Если бы да кабы...

* * *

Из альбома молодого лирика:

...А ночи такие короткие —

на два поцелуя взасос.

* * *

— Чур-реализм!

* * *

Из разговора писателя с издателем о договоре и авансе:

— Нет крепче уз, чем узы финансовые!

* * *

Плодовитый детективщик строчил свои сочинения, опасливо отворачиваясь от книжных шкафов, где стояли Достоевский, Толстой, Чехов и другие великие учителя. Жалко, никто не мог схватить его за руку.

* * *

Тень от последней грозовой тучи быстро сошла, как по ступеням, с прибайкальских гор — словно бы сам Господь Бог раздвинул рукой небесный полог и впустил на землю лучезарное солнышко.

* * *

«Ни о чём не жалеи и люби просто так», — пела на концерте в Кремлёвском дворце полуобнажённая девица, вся вылезая из без того минимального пляжного наряда.

* * *

— А знаешь, что говорит одна стенка другой стенке?.. «Встретимся на углу».

* * *

До чего же замечательны у японцев праздники созерцания красоты — ритуал любования цветущей сакурой, ритуал любования полной луной. Эти благодатные часы массового единения с природой веками воспитывали у народа тонкий эстетический вкус.

* * *

Повалил «опереточный» снег — густо, медленно, крупными-крупными хлопьями.

ПЛАЧЬ, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...

*Памяти Виктора Астафьева**

Глухой ноябрьской ночью 2001 года осиротела русская земля — не стало Виктора Петровича Астафьева.

Бывший детдомовец в Заполярье, солдат-окопник, израненный на фронтах Великой Отечественной войны, Астафьев стал одним из лучших и самых любимых писателей России. Нелегко даже перечислить всё, созданное этим великим тружеником, да и не нужно перечислять — его рассказы, повести и романы читают и в больших городах, и в самых отдалённых, глухих уголках нашей Родины. А такие его книги, как «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Царь-Рыба» давно укоренились в читательских сердцах.

Сам деревенский по рождению, ещё с детства сполна хлебнувший лиха, он впитал в себя прекрасный и суровый мир сибирской природы, печали и радости непростого сельского быта. Ему как художнику удалось проникнуть в самые глубины многострадальной жизни своего народа. Как никто другой он владел ярким, богатейшим, истинно народным языком. Читать Астафьева — огромное наслаждение, обогащение души; его неисчерпаемый природный юмор вселяет в читателя оптимизм, надежду и веру в торжество разумного устройства жизни.

Он любил наш город, Байкал, исток Ангары. Как радовали иркутян встречи с ним — доброзелательным, весёлым, мудрым златоустом. В его устных рассказах порой невозможно было отличить мгновенную творческую фантазию от самой действительности. Нас поражало, как много он знал, насколько перенасыщен впечатлениями бытия, как глубоко постиг человеческую природу...

Плачь, русская земля, плачь. Но и гордись одним из лучших своих сыновей, творчество которого уже вошло в золотой фонд отечественной словесности.

* * *

— Было, братцы, и у меня своё хобби — наклейки от бутылок собирал. Ну, штук полтораста набрал, а потом врачи запретили...

* * *

Мой шевбутной и заводной дядя Серафим любил при жизни такие шуточки:

— Умру — но всё равно ногой дрыгну!

— Умру — но на своей могиле сбациаю!

* * *

Здоровая простонародная философия: есть — чтобы попучивало, пить — чтобы покачивало!

* * *

— Вскорости все дома по нашему распадку станут дачами. Дед Шевчук помрёт — дом пойдёт под дачу. Бабка Пермячиха — ещё одна дача. Да и мы со своим стариком — тоже дача.

ПРИСТАНИЩЕ ДУШИ

Дом мой байкальский стоит на горе, на высоте полёта чаек. Каждое лето живу я здесь, у самого чистого моря. Живу и тихо радуюсь, что отыскал на большой земле свой уголок, пристанище души...

**Этот некролог был опубликован в газете «Восточно-Сибирская правда» 1 декабря 2001 года*

Не дачник, не случайный летний гость, я писал здесь подолгу в любой сезон, в любую погоду. Я вместе с этим берегом мёрз в пору ледяного безмолвия и пронизывающего хиуса, вместе радовался весеннему теплу, приходящему всегда с таким запозданием, вместе переживал нескончаемые дожди и грозящие концом света кромешные туманы — как же он не станет родным?

Бывает, сидишь над Байкалом — подёнка-метлячок пред ликом вечности, — замрёшь, весь зрение и слух, и твердишь про себя, как молитву: «Продлитесь, годы мои, продлитесь. Чтобы я мог ещё долго — и на рассвете, и в полдень, и на закате — любоваться этой нерукотворной, непреходящей красотой».

* * *

— Послал бы Господь дождичка да потом тепла...

— Пошлёт, пошлёт. У Бога всего много.

* * *

Народная мудрость: «Чем больше кошку гладят — тем выше она хвост задирает».

* * *

— Брось ты жизнь свою материть! Всё равно другой уже не будет. Одна попытка дана. Живи да радуйся!

* * *

Хорошо бы избавить ближних от тяжких похоронных хлопот. Растаять бы в воздухе, раствориться бы в воде — тихо, незаметно, никого не беспокоя...

* * *

Что общего у профессиональных прозаиков и любителей-рыболовов? Те и другие из людей усидчивых, упорных и долготерпеливых.

* * *

Из литературы, призванной быть высокой трибуной, кафедрой проповедника, ловкие графоманы-дельцы делают для себя кормушку.

* * *

— Всякой птице своё место — кому выше тучки, кому ниже кочки.

* * *

Ах до чего приятно живым лежать в траве, полной кузнечиков, стрекоз, мотыльков, муравьёв, улиток, когда они чувствуют, что ты живой, и держат подобающую дистанцию!

ПРО ОЛИГАРХОВ

Кто учинил большой грабёж,
для них хватательный инстинкт
главнее главного —
инстинкта самосохранения.
Но совершит судьба свой суд:
настанет срок
и жадность их погубит.

* * *

— Почему же ночные бабочки не летят на свет звёзд? Наверное, они знают, что к утру не успеют вернуться.

* * *

С какой радостью покидаем мы на выходные пыльный, загазованный город. Точно так в знойный полдень бегут, ломятся сквозь кусты ребятишки, завидевшие спасительный ручей; бегут, чтобы упасть перед ним на четвереньки и приникнуть сухими губами к чистой живительной струе.

Блудные дети природы, мы всё больней и боязней ощущаем, сколь неосмотрительно отделились от своей прародительницы, и всё желанней для нас покаянное возвращение: не заплутаться бы, не потеряться бы среди машин...

* * *

Сюжет для песни:

Пара белых ворон,
пара белых ворон
в окружении чёрной стаи.

* * *

Из кладезя народной мудрости:

— Лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

* * *

Провинциально всё, что банально. Провинциальность — помесь вторичности, серости, трусости. Можно бы уподобить её беспородной бродячей собаке — да у той всё ж таки независимый нрав.

* * *

Мы плавали по Байкалу и каждый раз, когда случалось выпить водочки под ушницу, первый тост говорили такой:

— Чтoб он вечно был чистым!

* * *

— Жизнь — как матрасовка: после светлой обязательно тёмная полоса.

* * *

Во имя спасения души человеческой создано столько великих книг... Если бы литература на самом деле «выправляла» людей, по земле ходили бы уже одни христосики.

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ БАЙКА

Волчья стая поймала и съела зайца. А потом расчувствовались головорезы, стали жалеть косо́го: уж такой он был красавец, такой быстрый, такой ловкий, такой смышлённый — и решили память его увековечить. Собрали потрошители заячьи шерстинки, забросали землёй и поставили памятник с надписью: «Здесь лежит хороший заяц. Группа товарищей».

* * *

Женщина о своём знакомом:

— Он говорить может часами. От его словоблудия забеременеть можно.

* * *

На страницах изданного в Иркутске (2002 год) тома переписки выдающегося русского писателя Виктора Астафьева и одного из лучших критиков России Валентина Курбатова можно найти немало мудрых и острых раздумий. В письменной переключке, длившейся более четверти века, они не перестают бить тревогу о деградации народонаселения. Чего стоит одно лишь астафьевское определение — «сообщество полудиких людей»...

А вот с какой пронизательностью пишет В. Курбатов в своём послании: «Мы пока говорим о меньшем из зол — сталинизме — и ничего ещё не сказали о преступлении государственного атеизма, который унёс не миллионы жизней, а всю Россию...» И далее: «Расстрелять человека — это убить настоящее, а растлить душу — это потерять будущее».

Сильно сказано. Хотя надо бы уточнить: убивая миллионы людей — самых работающих, самых способных, самых думающих, самых совестливых — государственный террор уничтожал цвет нации, подрывал генетические корни великого народа и тем самым губил будущие поколения. Не этот ли «искусственный отбор» на протяжении почти всего двадцатого столетия сказался на сегодняшних зловещих признаках вырождения?..

* * *

Ратовать за всеобщий хоровод — наивно, бессмысленно, беспринципно. Объединяться нужно добрым людям. Чтобы давать отпор подлым и злобным.

* * *

На пыльной обочине, под забором ничком лежал мертвецки пьяный мужик. Над ним, как часовой, стояла печальная жена. Утащить его домой у неё не хватало сил — дожидалась, пока проспится.

* * *

Одна из лучших охотничьих баек:

— Ты о Мёртвом море слыхал? Так это мы его с братаном того...

* * *

Люди со связями, с блатом напоминают толстые кедровые пни, у которых главное не то, что на виду, на поверхности, а то, что скрыто под землёй. Попробуй скovyрни и выкорчуй эту разлапистую, цепкую корневую систему.

* * *

Не сосчитать, который год
Молчит подопытный народ.
Когда безмолвствуют
Страдающие люди,
Они заслуживают звания рабов.
И не поможет им сам Бог.

* * *

Из потока телевизионной рекламы:

«Альбиносы в Танзании. Или каково быть белым среди чернокожих».

До боли знакомый по жизни сюжет...

* * *

— Вышли-то все мы из леса. Лес человека создал.

* * *

Старая песня на новый лад:

Выходила на панель Катюша,
чтоб себе клиентов там ловить.

* * *

Один английский профессор математики вывел формулу денежного эквивалента счастья: к примеру, длительный брак якобы приносит столько же счастья, сколько ежегодный доход в 60 тысяч долларов, или по-русски — ежемесячная зарплата в 130 тысяч рублей.

А голландские исследователи доказывают, что счастье зависит исключительно от места проживания.

Выходит, и мне перепадает оно летом, в дачный сезон, когда живу на Байкале.

* * *

— Природу предпочитаю дикую, а людей — окультуренных.

* * *

Из газет: «В завтрашний день стройки можно было бы смотреть с оптимизмом, если бы не сегодняшние неурядицы».

* * *

Сибирская ироническая прибаутка:

— Ешь — потей, работай — мёрзни, на ходу маленько спи!

* * *

— Нет хозяина — дом сирота. А бесхозная земля круглая сирота.

* * *

Если бы перепел играл свою песню не по ночам, а по утрам, то слышалось бы в ней совсем иное: не усыпляющее «спать пора — спать пора», а будоражащее «встать пора — встать пора!»

Всё воспринимается в контексте времени.

* * *

Величественное грозное облако, будто корона Зевса-громовержца, щетинилось солнечными лучами.

* * *

Подсолнечником были заняты целые поля. Жидким и невысоким даже в середине лета стеблям не суждено было увенчаться золотыми корзинками, полными семечек, — они пойдут только на зелёную массу. Преступление против красоты? А что поделать, если подсолнухам не хватает тепла вырасти большими и красивыми. Сибирь...

* * *

Пореже говорите категоричным языком прокурора, почаще пользуйтесь скромными оборотами — «как мне кажется», «на мой взгляд», «насколько я понимаю» и т. п.

* * *

У телевизора, во время хоккейного матча:

— Когда стучат клюшки, музы молчат.

* * *

Совет любителя подлёдной рыбалки:

— Не бойся осеннего льда, хотя он тонок, как одеяло. Бойся весеннего льда, хотя он толст, как перина.

* * *

На тему о духе и плоти есть у русского народа великолепная своей лаконичностью и остротой пословица: «На небо посматривает — по земле пошаривает». Се человек!

* * *

Много ли надо человеку для счастья? Если верить бурятским сказителям-улигершинам — очень много. Как говорилось в одной из легенд коренных жителей Прибайкалья, счастье состоит из... семидесяти семи частей! И едва ли нашёлся бы такой сказитель, который мог бы упомянуть, перечислить все семьдесят семь условий человеческого счастья: чтобы детей было много, чтобы старики жили долго, чтобы скот был здоровым, чтобы люди обид не знали и так далее, и тому подобное.

* * *

Родня — как любовь в песне: она нечаянно нагрывает, когда её совсем не ждёшь.

* * *

«До тридцати поэтом быть почётно,
а после тридцати — смертельный грех», —
категорически один поэт решил.
И всё грешил, грешил, грешил...

* * *

От обилия теле и кино-смотря людям теперь и сны-то снятся клиповые, рвано смонтированные, в стиле кошмара.

* * *

— Посади её среди четырёх стен — она и там будет кокетничать.

* * *

Мир делают тесным карьеристы. Они постоянно расталкивают других локтями, наступают на ноги и лезут по головам.

* * *

Если у тебя есть на большой и прекрасной планете свой любимый город, — считай, что у тебя есть Родина.

* * *

Все люди культуры, живущие в разных странах, на разных материках — это по существу родственные души.

* * *

— Как говорят немцы, встретимся под четырьмя глазами?

* * *

О, если бы
 строка
 твоя
 сияла
 ниткой
 жемчуга,
где были б
 не слова
 нанизаны,
 а перлы!*

* * *

С е р ы е всегда держатся кучей, то бишь стаей. У них и повадка одинакова, они ступают след в след.

Попробуйте-ка поставить заслон серятине!..

* * *

— А помнишь, какая стужа стояла тогда на дворе? Помнишь, как по ночам провода гудели за бревенчатой стеной гостиницы?..

* * *

— Кто вознесётся — тот упадёт.

ЗОЛОТАЯ ЛАЙКА

В разношерстном собачьем роду, населяющем землю, набирается около сотни охотничьих пород. Лучшая из них, самая талантливая и универсальная, живёт в России. Где же найдется другая такая охотница, которая способна и матёрого медведя осадить, и изюбря загнать на скалистый уступ, откуда нет ему никакого выхода, и белку причудить в период чернотропа, когда в тайге не видать ни одного следка, и ондатровую хатку обнаружить под озёрным льдом, и красавца-глухаря попридержать на дереве, прикидываясь до прихода охотника глуповатой пустолайкой, и самого соболя-хитрована перехитрить?..

Издавна соболей и белок добывают в Сибири с собакой. Именно лайка создавала славу русским мехам и «высунув язык» работала на государственную казну. За свою вековую верную службу добытчица валюты давно заслужила памятник. Соорудить бы таковой посреди большого города и отметить в туристских путеводителях как национальную достопримечательность: «ЗОЛОТАЯ СОБАКА, памятник сибирской лайке».

*Слово жемчуг звучит на английском как перл.

* * *

Конец мая. Отцвела горчащая черёмуха, приторно сладко заблагоухала белая яблоня. И на подходе — душистая сирень. Вот так бы простоял весь год в цвету: дышать — не надышаться...

* * *

Через открытые сени запорхнул в нашу избу ласточёнок. Я поймал его у окошка и понёс на улицу. Молоденький, неопытный летун почти не ощущался в руке — он был действительно «в весе пера». И скользнул в небо, как пёрышко.

* * *

Хорошо говорят болгары тому гостю, который отказывается сесть за стол: «А не считаешь ли ты себя повыше хлеба?»

* * *

Солнце уже свалилось за гору. Закатные облака горели золотом. Вдруг забусил дождичек — и засияла радуга. Оказывается, не только от солнца, но и от зари зажигается радуга. Говорят, к хорошей погоде.

* * *

Реплика в трамвае:

— Чином не вышел — пользуйся общественным транспортом!

* * *

Как утверждает официальный лозунг Международной шахматной федерации, «Все мы — одна семья!» И почему же так не по-родственному иногда ведут себя на матчах претенденты на шахматную корону?

* * *

Из портовского юмора:

— Не умеешь плавать — бросайся вниз головой!

ШЛЯПА

Ястреб стремительно и бесшумно спланировал на бреющем полёте — и сразу же в соседнем проулке раздалось паническое кудахтанье. Спрыгнув с крыльца, я поспешил на переполох, выглянул поверх забора: метрах в трёх-четырёх, распластав крылья, ястреб закогтил курёнка и тюкал его кривым клювом. Я засвистел, закричал, замахал руками — серый налётчик не отпускал добычу, только чуть-чуть пятился. Под рукой у меня не было ни палки, ни камня. Тогда я сорвал с головы старую дачную шляпу и с силой швырнул в уже взлетавшего хищника. Тот увернулся в воздухе, резко сбалансировал крыльями и — выпустил в этот момент курёнка. Бедолага, побитый, пощипанный, но живой, со всех лопаток понёсся к курятнику. А я, погрозив кулаком вслед ястребу, набравшему высоту, победителем направился через калитку за своим головным убором. Вот вам и шляпа!..

* * *

Непредсказуемые выходки неуправляемых людей.

* * *

Хвастун-попутчик:

— Пягую бабу додёрживаю — ни одна не обиживалась!

* * *

В прошловековом деревянном особняке всё рассохлось, расхлябалось, поизносилось. Лестницы, двери, полы, косяки — всё скрипело и потрескивало. Казалось, любые внешние проявления жизни причиняют старому дереву боль. И чувствовалось, даже капитальный ремонт не спасёт — только на снос годится этот печальный, скрипучий дом.

* * *

Каким бы ни был благоприятным ветер, как бы ни шумели слитно, мощно и благозвучно тополиные листья — не перекрыть им железного скрежета трамвая.

* * *

Голубей создавал Господь красивыми, свободными птицами, — для того и придал им гордую осанку. Но вопреки божьему замыслу красавцы стали побирушками на асфальте, разжирели, отвыкли высоко летать. Теперь это уже не голуби, а городские курицы. Того и гляди скоро начнут их употреблять как продукт питания.

* * *

Мои многолетние путешествия по географическим картам привели, наконец-то, к открытию. Далеко в стране сибирской отыскал я деревню Любовь. Да-да, есть на свете деревня Любовь! Где она расположена? А вот когда побываю там — расскажу.

* * *

Через раскрытое окно донёсся из темноты сквера переливчатый девичий смех — будто полуденным теплом опахнуло меня, полуночника.

* * *

— Когда хватит приступ одиночества, вспомни, что помимо родных и близких есть ещё на земле родственные души. К счастью, их гораздо больше, чем ты думаешь.

* * *

Колония деревенских ласточек опрометчиво свила гнёзда в фермах большого железнодорожного моста. И много летуний, особенно молодых, погибало от столкновения со скорыми поездами.

* * *

Купив бревенчатую дачу в таком месте, где были и горы, и тайга, и чистый ручей, художник радовался, как ребенок. А его пятнадцатилетняя дочь, выросшая в городе, не проявляла никакого интереса к природным красотам, томилась от деревенской скуки. Ей постоянно хотелось д о м о й.

* * *

Возле кавказской достопримечательности под названием «Голубое озеро» прикормилась собака-калека. Где-то здесь, на шумной дороге, ведущей к озеру Рица, под колёсами одного

из бесчисленных экскурсионных автобусов потеряла дворняга правую заднюю лапу, после чего и сделалась придорожной побирушкой. Трёхногую так жалеют, что нередко ей перепадают даже куски шашлыка. Будто задобрить пытаются люди маленькую жертву большого туристского бума.

* * *

Умирают мастера кисти, а вместе с ними и многие их работы, к сожалению, уходят в небытие... Верится, когда-нибудь всё-таки утвердится в народе новый обычай — приобретать, собирать картины, дарить их на дни рождения, украшать ими жизнь. Чтоб не коврами и мебелью гордиться, а произведениями искусства.

* * *

Жалоба пожилого бомжа:

— Идёшь проспектом —
ни одной знакомой рожи.
И все красивые,
и все тебя моложе.
Обидно, блин...

* * *

О проклятом квартирном вопросе:
— Кукушата — беспощадные ребята.

* * *

Голос безотцовщины.

— Мою матку звали Оля, а отец мой — ветер в поле.

И это был не случайный, не единичный голос в толпе. После той, большой войны, когда повзрослевшие парни собирались своей компанией, то быстро выяснялось, что мало у кого отец остался живой. Поначалу многие безвинные отцы пали жертвами репрессий, потом миллионы семейных мужчин погибли на войне. Так и возникла повсеместная горестная безотцовщина.

* * *

Каждой зимой как праздника дожидаюсь того переломного момента, когда день пойдёт на прибавку. Как будто после «зимнего солнцестояния», после 22 декабря не просто повернёт солнце на лето, а сама фортуна лицом повернётся.

ДУШЕГУБКА

Пульсирующие жизнью муравейники видел каждый. А мне вчера встретилось на берёзовой опушке муравьиное кладбище. Ненароком, одним небрежным жестом загубил прохожий, должно быть, половину муравьиного городка.

Трагедия, очевидно, так случилась. Какой-то человек, отдыхая «на природе», бросил недопитую бутылку пива, которая угодила на оживлённую муравьиную тропку. Трудяги-насекомые вереницей лезли в неё, пили сластящую жижу и — угорали там один за другим, сотня за сотней. Бутылка стала для них душегубкой.

Я вытряхнул муравьишек на траву, в надежде, что обветрятся, обсохнут на солнышке, вдруг да оживут. Но они так и не зашевелились.

Жалко, конечно, погибших букашек. Но кто же, за какие грехи подкинул бутылку людскому роду?..

* * *

Все мы ходим нынче не под богом, а под бомбой. Подсчитали учёные, что на каждую живую душу уже заготовлено по 14 тонн взрывчатки. Светлое будущее человечества кажется всё более проблематичным.

* * *

Счастье — это не полная луна, заливающая всю землю ровным, спокойным светом, а проблески метеоритов: сверкнуло и — не успел ты загадать своё заветное желание — уже погасло. Вспыхнуло — и погасло. Таково оно, человеческое счастье.

* * *

Попадётся под руку старая записная книжка с телефонами и страшно раскрыть. Она — как братская могила.

* * *

— Обрати внимание: в больших сибирских городах улицы полны уголовных типов.
— Оно и понятно: веками ссылали сюда преступников со всей России. И до сей поры всякое отребье отсиживает сроки в наших «местах отдалённых».
— Вот и попробуй тут справиться с разгулом криминала...

* * *

Песня в ночи:

Родная моя
деревенька Деби-илы!..

* * *

— Скажите, что хорошего можно ждать от нового, двадцать первого века, если он начался, как назло, с понедельника?..

* * *

Коммерсантка. На жирной её шее вместо крестика висел кошелек с деньгами.

* * *

Для обывателей собственные маленькие слабости куда дороже общечеловеческих ценностей.

* * *

Первый тостующий:

— Выпьем за глобальное потепление человеческих отношений!

Второй тостующий:

— Выпьем за всё, что дороже денег!

* * *

Дай приятелю взаймы приличную сумму — и после этого он станет глядеть на тебя глазами неприятеля.

* * *

— Одна из причин неустроенности нашей захолустной провинции знаете в чём? В безразмерности страны, в этом проклятии безлюдных, бесхозных, студёных пространств.

* * *

— Целоваться на проезжей части улицы — экая показуха, экое нетерпение чувств!

* * *

Предместье Нахаловка. Дело к вечеру.
Мамка дочку наставляет: «Задарма не отдавайся!»

* * *

Экзотический этюд.
Папуасец с папуаской
предаются диким ласкам.

* * *

Давно ли вы беседовали с вечностью, давно ли глядели — глаза в глаза — в ночное небо? О, это так помогает отрешиться от повседневной земной суеты.

* * *

Шутка ветерана:
— Какие наши годы? Семьдесят лет — самый расцвет старости!

* * *

Мировая эпидемия с названием «мани-мани-мани».

* * *

Приговор редактора:
— Художественный уровень — ниже плинтуса.

* * *

— Каждому отпущен свой срок, — любил повторять рецидивист.

* * *

Друзья — понятие школьное и студенческое. А во взрослой жизни обычно бывают только сослуживцы и собутыльники.

* * *

Не странно ли, что творческие озарения нередко осеняют поэтов по ночам? Не случайно же Николай Заболоцкий выдал своё программное заявление:

Душа обязана трудиться
и день, и ночь. И день, и ночь.

* * *

Реплика разведённой женщины:

— Выворачивалась наизнанку — только чтоб его ублажить...

* * *

Отзыв читательницы:

— Прочитали — прослезились.

* * *

Женщина в магазине сокрушалась:

— Ой, молодёжь пьёт так, будто живёт последний день.

* * *

Из футбольного репортажа:

— Столкновения «кость в кость» неизбежны.

* * *

Страсти по ТВ: начинается триллер — появляется киллер.

* * *

Во времена старые, более добрые, чем нынешние, был в Иркутской писательской организации такой обычай — по большим праздникам правление рассылало пишущим собратьям поздравительные открытки. Однажды, в День Советской армии и флота получил я такое послание:

Браконьеров ты ругаешь
И порубщиков бранишь.
Ты природу охраняешь —
Значит, Родину хранишь.

Сочинённое одним молодым поэтом из нашей пишущей братии, это незатейливое четверостишие показалось мне лучше всяких рецензий и отзывов на мои литературные труды.

* * *

Старый честный очеркист, что называется, «тёртый калач», рассказывал:

— В молодости я прыгал с парашютом, опускался в море в водолазном скафандре — всё хотел испытать себя, закалить характер. Теперь-то понимаю, что не в этом главная смелость и мужество писателя.

* * *

Зима была такой студёной, что в трамваях и троллейбусах на замороженных окнах весельчаки выцарапывали объявления: «Меняю тещу на унты!» Или: «Меняю жену на дублёнку!»

* * *

Угрюмые от своей бесполезности зимние тополя.

* * *

Томительный перелётный инстинкт охватывает по весне и человека.

Так называемые «летуны» чаще всего совершают свои перекочёвки в апреле и мае, когда «душа не на месте».

* * *

Молодой зелёный наивняк.

* * *

При социализме ходили в народе поговорки типа: «Я начальник — ты дурак. Ты начальник — я дурак», «Прав тот, у кого больше прав». Разве что-нибудь изменилось к лучшему с приходом частной собственности? Человек стал рабски зависеть от хозяина-работодателя.

* * *

Из серии «Забывшие слова»:

А под окном к у д р я в у ю р я б и н у
Отец срубил по пьянке на дрова...

* * *

У поэта Афанасия Фета, одного из кудесников слова «золотого века» русской литературы, тончайшего лирика-пейзажиста, мне запомнились не восторженные стихи о радостях единения с природой, а две гениальные печальные строки:

На родину тянется туча,
чтоб только поплакать над ней.

* * *

— Чем отличаются старорежимные люди от современных? Среди тех больше ценилась порядочность и честность.

* * *

«Жить среди гор и вод — лучшая доля», — учили древние китайские мудрецы.

* * *

— Ваше призвание?
— Москва!

* * *

Из семейной разборки на кухне, вокруг бутылки.

— Да не держи ты меня за руку! Для чего мне трезвая голова? Разве что-нибудь можно понять в этой жизни?

* * *

— Люди! Давайте будем общаться на уровне людей.

* * *

Всегда старался я следовать правилу: жить духом, а не брюхом. Наверное, потому и прожил свою жизнь в России, а не в какой-либо другой — благоустроенной, чревоугодной стране.

* * *

В конце XX века на постсоветском пространстве диктатура литературы закончилась. И крепко задумались братья-писатели: если книги читать перестали, есть ли смысл продолжать их писать?..

* * *

Автомобиль не роскошь, а — социальное бедствие. Этот технический монстр изувечил, отправил на тот свет миллионы людей, захватил улицы больших городов и отравил в них воздух.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Ох, как мне эти юбилеи надоели!
Там речи все пропитаны елеем,
Там выдают такие панегирики,
Как будто бы поминки репетируют.
И все несут цветы, цветы, цветы...

* * *

Встреча с приятелем-биологом:

— Как жизнь?

— Вот эта — вокруг? Это не жизнь, а способ существования белкового вещества!

* * *

Кто не испытал на себе двух первобытных, могучих страстей — охоты и рыбалки, тот вряд ли может считать себя полноценным мужиком, будь он хоть суперсаец, не пропускающий ни одной встречной юбки.

* * *

Вторая молодость приходит к тому, кто в первую не скурвился.

* * *

Одна знакомая энергичная дама в приватном разговоре похвлялась мне как своим жизненным достижением: дескать, удалось ей побывать аж в двадцати зарубежных странах. А я ответил на это, что мне посчастливилось провести сорок летних сезонов на Байкале. Люди взрослые, мы, конечно, не стали поучать друг друга, как надо жить правильно. Но, вне сомнения, ни она, ни я не согласились бы ни за какие коврижки «поменяться местами», переключить свой образ жизни. Кому-то нужен берег турецкий, кому-то берег байкальский.

* * *

Диагноз: «Острый хандроз».

ПЕВЧИЕ

То не певчие, поющие во храме божьем,
То птицы, парящие в высях заоблачных,
Там, где встречаются молящихся души
С теми, пребывающими
в царствии небесном.

* * *

Из разговора отдыхающих в санатории:

— Того, кого ни разу не видели за шахматной доской, по всей вероятности, недоучили в школе.

— А те, кто совсем не появляется в библиотеке, — те, можно подумать, и читать не умеют!

* * *

В «Литературной газете» обнаружил у одного критика интересное определение верлибра, свободного стиха: «это не поэзия и это не проза, но здесь есть и поэзия, и проза». Хотелось бы, чтоб такое же впечатление вызрело и у читателей моей «Книги миниатюр».

* * *

Театр стал зрелищем «по женской части».
И девушки, и дамы, и бабуси
Там прячутся от жизненных напастей
И пополняют свой запас иллюзий.

* * *

Новые «герои нашего времени» почему-то все на букву «б»: бизнесмены, банкиры, брокеры, барыги, бандиты и просто блондинки. Этим «действующим лицам» показывают каждый вечер на всю страну, без них не обходится ни один телевизионный сериал.

* * *

Зимний наказ малышу:

— Один кусок хлеба съешь сам, а другой раскroши воробьям. Когда на земле снег, им трудно искать корм. Понимаешь?

* * *

В большом современном театральном хозяйстве самые ненужные люди — живые драматурги. От них одни неудобства: директора вынуждены платить им гонорары, режиссёрам они мешают самоутверждаться в постановочных заморочках, а актёрам не позволяют нести со сцены отсебятину.

* * *

Заголовок из жёлтой прессы в стиле одесского юмора: «Наши яйца — самые крутые!»

* * *

Действующие лица на ТВ:
АМБАЛ и ДЕБИЛ, братья по крови.

* * *

Он поджёт в пепельнице щепотку сухой полыни и произнёс негромкий тост:
— Выпьем за горький дым Отечества, за нашу горемычную Родину...
Выпили, не чокаясь.

* * *

Старуха набивает себе цену перед своим стариком:
— Посмотрю, посмотрю я, как ты будешь жить, когда меня не станет!..

* * *

Знаете, где открылся недавно один из самых уникальных музеев мира? В славном российском городе Курске. И называется он — Музей курского соловья.

* * *

Если ты предъявляешь к окружающим слишком завышенные требования, то очень рискуешь оказаться в безвылазной изоляции.

* * *

Старый ихтиолог, специалист по рыбам, говорил языком эколога:

— Лучше уж войти в пищевую цепочку Байкала в качестве корма для рачков-бокоплавов, чем бесполезно гнить в земле.

ШУТЛИВО О СЕРЬЁЗНОМ

Общинным духом мы живём
и всё не так уж сикось-накось,
когда складчину соберём,
когда у нас есть за столом
и выпивка, и закусь.
Пока мы вместе
— цел наш дом,
кто покусится — на-ка выкусь!..

* * *

Кого называют стервами? Женщин, которые живут, выражаясь языком йогов, в позе кобры, готовые в любой момент ужалить язвительным словом.

* * *

— ...Так и сидишь за столом всё один?

— Я не один — я со своими мыслями. Хотя, честно сказать, мысль, достойная бумаги, приходит в голову не каждый день.

* * *

Есть стихи — и есть вирши.
Не путайте их, дорогие читатели.
Есть стихотворство — и есть рифмоплётство.
Почувствуйте разницу, дорогие читатели.
Поэт не тот, кто рифмовать умеет,
А тот, кому дано
и чувствовать, и мыслить.

* * *

У провинциальных литераторов считается, что слабоват тот поэт, который не сочинил свой венок сонетов, и не очень значителен прозаик, не выпустивший ни одного романа.

* * *

Чуть переиначив народную лирическую песню, хотелось бы задать вопрос: «Зачем вы, девушки, подонков любите?..»

ВETERANAM ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Всё будет хорошо —
И Новый год наступит.
Всё будет хорошо —
И повернёт зима на лето.
Всё будет хорошо —
И кризис мировой минует.
Всё будет хорошо —
И жизнь станет полегче.
Всё будет хорошо —
Но только погодя.
Всё будет хорошо —
Но только после нас.

* * *

Небезвинный автор дюжины книг, я благодарно целую пальцы великих тружениц корректорского дела, за плечами которых большой трудовой стаж, сотни различных изданий — от брошюр до классических, «отменно длинных» романов. И как эти дамские пальчики не стёрлись до косточек от одного перелистывания бесчисленного множества бумажных листов!

* * *

Для пьющего народа и обычай поминовения предков на кладбище — как большой праздник.

* * *

— Кому что: мужчинам — вертикаль власти, женщинам — вертикаль страсти.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Ради чего Вседержитель так щедро дал
России земную великую даль?
Не для того ль, чтоб народ выростал
Могучему этому краю под стать!

* * *

В компании, когда кончилась выпивка:
— Как пелось в старой комсомольской песне, «нам всегда по-хорошему мало».

* * *

Из мужицких разговоров:
— В ней была вызывающая физиологическая избыточность. И чувствую, что-то тёмное растёт, поднимается во мне...

* * *

Пёрышко к пёрышку,
пушинка к пушинке —
и образуется оперение.
В нём птицы не мокнут,
в нём птицы не мёрзнут.
А два крыла, невесомые, трепетные,
поднимают пернатых
к высям, под облака.

* * *

Ветеран Морфлота по кличке Седой Утёс.

* * *

Отзыв о маститом драматурге:
— Он был большой мастер интриги!

* * *

Художник на вернисаже:
— Ты не знаешь, чьи это ножки профланировали?

* * *

— Брюнетки на панели, блондинки из-за угла, шатенки из подворотни — караул! Окружают!

* * *

Меньше всего нам удаётся соизмерять свои желания со своими возможностями.

* * *

Позиция карьериста:
— Есть ли смысл бороться за власть? Есть! Но только за личную, персональную.

* * *

«ПОЛСТРАНЫ ЖИВЁТ ОТ ВЫПИВКИ ДО ВЫПИВКИ».
Горькая правда была в этом заголовке газетной статьи.

* * *

Пока интеллигенция нищая — народ не станет культурным, страна не сделается цивилизованной. Как говорил один весёлый литературный персонаж, «бензин ваш — идеи наши».

* * *

— Обрастаешь в быту безделушками, как старьёй корабль ракушками.

* * *

Собака стала лучшим другом человека не потому ли, что она не может сказать всего, что о нём думает?

* * *

Простая истина: кто не был счастливым в любви, у того не было счастья в жизни.

* * *

— Хуже горькой редьки! — кто кому впервые это выкрикнул? Одно из двух — либо муж надоевшей сварливой жене, либо жена опостылевшему грубому мужу.

* * *

Как уверяют медики, существует так называемый синдром Стендаля. Это когда от красоты окружающей природы человек буквально теряет сознание. С вами случилось такое?

* * *

Смешно печалиться
о промелькнувшем лете,
когда почти уж пролетела
жизнь.

* * *

Кто-то из французов — то ли философ, то ли поэт — выразился изящно: человек нуждается в обществе, даже если это общество одиноко горящей свечи. Эх, если бы проблема одиночества решалась так просто...

ПОСЛЕ РАЗВАЛА СССР, или Республикам-беглецам

Беглецы пусть отдельно живут,
только в памяти берегут
уроки Великой войны:
народы разноплеменной страны
разве стали бы непобедимы
без чувства семьи единой?
Хребет оккупации
разве мог быть сломан
без чувства единого дома?
Кто избежал бы фашистского рабства,
не будь у вас с русскими братства?
И как ни влечёт с Европой сближение,
помните, кто ей принёс спасение.

Кстати, как там мастера искусств без Москвы,
что наводила для них в большой мир мосты?
Верно, тешат теперь амбиции
в самостийной, глубокой провинции.

Верится, станут новым СССР
— единой, могучей силой —
Страны, Согласные С Россией.

* * *

О чём поют и пляшут на ТВ полуодетые, конвульсивно дёргающиеся и дрыгающиеся туземцы из племени «попса»:

«Ты прости меня, мама, что я многим давала»...
«Лучшие друзья девушек — это бриллианты»...
«Твой вид меня волнует, особенно вид сзади»...
«Ты отказала мне два раза,
вот такая ты зараза...»
«Чем выше любовь — тем ниже поцелуи»...
«В городе пахнет только тобою,
низ живота наполняет любовью»...
«Словно после кастрации я пребываю в прострации»...
«От Москвы до Ханты-Мансийска
люди любят большие сиськи»...

И так далее, и тому подобное на том же бесстыдном, антихудожественном уровне. Как тут не вспомнить слова великого поэта о «бессмертной пошлости людской».

А верхом неприличия можно назвать исполняемую по центральному телевидению песенку:

Танцуй, Россия! И плачь, Европа!
А у меня самая, самая, самая
Красивая попа!..

* * *

Любящая жена о пьющем и гулящем муже:

— Дерьмо — но родное.

ИРКУТСК — СУДЬБА МОЯ

Счастлирое соседство Иркутска с Байкалом на века гарантирует городу всемирную известность. Чары несравненного чудо-озера притягивают многих. В числе таковых, заочно очарованных, оказался и я, уроженец Урала, по собственной воле приехавший сюда работать после окончания Московского университета имени Ломоносова. А не будь рядом Байкала — вряд ли оказался бы я в этой далёкой сибирской глубинке.

В то лето Иркутск праздновал свой большой юбилей — трёхсотлетие. О чем свидетельствовали две огромные цифры на зеленом пристанционном косогоре: 1661–1961. А ныне ему уже триста пятьдесят. Стало быть, полвека мы с ним прожили вместе.

Если я живу с тобой столько лет —
значит, без тебя я жить не могу...

Подумать только, пятьдесят сибирских зим... они же способны сроднить с городом крепче родственных уз!

Более всего привлекает Иркутск тем, что он — поистине культурный центр, что, несмотря на гримасы «дикого рынка», всё-таки царит здесь благорасполагающая к творчеству атмосфера, некая аура интеллигентности и духовности. Или близкий Байкал с его миллионлетней энергетикой и живительным чистым дыханием благоприятствует истовому служению искусству.

Если тебе случилось начинать самостоятельную творческую жизнь в хорошем городе — считай, что уже выпал крупный фарт. И уж тем более удачное стечение обстоятельств — оказаться в той когорте писателей, которые в 60–70-е годы XX века сделали Иркутск знаменитым литературным гнездом российской провинции.

ИЗ ЧАСТУШЕК МАТРЕНЫ ЕРМИЛОВНЫ, байкальской жительницы

Моя милка-богомолка
На заутрене была,
Шаль пухову проиграла,
Шубу нову пропила.

* * *

А мне милый изменил,
Три дня пьяненький ходил.
Мне, девчонке молодой,
Отливали грудь водой.

* * *

Жизнь течёт, как быстра речка.
Год пройдёт, как один час.
Человек горит, как свечка:
Ветер дунет — огонёк погас.

* * *

Дочка мамке жалобится:
«Чтой-то в брюхе шевелится.
То ли рыба, то ли рак,
То ли маленький дурак».

* * *

Старики вы, старики,
Аржаная каша.
Перемрёте, старики,
Будет воля наша!

* * *

Как считал выдающийся российский социолог Н.Д. Кондратьев, лишённый в годы сталинизма не только свободы, но и возможности заниматься своими исследованиями, «самое ужасное в жизни — это потеря времени, которое необратимо».

* * *

Эмансипе в приливе откровения:
— Со мной не соскучишься, а только сопьёшься...

* * *

Из рассказа пенсионера-дачника:
— Вон, видите этот лесок в окне? Всё, что здесь растёт, посажено моими руками. Я переживаю за эти деревья. Когда на лиственницу напали гусеницы (весь ствол облепили), я вручную их обирал с дерева (я это называю «китайский метод»), в течение недели по три-четыре раза в сутки. Пока всех гусениц не уничтожил. Дерево моё выжило. И это была такая радость для меня!

* * *

Достигнув так называемого возраста мудрости, я рискнул «подредактировать» гениального поэта-мыслителя Фёдора Тютчева. Слегка поправил моё любимое четверостишие:

Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу!

Моя «возрастная поправка» коснулась только двух слов в последней строке: «Жизнь прожита — и слава богу!»

* * *

«Теряющий Родину — теряет всё». (Абхазская мудрость).

* * *

Говоря языком философов, душа не возникает ниоткуда и не исчезает никуда. А происходит, что называется, круговорот вещества в природе, или круговорот мировой души.

* * *

— Промёрз насквозь, как телефонная будка.

* * *

Сельский эскиз: по накаганному санному пути упруго, как физкультурники, прыгали воробы.

* * *

Женщина-критик, какой бы умницей она ни была, всё равно почему-то смахивает на кликушу. И, признаться, не к лицу «слабому полу» постоянная взвинченность и воинственность. Да простится мой старомодный вкус, но лично я — за милых дам.

* * *

Доброта — не всепрощение. Добрый тот, кто противостоит злу добрыми делами.

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Нашим неизменно добрым отношениям с художником Владимиром Тетенькиным лет сорок пять уже, не менее. Сколько же раз за эти годы любовался я на разных выставках его изящными и даже изысканными натюрмортами, его нежными, дымчатыми пейзажами, сотворёнными вдохновенно, с присущим ему блистательным мастерством. Сколько раз мы сидели компаниями у камина в его мастерской и заслушивались дивными, духоподъёмными звонами разноголосых колоколов, разысканных им в захолустных уголках российской глубинки. Щедрая душа, Владимир Владимирович подарил свою драгоценную коллекцию собору Богоявления и тем ускорил реставрацию старинного шатрового храма Иркутска.

Годы, годы... Они отнимают у нас не только здоровье, но и радость дружеского общения. Даже самые общительные из ветеранов — что писатели, что художники — поневоле превращаются в затворников. Всё реже и реже встречаемся мы.

Впрочем, с Тетенькиным, как и многие иркутские любители живописи, я «вижусь» каждый день — висит в моей комнате подаренный им пейзаж: деревушка на берегу Иркуты, избражённая в летний день, после дождя. И тихая заводь реки, и мокрые крыши бревенчатых изб, и тополя, напоминающие путников, бредущих против ветра, и улетающие дождевые тучи, уже разорванные первыми просветами, — всё в серебристо-сиреневой, «тетенькинской» гамме, всё выписано трепетной рукой живописца-лирика, пожизненно влюблённого в родную сибирскую природу.

Гляжу на эту картину — и вспоминаю пронзительные стихи русского поэта Николая Рубцова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь...

В конце зимы 2008 года сетовали местные искусствоведы, дескать нелегко собирать работы для юбилейной выставки Тетенькина, — большинство произведений мастера разлетелось по музеям и частным коллекциям, раздарены друзьям-приятелям, знакомым и... просто поклонницам таланта.

А может быть, это и хорошо, что на рубеже 80-летия замечательного художника стало непривычно пусто в его мастерской, ибо все лучшие картины — все любимые дети души! — отправились «в люди» и там, в разных городах страны, несут свою высокую службу во имя красоты и гармонии жизни.

Постскрипtum. Это моё мини-эссе «Встречи, которые не кончаются» было опубликовано в большом альбоме с репродукциями работ Тетенькина, выпущенном стараниями добрых земляков, ценителей искусства тогда же, к юбилею.

Как ни горько, та памятная юбилейная выставка оказалась последней для художника. В самом начале зимы 2009 года ушёл от нас сибирский Левитан, ушёл на «вечный пленер». Но встречи новых поколений зрителей с его удивительной живописью будут длиться и длиться...

ПОЭТЕССЕ ТАТЬЯНЕ ЯСНИКОВОЙ

надпись на «Книге миниатюр»

Подруге верной наших складчин
Дарю с «раздуминами» ларчик —
Быть может, что-то приглянётся
И тонких струн души коснётся.

* * *

Парень страстно схватил её за плечи и нанёс поцелуй в губы.

* * *

На Байкале бог пьяных не бережёт. Наше море и пьяному не по колено. Потому-то здесь каждый год тонут и тонут...

* * *

Американский писатель Сэлинджер, автор знаменитого романа «Над пропастью во ржи», жил, как на необитаемом острове, не вступая ни в какие контакты с окружающей действительностью. Возможно, он был настолько популярен, что это уже мешало ему писать. Так и прожил он добровольным затворником до 90 лет.

* * *

Хроническое безденежье до хорошего никого не доводит — ни молодых, ни старых. Болезнь веков!

* * *

«Сойдёт для сельской местности!» — так действуют халтурщики от шоу-бизнеса, привозящие свои концерты в провинциальные города.

* * *

Есть у кавказцев прекрасный тост:
— Чтоб хорошо жилось хорошим людям!

* * *

У известного поэта советской поры Николая Заболоцкого чаще всего цитировали две строки, ставшие крылатой фразой:

Учитель, воспитай ученика,
чтоб было у кого потом учиться.

Однажды в мастерской знакомого художника этот афоризм прозвучал в другой «интерпретации»:

НАПОМИНАНИЕ О СОЦРЕАЛИЗМЕ

Художникам и писателям легче лёгкого было испаскудиться в те времена пышного расцвета социалистического реализма и повсеместного prostituting таланта. Тем более, что наша Сибирь, сотрясаемая великими стройками коммунизма, являла собой губительный эпицентр конъюнктуры. Сколько же было, грешным делом, наштамповано парадных портретов передовиков соцсоревнования и книг о бравых покорителях природы, сколько квадратных метров холста потрачено на патетические пейзажи ударных строек! И как процветали ловкие, угодливые конформисты от искусства, облаканные властями, щедро осыпанные регалиями и званиями. Всё суeta суeta...

Благополучно канут в небытие все эти образцы идеологического лизоблюдства, вся эта нищета духа и убогость вкуса. Останется золотой запас искусства. Будут жить досрочно выбитые из колеи жизни живописец Алексей Жибинов, портретисты Аркадий Вычугжанин и Галина Новикова, драматург Александр Вампилов. «Самые талантливые, самые бескомпромиссные», — такими запомнил их Иркутск.

* * *

Байкал — шедевр Создателя Вселенной.

* * *

— Всё врут календари! Всё врут прогнозы!

* * *

Вот несёт дачник-дровокол большое берема поленьев. Казалось бы, зачем ему подбирать валяющуюся под ногами щепку? Так ведь наклонится и — всё упустит, рассыплет, неразумный.

* * *

Реплика художника:

— Нас слишком много, чтобы о нас долго помнили...

* * *

— Писать надо о том, от чего не спится по ночам, — как-то сказал Александр Вампилов, прогуливаясь с приятелями по старинным иркутским улочкам. Я вспомнил его реплику, оброненную мимоходом, когда писал свои воспоминания о нём.

Эти слова гениально одарённого драматурга стали звучать со временем как призыв к писательской совести, как творческий завет:

— Писать надо о том, от чего не спится по ночам.

* * *

Девиз сильных духом:

НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО И ВОПРЕКИ ВСЕМУ!

* * *

Нет зрелища печальнее на свете,
чем просящие милостыню дети.

* * *

Как шутили наши деревенские предки, худой петух кукарекает до старости.

КРИМИНАЛЬНОЕ

Лучший адвокат —
законная супруга.
Она не даст упечь в тюрьму
даже «мокрушника»-мужа.
А если вместе попадут
на Страшный Суд,
Жена и там предъявит
сотню оправданий,
Что душегуб-супруг
ни в чём не виноват.

* * *

Шутка любителя пива:
— А вы помните, отчего Ихтиандр умер? Жабры пересохли!..

* * *

Есть столичные, большие нувориши, именуемые магнатами, олигархами. И есть местечковые, доморощенные нуворишки.

* * *

Чего только не обещает навязчивая реклама новых лекарств! Вплоть до — «увеличения мужского достоинства».
Изобрели бы вот ещё средство для повышения у населения уровня культуры, ума, совести.

* * *

На частушечный лад:
Пришли к власти господа,
дали новые «свободы» —
и от совести свободу,
и свободу от стыда.

* * *

Голос плоти в праздник Пасхи:
— Вот и кончился Великий пост, слава тебе, Господи!

* * *

На стихи Сергея Есенина написано немало задушевных песен.
Особенно хороша своей протяжной, щемящей тональностью вот эта, исполняемая народным женским хором:

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий —
и такой родимый, и такой далёкий...

От последних слов и вправду хоть плачь. Они словно о нём самом, родимом, горемычном певце русской души.

* * *

О классиках. Если живут в народе их слова, их чувства, их мысли — стало быть, и дух не умирает.

* * *

На корпоративной вечеринке мужчина обращается к женщинам:
— Ну что, милые дамы, будем пить или глазки строить?

* * *

Сюжет для романа из жизни художников: «Жили-были учитель с ученицей»...

* * *

Хотите, не хотите ли,
Но все мы — потребители,
Мы из одной организации —
«Потребкооперация».

* * *

Что остаётся от поэтов? В памяти современников сохраняются только несколько, обычно иронических строк.

Один стихотворец запомнился такими строчками:

Когда я буду умирать,
А умирать я буду,
Залезь, родная, под кровать
И сдай посуду.

Другого сделало известным хулиганистое четверостишие:

Ах ты сука романтика,
Ах ты Братская ГЭС!
Я приехала с бантиком,
А уехала — без.

У третьего стал популярным афоризмом и вовсе пустячок из двух строчек:

А жизнь такова, какова она есть,
И больше никакова!

Да, судьба многих стихотворцев вот такова.

* * *

Единожды давши венчальную клятву, он ей не изменял даже в своих снах.

* * *

Заживо забытые писатели
не нужны ни издателям,
ни читателям.

* * *

Из серии «Забытые слова».

Он пошёл в ресторанчик,
ч е к а л д ы к н у л стаканчик...

* * *

Всем улыбаются, со всеми «дружат» и всех «любят»... разве что одни путаны.

* * *

Престарелый больной художник, который уже не мог стоять у мольберта и держать кисти, рассказывал о себе тихим голосом:

— Больше всего на свете я любил писать. Живопись была не просто смыслом моего существования, это — страсть, восторг души! А теперь вот работаю иногда только во сне. Прорыпаюсь, а ничего нет...

* * *

— Как думаешь, детка, почему пингины не летают?

— Потому что они толстые и жирные!

ТАМ, НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

*В одном прекрасном месте,
на берегу реки...
Из старинной песни*

Где стоит паром-дощаник,
слышны крики ребятни:
— Деда! Дедушка-паромщик!
На ту сторону возьми!

А старик, ворчун деревни:
— Руки ноют от шеста.
Всем охота на тот берег,
будто там ждут чудеса.

Конопатая команда
станет хором умолять.
Где вода в реке чище?
Там, на другом берегу.
Где песок горячее?
Там, на другом берегу.
Где клюёт рыба лучше?
Там, на другом берегу.
Где смородина слаще?
Там, на другом берегу.
Где поляны цветистей?
Там, на другом берегу.
Где дрозды голосистей?
Там, на другом берегу.

— Ладно, «зайцы», ползайте! —
подобрев, промолвит дед.
— Но на будущее знайте:
всегда лучше, где нас нет.

* * *

Владеющий языком владеет мыслями.

* * *

Удивления и восхищения заслуживает древний китайский стих, проникнутый экологическим духом:

Сижу в темноте и не зажигаю лучину.
Потому что не хочу, чтобы мотылёк
обжёг крылья.

* * *

Из жизни китов.

Биологи полагают, что когда физическое состояние уже не позволяет китам плавать, они выбрасываются на берег.

* * *

Мировое сообщество — это солидно и серьёзно звучит. Но оно же смешно и жалко выглядит, когда танцует под дудку американского денежного мешка — «дяди Сэма».

* * *

Перед интеллигентами старой закалки был бессилён даже тиран всех времён и народов Сталин. Он, конечно, мог их расстрелять без суда и следствия, мог превратить в лагерную пыль. Но с высоким, несгибаемым духом таких «очкариков»-зэков, как писатель Солженицын и учёный Лихачёв, ничего не мог поделаться и сам всесильный.

* * *

Из серии «Забывшие слова».

Кому повём печаль мою?

* * *

— Что шовинистический душок, что сионистский запашок — это, господа, не амбре!

* * *

Толковый жизненный совет: «Остерегайтесь близости надалёких людей».

НЕ СДАЛИСЬ

Кто знает, где живут эвенки? Они рассеяны, как жизнестойкие таёжные семена, почти что по всему сибирско-восточному региону — от Томской области до Сахалина. Небо птицам, тундра и тайга — эвенкам!

Эти представители таинственной малой народности так и не сдались тотальной городской цивилизации. Как народились издревле, так и остались донныне кочующими племенами первоклассных охотников, рыболовов, оленеводов. Там, где у эвенков сегодняшнее стойбище, там у них и место жительства. А где появятся их чумы через месяц, бог весть...

Дети тайги и тундры, они свято чтут прежде всего законы Матери-Природы.

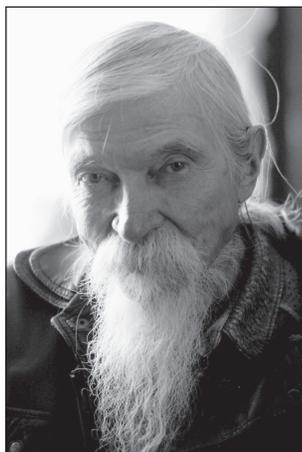
* * *

Одна из самых коварных и унижительных болезней возраста — это старческое слабоумие, когда дряхлый долгожитель уже не узнаёт даже своих близких.

* * *

Как в народе говорят, мужик остаётся мужиком, пока он работает.

ВИКТОР СОКОЛОВ

МОЁ ЗДЕСЬ ОСТАЁТСЯ СЛОВО...

ВОСХОЖДЕНИЕ

Он шёл смиренно на Голгофу,
Ступая по грядущим дням.
Согбенной,
Хилой,
Полуголой
Влачился тенью по камням.

Он падал.
Снова поднимался.
Друзьям,
Врагам творил завет.

Над старым миром занимался
Его ученья вечный свет.
Горели воспалённо раны
Огнём невиданной любви.
Вздыхались над толпою храмы,
Построенные на крови.

И были в правде этой строгой
Полны раскаянья сердца.
И возрождения дороге
Отныне не было конца.

СОКОЛОВ Виктор Павлович, поэт (1936, ст. Могоча Читинской обл. — 2012, Шелехов). Автор книг: *Солнечные чащобы* (Иркутск, 1962: Бригада); *Предрассветное* (Иркутск, 1966); *Верность* (Иркутск, 1971); *Вера. Надежда. Любовь* (Иркутск, 1976); *Горислава* (Иркутск, 1982); *Верба бела* (Иркутск, 1986); *Мастерская Бога* (1997); *Русское лето* (Иркутск, 2000); *Пока дышу* (Иркутск, 2010) и др. Член Союза писателей России.

БРАТЯ ВО ХРИСТЕ

Он всем твердит...
А мы не внемлем.
Он всех зовёт...
А мы стоим.
И оскверняем эту землю
Глухим присутствием своим.

А некто
В дьявольском порыве
Стремится
Быть уже вождём.
И мы застыли на обрыве —
Вот-вот
И в пропасть упадём.

Так за неделями недели,
Вниманьем плотным окружив,
Нас фарисеи

Снова делят
На близких к ним
И на чужих...

И озверели наши лица.
И дыбятся в прицеле
Бровь.
И кровь готова
Вновь пролиться,
Невинная людская кровь.

И только
Он один в молчанье,
Повиснув скорбно
На кресте,
Кричит беззвучно
И отчаянно,
Что все мы Братья во Христе.

ИУДА

Рыжий Иуда, предавший Христа,
Совесь твоя пред Сионом чиста.
Ты поступил, как закон повелел.
И на корявом суку околел.

Ветры, задувшие пламя свечи,
Маятник страшный качнули в ночи.
Тенью поплыл он туда и сюда...
Божьего здесь ожидая Суда.

Встанет судья. Приговор огласит.

В небе Иуда смердящий висит.
Дальним потомкам пример подаёт...
...Новое солнце над миром встаёт.

Все мы подсудны на этой земле:
В нишей деревне,
В Державном Кремле.
Будь Вифлеем, или будь то Содом —
Все мы равны
перед Высшим Судом.

МОЛИТВА

Господи,
Всех православных храни.
Будь им наставником
В долгой дороге.
В час безотрадный
На отчем пороге
Мужество дай
И крестом осени.

Господи,
Ищущих Бога храни,
Русь возлюбивших,
Как Деву Святую.
Слово скупое
Творящих не всуе,
В святцах небесных своих
Помяни.

Господи,
Воинов русских храни,
Жизнью рискующих
В битвах за Веру.
Сделай для юношей
Вечным примером,
Щедро продли
Их недолгие дни.

И лжепророков
От нас изгни —
Смрадные пусть их уста
Онемеют.
И ото всех,
Кто к нам злобу имеет,
Господи, днесь
Ныне нас охраняй!

Всё ж в мире доброго и злого,
Как должно быть (и знаю — есть),
Моё здесь остаётся Слово —
Из дня былого в завтра весть.

И одного на свете белом
Я сердцем страстным вновь хочу:
То, что задумано, всё сделать,
Пока работа по плечу.

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

На деревьях листья пожелтели.
Откричали птицы,
Вдаль умчась.
Под московским,
Под метельным небом
Девочка гадает в поздний час.

Вот она
Над картами склонилась,
Вся незащищённая как есть.
Отдаётся тайному на милость,
Принимая горестную весть.

Где-то над гольцами,
Над еланью
Бесконечный
Снежный свистопляс.

Девочка —
Печальная Светлана
Всё не сводит с чёрной дамы глаз.

Всё худое, зыбкое порочит
В нынешнем неласковом краю.
Словно бы судьбу в ночи
Пророчит
Грустную, нелёгкую, свою.

Отрешённо бродит
По-над летом
По тропе,
Что ветры замели,
Девочка
С большой душой Поэта
Русской умирающей земли.

* * *

Накапливая лет усталость,
Душа, как в забытии, лежит.
За что мне это всё досталось,
Что пережить мне надлежит?..

За грех какой несущу расплату?
В чём провинился я в пути?
Неужто вправду виноватый,
Как падший ангел во плоти?..

И нет мне, сирому, прощенья.
И ждёт меня суровый суд.
И душу бедную в отмщенье
Владыке ада понесут.

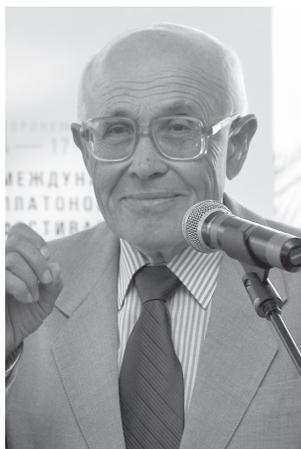
И в бездне ей теперь томиться,
В камнях, на огненном песке.
И нет конца, и нет границы
Её неведомой тоске.

* * *

Первый холод.
Лес качает
Листопадная пурга.
Осень вечною печалью
Застилает берега.
Осень в небо
Цепью длинной
Поднимает журавлей.

Тонет в стоне журавлином
Стон
Безжизненных полей.
Вянут травы,
Ветру внемля.
И, вытягивая хвост,
Сорвалась звезда на землю
И упала на погост.

БОРИС ЕКИМОВ

ГОВОРИ, МАМА, ГОВОРИ...

РАССКАЗ

По утрам теперь звонил телефон-мобильник. Черная коробочка оживала: загорался в ней свет, пела веселая музыка и объявлялся голос дочери, словно рядом она:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец! Вопросы и пожелания? Замечательно! Тогда целую. Будь-будь!

Коробочка тухла, смолкала. Старая Катерина дивилась на нее, не могла привыкнуть. Такая вроде малость — спичечный коробок. Никаких проводов. Лежит-лежит — и вдруг заиграет, засветит, и голос дочери:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Не надумала ехать? Гляди... Вопросов нет? Целую. Будь-будь!

А ведь до города, где дочь живет, полторы сотни верст. И не всегда легких, особенно в непогоду.

Но в год нынешний осень выдалась долгая, теплая. Возле хутора, на окрестных курганах, порыжела трава, а тополевое да вербовое займище возле Дона стояло зеленым, и по дворам по-летнему зеленели груши да вишни, хотя по времени им давно пора отгореть рдяным да багровым тихим пожаром.

Птичий перелет затянулся. Неспешно уходила на юг казарка, вызванивая где-то в туманистом, ненастном небе негромкое онг-онг... онг-онг...

ЕКИМОВ Борис Петрович, прозаик. (1938, г. Игарка Красноярского края). Работал токарем, слесарем, наладчиком, электромонтёром, строителем, учителем труда. Как прозаик дебютировал в 1965 году. В 1976 году был принят в Союз писателей СССР. Автор более 200 произведений, переведённых на многие иностранные языки. Лауреат премий: журнала «*Наш Современник*» (1976), «*Литературной Газеты*» (1987), премии им. И.А. Бунина (1994), журнала «*Новый Мир*» (1996), Государственной премии РФ (1998), премии «*Сталинград*» (1999), премии Александра Солженицына (2008). Живёт в Волгограде.

Да что о птице говорить, если бабка Катерина, иссохшая, горбатенькая от возраста, но еще проворная старушка, никак не могла собраться в отъезд.

— Кидаю умом, не накину... — жаловалась она соседке. — Ехать, не ехать?.. А может, так и будет тепло стоять? Гутарят по радио: навовсе поломалась погода. Ныне ведь пост пошел, а сороки ко двору не прибились. Тепло-растепло. Туды-сюды... Рождество да Крещение. А там пора об рассаде думать. Чего зря и ехать, колготу разводить.

Соседка лишь вздыхала: до весны, до рассады было еще ох как далеко.

Но старая Катерина, скорее себя убеждая, вынимала из пазухи еще один довод — мобильный телефон.

— Мобила! — горделиво повторяла она слова городского внука. — Одно слово — мобила. Нажал кнопку, и враз — Мария. Другую нажал — Коля. Кому хочешь жалься. И чего нам не жить? — вопрошала она. — Зачем уезжать? Хату кидать, хозяйство...

Этот разговор был не первый. С детьми толковала, с соседкой, но чаще сама с собой. Последние годы она уезжала зимовать к дочери в город. Одно дело — возраст: трудно всякий день печку топить да воду носить из колодца. По грязи да в гололед. Упадешь, расшибешься. И кто поднимет?

Хутор, еще недавно людный, с кончиной колхоза разошелся, разъехался, вымер. Остались лишь старики да пьянь. И хлеб не возят, про остальное не говоря. Тяжело старому человеку зимовать. Вот и уезжала к своим.

Но с хутором, с гнездом насиженным нелегко расставаться. Куда девать малую живность: Тузика, кошку да кур? Распихивать по людям?.. И о хате душа болит. Пьянчуги залезут, последние кастрюлешки упрут.

Да и не больно весело на старости лет новые углы обживать. Хоть и родные дети, но стены чужие и вовсе другая жизнь. Гостюй да оглядывайся.

Вот и думала: ехать, не ехать?.. А тут еще телефон привезли на подмогу — «мобилу». Долго объясняли про кнопки: какие нажимать, а какие не трогать. Обычно звонила дочь из города, по утрам.

Запоет веселая музыка, вспыхнет в коробочке свет. Поначалу старой Катерине казалось, что там, словно в малом, но телевизоре, появится лицо дочери. Объявлялся лишь голос, далекий и ненадолго:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец. Вопросы есть? Вот и хорошо. Целую. Будь-будь.

Не успеешь опомниться, а уже свет потух, коробочка смолкла.

В первые дни старая Катерина лишь дивилась такому чуду. Прежде на хуторе был телефон в колхозной конторе. Там все привычно: провода, черная большая трубка, долго можно говорить. Но тот телефон уплыл вместе с колхозом. Теперь появился «мобильный». И то слава богу.

— Мама! Слышишь меня?! Живая-здоровая? Молодец. Целую.

Не успеешь и рта раскрыть, а коробочка уж потухла.

— Это что за страсть такая... — ворчала старая женщина. — Не телефон, свиристелка. Прокукарекал: будь-будь... Вот тебе и будь. А тут...

А тут, то есть в жизни хуторской, стариковской, было много всего, о чем рассказать хотелось.

— Мама, слышишь меня?

— Слышу, слышу... Это ты, доча? А голос будто не твой, какой-то хрипавый. Ты не хвораешь? Гляди одевайся теплей. А то вы городские — модные, платок пуховый повяжи. И нехай глядят. Здоровье дороже. А то я ныне сон видала, такой нехороший. К чему бы? Вроде на нашем подворье стоит скотиняка. Живая. Прямо у порога. Хвост у нее лошадиный, на голове — рога, а морда козья. Это что за страсть? И к чему бы такое?

— Мама, — донеслось из телефона строгое. — Говори по делу, а не про козиные морды. Мы же тебе объясняли: тариф.

— Прости Христа ради, — опомнилась старая женщина. Ее и впрямь упреждали, когда телефон привезли, что он дорогой и нужно говорить короче, о самом главном.

Но что оно в жизни главное? Особенно у старых людей... И в самом деле ведь привиделась ночью такая страсть: лошадиный хвост и козья страшная морда. Вот и думай, к чему это? Наверное, не к добру.

Снова миновал день, за ним — другой. Старой женщины жизнь катилась привычно: подняться, прибраться, выпустить на волю кур; покормить да напоить свою малую живность да и самой чего поклевать. А потом пойдет цеплять дело за дело. Не зря говорится: хоть и дом невелик, а сидеть не велит.

Просторное подворье, которым когда-то кормилась немалая семья: огород, картофельник, левада. Сарай, закуты, курятник. Летняя кухня-мазанка, погреб с выходом. Плетневая городьба, забор. Земля, которую нужно копать помаленьку, пока тепло. И дровишки пилить, ширкая ручною пилой на забазье. Уголек нынче стал дорогущий, его не укупишь. Помаленьку да полегоньку тянулся день, пасмурный, теплый. Онг-онг... онг-онг... — слышалось порой. Это казарка уходила на юг, стая за стаей. Улетали, чтобы весной вернуться. А на земле, на хуторе было по-кладбищенски тихо. Уезжая, сюда люди уже не возвращались ни весной, ни летом. И потому редкие дома и подворья словно расплзались по-рачьи, чураясь друг друга.

Прошел еще один день. А утром слегка подморозило. Деревья, кусты и сухие травы стояли в легком куржаке — белом пушистом инее. Старая Катерина, выйдя во двор, глядела вокруг, на эту красоту, радуясь, а надо бы вниз, под ноги глядеть. Шла-шла, запнулась, упала, больно ударившись о корневище.

Неловко начался день, да так и пошел не в лад.

Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

— Здравствуй, моя доча, здравствуй. Одно лишь звание, что — живая. Я ныне так вдавилась, — пожаловалась она. — Не то нога подыграла, а может, склизь. Где, где... — подо-содовала она. — Во дворе. Воротца пошла отворять, с ночи. А там, возля ворот, там грушина-черномьяска. Ты ее любишь. Она сладимая. Я из нее вам компот варю. Иначе бы я ее давно ликвидировала. Возля этой грушины...

— Мама, — раздался в телефоне далекий голос, — конкретней говори, что случилось, а не про сладимую грушину.

— А я тебе о чем и толкую. Тама корень из земли вылез, как змеюка. А я шла не глядела. Да тут еще глупомордая кошка под ноги суется. Этот корень... Летось Володю просила до скольких разов: убери его Христа ради. Он на самом ходу. Черномьяска...

— Мама, говори, пожалуйста, конкретней. О себе, а не о черномьяске. Не забывая, что это — мобильник, тариф. Что болит? Ничего не сломала?

— Вроде бы не сломала, — все поняла старая женщина. — Прикладаю капустный лист.

На том и закончился с дочерью разговор. Остальное самой себе пришлось досказывать: «Чего болит, не болит... Все у меня болит, каждая косточка. Такая жизнь позади...»

И, отгоняя горькие мысли, старая женщина занялась привычными делами во дворе и в доме. Но старалась больше толочься под крышей, чтобы еще не упасть. А потом возле прялки уселась. Пушистая кудель, шерстяная нить, мерное вращенье колеса старинной самопряхи. И мысли, словно нить, тянутся и тянутся. А за окном — день осенний, словно бы сумерки. И вроде зябко. Надо бы протопить, но дровишек — внатяг. Вдруг и впрямь зимовать придется. В свою пору включила радио, ожидая слов о погоде. Но после короткого молчания из репродуктора донесся мягкий, ласковый голос молодой женщины:

— Болят ваши косточки?..

Так в пору и к месту были эти душевные слова, что ответилось само собой:

— Болят, моя доча...

— Ноют руки и ноги?.. — словно угадывая и зная судьбу, спрашивал добрый голос.

Спасу нет... Молодые были, не чуяли. В доярках да в свинарках. А обувка — никакая. А потом в резиновые сапоги влезли, зимой и летом в них. Вот и нудят...

— Болит ваша спина... — мягко ворковал, словно завораживая, женский голос.

— Заболит, моя доча... Век на горбу таскала чувалы да вахли с соломой. Как не болеть...
Такая жизнь...

Жизнь ведь и вправду нележкой выдалась: война, сиротство, тяжкая колхозная работа. Ласковый голос из репродуктора вещал и вещал, а потом смолк.

Старая женщина даже всплакнула, ругая себя: «Овечка глупая... Чего ревешь?..» Но плакалось. И от слез вроде бы стало легче.

И тут совсем неожиданно, в обеденный неурочный час, заиграла музыка и засветил, проснувшись, мобильный телефон. Старая женщина испугалась:

— Доча, доча... Чего случилось? Не заболел кто? А я всполохнулась: не к сроку звонишь. Ты на меня, доча, не держи обиду. Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. Но я ведь взаправду чуток не убилась. Тама, возля этой дулинки... — Она опомнилась: — Господи, опять я про эту дулинку, прости, моя доча...

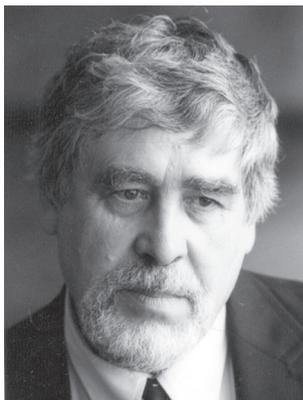
Издали, через многие километры, донесся голос дочери:

— Говори, мама, говори...

— Вот я и гутарю. Ныне какая-то склизь. А тут еще эта кошка... Да корень этот под ноги лезет, от грушины. Нам, старым, ныне ведь все мешает. Я бы эту грушину навовсе ликвидировала, но ты ее любишь. Запарить ее и сушить, как бывалоча... Опять я не то плету... Прости, моя доча. Ты слышишь меня?..

В далеком городе дочь ее слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почувала вдруг, как все это зыбко и ненадежно: телефонная связь, видение.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвется и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. — Говори, мама, говори...

ВЛАДИМИР СКИФ

ОН ТВОРИЛ С ТРЕПЕТНОЙ ПОЛНОТОЙ СВОЕГО СЕРДЦА

Евгений Петрович Варламов родился 9 марта 1946 года в селе Дубровицы Подольского района Московской области. Стихи писал с юношеских лет, а в 1968 году выпустил свою первую книгу «Спасенье», в которой уже тогда представил довольно зрелые стихи, хотя они были написаны в 20-летнем возрасте.

Эта небольшая по объёму книга поведала иркутскому читателю, что в сибирскую, русскую поэзию вошёл талантливый автор со своим, неповторимым голосом, в котором угадывался характер человека принципиального в жизни и творчестве:

Не надо переделывать стихи.
К строкам своим чуть-чуть побольше жалости.
Они несовершенны? Пустяки!
Оставьте их, оставьте их, пожалуйста.

Они идут не к вам и не от вас,
но в них себя, как есть, вы повторяете.
Как часто, добиваясь мастерства,
вы истинность и суть свою теряете.

В книге с неожиданным для того времени названием «Спасенье» стихотворений оказалось немного — всего тринадцать, но они оставили незабываемое впечатление у поклонников таланта Евгения Варламова. В те годы поэты притягивали читателей одним уже своим волшебным предназначением: говорить и мыслить в рифму, и читатели до отказа заполняли стадионы, клубы, летние площадки, любые аудитории, внимательно и доверительно слушая не только признанных кумиров, но и молодых талантливых поэтов. Своей привязанностью, своей неустойчивой любовью к стихам они помогали отрачивать поэтам их растущие крылья.

Евгения Варламова принимали на таких встречах с большим интересом. Тем более, что в 1978 году у него вышла вторая книга стихотворений «Осенние игры», где поэт не просто вырос, он обрёл удивительно чуткий, можно сказать — абсолютный слух ко всем внутренним и внешним изменениям окружающего мира.

И совершенно не случайно говорится, что истинный поэт — это камертон боли, камертон истребованных сердцем слов и звуков. Он не просто проговариватель собственных мироощущений, но создатель полноты каждого прожитого в творчестве мгновения и бережный хранитель русской речи.

Когда-то Евгений Баратынский очень точно сказал, что поэзия — «есть полное ощущение данной минуты», а Зинаида Гиппиус впоследствии добавила:

«Мы, покорные вечному закону человеческой природы, молимся в стихах, как умеем... Нам страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение, — отражение мгновенной полноты нашего сердца».

С какой трепетной полнотой сердца писал Евгений Варламов о великой русской речи:

Не долг отдам, не должное воздам
и, не умея речь держать высокую,
на малое сбиваюсь: детство, дом
и реченька с травой — злой осокою.

Секла мои коленки почём зря.
Но что мальцу такая пустяковина!
А больше — вроде не припомню зла,
ну, разве что — от ягоды оскомины.

Любовь моя на русском языке!
Любовь моя, родная речь великая,
я без тебя, как рыба на песке
у реченьки с названием Великая.

Великою зовут. Но помню, вброд
переходил — я место знал укромное,
а если захлестнёт водою плот,
то хочешь — нет, покажется огромною.

А речь родная — знать не знаю дна,
и брод искать — больней осоки высечет.
Из детства по отчеству она
течёт себе и никогда не вытечет.

В процитированном стихотворении явлено такое яркое понимание СЛОВА, такое естественное движение мысли и такое удивительное, почти языческое преклонение перед Великой русской речью, что читатель всей душой приникает к страстной молитве поэта.

Многие стихи Евгения Варламова кажутся русскими наговорами, страстными монологами, которые во всём своём многообразии становятся не умозрительной, а живой, произносимой поэтом молитвенной ворожкой:

— Государыня,
свет мой,
смилуйся,
Ты прости меня, дурня смелого.
Я — холоп и вор,
а на воле — князь.
Как любить тебя, коль неволят нас...
И великая ты, и гордая,
моя милая, —
ты и горькая.

Ведь нелюбый твой полонит тебя,
и зачахнешь ты за глухой стеной.
Вели дать коня! По лесам-степям
Убежим со мной.
Убежим со мной!

Евгений Варламов пережил большую трагедию: потерю любимого сына Ильи. В книге «...И до...и после...», выпущенной в 2012 году, он горько оплакивал эту тяжёлую утрату:

Спасибо, сыночек, за то...
Сложились они — не сложились:
в тетрадку никак не ложились... —
но вот, — отпустили зато...

Спасибо за то, что ты был,
за чудо, что ты появился,
своим чудесам подивился —
и, может быть, их не забыл...

Выбраться из этой печали ему так и не было суждено, потому что печаль стала пожизненной. Вот четыре строчки стихотворения с посвящением «Сыну Илюшке, собаке — Джебу, Спасу Нерукотворному»:

Илюхин Джеба спас — достал его из ямы.
Джеб это не забыл: сумел бы — тоже спас...
Но не сумел. И псу под хвост все эти ямбы...
И пялится на нас Нерукотворный Спас.

Говорить и думать о погибшем сыне было нестерпимо тяжело, а в стихах особенно. Боль чаще всего скручивалась внутри него в неизъяснимые жгуты, но порою выплёскивалась в пронзительные стихотворные строки, простые и ясные:

А мы остаёмся при том...
И веры у нас — на полушку...
Дотянем, глядишь, до полочки —
к сыночку с цветами придём.

Любимая, вспомни себя:
доверчиво дверь отворила,
в Любви сына сотворила... —
И светлой казалась судьба...
Не в этой своей несудьбе
мы вместе объявимся снова
и явятся снова три слова:

Сыночек, Спасибо Тебе.

Боль жила и в других стихах, иногда затемняя их смысл и выбирая иной мистический вектор и некую стилистическую потаённость. Хотя несхожесть Варламова с другими иркутскими поэтами обреталась им ещё раньше. И в этом особенном, отличном от других поэтическом почерке он всё чаще уходит в неожиданное по стилистике словотворчество:

Накатит Янь — закатывает Инь
в очко-зрачок завет и свет святынь,
чтоб зрак-зарок над мороком повис:
и мудродурь, и небоземь, и глубовысь
иньянит в Чёт, а в Нечет яноинит —
стыда не имет...

Вроде бы, очень странное стихотворение, но стоит вернуться к его заголовку и началу стихотворения, как всё становится на свои места, потому что стихотворение называется «Инь-Ян».

Не все воспринимают подобные, между тем, мастерски написанные стихи Евгения Варламова, хотя мне всё, что им создано, читать интересно. Он настоящий поэт, истинный словотворец или, может быть, чудотворец. Не зря Борис Пастернак в своём выдающемся стихотворении «Август» пишет о поэзии, как о явлении полёта, явлении словотворчества, которое он называет чудотворством:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полёта вольное упорство
И образ мира, в слове явленный,
И творчество и чудотворство.

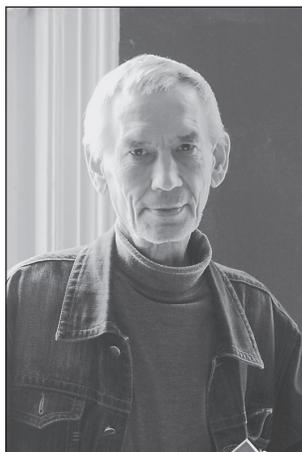
И вправду, не каждый автор так ловко и смело обращается с рифмованным текстом, преобразуя те или иные слова в неологизмы, так умело орудуя поэтическими инструментами, как Варламов. Возможно, что поэтический труд, преображённый в полёт, помогал ему уходить в небытность, отгораживаться от внешнего мира, может быть, на какое-то время забываясь в себе, в своём поэтическом мире, каким-то невиданным чутьём внимая тому, что диктовала ему безбрежная, дымящаяся вечность.

Да, есть о чём говорить будущим исследователям его творчества, а я думаю, что таковые у него найдутся. Найдутся полемисты, которые поспорят о его стихах, найдутся словесники и филологи, которые откроют его заново для себя и для истории сибирской литературы. Ещё напишут о нём критики и восхитятся читатели, как сейчас восхитимся мы вот этими его стихами, посвящёнными отцу Петру Михайловичу:

Последнюю неделюшку
стели, жена, постелюшку.
А потом постелюшкой
станет мне шинелюшка.

Нет моей охотушки
помирать в пехотушке...
Сквозь шинель с иголки
саданут осколочки...

ЕВГЕНИЙ ВАРЛАМОВ

ПУСТЬ ДОЛГО
ДНЯМ СКУПЫМ ТЯНУТЬСЯ...

* * *

Не долг отдам, не должное воздам
и, не умея речь держать высокою,
на малое сбиваюсь: детство, дом
и реченька с травюю — злой осокою.

Секла мои коленки почём зря.
Но что мальцу такая пустяковина!
А больше — вроде не припомню зла,
ну разве что — от ягоды оскомины.

Любовь моя на русском языке!
Любовь моя, родная речь великая,

Я без тебя, как рыба на песке
у реченьки с названием Великая.

Великою зовут. Но, помню, вброд
переходил — я место знал укромное,
а если захлестнёт водою плот,
то хочешь — нет, покажется огромною.

А речь родная — знать не знаю дна,
и брод искать — большей осоки высечет.
Из детства по Отечеству она
течёт себе и никогда не вытечет.

ВАРЛАМОВ Евгений Петрович, поэт (1946, село Дубровицы Московской области — 2012, Иркутск). Автор книг: *Спасенье* (Иркутск, 1968: Бригада); *Осенние игры* (Иркутск, 1978); *...И до... и после...* (Иркутск, 2010); публикаций в периодике. Член Союза писателей России.

ГОСУДАРЫНЯ

Как холопу была подарена
ночь
великою Государыней.
После тайных ласк, зелена вина
не любовь — вина, его речь — вина:
— Государыня,
свет мой,
смилуйся:
ты прости меня, дурня смелого.
Я — холоп и вор,
а на воле — князь.
Как любить тебя, коль неволят нас...
И великая ты, и гордая,
моя милая, —
ты и горькая.
Ведь нелюбый твой полонит тебя,
и зачахнешь ты за глухой стеной.
Вели дать коня! По лесам-степям

Убежим со мной.
Убежим со мной!
Будет сруб-изба,
не дворец-чертог,
а любовь моя — навсегда верна.
Убежим, пока на дворе черно,
Государыня!
Государыня!
...А как стал темнеть мел её лица:
— Смерд!
Как осмелился!
И смолчал холоп, не потупил взор.
Что холопу смерть!
Что ему позор!
...Как взлетел топор
да над плахою —
Государыня
бабой плакала.

* * *

Саше Матвеенкову

Увижу, как расхристанная тень скользит по стенке,
поставлю жало пьющее — поющую иглу,
и русская старинная со старенькой пластинки
заломит руки белые в моём пустом углу.

Товарищ мой, предатель мой, беспамятный и нежный!
Давно ли были молоды, беспутны, хороши?!
И ехали... и не было нам станции конечной.
И звякали серебряно последние гроши.

О, вечная история: звездю небо блещет,
волною море плещет к твоим ногам, моим.
Никем ещё не прокляты, никто не рукоплещет...
Но срок уже отмерен. И он неумолим.

Расстаться — экий подвиг! Мы нахлебались ветра
до одури... Геройски рукой взмахнув разок,
товарищ мой с улыбкою и Вертера, и ферта
остался и оставил на память адресок.

Опомниться?! — Но поздно. Но выбраны столицы.
Для помыслов высоких — высокий потолок.
Ночник. Черны чернила. Темнеют наши лица,
но одухотвориться вовсю стремится слог...

Мужаюсь, мой товарищ. Ещё мы не постигли.
И в разочарованьях успеем очерстветь...
Но есть ещё отчаянная песня на пластинке —
старинный мой товарищ во одиночестве.

* * *

Пусть долго дням скупым тянуться...
Но был бы час, как благодать,
и надо только дотянуться,
рукой подать, рукой подать.

Подать рукой добро и благо.
Вот именно, никто другой —
ты сам сумей своею слабой
подать рукой, подать рукой

тепло руки, тепло привета,
понять невнятное, поднять
с земли — упавшего, — при этом
ладонь раскрытую подать.

И только б руки не остыли...
Пытаться — не себя пытаться.
О, эти радости простые —
до них всего рукой подать!

РОМАНС ДЛЯ МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТЫ

Т. К.

Были стены узки, потолок уходил
в одиночество ваше высокое.
В «дорогие товарищи» я угодил,
а загадывал в финисты-соколы.

Я бы лихо влетал, головой о порог:
в пух и прах...
Ах, ты, сказка-волшебница!
Соколиное пёрышко, кой в тебе прок?
Сказка кончится — сокол поженится.

В «дорогие товарищи» я угодил,
вы иначе меня не находите.
Отступала стена, потолок уходил...
И вступали курантами ходики.

Упаду на колени у ваших колен
по обычаю нежному прадедов...
стаи птиц полетят —

сколько зим, сколько лет! —
Чтоб вернуться и сказкой порадовать.

Но на свете всему есть свои имена:
пусть не радовать вас — только ратовать,
чтоб в товарищи-гости позвали меня
одиночество изредка скрадывать.

Вас по имени звать — да святится оно! —
это в нашем-то суетном городе...
А под небом высокое ваше окно —
только крылья у сокола коротки.

Я товарищем буду. Весёлый мотив
пусть о стены большее ударится.
Может, только и надо —
лишь ноту найти,
Чтобы жить, напевать и не стариться.

* * *

— Послушай, — говорю, — ещё зима,
но, Танечка, ты всё-таки послушай:
большой сугроб большою станет лужей —
и в этом убедишься ты сама.

Мы дерево рябину посетим,
мы скажем ей: привет, а мы всё те же.
И чтоб себя, и чтоб её потешить,
мы ей, пожалуй, сказку посвятим.

Подсказывай, как надобно начать,
и я продолжу тихими словами...
Жаль, мамы нас давно не целовали,
чтоб сказки приходили по ночам!

Ну, три-четыре: — Жили-были мы
во время оно, слава Богу, были.
И в осени друг друга мы любили,
зимой любили и в конце зимы...

Сказать ли про житьё-бытьё, про дом,
как посреди зимы загоревали, —
и всё-таки друг дружку согривали
при всём при том.
Ну, да — при всём при том.

Весной ещё досказывать придём,
рука в руке — не порознь — иначе
несчастны станут наши дни и ночи,
и зря сейчас сугробами бредём.

Прощаясь, нам рябина свесит кисть:
вот сберегла, мол, ягоды для Тани,
а сказка ваша — ах, какие тайны! —
ведь всё на самом деле так и есть.

И сговорятся сами меж собой
и быль, и небыль, ежели похожи...
а мы с тобой уже одно и то же,
одно и то же
мы уже с тобой...

ОСЕННИЕ ИГРЫ

Что, девочка, затейница моя,
какие игры мы с тобой затеем?
Вглядимся: что сентябрь нам —
светлый терем?
Или сентябрь нам — серая тюрьма?

Прислушаемся: птицы. Слышишь птиц?
Печальных стай прощально клетотанье.
И отзвук зарождается в гортани... —
Без грусти нам теперь не обойтись.

И девочка, любовница, жена
зелёными поглядывает хитро...
Не осень ли подсказывает игры?
Так пусть вначале будет тишина.

И пусть лишь шелест листьев. Листопад
с извечною табличкой «Осторожно!..»

Вступаем на рисковую дорожку.
Играем. И легка твоя стопа.

Пустынный сквер — в нём осень на постой
остановилась, ветер гонит листья.
Кто нас-то гонит? Крадучись по-лисы,
мы входим в дом. И тоже он пустой.

От шёпота сорваться можно в крик.
Но мы играем — затеваем праздник.
И я не говорю, что всё напрасно,
поскольку праздник в правилах игры.

Спи, вруша. Я дыхание ловлю.
Ишь, разметалась... — Чем тебя укрою?
И всё могло, наверно, быть игрою
и праздником... Но я тебя люблю.

НЕЧТО О ДУШЕ

«Я так один...»

*Из стихов Р. М. Рильке,
написанных по-русски*

К чему душа моя лежит? —
Когда б она была на месте,
когда бы и душою — вместе,
и телом... — как и надлежит.

Но в теле — еле. И не та
душа: не к месту — к непокою,
как во поле, как в непогоду,
и от ненастья — никуда...

И наугад не загадать,
когда блажить, когда божиться,
когда и душу, и пожитки
в тугую скатку закатать...

К чему душе лежать, когда
ей ничего на этом свете... —
И только память ликом светит,
и только промельком — года.

И то — заспать бы и забыть,
к чему душа моя лежала,
когда судьба нас не лишала
благоволенья — вместе быть.

Во свете дней, во тьме ночей
какою залежью слежалась,
какою лажей облажалась?..
Ни с чем остался и ничей,

едва живой, едва дыша...
Не отдышался, полегчало —
и начинаю всё сначала,
пока жива моя душа,

пока она стучит в виски,
пока под сердцем отдаётся... —
...И ничего не остаётся:
концы с концами не свести,

не опростав её от лжи,
не перестав носиться с нею,
когда, убей меня, не знаю,
к чему твоя душа лежит...

А ты, беспечною стопой
вступая в сны мои ночами,
когда души в тебе не чая,
не чаю свидеться с тобой, —

ко мне замедливаешь шаг...
и что ни сон — от этой пытки
душа опять уходит в пятки...
— К чему твоя лежит душа!?

Лишь отзвук имени в ушах...
Лишь ответ облика и светит...
— Что за душой на белом свете?
И что без памяти — душа?

ВОРОБЕЙ

Бог на душу: чирикай, не робей! —
Или зазря Всевышний расстарался?..
И в пух, и прах пархатый воробей
с приятелями напрочь разодрался.

И хоть бы хны!.. А мне б — совсем хана:
по дури по своей своих лишиться —
как во сырую заживо ложиться
и во скорбях хрипеть их имена...

— Когда бы они были у меня.

ДЯТЕЛ

В какой советской оперетке, дятел,
ты подгляддел береточку себе?
Вчера, как опер, жизнь мою по датам
простукал всю... И что тебе в судьбе

Чужой, унылой?.. Нынче до полудня,
служа в износ, настырный долгонос,
о том, как плохо шутят эти люди,
стучал округе бдительный донос...

В ПОСЛЕДНЮЮ НЕДЕЛЮ

*Отцу Петру Михайловичу,
отвоевавшему в ту войну
с такою же распевкой*

...Последнюю неделюшку
стели, жена, постелюшку.
А потом постелюшкой
станет мне шинелюшка.

Нет мой охотушки
помирать в пехотушке...
Сквозь шинель с иголки
саданут осколочки...

И на дне окопчика,
замерзая с копчика,
буду под ознобушкой
вспоминать зазнобушку.

В медсанбате с краешку,
в лазаретном раюшке,
мне она привидится —
жаркая, придвинется...

Но не будет милушки
у моей могилушки.

Кабы сына-доченьку
в расставанья ноченьку...

Треугольник-весточка,
а потом — повесточка:
у чужого Таллина
за победу Сталина.

Так стели постелюшку
эту мне неделюшку.
Никуда не денешься —
в чёрное оденешься.

* * *

Что было вначале? — А было вначале,
что белые птицы кричали ночами.
Летели две птицы — две белых печали.
Их не пожалели — пожали плечами.

А что же потом? — а в конце того года
нам стало с тобою и пусто, и голо.
И чёрные птицы вскричали — два горя
Взмахнули крылами, одно и другое...

А что же сейчас? — одиночества час:
и крылья повяли, и голос зачах...
Но в участь не веря, но жизни учась,
две серых пичуги, живём и сейчас.

А что с нами будет? — А то с нами будет,
что были бы живы — надежда пребудет:
и голос поставит, и силы пробудит,
и вновь окрылит... И что будет — то будет!..

ВАСИЛИЙ ХЛЫБОВ

ПОПЫТКА ВЕРНУТЬСЯ

РАССКАЗ

1

С восьми утра до двенадцати дня давление упало на 36 пунктов. Такого ни разу не наблюдалось за все три года его уединенного здесь проживания. Пушин легонько постучал указательным пальцем по стеклу барометра: стрелка дрогнула и еще показала дополнительных два деления.

— Прекрасно! — медленно улыбнулся Пушин. — Сегодня все будет как там...

Он подошел к огромному — прямо от пола — окну и уставился в монотонную панораму каменистой степи. Степь дымилась и плавилась под полуденным солнцем; серые камни, щебень, песок и редкая травка были подернуты красно-бурым оттенком — этаким грязноватой окалиной, так похожей на ту...

Да! Он правильно поступил, когда выкупил этот шоровый солончак, чем-то похожий на древний разрушенный кратер. Жилище также поставлено очень удачно — в самом низу, на краю соляного ила. Такая позиция позволяет не видеть всего, что находится за пределами шора; а только сухое пыльное небо, пологие склоны со всех сторон, и по верху — цепочкой — черные, иссеченные солнцем и ветром, щербатые россыпи гнейса. Никого. Только стрекот цикад да серенький столбик привставшего из-за камня пугливого тарбагана.

ХЛЫБОВ Василий Петрович (1951, пос. Каркалай Удмуртской АССР). После школы работал на комсомольской стройке бетонщиком. С 1969 по 1974 годы — учеба в Московском геологоразведочном институте. С 1974 года в Иркутске; 12 лет работы в Сосновской экспедиции, далее и по настоящее время работа в геологии в частных компаниях. Участник литературных семинаров в Иркутске в разные годы. Публиковал стихи и прозу в периодике. Издал два сборника стихов и книгу прозы. С 1983 по 1986 гг. заочно учился в Литературном институте.

Линия горизонта была волниста; между холмами — одним каменистым, другим покатым — лежала короткая седловина, через которую в шор проходила единственная дорога. Пушин заметил на светлой ее полосе облачко пыли, — это спускался к нему и пылил ногами семилетний бурятский мальчик Бато — сын чабана, живший в летнике в соседнем распадке. Только Бато имел свободный доступ в шор, остальным это было заказано.

Обычно они договаривались с Бато о встрече, но если что-либо требовалось внешнему миру от Пушина, тот отправлял ему отрока без предварительной договоренности. Похоже, сегодня был такой случай.

Пушину нравился простоватый и любопытный Бато; смуглый, лоснящийся на свету и бархатисто бурый в тени с такими красиво очерченными углистыми глазами, с босыми ногами, исколотыми ковылем и осокой. Мальчик легко общался с известным всему миру Пушиным — как с ровней, и даже называл его просто Вовой. А Вове уже исполнилось сорок шесть. Но так захотел сам Пушин.

Бато припылил к крыльцу жилища и, заметив в окне хозяина, весело помахал рукой, в которой блестела бумажка:

— Вова! Привет, Вова! У меня к тебе есть...

— Здравствуй, Бато! — сухо ответил Пушин. — Заходи. Дверь открыта.

Мальчик вошел, и пока Пушин читал записку, по-хозяйски сновал по дому, заглядывая в кастрюли на газовой плите:

— Вова, ты кашу варил? С тушенкой?

— Накладывай! Ешь! — не отрываясь от чтения, сказал ему Пушин. Записка была от главы бурятской общины. Глава просил уважаемого г. Пушина о встрече, чтобы уладить вопрос об отводе участка под посадки панцерии, поскольку не все, однако, еще согласовано по границе земель общины и собственности Пушина. Проблема раздела земель поднималась уже не впервой и каждый раз под новым предлогом. Пушину это не нравилось.

— Бато, где они находятся?

— У нас. Пьют чай. И пиво.

— Сколько их?

— Один и два. Три.

— Они на машине?

— Ага!

— Бато, сейчас ты пойдешь к ним и скажешь, что я жду. Но только до двух часов. Запомнишь?

— Угу! — кивнул головой бурятенок, торопливо прожевывая кашу. Ему не хотелось быстро уходить.

— И еще скажи им, что после двух я буду очень занят и никого не приму. И ты больше не приходи сегодня.

— А почему?

Пушин не ответил и снова подошел к барометру. Падение составило уже сорок пунктов. Если и дальше так будет падать, то где-то часам к пяти здесь будет подобие ада... А это прекрасно!

— Бато, скажешь отцу, чтоб баранов согнал под навес. К вечеру будет буря.

— Мы знаем. По радио передали.

— Ладно, Бато. Пошли. Я тебя провожу.

— Я бы еще поел.

— В другой раз.

— А что ты пил?

— Воду.

Они вышли из жилища и стали подниматься из шора. В шоре, как в чугунном котле, ни единого дуновения. Стояла та сентябрьская духота, которая создается солнцем, пекущим камень и обессоченную траву. Пушин нагнулся к пучку оцепеневшего чабреца, коснулся рукой — и вздрогнул: послышался легкий электрический треск. Из рассыпчатых фиолетовых цветов словно искры скользнули между ногтями...

От седловины рядом с дорогой тянулась промоина — в конце ее веером расходился снежный со склона песок. Пушин ступил на песок; послышался негромкий, но резкий скрип трущихся друг о друга очень сухих песчин. Скрип характерный — как там.

— Вова, — спросил мальчик, — а почему ты живешь один да один?

— Так надо, — отмахнулся было Пушин, но вдруг смягчился. — Видишь ли, Бато... я пишу одну книгу — а люди мешают.

— А баран почему не держишь? Тоже мешают?

— Зачем? У меня есть деньги, и я могу купить их хоть тысячу...

Они вышли на седловину; дальше дорога шла вниз по распадку и скрывалась за поворотом склона. До летника полтора километра, — пока Бато до него дойдет, пока сообщит, и пока те приедут, пройдет минут сорок. Значит, есть время...

— Бато, — сказал торопливо Пушин, — а теперь иди и быстрее. Я буду их ждать.

— До свидания, Вова! — крикнул мальчик и запрыгал по дороге.

Пушин легко взбежал на левый щербатый холм и уселся на черный камень. С холма открывалась поразительной красоты картина — вид на Приморский хребет, на Малое Море, остров Ольхон и саму Тажеранскую степь, в которой находился пушинский шор.

Первый жадный и долгий взор, торопливо брошенный на округу, вернулся к нему беспокойством и возбуждением. Тысячу раз уже созерцаемая картина мало его волновала, — но состояние котловины байкальского рифта, в которой накапливалась и вызревала буря, давило своей необычной энергией и тоской...

Он не был поэтом, чтоб фантазировать за природу, очеловечивая ее — он занимался планетами как исследователь. Сначала это была Луна, где он пробыл на станции год и три месяца, а потом Марс на прекрасных пять лет. И вот он — пенсионер в свои сорок всего-то лет. Душа не хочет смириться.

Сейчас перед ним из-под низких холмов каменистой степи расходилось в стороны напряженное тело байкальских вод; налево — щербатым клином залива Мухор вонзенное в степь, направо — широкой проталиной, полыньей уходящее к горизонту. В полынье, словно древние ящеры, стояли и поворачивались ребристые голые острова. Над всем этим туристским великолепием с запада к северу плотной ступенью тянулся массивный Приморский хребет, увенчанный чередой гольцов с облачно белыми пятнами снега. Хребет в ряде мест разрезался речными каньонами, через которые в котловину втекала скопившаяся в кедровниках на высокой равнине вода.

Пушин не просто осматривал местность, он ее осмысливал... Он видел нечеткую, волнообразную линию перегиба склона в подножье хребта, видел идущее от нее одностороннее оперенье из логов и рытвин и понимал, что это есть главные линии местности — главный байкальский разлом с примыкающими структурами. Эта линия, эта косая плоскость хранит в себе колоссальное напряжение недр; под углом уходящая под хребет, она берет на себя боковое давление со стороны Тажеранской степи и передает вверх, подгибая края платформы и поднимая хребет, так что самый тот напряженный изгиб земли уже видится невооруженным глазом. Кроме того, она сдерживает горизонтальное перемещение блоков земной коры — то самое, что приводит к раскрытию недр и созданию впадины озера.

Первичные состояния планет — вот цель исследований и исканий геоморфолога Пушина. На Земле первичные состояния не проявлены четко; они закрываются наслоениями сотен производных от них и миллионов производных от производных. Землянин не видит Земли.

Первичные состояния планеты — это не миф, это двигатель всего сущего в неживой и живой природе. Тектонические танцы планет удивительны; они грациозны, ритмичны и созидательны. Безжизненные и угрюмые каменистые пустыни вдруг начинают взламываться, как заглохшие льды, появляются трещины и торосы, впадины и обрывы. Выступают подземные воды — и расцветают сады.

Теперь уже нет сомнения, что в недрах планет создаются сложнейшие формы энергии — закрученные в клубки и петли поля, которые могут длительно сохраняться и активно перемещаться в пространстве. Названные алтонами, эти образования, как оказалось, прекрасно эволюционируют. Уже на сегодня их видов насчитывается более трех десятков, и появляются новые.

Пушин впервые увидел их на Луне. Это были совсем примитивные электрические заряды, похожие на шаровые молнии, только с длинными волосами из пыли. Они возникали из мелких лавин, когда скопившиеся пески срывались со склонов метеоритных кратеров. Все это действие сопровождалось искрами, фейерверками. Светящиеся заряды долго еще кружили в округе, как потревоженные вороны.

Более сложные из алтонов на свет появлялись из тектонических трещин и часто в связи с возрастающим напряжением недр — в моменты землетрясений. Но это уже на Марсе. Луна тектонически неактивна. Марс еще продолжает дышать, кое-где с трудом раскалывая кору.

Жизнь на Марсе была и осталась, но заглохла, уснула, спряталась в дальние щели только лишь потому, что устала тектоника этой планеты. Теперь-то мы знаем, что жизнь зарождается в недрах планет, в тех ее зонах, где сдавливаются и мнутся блоки коры. Там при огромных давлениях и температурах в термоядерном синтезе появляется животворящий бульон: эти зародыши жизни — метаногидраты, скрученные в спирали, как семя самцов, они вбрасываются в расселины рифта.

Пушин смотрел на лежащую перед ним котловину; ему виделись признаки боли и беспоконья байкальского рифта. При той сухости воздуха появилась испарина, потная дымка над трещинами под хребтом. Студнеобразное колебание и дрожание воздуха по-над степью уже накрывалось низкими облаками, которые плотно подтягивались с той стороны хребта и теперь кое-где проглядывали на седловинах между гольцами. Но главное — солнечный свет, пересекающий над водами котловину и упавший на скалы... цвет его (самый чуткий индикатор первичного состояния) изменился с белого на желтый с фиолетовыми оттенками.

Пушин знал, что сейчас в котловине давление воздуха падало, отступало, а там наверху за хребтом росло и накапливалось. Поднятое крыло платформы готовилось к нападению (ведь его сейчас прижимало все возрастающее давление атмосферы), а опущенное — к защите (оно срочно сбрасывало давление). В результате такой борьбы, где-то в недрах одним крылом отвоюется миллиметр или два из назначенного пути, другим же крылом — миллиметр или два уступлен. Поверхность будет отдана буре. И очень скоро.

2

Приехали трое: толстый и добродушный глава бурятской общины Чимит Николаевич, молодой агроном Намжил и их молчаливый водитель, который не покинул машины. Пушин пригласил гостей в дом и усадил за стол. Гости были навеселе, но рассуждали здраво, и потому хозяин вступил с ними в переговоры. Агроном разложил на столе подробную карту местности и, показывая по карте рукой, давал пояснения:

— Община планирует заниматься посадками окультуренной панцерии...

— Создаем совместное бурятско-французское предприятие, — перебил его глава, платком вытирая лоб. Он задыхался, страдал от отсутствия пива и присутствия духоты. Махнул агроному — продолжай.

— Да! По французской технологии... Вы, уважаемый Владимир Васильевич, что-либо слышали о панцерии?

— Нет.

— Но! Что вы! — неподражаемо удивился глава.

— Панцерия, — пояснял агроном, — ценнейшее лекарственное растение, лучшее средство при миокардиодистрофии и атеросклерозе.

— От головы, — постучал себя по этому месту глава, — от давления, как это?

— Гипертонии. Но самое основное — в нашей местности лучшие в мире условия произрастания этой культуры: засуха, солнце, солончаки.

— Продукция — только на экспорт.

Пушин усмехнулся:

— Слава богу! У общины много земли — сажайте.

— Э, нет! Однако, тут штука серьезная.

— Предлагаемый проект предполагает внедрение абсолютно автоматизированной плантации с оборудованием и механизмами французской фирмы, — как ее, черт?

— Натали — плюс...

— Блюз!

Пушин улыбнулся:

— В прошлый раз вы собирались сажать декоративную сосну...

— Э, с теми не получилось.

— Но с этими получится.

— И что вам от меня нужно?

— Два и четыре га вот отсюда, но мы вам два и четыре га вот оттуда. И все!

— А какая разница, сажать здесь или там?

— Разница великая. Как мы сказали, плантация будет автоматическая; механизмы имеют определенный радиус действия, а поскольку местность у нас неровная, радиус этот не вписывается у нас, но вот здесь на границе как раз такой случай. Соглашайтесь!

— Нет! — ответил с улыбкой Пушин.

— Как! — искренне удивились гости. — Идея не нравится?

— Идея прекрасная. Но — не могу. Если французские механизмы зайдут на мою территорию, то они будут мне видны из окна. А я не люблю французские механизмы.

— Они же такие низенькие... тележки.

— Тем хуже. Видеть их не могу!

— А мы забор поставим.

— Заборы я вообще не терплю.

— Что делать? Уважаемый...

— Нет!

— Но земля-то у вас бурятская...

— Землю я выкупил, заплатив немалые деньги, да еще и с условием — после смерти она возвращается вам.

— Однако, вы еще молоды...

— Послушайте! В вашем владении вся Тажеранская степь — сто тысяч гектаров! А вы почему-то все время крутитесь вокруг моих двадцати. Пора бы и честь знать!

— Не надо горячиться...

— Мы ведь пришли посоветоваться.

— Мы даже думали, что вы поддержите наш проект... Хотя бы финансами.

— Вот мой совет — ищите другое место.

Гости многозначительно замолчали, осматривая жилище. Домик оригинальный. С внешней стороны он выглядел, как светло-серый шар, усеченный в верхней части двумя плоскостями: туда были вставлены панели солнечных батарей. На самой маковке склоненная набок белела сферическая антенна. Два окна — одно небольшое и круглое на потолке, а другое огромное — в треть стены — были из цельного выпуклого стекла. Изнутри жилище выглядело вполне современно. В центре под куполом стояло вращающееся кресло, над которым висел раструб кондиционера. Вдоль стены расположены два дисплея: один от компьютера, другой — приличных размеров «комби» — TV, телефон, проектор... Рядом несколько этажерок с книгами и бумагами, письменный стол. Над столом небольшая картина — тревожный пейзаж...

На стене полукругом висело огромное фотомонтажное изображение панорамы Марса — вид верховий Олимпик-Рива: красно-бурые, желтые, черные, ярко-белые пятна и полосы на изломанной, скошенной, заметенной песком поверхности под пепельно-серым небом. На монтаже хорошо просматривались детали местности, как если бы они наблюдались прямо от ног смотрящего.

— Хорошая фотография! — похвалил агроном.

— Похоже на Тажеран, — заметил глава общины.

— Значит, вы там и стояли? Там ваша была экспедиция? — спросил агроном хозяина.

— Было дело, — сухо ответил тот.

— Понятно. Значит, вы поселились у нас, чтобы похоже?

— Да.

— По Марсу скучаете?

Хозяин не ответил, а стал безучастно смотреть в окно, всем видом показывая, что разговор окончен. Гости однако ж не чувствовали себя неловко; ходили по жилищу, совали носы во все щели, трогали приборы и инструменты. Отказ на их предложение их совсем не расстроил; они уже как-то о нем забыли.

— Интересный барометр, — заметил агроном. — Деления какие-то не такие... Это барометр?

— Барометр.

— Он тоже оттуда?

— Оттуда.

— Странно разградуирован. Не в миллиметрах ртутного столба.

— Шкала марсианская.

— А! — уважительно протянули гости.

— Давление падает, — сказал Пушкин. — Скоро поднимется ветер. Очень сильный.

— А мы знаем. Штормовое предупреждение по радио было.

— Будет Сарма, — уверенно и довольно произнес глава. — Сарма — дурной ветер. Ломает всё. Култук — тепло приносит и влагу. Баргузин — омуля пригоняет. Култук — хорош. Баргузин — хорош. Один Сарма — шибко худой ветер. Но у нас есть мысль — использовать Сарму. Понаставим на всех холмах ветряки... Как вы смотрите, уважаемый, на это?

Пушкин усмехнулся:

— Как воробей с карликовой сосны на поля окультуренной панцерии.

3

Перед тем как идти на встречу с Сармой, Пушкин в тазике на руках постирал рубашку и полотенце и вывесил их на репшнуре перед входом в жилище, укрепив предварительно дюжиной крепких прищепок. Это было совсем непрактично, так как будет, конечно, пыль, и вся стирка его насмарку.

В половине пятого он, облаченный в серебристого цвета комбинезон, с металлической сумкой, где были уложены теле- и фотокамеры, магнитофон и другие нужные наблюдателю вещи, взошел на тот самый холм, где уже побывал сегодня после проводов мальчика. Оставив сумку в каменной нише у основания останца, он с сильным морским биноклем улегся на камень и стал внимательно всматриваться в местность.

Буря уже созрела и перезрела. Пушкин увидел, как клык сарминского устья обдало коричневым низким облачком, вытянутым к поселку («как пушечный выстрел» — подумал он). Море тотчас покрылось гусиной рябью; в двух или трех местах эту рябь расчертили дугообразно первые вихри... Свет в основании склона погас, легкая дымка — испарина — улетучилась. Все — и в камнях, и в деревьях, и на воде, — как бы покрылось прозрачной пленкой с оттенком хаки. Небо стремительно замещало все свои голубые фильтры на серые с фиолетовым. И по всей окантовке рифта рассыпался объемный шелест высокого суховея.

Пушкин увидел в бинокль, как далеко впереди в поселке взлетели на воздух листы фанеры и шифера, доски, растения, пыль... У него на глазах от крайней усадьбы ветром вырвало туалетную будку, и она легко покатила вдоль улицы, обо что-то ударила и уже полетела дальше в виде отдельных досок. Следом по вихрю, ближе к воде, вдруг подняло на воздух две лодки: одна непривязанная, — часто вращаясь во всех плоскостях, запрыгала по камням и упрыгала в море; другая, прикованная на цепь, взлетала и билась о землю. Облако черной непроницаемой пыли накрыло поселок.

Пушкин облизнул сухие губы; надвигалось что-то ужасное. Прямо под ним, может, в нескольких сотнях метров уже раздувался ветер, но удивительно — здесь, у камня, ни дуновения...

Он вынул из сумки компактный магнитофон с глухими наушниками и с длинным, устроенным как ружье трубчатым микрофоном направленного действия и сканером и фоторужьем. Настроив аппаратуру, он стал прослушивать местность, ведя микрофоном слева направо и от себя вдаль, вплоть до вершины Приморского хребта.

Голос бури в наушниках, пропущенный через сенсорное устройство, вовсе не походил на тот гул, что стоял вокруг. Звуки в наушниках были отрывистыми, похожими на щелчки или

скрипы, временами переходящие в шелест воды или легкие вздохи. Пушин легко ориентировался в их многозвучии — на слух отсекал пограничную область бури, крыло, основные потоки вихрей и — главное — штормовое ядро, которое всегда являлось предметом его охоты.

Ядром или глазом бури принято называть ту небольшую часть вихревого пространства, в которой равнодействующая потоков как бы равна нулю (слишком простое и ничего не значащее определение). Но движение самого ядра в расширяющемся объеме бури (и это уже установлено) подчиняется некоей логике, носит отнюдь не случайный характер. Эллипсоидное, в форме диска, ядро может принимать размеры от километров до десятков метров. При этом оно способно перемещаться по вихревому пространству в любом направлении и с любой скоростью. Иногда это дисковое ядро, уменьшенное до размеров автомобиля, можно заметить глазом — по виду напоминает мыльный пузырь. На границах ядра из-за резкого перепада давлений происходит мгновенное выпадение мельчайших капелек влаги; они-то и создают блестящую оболочку.

Буря добралась и до Пушинского холма; увлеченный работой, он не почувствовал ветра, и обратил на него внимание лишь после того, как увесистые песчины больно ударили по рукам и щеке. Привычным движением Пушин накрыл лицо капюшоном, надел перчатки. Мимо него пронеслись и улетали в небо мотки растения перекасти-поле. Он вспомнил забавное изречение бурят:

— Однако живем, пока ветер без камней.

Минут через десять после начала осмотра Пушин нашел ядро — а это явилось большой удачей, тем более что ядро на сей раз было небольшого размера — около трех сотен метров и быстро перемещалось вдоль основания склона. Нажатием рычажка на конце объектива Пушин поставил фильтр, отсекавший ту часть спектра, что выше оранжевого, и увидел ядро на зеркальце фотокамеры.

— Фигура один! — произнес он в микрофон и тут же спустил курок фоторужья. Все остальные данные (время снимка, записи микрофона, спектральные характеристики объекта, углы к горизонту, углы дальномера, азимутальные, засечки по габаритам и проч.) автоматика зафиксировала сама.

Секунд через пять, проследив за движением ядра и поймав его в перекрестье нитей, Пушин сказал в микрофон:

— Фигура два! Ускорение... — И снова сфотографировал.

В поведении ядра сразу же обнаружилась отчетливая закономерность: оно, словно посаженная на цепь собачонка, перемещалось вдоль основания Приморского хребта, иногда поднимаясь на километровую высоту, иногда выдвигаясь к самому озеру и опускаясь на воду. Размеры его не претерпевали существенных изменений. Пушин слышал в наушниках «позывные ядра» — глухие продолжительные удары, чем-то напоминающие биения сердца в трубе стетоскопа. Частота ударов зависела лишь от размеров ядра и, по-видимому, совпадала с собственной резонансной его частотой. Уже установлено, что так называемый «убивающий голос бури», со смертельной для человека частотой ударов 10-16 герц, вызывается также ядром с размерами приблизительно в тридцать метров. Но такие ядра встречаются крайне редко.

А между тем ветер у устья Сармы достиг ураганной силы. На берегу залива Мухор из скалистых гребней вырывало даже видавшие виды прочнейшие лиственницы; их исковерканные тела катало по каменистым склонам. На заимке, недалеко от поселка, от молнии загорелась ферма, и яркий, трепещущий шлейф огня протянулся горизонтально до самого моря, где рвался на клочья и, поднимаясь вверх, скручивался в спираль. Воды моря покрылись белой кипящей пеной. По отдельным логам с хребта в котловину уже стекали грузные языки фиолетовых туч, под которыми вспыхивали короткие молнии. Жители поселка сидели в подвалах и переживали не лучшие часы своей жизни.

Пушин совсем не сочувствовал жителям (ведь и он здесь такой же житель) — он пребывал в состоянии возбужденном, поскольку сейчас в этом опыте вышел на финишную прямую к «моменту истины». В принципе, то, что он наблюдал сейчас и фиксировал — все не новость, но впереди обещалось новое. Ведь чем-то все это должно было разрешиться. Он, конечно, предполагал... Но нужны доказательства. Безупречные доказательства; недаром ведь он уже третий год прозябает в этой каменной дыре.

Ядро бури снизилось до земли и медленно перемещалось вдоль линии передового разлома; «позывные» сигналы усилились. Неожиданно Пушкин услышал сигналы ответные, — более приглушенные, низкие по тону. Чувствовалось, что отвечающий объект больших размеров и много мощнее по энергетике.

Сначала ему подумалось, что, может быть, это второе ядро, которого он не заметил, но, пошарив микрофоном по котловине, нечего похожего не обнаружил. Тогда он резонно предположил, что объект такой мог быть спрятан где-нибудь под землей — что и было тут же подтверждено замерами.

В какой-то момент ядро бури остановилось, зависло у самой поверхности склона и стало уменьшаться в размерах. Свечение его на зеркальце фотокамеры усилилось. Оторвавшись от окуляра, Пушкин уже невооруженным глазом увидел белеющее пятно на той стороне залива. Даже отсюда, даже в такую бурю Пушкин мог наблюдать, как бьются и содрогаются недра земли.

Сразу две молнии от земли ударили по ядру, вызвав пульсирующее свечение диска.

Не помня себя, Пушкин снимал и снимал на пленку редкостное явление природы. Молнии, как горох, сыпались в ядро со всех сторон, начиняя крохотное пространство размером не более полусотни метров огромной своей энергией. И это действие не прекращалось в течение получаса. Когда же молнии истощились, и буря пошла на убыль — на месте ядра находился ртутного цвета диск — классическая «тарелка», в том виде как ее подают журналы, охочие до сенсаций.

«Тарелка» дважды прошла вдоль побережья, непрерывно переговариваясь с невидимым объектом, спрятанным в глубинах земли, и затем, очень быстро поднявшись на высоту четырех километров, ушла в сторону заходящего солнца.

4

Картина, висевшая над рабочим столом, называлась — «Ягат. Долгий день». Художник Сергей Григорьев. Незатейливый, как будто простой пейзаж (такой пейзаж обычно и наблюдает житель какой-нибудь старой деревни из своего окна) — поросшее сорными травами поле, за полем плотный подлесок, неровной линией надвинувшийся на поле и далее — перетекающий в плотный, размытый пасмурной тенью лес. Картина написана маслом в манере психологического реализма. Цвета в ней преобладали зеленовато-серые, сизые, коричневые. Пушкин, наслышанный в свое время об авторе, приобрел картину на аукционе, когда художественный музей Иркутска распродал запасники. Картина казалась ему бесконечной по содержанию. Он любил смотреть на нее, любил отпускать себя в ее сложное состояние.

На картине как бы сходились в точке неясного равновесия все возможные состояния дня — все в ней дышало предощущением и послесловием; день на ней был то ли пасмурным, но с вот-вот подходящим солнцем, то ли в начале того сгущения облаков, что приводит к дождю. В нечетких тенях и пятнах света виделись близкие сумерки и одновременно — отсветы позднего утра. Ветра на близких планах не чувствовалось — наоборот, была какая-то дрема, оцепенение. Зато на дальних вершинах леса уже, казалось, воздушные массы пришли в движение.

Осень, весна и лето в равной степени без упрека ложились на весь пейзаж. Вернее, для данного состояния картины признаки времен года не значили ничего. Значение имело одно небольшое темное углубление в линии наступающего подлеска, где кусты словно смещались и обходили что-то. Туда вполне могла уходить дорога или тропа, хотя ясно оно не показано. Вот это неясное, не очерченное конкретным место было центральным в картине. Такие места замечаются не сознанием, а инстинктом — как если бы человек реально шел по данному полю и заходил в заросли, его бы невольно потянуло к себе то темное углубление. От этого места в картине словно бы шли тепловые круги, словно бы шло дыхание, словно бы кто-то очень тебе знакомый недавно туда ушел, а ты все держишь на месте взгляд... Или ты в ожидании; за этим пятном уже ткется в реальную форму и готовится к выходу дорожное тебе существо.

Странная власть пейзажей — брать к себе и уводить уставшую, отяжелевшую душу зрителя от видимого к невидимому, скрытому за полотнами и потом возвращать ее облегченную, полную ожиданий.

— «Или разочарований!» — подытожил свои рассуждения Пушкин. Обессиленный, полусонный, сидел он в крутящемся кресле посреди своего жилища. За окном уже поздний вечер. После бури на всем жилище лежал слой пыли; от окна и двери по полу протягивались бороздки наметенного в дом песка. Но Пушкин не приступал к уборке — ему даже нравилась заметенность жилища, с которым пришла пора расстаться. Здесь будет со временем не жилище, а пепелище — а развитие пепелищ на земле, может, — самый богатый процесс в плане мыслей и состояний...

Свершилось. Он получил все то, за чем так долго охотился. Информация, добытая сегодня, уникальна. С ее получением он обеспечил себе безбедное существование до конца своих дней. Конечно, еще предстоит работа по расшифровке замеров и съемок, еще предстоит кропотливый анализ, но главное уже сделано! Информация — вот она! И она дорогого стоит. Он продаст ее, но не сразу, а по кусочкам. И за хорошие деньги. За очень хорошие деньги!

Вот она, эта тема структурированных полей... подвижных кристаллов электромагнитных волн. Они существуют как бестелесные, но устойчивые и могущественные фантомы. Они быстро эволюционируют, и, кажется, даже с признаками сознания. В первый раз он их встретил ТАМ.

Пушкин держал на ладони рюмку с водкой. Водка горчила и сластила одновременно. Странно, но «вкуса победы» не чувствовалось. Была лишь усталость, опустошенность. И он это хорошо понимал. Понимал он еще и то, что запас его личных желаний иссяк, и все, что могло еще ожидать его в жизни — не более как повторение пройденного. Чуть в лучшем или чуть в худшем вариантах.

Но главного — той первой встречи, того общения с марсианским фантомом — ему уже не повторить.

Он вставил в приемник флэш-карту и с брелоком дистанционного управления уселся в кресло. Включился большой экран: на экране выступили и потекли пейзажи марсианской поверхности... В каменистой пустыне серые останцы породы, песчаные вдоль останцов наносы, струйки тончайшей пыли, стекающие в красные желоба. Медное, морщинистое лицо усталой планеты. Пепельное, выгоревшее и в чем-то мудрое.

Он был в той самой рубашке, которую постирал перед бурей, теперь пропыленной и жесткой. Одна из его причуд... На Марсе они сушили рубашки, вывешивая на внешнем фасаде станции. Рубашки потом источали неповторимый запах чужой планеты. Надевать на себя их вечером перед сном было тогда развлечением; хорошо засыпать в ароматах сухих марсианских пустынь, в этих нежных возгонах солей и оксидов.

Пушкин поднес рукав рубашки к лицу и внюхался. Рубашка пропахла пылью, хорошей вроде бы пылью, но он-то чувствовал — нет! не то!

Не было повторения... не было даже обмана! Он ничего-ничего не вернул себе, несмотря на такие усилия. Марс — это Марс, а Земля — Земля.

Там пески...

Они движутся, перетекают, просачиваются, сливаются и расходятся — огибают каменные упоры, задерживаются за ними и снова текут, текут...

МИХАИЛ ШЕПЕЛЬ

ПРИХОЖАНКА ХРАМА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Мои воспоминания о Нине Сергеевне Кашиной связаны с нашей юностью. Мне было 17–18 лет, когда я познакомился с Ниной. Это было в творческом объединении «Парус» при газете Авиазавода во Втором Иркутске. Люба Сухаревская, Валя Сидоренко и Нина Кашина дружили. Это была творческая дружба. Они писали стихи, и эти стихи печатались в многотиражке Иркутского авиационного завода. Они же приобщили меня, 17-летнего юнца, к мировой художественной культуре.

От них пришла любовь к творческому наследию Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Тарковского, к мировой классической музыке, живописи, театру, кино, архитектуре. Люба открывала мне поэзию Ходасевича, Тарковского, Бродского, музыку Моцарта. Валентина приобщила к поэзии Николая Рубцова, Ксении Некрасовой, Ольги Фокиной. А Нина Кашина познакомила меня с творчеством Мандельштама и Давида Самойлова.

В это же время в «Парусе» собирались поэты Геннадий Гайда, Татьяна Суровцева, Владимир Скиф, Борис Архипкин, Василий Козлов. На тот момент Нина Кашина среди всех выделялась особым аристократизмом и присущим ей безукоризненным вкусом. Она была законодательницей мод на филологическом факультете Иркутского госуниверситета. А о том, как она пела — особый разговор: её переложение на музыку стихов Цветаевой «Милые путники, делившие с нами ночлег» — оставило неизгладимое впечатление в моей жизни. Стихи Дельвига она положила на собственную мелодию и пела их так, что и это было для меня потрясением.

В то же примерно время Валя Сидоренко, Нина Кашина и Люба Сухаревская в Авиазаводском клубе «Альбатрос» устроили вечер поэзии Ахматовой и Цветаевой, на котором присутствовали известные в те годы поэты Сергей Иоффе и Елена Жилкина, с ними был на вечере литературовед Евгений Раппопорт. У меня сохранилось фото этого вечера, где все сидят за столом, при свечах, с огромными портретами Ахматовой и Цветаевой на стене. Вечер, пронизанный поэзией и музыкой, где Нина Кашина вела свою партию, «партию виолончели» — у неё был низкий грудной голос...

Потом меня призвали в армию. Когда я вернулся, узнал, что Нина вышла замуж, родила трех дочерей. Мы все разлетелись по жизни кто куда... Встретил я её уже где-то в начале 90-х годов. Нина прошла очень сложный духовный путь. В это время у неё установилась крепкая связь с «Литературным Иркутском» — выдающейся православной газетой, редактором которой была Валентина Сидоренко.

По духовной мощной Христианской направленности газета была одной из лучших в России и даже стала известна за её пределами во многих зарубежных странах. Валентина Сидоренко и Нина Кашина сохранили дружбу. В это непростое время Нина стала прихожанкой Храма Архангела Михаила, где настоятелем состоит протоиерей Каллиник Подлосинский. Воцерковлялась Нина (по её словам) вместе с Михаилом Дидиковым (будущим иереем Михаилом — настоятелем Храма Казанской Божьей Матери в селе Смоленщина) и зарабатывала на жизнь тем, что от Храма продавала православную литературу, иконочки, лампадки и крестики. Внешне Нина выглядела очень просто: скромная одежда, платок на голове, на лице печать терпения. И когда она продавала церковную утварь, книги, люди собирались вокруг неё, и о каждом Святом покровителе она могла долго рассказывать. Я думаю, через неё, Нину, Господь открыл многим путь к Спасению.

Нина была прекрасной матерью и бабушкой и воцерковила своих детей и внуков. Она служила людям и творила милость. А что может быть выше этого?

Стихи она не переставала писать, может быть, их было не так много... За год до смерти Нина читала мне по телефону стихи, посвященные преподобному Серафиму Саровскому, иркутскому поэту Борису Архипкину. Она много раз с «Православной лавкой» ездила на Аршан, на 47 км Байкальского тракта, это была её работа, и я всегда говорил ей: «Нина, записывай стихи в поездках». Но, к сожалению, она относилась к этому без должного внимания.

В 2006 году Нина Кашина помогала Валентине Сидоренко готовить к изданию книгу о первосвятителе Иркутском Иннокентии Кульчицком. Она выполняла корректорскую работу.

13 апреля 2008 года Нины Кашиной не стало, она умерла внезапно. Для нас, друзей и близких, это невосполнимая утрата. Отпевали её в Храме Архангела Михаила, где она служила.

12 августа 2008 года ей исполнилось бы 60 лет.

13 апреля 2013 года — день памяти Нины Сергеевны Кашиной. Светлая ей Память!

НИНА КАШИНА

И УЛИЦА ПУСТЫННАЯ ЧИСТА ...

* * *

Я знаю, в памяти моей
Останется, останется
Нелепый смех чужих людей
На незнакомой станции.

Страницей незабвенных дней
Когда-нибудь откроется

Шептанье чутких площадей
И фонарей бессонница.

Остановившийся на час
В том безымянном городе,
Тепло ночное поезд спас
Для будущего холода.

КАШИНА Нина Сергеевна (1948, Иркутск — 2008, Иркутск). Закончила филологический факультет Иркутского государственного университета. Печаталась в газетах «Советская молодёжь», «Восточно-Сибирская правда», альманахе «Ангара».

* * *

Мне ль людские плети Страшны за тобой. Я одна в ответе — Хоть денек, да мой.	За тебя я сдуру Голову в огонь. Не жалею, мой хмурый, Злой мой, дорогой.
---	---

Мороком, туманом Страх заворожу. За тебя, как спьяну, Жизнь не пощажу.	Не жалею, не надо Горькой доброты. Боль моя, отрада. Хоть чужой, да ты.
---	--

* * *

Ранние листья под серым дождём.
Странно-жёлтый цвет — уже осень.
Сморщенная бабка говорит: — Пять дён,
Как по лесу старого леший носит.

В самовар очищенный бросает орех,
Ставит красный ковш браги белой.
— Нам сегодня, девка, и выпить не грех.
Вон сколь делов мы успели сделать!

И сидим, рукой подпершись,
Песню заведем да поем песню.
— Расскажи мне, бабка, про старую жизнь,
Как жилось вам тут на глухом месте?

— Да чего рассказывать, жили вот,
Строили свой дом, огород городили,
— Брось про огород, расскажи, хоровод
Весело в лугах по весне водили?

Или лучше песню старую спой.
Грустную, веселую — песню любую.
Песню, что ты певала совсем молодой.
Может, не понять мне песню такую?

— Что, коль охота. Слушай, спою.
Бабка еще песне меня той научила.
И запела старая про боль про мою,
Про печаль-беду, что со мной приключилась.

БОРИСУ АРХИПКИНУ

Ты прости меня, друг старинный,
Вдруг напомнивший о себе.
С головою иду повинной,
С горькой думою о тебе.

О судьбине твоей несладкой,
Было с ней тебе каково?
Возвращайся, мой бедный братка,
Не от мира ты был сего.

Возвращайся к родному свету,
Всё оставив и всё простив.
Покидаешь ты землю эту,
Никого здесь не осудив.

Ты, отмеченный смертным знаком,
Дознаваться уже не стал,
Сколько светлый твой Ангел плакал,
Сколько чёрный твой хохотал.

Горькой памятью о злодеях
Больше сердце своё не рань,
О друзьях твоих-лиходеях,
С простоты твоей бравших дань.

Всё оставь здесь: восторг и муку,
Поднимайся без страха ввысь.
Протянул тебе сверху руку
Светлый мученик, князь Борис.

* * *

Слушай, милый, тебе песенку спою
Ошибаешься, нисколько не люблю.

Ты не мучайся, какая тут вина?
Мы потом еще расплатимся сполна.

От сложенья — получилось по нулю,
Ты не радуешься, а я не скорблю.

Пострадаем, когда в деле будет толк.
Покидаем что за горе, сердце — щёлк!

Баю-баюшки, мой милый. Спи один.
Что за разница. Не раб, не господин.

На замочек, ключик ржавенький в карман.
Ты не очень, это даже не обман.

Что за разница — с другой или со мной?
Ты не мучься непрощенною виной.

За обманы разочтёшься ты с другой.
Хорошо, что мы не рядом, дорогой.

* * *

Тебя любила, комнату твою,
Где окна, выходящие на север,
Бывали золотыми в день осенний,
Серебряными — ближе к январю.

Читали, словно с нотного листа,
Тишайшие аккорды снегопада.
И снег был белый, ты со мною рядом,
И улица пустынная чиста...

* * *

Чуть незаконченно, чуть неопределённо
Повел рукой, презрев убийственное «Нет».
Он до сих пор там, под белою колонной,
В незавершённости застывший силуэт.

А я, растерянная, не могла осмыслить,
Что жест единственный, — и ты уже не мой.
Как будто дерево роняет тихо листья,
Не понимая, что так велено зимой.

Ран затянувшихся не мне решать секреты.
Я не хожу уже дорогою другой.
Но мне мороз по коже видеть площадь эту,
Где ты стоишь с чуть-чуть приподнятой рукой.

Так стой же там и не кляни его свободу,
Ты за него же не можешь попросить.
Простив теперь, когда зима зиме в угоду,
Я лишь позволю тебе руку опустить.

* * *

А самое страшное бывает тогда,
Когда те,
у кого ты участия просишь,
Собрать свои слезы.
Что слезы — вода!
Собрав твою боль,
на продажу выносят.

Потом в глаза глядеть
тебе будут преданно,
Рукою дружеской обнимать
И выведывать ласково,
всех ли предали,
Всё ли продали,
и что еще можно продать?

* * *

Я сама устаю
своего несожжённого сердца
Слышать зов,
этот нервный, неистовый зов!
Заглушая рассудок,
звения нарастающим скерцо,
В моих жилах несётся
горячая юная кровь.

Это голос любви,
это сладкие первые звуки,
Это первая женщина
взгляд поднимает во мне.
Как ей жить? От какой
ей заплакать разлуки?
Иль от встречи какой
на огромной и тесной земле!

Я горячею кровью
сквозь белую тонкую кожу
Обожгу тебя пламенной
жертвою на алтаре.
Ты другой не найдешь,
на меня хоть немного похожей.
Я одна в этом мире,
одна для тебя на заре.

С удивленьем отдёрнешь
свою обожжённую руку,
С удивлённой улыбкой
неробко помотришь мне вслед
И рванёшься за мною,
неведомой мучаясь мукой.
Будешь вечно искать
мой светящийся, тающий след.

НЕЗАКОНЧЕННЫЕ

1

Как равномерно и печально
Прозрачной лодки силуэт
О доски старого причала
Стучит, чуть слышно. Больше нет
Ни звука лишнего, ни краски,
Лишь синева и седина
И отголоски слов опасных
Припомнились. Рассвет. Одна.

2

Зеркала, зеркала, зеркала...
В них кривые и странные лица.
Я хочу, я бы рада была
С отраженьем своим породниться.
Зеркала — вы мудрей мудрецов.
В вас понятны, доступны движенья.
Но зачем же чужое лицо
Совершает пробел отраженья?

3

Когда пронзило озаренье,
О, Сольвейг, светлая моя!
Все было поздно, день творенья
Стал первым днем небытия.
Когда я благодарен снегу,
Хранил пушинки в волосах,
Ты мыслила о дне побега
И не предвидела мой страх.
Давно, измученная страхом,
Себя не видела уже,
Ты, озабоченная крахом,
Великой Веры в злой душе.

4

Анатолию Леонтьеву

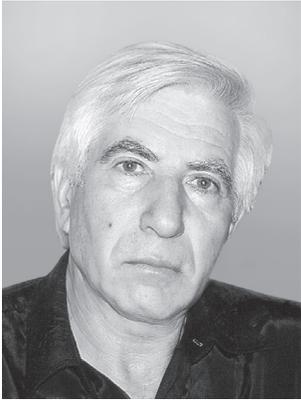
Разлад в благородном собранье,
По той ли стезе мы идем?
Согласие иль отрицанье,
Но каждый твердил о своем.

И в эту тяжелую пору,
Навек разуверившись в нас,
Уехал в неведомый город
Единственный, кто не предаст.

Да слышит имеющий уши,
Да ведает зрячий о нас.
В погибших безвременно душах
Гремел одиночества час.

5

По следочкам
Идут Серафимовы дочки...

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ — СОЮЗ СИЛЬНЫХ ДУХОМ ЛЮДЕЙ

*ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКОГО
РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ,
ПОЭТА ВАСИЛИЯ ЗАБЕЛЛО КОРРЕСПОНДЕНТУ ЖУРНАЛА «СИБИРЬ»*

А. Донских. *Василий Константинович, вы уже два года возглавляете одну из самых сильных писательских организаций России — Иркутскую региональную. Скажите пожалуйста, чем были наполнены эти годы? Что удалось, а о чём приходится всё ещё мечтать?*

В. Забелло.

Я человек с периферии, в Доме литераторов появлялся редко, по необходимости, и многое для меня было закрыто и непонятно. Секретаря в нашем региональном отделении нет, бухгалтера — нет, архивариуса — нет. Отчетные дела были невообразимо запущены. А тут ещё от Министерства юстиции свалилась проверка за три года. Не отмахнёшься. Но, как говорится, назвался груздём — полезай в кузов. Думал, в компьютерный век от бумаг освободились, а их — ещё больше стало. Чуть ли не каждую неделю от контролирующих органов приходили конверты с красными печатями. Бесконечные требования, судебные решения, штрафы. Еле разгрёб. Как-то в очередной раз вызвали в налоговую инспекцию, я не выдержал и спросил:

— Знаете, как вас в народе величают?

— Как?

— Козлодёрка.

Засмеялись, но штраф выписали по минимуму.

Что же касается работы чисто творческой, то и она в запущении. Многие традиции утрачены, необходимо возрождать. Это и порядок обсуждения рукописей, и учёба молодых авторов, и «круглые столы», и презентации новых книг, конференции, общественные выступления, командировки по области, юбилеи писателей, совместная работа со школами и библиотеками и т.д.

Конечно, наша организация — одна из самых сильных в России. В ней состоят писатели, чьё творчество давно и заслуженно влилось в общечеловеческую культу-

ру и стало её неотъемлемой частью. Разве можно представить мировую литературу без Валентина Распутина, Александра Вампилова, а нашу русскую сибирскую без таких ярких имён, как Алексей Зверев, Глеб Пакулов, Евгений Суворов, Валентина Сидоренко, Альберт Гурулёв, Анатолий Горбунов, Анатолий Байбородин, Владимир Скиф, Татьяна Суровцева и многих, многих других, чьё творчество пронизано искренней любовью к большой и малой Родине и приближает к Творцу. Но беда нашего времени в том, что среди молодёжи утрачивается тяга к душеполезному чтению и духовному развитию. Заметно упал интерес к истории государства Российского. Новоявленные учёные мужи стараются показать через различные программы нашу историю в искажённом, оболганном виде. Захлестнуло обезьянство, живём с оглядкой на Запад, на Америку. Подавай шоу, фестивали, карнавалы, — сплошная развлекаловка, душа не трудится.

Пока писатели пишут, опираясь на здоровое историческое самосознание коренных народов, «мудрецы» просвещения делают всё для того, чтобы отроки этих народов читать разучились. И у них это хорошо получается. Не верите? Спросите библиотекарей, учителей! Читают в основном ту литературную продукцию, которая живёт пошлостью и страстями. Вдобавок на молодые мозги давит шансон, призывая к нездоровой романтике. Так что есть о чём призадуматься.

А. Донских. *Вы были одним из инициаторов смены руководства журнала «Сибирь». Неужели столь плохи были дела в старейшем и уважаемом литературном издании Сибири и страны? Решало судьбу журнала общее собрание писательской организации, — не перегнули ли люди, как говорится, палку? Чего ожидать — революционных или эволюционных преобразований? Какой вам видится новая или обновлённая «Сибирь»?*

В. Забелло.

Инициатива смены руководства журнала «Сибирь» родилась не вдруг и не сразу. Журнал оказался в подвешенном состоянии. В последнее время он выходил четыре раза в год и после развала СССР юридического статуса не имел. Не имел он и почтового индекса, выписать журнал стало невозможным. Конкретно обозначился вопрос о финансировании журнала со стороны Министерства культуры и архивов Иркутской области. От выхода из издательства до читателя, пока распределят по библиотекам, проходило более полугода. Терялась актуальность, потому как «Дорого яичко ко Христову дню». В прошлом году я побывал в нескольких районах области, и везде меня спрашивали о журнале. В библиотеках его не было, или были номера из далёкого прошлого. Журнал — это лицо писательской организации, а лица-то как раз и не видно. Завуалировано. Наметилось «кумовство», некоторые достойные произведения прошли мимо читателя. Кто в первую голову должен был поменять ситуацию? Конечно, главный редактор. А он, видимо, придерживался теории сна, почивал на заслуженных лаврах. Без сомнения, Василий Васильевич Козлов был редактором испытанным. В тяжелые для организации и журнала времена он сумел не только удерживать падающий стяг, но и поднять его на должную художественно-просветительскую высоту. И за это ему спасибо. Что же касается преобразований, как вы выразились, революционных или эволюционных, то ни то, ни другое определение не подходит. Революция — это рёв люцифера, а эволюция, по Дарвину, имеет обезьяньи корни. В самом слове «творчество» — образ Творца суть определяющий. Святые отцы говорили так: «Если творчество не приближает к Богу, оно имеет обратный вектор». Так что мировоззрение журнала, на мой взгляд, должно определяться этим критерием. Па-

триотизм, любовь к Родине, большой и малой, историческая память, культура отношений между людьми и с природой, просвещение, нравственное здоровье, крепость духа, воспитательный почин — словом, всё то, что русская литература отображала от самых её истоков, и нашему журналу надлежит крепить и развивать.

А. Донских. *Итог литературного труда — книга. В советское время, помнится, шутили: «Писатели пописывают, читатели почитывают». А какова сейчас сибирская книга? Насколько она востребована читателями? Что-то не слышно о молодых писателях и поэтах, о новых ярких именах, которые прозвучали на всю страну. Где они, если есть, то почему в тени? Расскажите немного.*

В. Забелло.

В советское время на издание книги уходило более года, теперь издать книгу можно за месяц. В советское время был строгий редакторский отбор рукописей. Теперь отбора вне писательского Союза нет вообще. В советское время, за редким исключением, издавались талантливые произведения. Теперь — деньги есть, автор может издать хоть «крокодила». Отсюда огромный поток графоманской литературы и всякой бредятины. В советское время издательство автору за книгу, согласно договору, платило, и хорошо платило. Теперь автор платит сам и берёт на себя миссию распространения. Вот и бегают авторы, устраивая свои книги, и к нам в Союз приходят с требованием принять. Иногда создается впечатление, что писателей больше, чем читателей.

У нас в Союзе строгий порядок приёма, и отступить мы от него не имеем права. Конечно, в советское время в издательский план включали не сразу и далеко не каждого, повторюсь — был отбор, и пробиться было трудно. Если не хватает у претендента самой малости — талантишка, то —дохлый номер, обречён на околотитурное существование. И всё же, именно в советское время родилась знаменитая золотая писательская сибиряда и засветились на литературном небосклоне яркие имена. Приобретать книги сибирских авторов было престижно. Несмотря на стотысячные тиражи, книг не хватало. На подписки выстраивались очереди. Помню, как в рабочих коллективах обсуждали те или иные произведения, книги. И это были не пустые разговоры, через них зрела молодёжь, ненавязчиво воспитывалась культура слова, общения.

Книгу любили. Устное былинное слово становилось печатным, и народ нёс его в себе. Обогащался этнос. История показывает — утрачивается культура, исчезает народ. Куда подевались эллины, готы, печенег, гунны, курыкане и т.д.? Остались одни названия. Наши недруги хорошо понимают это и всячески стараются очернить, извратить русское родоначалное слово. Пройдите по Иркутску — много ли прочтёте вывесок с русскими названиями?

О спасении народа через слово убедительно говорил Лев Николаевич Гумилёв — философ-историк нашего времени. И, слава Богу, Русь на таланты неистошима. Глядишь, где-нибудь в усть-кутской глубинке блеснёт самородок, вскормленный родной землицей, и по-настоящему, широко заявит о себе. Хотя молодому автору сегодня заявить о себе сложно. Даже у солидных востребованных журналов тиражи мизерные. Скажем, уважаемый «Наш современник» выходит десятитысячным тиражом. Для страны — мизер.

Поэтому Дом литераторов по инициативе писателя и директора Юрия Баранова создаёт сайт, который будет отражать всю нашу творческую жизнь.

Настоящая литература без государственной поддержки обречена на застой и вымирание. Надо помнить, что она — часть политики и культурная опора государства. Писатели, в большинстве своём, нищие. Заплатить членский взнос 200 рублей для многих затруднительно. Было от культуры пенсионерам ничтожное вспоможение — 700 рублей в месяц. Но в 2009 году его отменили. На общее собрание, которое проводится два раза в год, братьев по перу не соберешь, особенно из дальних провинций. Всё упирается в деньги. В других областях более-менее этот вопрос разрешили, у нас же юридическая казуистика не позволяет. Скажем, в Орловской области 54 члена СП России, каждый получает по 5 000 рублей стипендии. В Кемеровской — по 3 000, в Хабаровском и Приморском краях — по 5 000. Как-то в беседе с бывшим министром культуры и архивов Иркутской области В.И. Кутищевой я спросил, может ли культура довольствоваться тем, что уже создано поэтами, прозаиками, драматургами. Вера Ивановна ответила: «Нет, не может. Необходимо движение и свежие вливания».

Странно, конечно, литература стоит во главе всей родоначальной культуры. От неё зависит и театр, и кинематограф, и эстрада, я не беру во внимание певцов-шептунов и песенки-однодневки, а главное, от неё зависит воспитание и развитие будущих поколений. Но обидно то, что писатели от властей не получают должного внимания. Наоборот, с каждым годом урезают финансирование на развитие культурно-просветительских программ. Проще проплатить какую-нибудь развлекаловку, от которой веет пошлостью и бескультурьем. Стеклашка выдаётся за яхонт!

Вот и на этот год финансирование на все программные мероприятия урезали на 10 процентов. Для сравнения возьмём журнал «Сибирь». Выход одного номера тиражом в 1300 экземпляров обходится в 300 000 рублей. Предоставили смету на шесть номеров — 1 800 000 рублей, включая сюда гонорары авторам и подписной почтовый индекс, и пропаганду, и презентации, и рассылку. И что же? Министерство выделило 900 000 рублей, это на 100 000 рублей меньше, чем в прошлом году.

Как при такой раскладке помогать продвигаться молодым талантам?

Впрочем, эту тему можно развивать долго, давайте перейдем к следующему вопросу.

А. Донских. *Как складываются взаимоотношения вашего писательского Союза и местных властей — Иркутска и Иркутской области? Помогают? А может быть, мешают, как бывало в советские времена?*

В. Забелло.

Наше Иркутское региональное отделение СП России по всем видам налогообложения имеет нулевую отчётность. Отсюда следует, что организация не коммерческая и, кроме юридического адреса, ничего не имеет. Дом литераторов, или иначе Областное автономное учреждение, находится под указующей дланью Министерства культуры и архивов Иркутской области. Формально Дом принадлежит писателям, точнее, он — для писателей, по закону же — Правительству Иркутской области. Писатели что ни день, то с требой, тем более что средний возраст организации уже за 60. Три четверти — пенсионеры. Выполнение программ под лозунгом: «Искусство — народу!», естественно, требует финансовых вложений. А их, как я уже говорил выше, всё меньше и меньше. О какой же здесь помощи может идти речь? Уже несколько лет не проводилась конференция «Молодость. Творчество. Современность». А это мероприятие — одно из основных в творческой деятельности писательской организации.

А. Донских. *Дням русской духовности и культуры «Сияние России» в нынешнем году исполняется 20 лет. Радуются иркутяне: выстоял и расцвёл наш любимый праздник! Как планируете отметить знаменательную дату? Кого хотите пригласить из столичных и региональных гостей?*

В. Забелло.

Оглядываясь назад, в середину 80-х годов, понимаешь, насколько лидеры Иркутской писательской организации оказались прозорливыми — и первыми забили тревогу о надвигающейся в стране катастрофе. Годы непримиримого государственного богоборчества сделали своё пагубное дело. В духовном развитии страна зашла в тупик. Рушился домострой — опора государства, а вместе с ним и вся советская система. Чтобы как-то противостоять этому, решили выпускать многополосную газету, которая публиковала бы душевспасительные материалы и указывала путь житейного, общественного оздоровления. Газета называлась «Литературный Иркутск», а её главным редактором стала энергичная, неугомонная, талантливая писательница Валентина Сидоренко — глубоко верующий православный человек. Газета прожила 5 лет, каждый номер был уникален и неоспорим в своём спасительном направлении. То, что «Литературный Иркутск» привлекал лучшие писательские силы и имел широкий резонанс, — факт известный. Газету заказывали даже за рубежом. Духовное направление «Литературного Иркутска» сохранилось и продолжилось в нашем празднике «Сияние России».

В этом году Праздник русской духовности и культуры отмечает своё 20-летнее шествие. Надо отдать должное тогдашнему губернатору Борису Говорину. Он охотно пошёл навстречу писателям и в годы своего правления всегда оказывал поддержку в проведении праздника. Хотелось бы и нынче провести его по-русски широко, значимо, с любовью. Это детище Валентина Григорьевича Распутина. В число приглашаемых, без сомнения, входят лучшие писатели, поэты, публицисты, политологи. Разве можно заменить «фанерой» природные голоса Евгении Смоляниновой, Татьяны Петровой, Леонида Харитоновой? Так и нашу жизнь не заменишь виртуальной химерой. Мне, например, дорога память от знакомства и общения с крупнейшим политологом, профессором МГУ Александром Панариным, с кинооператором Анатолием Заболоцким, с поэтом Николаем Дмитриевым и др. Что касается этого года, то список пока уточняется.

И вот ещё о чём необходимо сказать. Существует незыблемое правило — начинать «Сияние России» Крестным ходом и молебном на площади перед храмом Спаса Нерукотворного, где владыка митрополит Вадим напутственным словом и крестным знаменем благословляет почин. И слава Богу. Остаётся надеяться, что Правительство области с должным вниманием, как и в предыдущие годы, окажет царскую поддержку.

Спасибо, Василий Константинович, за откровенные ответы. Воистину, Союз писателей — союз сильных духом людей. Творческих вам всем успехов! Ждём ваших новых книг!

КАПИТОЛИНА КОКШЕНЕВА

ЧЕЛОВЕК С ДОГМАТОМ

*Памяти Леонида Бородина
(1938–2011)*

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

В своей биографической и публицистической книге «Без выбора» Леонид Бородин написал все, что для него было существенно важным. Рассказал, как строил свою судьбу. И как судьба распорядилась им в ответ. Книга эта — одна из важных русских книг, обучающих пониманию. Бородин показал, как и почему он сам стал русским — человеком, писателем, гражданином. Впрочем, в жизни он тоже часто проговаривал, что тот или иной человек еще «по-русски плакать не умеет», то есть еще не понимает, что такое «быть русским».

Он родился в Сибири (г. Иркутске) 14 апреля 1938 года. В 1956 г. поступил в Иркутский университет, но вскоре был арестован за участие в деятельности нелегальной студенческой группы (исключен из комсомола и университета). В 1962 г. окончил Педагогический институт в Улан-Удэ. Работал учителем и директором школы. Переехав в Ленинградскую область, начал работу над диссертацией «Философские взгляды Бердяева». В 1965 году вступил во ВСХСОН — Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа, за активную деятельность в котором был приговорен в 1968 г. к 6 годам лишения свободы в лагерях

КОКШЕНЕВА Капитолина Антоновна (1958, г. Тара). Окончила ГИТИС им. А.В. Луначарского, театроведческий факультет. Кандидат искусствоведения, доктор филологических наук. Работала в Институте Мировой литературы РАН (1992–2007), во МХАТе им. А.М. Горького (2007–2009), журнале «Москва» (1993–2012). Автор восьми книг и нескольких сот статей. В настоящее время — зам. главного редактора журнала Никиты Михалкова «СВОЙ» и зав. кафедрой журналистики Института бизнеса и политики. Член творческого Совета Всемирного Русского народного Собора. Живет в Москве.

строгoго режима. Писать начал в конце 60-х. Три первые книги опубликованы за рубежом, в издательстве «Посев»: «Повесть странного времени» (1978), «Год чуда и печали» (1981), «Третья правда» (1981).

Освободился в 1973 г., однако Леонида Бородинa «не исправили» ни мордовские лагеря, ни Владимирская тюрьма. Он печатает свои произведения за границей, но также и в отечественных самиздатских журналах «Вече», «Земля»; издает собственный журнал национального толка «Московский Сборник»; активно поддерживает «инакомыслящих», в т.ч. А.И. Солженицына, В.Н. Осипова и др. В 1982 г. вновь был арестован и вновь осужден (секретные документы КГБ настоятельно указывали на наибольшую опасность «русистов» среди других оппозиционных политтечений, а потому настойчивое внесение его в списки «правозащитников» в нынешнем либеральном понимании «прав человека», мягко говоря, — ложь!). Приговор — 10 лет лагерей особого режима со ссылкой на 5 лет. И этот срок был очень тяжелым, «был лишним», — как говорил Леонид Иванович. Если бы не освобождение в 1987 году, он, по его словам, вряд ли бы его выдержал (попросту физически не выжил).

Он честно признавался, что никогда и не мечтал, что станет главным редактором столичного журнала. И вот, с 1992 года Леонид Бородин — главный редактор журнала русской культуры «Москва». Журнал стал единственным из «толстяков», где есть раздел «Домашняя Церковь» (это было так давно, что никак не припишешь тут дань моде). Двадцать лет, которые он стоял у руля нашего журнала — это двадцать лет идеологической борьбы в самое переломное и для него всегда смутное время России. Он полагал до последнего своего дня, что Смута в России продолжается.

Бородин легко мог сделать политическую карьеру — с его-то биографией можно было запросто хоть в партию «нового типа» податься, хоть в Думу попасть, стоило лишь чуть-чуть откорректировать свои убеждения. А он, напротив, стал твердокаменным государственным (настолько твердым, что лагерная кличка «железный Бородин» иногда казалась мягкой). Все эти годы Бородин держал, безусловно, антилиберальный курс (под либерализмом здесь имеются в виду наши доморощенные образчики 90-х годов XX века), за что лично сам и все мы (сотрудники и авторы) заплатили высокую цену. В собственной стране, в государстве, которому так «безнадежно» были верны, — получили кукиш даже без масла. В «новой России» прием замалчивания и выдавливания использовался по отношению к нам со всем изощрением новейших пыток — политтехнологий. Меня всегда удивляло, что двадцать лет сыны отечества Отчеством были не востребованы. Что можно квалифицировать как бездарность и расточительность, безответственность и непродуктивность со стороны власти, желающей быть эти годы якобы «вне идеологий» и потому так неуклонно проигрывающей. По всем направлениям. Причем, в этот процесс «тромбирования» подлинного, «непущания» талантливых сил к преображению и развитию жизненных и профессиональных областей, оказались втянуты буквально все властные структуры, независимо даже от того, полагают себя «патриотами» или «демократами», руководят десятком или сотнями людей.

Иногда даже казалось, что в сугубой твердости Бородинa есть что-то очень личностно-трудное (ведь его не раз упрекали в том, что он содействовал развалу СССР)! И все эти годы главной целью его было одно: сопротивляться всяческому сепаратизму, бороться всеми силами против угрозы распада России, всячески препятствовать «расчесыванию» исторических ран с целью постоянного поддерживания в обществе конфликтного напряжения. Об этом, в сущности, он писал в своих колонках главного редактора все эти годы, требуя от всех и каждого служения идее государственности, целостности — прежде всего. Личное и личностность часто приносились им в жертву.

Кстати, уже в 1987 году он предупреждал патриотов, что первойшей нашей головной болью станет Украина (он знал, что говорил — из всех сидевших с ним в лагере националистов он один был русским). На него тогда махали руками, восклицали уверенно: «Не может быть!». Увы, прав оказался он. Лично он «национализм» полагал всегда качеством, свойственным небольшим народам, а не большому русскому народу. Современные либерал-националисты

вызывали у него устойчивое отторжение — изучить их идеи близко, «лицом к лицу», у него была возможность: он с некоторой надеждой на некоторое единомыслие (или их переубеждение?) открыл им двери журнала, но категорически и довольно быстро попросил — насколько мог вежливо — за порог.

ГЛАВНАЯ МУЗА — РОССИЯ

В последнее время Леонид Иванович жил с ощущением, что его «забыли» (не читают, критики не пишут). Лично мне он давно запретил о себе писать: мол, это нехорошо, ведь мы с тобой работаем в одном журнале, — это неприлично. Правда, количество диссертаций о его творчестве неуклонно росло. Он перешел незаметно в ряды русских классиков при явном невнимании современного критического цеха к его прозе. А я, грешная, вообще не уверена, что наши «отцы патриотики и литературы» кроме «Третьей правды» что-то внимательно читали у Бородина, честно сказать, не уверена даже и в том, что «Час шестый», например, Василия Белова тоже ими был читан. И, тем не менее, иногда мне удавалось подумать о нем и написать.

Его рассказ «Посещение» — начало начал в творчестве писателя (написан в начале 1970-х годов) и повесть «Расставание» (1981) сегодня, я полагаю, читаются с не меньшим, чем прежде, интересом. Писатель словно опередил время, выводя в своих произведениях героя, жаждущего веры и не могущего обрести ее легко, в простоте. Его взгляд на «ищущую», протестующую и оппозиционерствующую интеллигенцию вновь возвращает нас к вечным русским вопросам о власти честной и нечестной, о выборе жизненной позиции, об обретении цельности человеческой личности. И «Посещение», и «Расставание» — это проза, раскрывающая нам идейного Леонида Бородина. Она насыщена интеллектуальными спорами, она динамична, с яркими социально-психологическими портретами героев. Бородин всегда умел «сражаться с идеями, а не с людьми». Но все идеи его героев-интеллигентов всегда сопрягаются с неким большим — с правдой русской точки зрения, с правдой России. Принадлежность к целому, принадлежность к общему — это для писателя не только область социальная. Герой «Расставания», попадая в церковь, испытывает потрясение, приобщаясь к некоему такому «общему», что гораздо значительнее и тоньше любых изысканнейших интеллигентских рефлексий (тут у Бородина — контрпозиция по отношению к тому, что высказано было в недавнем фильме Александра Архангельского «Жара»). Либерального интеллигента (нельзя не отметить упреждающего знания писателя) «принадлежность к целому» унижает: он скорее собственные слезы объяснит особенностями церковной архитектуры, он и чувствам собственным готов не поверить, коли они — вестники надличного или общего, идущего из глубины...

Как-то я его спросила (возможно, что в конце 90-х годов, когда многие уповали на провинцию), — спросила о том, что во многих его произведениях есть нравственное и идеологическое противопоставление столицы и провинции. «Вам больше мил провинциальный человек?». И он мне ответил так: «Я человек провинциальный, но я и не сторонник культа провинции как таковой. И если в каких-то текстах это есть, то Вы правильно заметили нравственный аспект этого противопоставления. Я категорически против всяких сепаратистских настроений и спекуляций вокруг темы провинциальной первозданной чистоты. Мне мил хороший человек. Просто человек столицы или столичный интеллигент более «неоднозначный», а иногда и более покалечен воздействием идей и идеек сомнительного толка. Но все же, мне интересен этот современный столичный человек, ибо он более втянут в борьбу идеологий». Я вспомнила эти его слова (они были записаны) сейчас еще и потому, что последняя его повесть, вышедшая в журнале в 2010 году, называлась «Хорошие люди». А последнюю рецензию критика, которую он читал о себе и об этой повести, написала моя ученица — молодой критик Вероника Васильева, которую тоже после смерти Леонида Ивановича своеобразно «вышвырнули» из журнала.

Я не знаю, когда наступит время понимания нашей литературы, выросшей во второй половине XX века во всей ее сложной полноте. Я не знаю, будут ли новые читатели с жадностью читать Бородина, как читали мы, зная, что любое его новое произведение — это литературное

событие, хотя и нынешняя критика к нему явно невнимательна. И объясняется это, я думаю, не только тем, что критики ленивы, привыкли «откликаться» на литературу короткими телеграфными статьями, в которых много от «позиции» и пристрастий самого критика и не видно собственно автора и его произведения.

Чтобы говорить о Бородине, нужно отбросить все свои критические «подходы», любимые штампы и любимые мысли, и вступить на его, бородинское поле, на котором уже свои «правила игры», требующие усилий понимания. На этом «поле» неуютно и некомфортно типичному критику современности — либералу, привыкшему жить в литературе отражениями чужих идей, ничего не считающему «своим», не имеющему ценностной иерархии и пишущему без разбора о ком угодно, лишь бы чуть попахивало душком оригинальности и присутствовали либеральные маски. Но и в другом критике вряд ли вызовет исследовательский пыл, например, такое произведение Бородина, как «Трики, или Хроника злобы дней». Как читать его? Как понимать? Не даст искомого результата «наложение» на роман жесткой патриотической вертикали «оправдания действительности», ибо Бородин ничего «не оправдывает», ни о чем «не тоскует», а перетекание советского бытия (занимающее основное пространство романа) в несветское (роман завершает 1993 год) не вызывает у него патриотического отчаяния.

Роман выглядит «неправильным», и это «неправильное объяснение» жизни, несмотря на глубокое и безбоязненное ее изображение, кажется, раздражает всех. Так раздражали бунинские «Суходол» и «Деревня». Право же художника не обманывать ни ради «красного» словца, ни ради «белого» само по себе ценно — ведь бородинские герои не во френчи наряжены, и не в парчу. Его правда одета в истертый интеллигентский пиджачок — так что не сразу и разглядишь ее особую «стать». А она есть.

Бородин пишет прозу, в которой всегда много идей, но ни одна из них не мертвая, не выдуманная — ни одна не заслоняет собой легкого гения жизни. Жизни саморазвертывающейся и в полноте своей щедрой и глубокой. Идеиное пространство его романа ничуть не больше пространства психологического, а факты и события реальности не способны ни фаталистически, ни тотально раздавить человека.

Три судьбы (как три кита) держат мир «Хроники». Жизни друзей (Витьки Крутова, Олега Климова и Сеньки Крапивина — отсюда трики, так как с трех *К* начинаются их фамилии, как и общий у них корень жизни — провинциальное детство) накрепко стиснут обстоятельства, но все же не об обстоятельствах советской действительности идет речь, а о возможности человека сделать (или не сделать) выбор, так как человек для Бородина — существо внутренне свободное, и в советское время в нем оставался отпечаток первообраза.

Современная проза, подернутая как плесенью экзистенциальными вопросами бытия, поставила своего героя перед лицом неразрешимых обстоятельств, абсурда жизни и истории. И вроде бы всюду и сплошь идет речь о личности и свободе (или несвободе), но как мала и придавлена эта личность в осознании себя. Парадоксально, но либеральные свободы очень умалили человека, стерли его сознание. Вот и бегают из романа в роман тощие идейки на кривых ножках — фигуры и статисты.

Бородин же пишет характеры и, право, в его Семке Крапивине (кэзбешнике, «опричнике», запроданце структуры) больше личности и характера, чем, например, в Петровиче Маканина («Андерграунд...»), или «Старой девочке» Вере Радостиной В. Шарова, написанной примерно в то же время. Характер для писателя Бородина — это много, очень много. Он — словно «инструмент» со множеством разносилых токов, который связывает человека и реальность. Идея и характер — именно тут стержень всякого из героев «Хроники».

Советские идеологи крепко знали свое дело. А потому трики, безусловно, были заражены магией Большого числа. Они знали, как и все мы, что живут в самой большой стране, в большом народе, совершающем большие подвиги. Однако детская эта тяга, сколь естественная, столь и воспитанная, — тяга прислоненности к Большому, оформилась по-разному в их судьбах. Все трое оказались в Москве. Семка «прислонился» к органам и Конторе; Олег — к солидной и обеспеченной семье крупного советского литературоведа-классика (женился на его дочке), всякая статья которого решала судьбы людей пишущих; а Витька Крутов, учительствуя, «прислонился» к русской литературе и философии. В какой-то момент (у каждого

свой) Климов и Крутов отпали и обособились от «немыслимо могучего целого»; их двойное существование («бытие нарастяжку») началось, возможно, с чтения Достоевского и Леонтьева, Бердяева, Федотова, Флоренского... Сенька же Крапивин — везунчик, красавец, «рожденный с мощной животной силой в старорусском смысле слова», — азартно и рискованно делающий ставку на «интересную жизнь» («не как у всех»), отпадет позже, в 1993-м, «перейдя» на сторону Верховного Совета (а для Бородина — на сторону народа, мнения общего).

Все три героя «тянут» за собой большие идейные сферы романа. Мир Олега Климова — «славянофильствующие официалы». И Климов, и Крутов — оба погружаются в диссидентствующую стихию Москвы 60-х–70-х годов. Это взлет их жизни, набирание высоты, и еще далеко до перемены, поворота судьбы на «теневую сторону жизни».

Любая литературная формула будет слаба перед способностью Бородина организовывать мир романа «по образу и подобию» правды. И хотя именно в Крутове силен автобиографический замес (знакомство с диссидентской средой, издание славянофильского журнала, тюрьма, освобождение с началом «реформ»), он совсем не является только «рупором» писательских идей, подминающим всех остальных «под себя». Бородин не нуждается в громогласном провозглашении принципов и взглядов какой-либо одной стороны. Не о партийных узких правдах речь, но об обществе, в коем с 60-х годов началось брожение идей и идей немарксистского содержания.

Воссоздавая образ мира официального славянофильства и неофициального (впрочем, разрешенного органами) диссидентства, налагая узоры судеб друг на друга, Бородин делает акцент не только на определяющем значении внешнего факта. Творческую писательскую активность тоже не спрячешь. Но именно она и способна раздражать сегодня самых разных оценщиков. Субъективности Бородина совсем не свойственно какое-либо ожесточение и злость. Казалось бы, уж он-то имеет право «уничтожить» советскую реальность, испепелить ее ненавистью — он же без всякой писательской желчности представляет Семку-опричника, который запросто и походя сдаст друга Крутова, а позже сам запыхает ненавистью к новым временам, в коих «обезличена, обесценена инициатива и фактор душевного порыва». И не кому-нибудь, а именно Семке отдаст писатель самое сильное чувство критицизма «перемен», с их «унизительной инерцией скольжения вниз», и поздним прозрением, что «надо было выскопартийных пасти нещадно», а не писателей, да прочих ручных интеллигентов.

Казалось бы, Бородин должен был воздержаться и от столь явной откровенности в адрес славянофилов официального толка, а тем более диссидентов. Нет — не воздержался. Он и тут предпочел прямой взор, настроенность глаза на жесткую и четкую «графику жизни», избежав при этом всякой мелкой насмешливости и злобной тенденциозности. Он умеет быть свидетелем, а не судьей с прищуром. Выдумкой не компрометируя реальность, не ставя обличительной цели, он, вместе с тем, сказал много горького, претворив идеи в характеры осязательные, перелив их в образы.

У порога современного хаоса идей (называемого «движением за обновление») стояли не только те, кто из диссидентов успешно перекочевал в официалы. Собственно диссидентский мир описан в современной литературе не раз: от кухонного бунта, подполья культурного до солженицынского признания: «Я переоценил самиздат, как и диссидентство: переклонился счесть его коренным руслом общественной мысли и деятельности, — а это оказался поверхностный отток, не связанный с глубинной жизнью страны...». В это «малогабаритное и прокурное пространство возрождения» России Бородин отправит Крутова и Климова.

Диссидентский мир Москвы дан писателем многоликим. Тут и мастерская художника-авангардиста (по совместительству стукача) Гредина, вскрывшего «суть двойственности человеческой экзистенции», имя которому («гонимого») сделала все та же Контора. С этой первой встречи на страницах романа с диссидентским миром возникает подозрение: не о силе сопротивления диссидентов стоит говорить, но о степени разрешенности их оппозиционности все той же «системой». Другая точка — квартира на Пятницкой — представляет читателю философский бомонд столицы, естественно, философии неофициальной, но с любым «вывихом и уклоном» (там сходились и популяризатор Флоренского, и бердяеведы, и главные специалисты по дзен-буддизму). Третий круг Москвы диссидентской — «сходняки» у Антона

Скупника, занимающегося проблемами еврейской эмиграции и собирающего бодрых докладчиков, убеждающих публику в том, например, что и экономика Союза стоит на грани катастрофы. Однако ни Климов, ни Крутов нигде не стали своими, не совместили чужих взглядов с собственной душевной привязанностью. Для Олега было невыносимо «ставить себя перед выбором», а Крутов (упрямец) обрел смысл в кругу «просто русских» (а «не антисоветчиков», — по его словам), издающих славянофильский журнал.

Исключительно симпатичным и общительным представил писатель Валерия Константиновича — тестя Олега Климова. Правда, его «навязчивая русопятость» отвращала Крутова: на языке «сплошная народность», а на официальных приемах французский пиджак, американская зажималка и нормальный советский жаргон. Эта «гремучая смесь» трибунной партийности и домашней народности сильно задевала Витьку Крутова, — в этой среде не хотели осознавать, что патриотизм может быть фальшивым, а русская идея удивительным образом искажается от компромисса. Бородин тут и до крайности доходит, полагая, что аккуратные разговоры и осторожные «самоосмысления» за несколько десятилетий (с 60-х по 90-е) привели русскую мысль к самопагубству: требуется жертва и подвиг для ее очищения. Устами Крутова Бородин зафиксировал страх этой среды перед необходимостью додумать до конца и необходимостью сделать «черно-белый вывод». Вы, официально признанные, награжденные и облаканные, считаете, что власть уничтожает деревню? Уничтожает крестьянство как «определятельное сословие», а значит подрывает корни и национальной культуры? Почему же не сделать вывод, что «власть антинародна и антикультурна»? Крутов же сделал вывод и был осужден как «политический». Позицию «воспитания власти», «работы с властью», расчет на «своих людей наверху» герой Бородина не разделяет, как и не может оценить положительно усилия официалов, направленные на соединение (запихивание) социализма с Большой исторической традицией. Крутова не волновали ни патриотические стишки Олега, ни ультрарусские бабуся, лопотавшие по-вологодски о колхозных проблемах в пьесе модного драматурга («типичного совхалтурщика»), ни славянофильствующие писатели, ибо они половинчаты во всем: «перехватывают очевидную социальную проблематику, кастрируют и превращают в объект литературы». Сомнение в их народности и «занародном сюсюканье» основывается у бородинского героя очень на простом — слишком быстро крестьянские сынки превращаются в бар. Постепенного, одна за другой, возвращения традиций путем официальным, увы, не произошло — реальная история не оставила в запасе лишнего десятилетия. Злоба дня на то и злоба, чтобы навязывать другие темпы. Увы, но и славянофилы, как и диссиденты, были только разрешены все той же системой, и никакой власти воспитать не успели — стоило лишь против тестя Олега написать «тормозящую» статью, как тут же оказался порушен весь их порядок, достаток и благополучие.

Злобы дня не выдержали ни лихой опричник Сенька, ни Олег Климов, в своей тихой заводи превращенный в стукача и предавший Крутова. Выдержал только Крутов, с его упрямым течением по курсу своей судьбы.

«Хроника» Бородина — это и роман о любви. О любви к русскому делу и России, о любви семейной и любви к женщине. Крутов, вышедший из тюрьмы и попавший в мир, где похоть комфорта все активнее разливалась в жизни, а сама жизнь в ее злобе попросту перечеркивала смысл всех его жертв, все же любовью выправится, все же с надеждой жить будет. С надеждой на рождение нового типа русского романтика, «для которого вообще нет понятия истины в ее метафизическом смысле и каковой будет вооружен умной, но необъективной любовью к тому историческому пространству, что именовалось Россией, и при этом ни единой провокационной мыслью, ни единой рефлексией не будет отделено его собственное «я» от объекта любви и заботы...» Это — очень важная мысль Бородина. Ключевая.

Нет, он не предьявил в творчестве счета своему поколению, остывавшему и черствевшему с каждым годом после «оттепели». Пусть дети Арбата и дети времени — его сверстники — «мяли глины ком», тогда как он желал победы «над камнем неуступчивым и твердым». Да и каким судом (совести? жизни? разума?) судить тех, кто, быть может, и поныне носит «казнь мучительную» в сердце своем — осознавая или нет, что болен болезнью неуважения себя, кто заснул свою душу, кто потратился совестью в одобрениях решений. Тех, кто сегодня оказался по сути маргиналом, коему все еще кажется, что он «на передовых рубежах»...

Леонида Бородин, наверное, можно назвать в определенном смысле антишестидесятником, ибо время, понятое интеллигенцией как «режим свободы», либеральной болтовни и интеллигентских парений близ правды-истины, им было воспринято временем действия (первый срок, напоминая, он получил в 1967 году). И эта особенность судьбы войдет в творчество. Оправдание выбора действием (связь идеи с действием и сердцем), способность (или неспособность) героя к гражданскому чувству (или поступку), тема верности и проблемы вины виноватых и без вины виноватых, проблема соучастия в преступлении, — все эти мотивы-скрепы есть и в ранних повестях («Перед судом», «Вариант», «Третья правда»), и в более поздних сочинениях (рассказ «Киднепинг по-советски», «Божеполье» и др.). Сбиться на антикоммунистическую либеральную идейность, на пафосную литературу с ее центральным вопросом о «правах человека» так и толкала судьба, вежливо подсунувшая кличку «диссидент». Но перечитав прозу Бородина времен начал и «вариантов» вездливо и с пристрастием, я вижу, как вовремя и счастливо была им отброшена тога мученика за партийную (антипартийную) истину, оставлена поза бойца за права малой части человечества. Все это, опять-таки отработанное и аккуратно преподносимое — всегда наготове! — просто-напросто потонуло в глубинах его мужского и мужественного начала. Ведь вольная душа сибиряка была дисциплинирована жизнью, которая так мало похожа на стиль московско-петербургской интеллигентской житухи. Вот именно здесь, во взгляде на интеллигенцию, и можно обозначить границу, пролегающую между диссидентом-шестидесятником и антишестидесятником, не желающим и не могущим по совести разрешить вопроса о «правах человека» без вопроса о правах России.

Герой-интеллигент постоянно присутствует на страницах бородинской прозы, и автор, иногда достаточно грубо взяв за шкуру своего героя, ставит его лицом к лицу с «вопросом о России». Ответ же на вопрос очень часто оборачивался противонаправленностью позиций — в боевой позе, друг против друга, застигал писатель своего героя и *свою* Россию. Бородин, никогда не метивший в коммунизм так, чтоб «попасть в Россию», посмел высказать (и подтвердить судьбой, получая пайку вместо «пайка») парадоксальную для либеральных интеллигентов мысль: интеллигент, освобожденный обществом для дум высоких, просто обязан все свои теории по улучшению жизни проверять на себе. Иногда эта «проверка» оборачивается трагическим осознанием своей ненужности России (в «Варианте» читаем: «Он догадывался и ранее об отсутствии смысловой связи между его жизнью и судьбой того существа, что именовалось Россией»); чаще же герой-интеллигент, полагающий Россию «историческим недоумением», нимало не сомневается в своем праве «сделать» Россию для себя — удобную, либеральную, а в ней насадить и свою церковь, и свою культуру, и свою общественность.

Пограничные столбы бородинской прозы расставлены не там, где можно было бы предположить. Интеллигенты-диссиденты Бородиным не раз были описаны ярко и резко: они ничем не пленены, никому и ничему не благодарны, ни перед чем не склонят головы. Их лица, как в повести «Расставание», изношены, — они не имеют ни культурной, ни политической индивидуальности. У их требований нет и не может быть вершин, ибо у них нет России — есть лишь претензия на «неприкосновенность интеллигентских деяний по расстройству России». Московское диссидентство в «Расставании» — это богема, клан со своим ритуалом жизни и полагающий именно себя смыслом и центром истории. Для них и Москва — не столица государства, не «город чудный, город древний», но «пункт» политических событий, где «каждый чих — событие». Сознание собственной обособленной исключительности и чуждость «к этой стране», отмеченные Бородиным еще в 1981–1982 годах (время написания «Расставания»), и ставшие сегодня «интеллигентной нормой», позволили писателю показать, что «чуждость» для них даже «спасительна», ибо она не предполагает жалости, столь опасной для личного выживания. Если и было разлито «кругом неподлинное бытие», то искать подлинности в диссидентско-интеллигентской среде тоже следовало с оглядкой, ибо опутана и умерщвлена была их «человечность» двусмысленным пафосом политики. Тут тоже важная черта бородинской прозы: пронизанность ее напряженной внутренней борьбой. Борьбой явного публицистического накала сочинений Бородин, интеллектуальной «меры умом» с необходимым же (достаточно мучительным) ограничением собственной, пусть справедливой, социальной

злости и пониманием-ощущением вечно присущей жизни ее живой теплоте, — без этого последнего невозможен русский писатель, сколь бы социально значимым он ни признавался современниками. Отвращение писателя к коммунистической реальности, мне кажется, всегда знало границы, ибо он никогда не был интеллигентом, отбирающим у жизни все то, что принадлежало не ему, но Богу и природе. По крайней мере плана воспитания мира интеллигентскими идеями у Бородин не возникало, — он хорошо знал русскую историю, имел серьезные представления об историческом развитии государственных идей, а значит, полагал, что мечты могут быть пустыми, что можно «чисто верить в нечистые... дела». «И оттого, — признается Бородин в одном из «лагерных» своих стихотворений, — над порогом / Меча я не подниму./ Я знаю: Россия с Богом./ Хотя и спиной к Нему».

Автор «Третьей правды» и «Расставания», «Ловушки для Адама» и «Царицы Смуты» давно уже вступил в большой спор, который и ныне совсем не утратил накала. С годами внимание Бородин к проблемам понимания русскими своей истории только усиливалось.

Выпавший из поколения, он не попал и ни в какое «литературное течение»: ни к «деревенщикам», испытывавшим недоверие и стилистическое неприятие «городского», ни к «городским», предпочитающим писать о частной жизни частных людей, либо о своем поколении интеллигентов, испытывающих историческую неприязнь к собственной родине. В ту пору, когда было принято гордиться новообразованием — советской интеллигенцией и умалчивать о ее подполье (интеллигентно-диссидентской среде), Бородин говорит о глубоком утомлении, бездейственности, бесплодном недовольстве, моральной усталости и тошнотворном трепе о себе все той же интеллигенции. Жизненное бездорожье, либо ощущение бесцельности всех дорог — вот что остается в «итоге», после вычитания всех интеллигентских рефлексий и эгоизма.

В ту пору, когда одна часть интеллигенция (в начале 90-х годов) была объявлена другой частью интеллигенции недостойной («оказалась ниже») той свободы, что свирепствовала на российских просторах, когда писатели бросились в крайний натурализм и жизнепоклонство, разлагая реальность как труп и расчлняя язык как плоть, в творчестве Бородин усиливается эсхатологизм и тоска о чистой жизни («Ловушка для Адама»). Он проведет своего героя по кругам почти средневекового понимания мироустройства: через ад (земной преступной жизни), чистилище (бегство героя из цивилизации, пребывание в пути, очищение водой Озера) и рай (герой неожиданно находит пристанище в счастливом доме, в Долине счастья, но, совершив падение — «испакостил! осквернил!» чужую чистую жизнь — он изгоняется из рая, но остается с малой надеждой, что не все порушено, хотя и отягощена его душа опытом разрушения, — опытом тем более тяжким, что для гибели чистого, ясного, цельного даже и большие усилия не нужны). Высшее у писателя — это то, отвечая чему человек «растет ему в ответ»... А когда, казалось бы, самое время впустить современность на свои страницы, современность, вопиющую о себе на каждом углу уродством, болью, безобразием; когда «жизнь в формах самой жизни» (как правило плоти) жадно обгладывали модернисты, он пишет «Царицу Смуты». Художнически неожиданно передает нам историю Смутного времени со стороны побежденных. Вся внутренняя неизбежность поражения Марины Мнишек в «русской игре» уравновешена столь же сильной нутряной верой ее в призвание быть русской царицей. Бородин тут не выдумывает душ, не «сочиняет» людей, но, обладающий даром интуиции, словно с лиц снимает немоту, отогревая героев своим теплом. Я не буду говорить о явных параллелях того времени с нашей смутой, только подчеркну, что в этой повести прозаик, как человек традиции, демонстрирует обладание более разнообразным и изощренным культурным оснащением, нежели набор приемов модных писателей, из пустоты создающих свое ничто.

Писатель, одиночество которого в литературе подмечалось критикой не раз; писатель, произведения которого не имеют стилистического возраста; писатель, чьи публицистические идеи всегда опережали время, разорвал круг земного тления, как мне видится, все же не своей публицистикой и не исторической прозой, но автобиографической повестью «Год чуда и печали» — простым и торжественным рассказом от лица мальчишки, свежего сердцем.

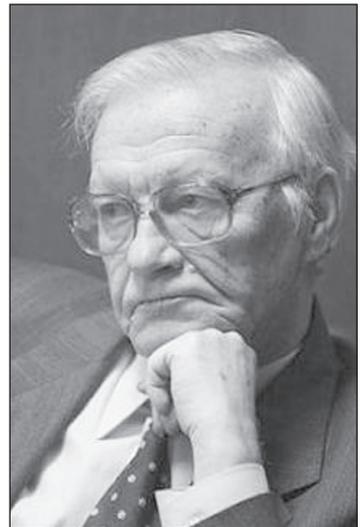
Творческая сила детства и отрочества этой повести сродни детской Родине И. Шмелева. Прилепленность сердца к Байкалу (покров красоты наброшен над ним), к матери, к великой силе Предания вырастает в повести прямо и непосредственно — как дар, ничем не заслуженный и никакой «борьбой идей» не обретаемый. В повести «Год чуда и печали» явлена нам Леонидом Бородиным надъязыковая, надлогическая полнота и красота жизни и любви. Эта повесть — царственный венец музыки Родины в творчестве писателя, напряженная ответственность перед которой не могла не возникнуть позже. Эта повесть — о любви и музыке печали, о ее родстве с «временем мальчишеского счастья», «которое и теперь не потеряло своего тепла и света».

Россия — главная Муза писателя. Россия у него разная — не только смутная — в шатаниях и раздорах безвластья, не только лагерная и диссидентская (при «сильной власти»), но и Россия глубинная, где возможна любовь, верность, подлинность, как в «Лютике — цветке желтом» и в «Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова», написанных писателем на исходе 1990-х годов. И уже тогда своей счастливой традиционностью, своим правильным порядком в человеческих чувствах (горьких и чистых одновременно) Леонид Бородин вновь пошел поперек «злости века сего», поперек «правды секунды». Он говорил о нежности, верности, свежести чувств, достойных человека, когда другие жадно «развоплощали человека». Он писал о прошедших счастливых временах собственного отрочества и юности в благословенных местах на берегу Байкала, когда другие с азартом кинулись выискивать «нового героя» (от мафии и «низов» с бомжами и проститутками до «верхов» — с поппигурами политиков и звезд). Он всегда горько говорил о том, что не нашлось никого, кто смог бы экранизировать его маленький шедевр — повесть о Байкале и любви «Год чуда и печали»... Не сбылось.

P.S.

Стареть трудно. Последний период жизни Леонида Ивановича был довольно мучительным. Ему было тяжело. Он очень страдал физически. Иногда он был искретен как на исповеди — даже как-то страшно и трепетно было его слушать. Но время для таких личных и сложных воспоминаний не пришло. И все же некий целостный жизненный круг уже виден: он успел недавно побывать в Перми в том лагере-музее, где когда-то был узником. Он успел возвысить свой гневный голос против всех русофобов и ненавистников русской культуры, — тех мелких псевдоинтеллектуалов, актуальщиков гельмановского проекта, которые загадили город Пермь. Его публицистика всегда меня подкупала своей смелой четкостью мысли. Его статья об интеллигенции, написанная в далекие советские 70-е годы, пронзает актуальностью: кажется, мы сегодня уже не знаем того, что он знал еще тогда! Он составил сам, своей волей, свою последнюю книгу рассказов, которые писал всю жизнь — «Киднепинг по-советски». Она и станет его литературным завещанием... Он все чаще вспоминал не о живых, а об умерших товарищах («да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя...») — вспоминал тех сидельцев по первому сроку, которые все отчетливее и очевиднее виделись ему как лучшие люди лучшей — крепкой — породы.

Бородин — одинокий писатель и довольно одинокий человек (он незадолго до смерти признавался, что ему «жить стыдно»: «Все мои подельники и товарищи, даже молодые, уже умерли»). Но Леонид Бородин мог себе позволить никогда не бежать за узкой «партийной правдой», мог позволить себе восхищаться «самой эстетически значимой, самой красивой формой правления» — Монархией, мог неспешно улавливать в свои творческие сети то существенное, что не проходит, а остается. «Он — человек с догматом», — такой была его высшая оценка других людей. Теперь мы так можем сказать и о нем самом.

АЛЕКСАНДР ДУЛОВ

ОДИН СЕМЕСТР ВМЕСТЕ С ЛЕОНИДОМ БОРОДИНЫМ

Леонид Иванович Бородин (1938–2011 гг.) — уроженец Иркутской области, ставший известным писателем. С сентября 1956 по февраль 1957 г. был студентом исторического отделения историко-филологического факультета Иркутского государственного университета, где в то время учился и я.

В начале сентября студенты факультета, по традициям советского времени, выехали на поля, чтобы помочь колхозникам собрать урожай. Помнится, первые сутки наш 1-й курс историков провел в здании колхозного клуба. Вечером, когда мы располагались на полу, готовясь ко сну, Леонид Бородин играл на гитаре и пел.

Затем нас приютили колхозники, по 2–3 человека на избу. Так как мы с Леонидом жили в разных домах и выполняли разные работы, в сентябре познакомиться не смогли. Но в октябре, с началом занятий в университете, отношения постепенно наладились. Вскоре выявилась группа студентов, интересовавшихся не только теми знаниями, которые давались нам преподавателями. В октябре мы договорились создать кружок с целью самообразования. В него вошли, кроме Леонида Бородина и меня, первокурсники-историки Юлиус, Алла, Валя, Наташа, Оля и филолог Валерий (фамилий я решил не называть, так как не знаю, дали ли бы мои бывшие однокурсники на это согласие).

Сам Леонид Бородин в книге «Без выбора: автобиографическое повествование» (М., 2003 г.) задачу кружка формулирует несколько иначе: «Я поступил на исторический факультет Иркутского госуниверситета, откуда уже через полгода был исключен за попытку создания полуподпольного студенческого кружка, ориентированного на выработку идей и предложений по «улучшению» комсомола и самой партии, выявившей очевидную несостоятельность в осуществлении величайшего замысла — построения наипрекраснейшего из обществ...»

Что кружок был «полуподпольным», это совершенно верно: ни в какие официальные органы мы о существовании кружка не докладывали. Сам Леонид Бородин пишет, что материалы XX съезда КПСС, раскрывшего преступления И.В. Сталина, произвели на него очень сильное впечатление, заставили признать, что советский строй далек от идеала, и что поэтому он ушел из школы МВД, в которой учился до этого.

Остальные члены кружка смотрели на кружок как на средство для получения нестандартной информации и неформального обсуждения разных жизненных вопросов. Собирались мы у меня, поскольку жил я с родителями в центре города, на улице Ленина, в квартире была гостиная, где можно было посидеть и поговорить, никому не мешая. Всего в октябре–ноябре мы «заседали» раза два или три. Иногда разговаривали и в свободной аудитории университета.

ДУЛОВ Александр Всеволодович. Доктор исторических наук, профессор. (1938, Иркутск). В 1961 г. окончил ИГУ по специальности «история». Действительный член РАЕ. Автор 147 работ, в том числе 7 монографий (из них 4 — в соавторстве). Живёт в Иркутске.

На первом собрании кружка я сделал сообщение об опере Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» на текст А.С. Пушкина, а потом мы прослушали долгоиграющую пластинку с записью оперы.

Потом я неоднократно сам исполнял фортепианную пьесу из «Моцарта и Сальери». Моцарт, играя ее своему коллеге и другу Сальери, так передает ее идею:

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Внезапный мрак иль что-нибудь такое...

Эти слова Пушкин вложил в уста Моцарта, возможно, не зная, что у композитора нет такого произведения. Поэтому Римский-Корсаков сочинил прекрасную пьесу в стиле знаменитого автора. После пасторального вступления настроение резко меняется, следует ряд жутких аккордов. Пьеса завершается стремительной нисходящей гаммой, «видением гробовым». Эта пьеса играет существенную роль и в трагедии Пушкина, и в опере русского композитора, как бы предрекая смерть Моцарта от рук Сальери (историки, правда, эту версию отвергают).

Пьесу я играл на собраниях кружка, и в дальнейшем она стала как бы гимном кружка.

Мы решили также издать журнал. Поскольку только у меня была пишущая машинка, на которой предполагалось его печатать, редактором назначили меня. Однако я почему-то ничего не написал, и в «портфеле редакции» оказались только два материала: резкая статья Аллы о Сталине, который был назван диктатором, и статья Леонида Бородина. Название ее не помню, но главная идея заключалась в том, что студенчество всегда находилось в оппозиции к правительству. На это я возразил ему, что при советской власти отношение студенчества к правительству иное, чем до 1917 г. Других статей не было, и номер журнала так и не вышел.

Важным событием для нас было появление басни Леонида Бородина «Лиса и Слон». Ее текст всем нам понравился. Сама басня посвящена резкой критике И.В. Сталина («Слон») и Н.С. Хрущева («Лиса»). Настроение наше (и автора) легко понять: после секретного доклада Хрущева в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС, основное содержание которого стало известно многим жителям страны, вопросы о массовых незаконных репрессиях, организованных Сталиным, которого до XX съезда боготворили, и о роли в них других лидеров страны, в том числе и Хрущева, обсуждались многими (в том числе и кружковцами), но в основном лишь в частных беседах, так как ни в печати, ни на комсомольских собраниях этого нельзя было сделать. Естественно, мы говорили об этом на встречах, причем более радикальные выводы о пороках советской системы делал обычно Леонид Бородин.

В своих воспоминаниях он пишет, что еще до поступления в ИГУ пришел к выводу о том, что советский строй нуждается в серьезных переменах. Из явно «антисоветских» его предложений отмечу агитацию за прослушивание японской радиостанции «Байкал»; он называл даже волны, на которых она работала. Меня эта идея не увлекла; из остальных кружковцев мне никто не говорил, что слушает «Байкал».

Что касается облика Леонида Бородина как студента, то занятий в университете он не пропускал, но к ним не готовился. Я не припомню ни одного его выступления на семинарах. На лекциях он нередко вполголоса напевал, иногда же читал книги. Уверен, впрочем, что экзамены он бы сдал, готовясь к ним во время самой сессии.

Много времени уходило у него на ведение кружка самбо. Видимо, обучаясь в школе милиции в г. Елабуге, он получил права инструктора по этому виду спорта. У него, похоже, было там несколько десятков студентов. Кружок этот он упоминал часто, а иногда рассказывал об отдельных приемах поединка. Благодаря этому, а также одаренности и общительности, он имел много знакомых. Когда уже после его ухода из ИГУ я разговаривал со старшекурсниками, нередко оказывалось, что они Леонида знали. Думаю, что среди них он тоже пытался найти сторонников.

С Бородиным мы сошлись на музыкальной почве. Меня в октябре избрали членом бюро ВЛКСМ факультета и поручили шефский сектор. Шефская работа заключалась главным образом в устройстве концертов для «поднятия культуры» рабочих и колхозников. А музыку и пение я любил с детства. Поэтому мы оба вошли в агитбригаду факультета. Втроем или вчетвером исполняли песни, а я также играл на пианино. Конечно, кроме нас в состав агитбригады входили и другие «артисты»; из нашего кружка в ней участвовала также Наташа, у которой был сильный, красивый голос.

Я и сейчас иногда вспоминаю «Песенку ковбоя», которую распевал наш квартет:

Хорошо в степи скакать,
Свежим воздухом дышать.
Лучше прерий места не найти,
Вар, вар, вар, вара.
Если солнце не печет
И лошадка не трясет,
И пивные попадают в пути,
Ха, ха, ха, ха!
Припев:
Эй-о, эй-о, эй-о, эй-о,
Если только конь хороший у ковбоя, ха-ха!
Эй-о, эй-о, эй-о, эй-о,
То всегда найдет он счастье свое,
Ха-ха-ха-ха!
Группа смелых удалцов
Ловит диких скакунов,
Чтоб потом они нас вихрем понесли,
Вар, вар, вар, вара!
Но зачем такая прыть,
Для чего коней ловить,
Если есть кругом
Трамваи и такси. Ха, ха, ха, ха!
Припев:
Эй-о, эй-о, эй-о, эй-о,
Мы ворвемся ночью в дом
И красотку украдем,
Если парня не захочет полюбить,
Вар, вар, вар, вара!
Но зачем такая страсть,
Для чего красотку красть,
Если можно красотой своей пленить?
Ха, ха, ха, ха.
Припев.

Вторая песенка имела воспитательный характер. Для нее была использована мелодия популярной тогда французской песни, которая кончалась словами: «...поверь, что я тебя люблю. Алую розочку, алую розочку я тебе дарю». Как бы намекая на этот текст, наша «педагогическая» песенка звучала таким образом:

Как у нас в садочке
У соседа дочка
Розой расцвела.
Распустилась Роза,
Так сказать, до точки,
Папу довела.
В голове у Розы

Не стихи, не проза,
А журналы мод.
Бесконечно к маме
Пристает с деньгами,
Туалеты шьет.
Поздней ночью
Подъезжает дочка
К дому на такси.
А из машины
Ей дядя с плешинкой
Посылал мерси.

Текста последнего куплета я не помню, но смысл его заключался в том, что следовало бы этой Розочке наподдавать. Мы дали два концерта: в Иркутске в клубе ТЭЦ (этого здания уже нет), и в с. Хомутово — в декабре.

Кроме того, Леонид Бородин умел точно высвистывать мелодию (жанр «художественный свист» был тогда в моде). Я играл полонез М. Огинского, а Леонид красиво воспроизводил основную мелодию.

Вот еще два текста, которые пел Бородин. Однажды он спел мне песню на музыку «Вальса Каминского». Я этот вальс больше ни от кого не слышал; Бородин сказал мне, что автор музыки — поляк Каминский, живший в Прибайкалье до Октябрьской революции. Мелодия вальса красива и выразительна, а текст, который пел Леонид, как мне показалось, написан им самим:

Солнце зашло за широкой рекой,
Счастье ушло, дорогая, с тобой.
Я один на берегу поджидаю тебя.
Жить, наверное, не смогу, понапрасну любя.
Вот день проходит, она не приходит,
Счастья не видно во мгле.
Может быть, завтра меня похоронят
В этой чужой земле.
Ну и что ж, пускай умру,
Мне и смерть не страшна.
Жить, наверное, не смогу, понапрасну любя.
Я ль ее не ласкал, я ли не любил?
Вихрь злой все умчал, все вокруг смутил.
Не забуду, где встречались
Вечерней порой...

(Последние две строчки вспомнить не могу — А.Д.)

Выражаю благодарность знатоку «сибирско-польской» истории профессору ИГУ Б.С. Шостаковичу, который указал мне на статью В. Буторова «Вальс Каминского» в «Восточно-Сибирской правде» за 2 апреля 1961 г. Автором вальса В. Буторов называет Александра Александровича Каминского (1881–1956 гг.), сына польского повстанца, сосланного в Сибирь за участие в восстании 1863–1864 гг. Написан вальс в 1901 г., когда его автор учился в Омском кадетском корпусе, и назывался «Вальс мечты». Приехав спустя несколько лет в Иркутск, он неожиданно узнал, что его вальс здесь знают и называют «Вальсом Каминского». А.А. Каминский затем работал фельдшером в сельских больницах, организовывал домашние оркестры струнных инструментов, умер в поселке Новостройка Черемховского района.

В статье напечатаны и ноты вальса, но... без слов. То есть даже в 1961 г. вальс играли на балалайке, гитаре, но не пели. Все это, кажется, подтверждает мое предположение, что приведенный выше текст — детище Леонида Бородина.

Еще одна, весьма экзотичная песня, которую он как-то спел кружковцам. По словам Леонида, это немецкий гимн 1940-х гг. Мелодия его маршеобразно-танцевальная, легко запоминается. А вот слова:

Во славу Германской империи
Поем мы гимн, выступая в поход.
И Гитлер приказал артиллерии
Поспешно двинуться вперед.
Раз, два, три!
Всех выше наша раса,
Мы в мире всех сильней,
Была бы ось земная, уселись бы на ней.
Мы русских уничтожим, сождем их города.
Пока что в целом мире побеждаем мы всегда.
Мы слишком долго искали причины,
Чтоб на Россию нам напасть,
В подарок присылаем им мины,
Накормим минами их власть.
Раз, два, три!
Всех выше наша раса... (и т.д.)

Когда я вспомнил этот текст и стал раздумывать, где бы его мог «раздобыть» Леонид, то пришел к выводу, что скорее всего — в Елабуге, где он учился в школе МВД. Там, видимо, были преподаватели, имевшие дело с власовцами, от которых и узнали «гимн», а потом решили «похвастаться» перед курсантами. Переведен «гимн» на русский язык был, вероятно, также для власовцев.

Музыкальным воспоминаниям Леонид Бородин посвятил автобиографический рассказ «Музыка моего детства» («Сибирь», 1990, №1). Интересно, что хотя он написан в жанре мемуаров, некоторые факты писатель, вероятно, из художественных соображений, излагает с отступлением от истины. Так, и в разговорах со мной, и в рассказе, он восхищался арией Надира, «Лунной сонатой», некоторыми другими музыкальными шедеврами. Но почему-то умалчивает, что участвовал в самодеятельности (у него был неплохой баритон), что выступал с «художественным свистом», играл на гитаре.

И еще один любопытный момент. Полторы последние страницы его рассказа посвящены пьесе из «Моцарта и Сальери», о которой я уже писал. Леонид говорит, что в 1951 г., приехав в Ленинград, он оказался однажды у входа в Дом культуры, в который грузчики собирались заносить рояль. Интерес мальчика к инструменту был замечен грузчиком, который, своим обликом явно непохожий на пианиста, вдруг сел за рояль: «Пальцы упали на клавиатуру, я моргнул и тут же был оглушен аккордом, который, отзвучав, вдруг рассыпался на каскад звуков, а звуки эти были музыкой! Настоящей музыкой! Самой великой музыкой! Страшные, грязные пальцы носились по клавишам, словно они не сотворяли музыку, а гонялись за ней, чтобы удушить, задавить, захлестнуть, но она, музыка, прорывалась между пальцев и утверждалась вокруг них, вокруг меня и до самого неба. Свершалось чудо. Но что-то в этом чуде было зловещее...»

Прошло много времени, и эта музыка вновь прозвучала уже в Иркутске: «Проходя коридором Иркутского университета всего лишь за неделю до того, как его преждевременно покинуть, я замер у закрытой двери актового зала. Там, за дверью, находился тот питерский грузчик, и играл он ту самую музыку... Я распахнул дверь... Играл мой однокурсник. Я его хорошо знал. Знал, что он давно и серьезно занимается музыкой. Он кивнул мне и продолжал играть.

«Что это?» — спросил я не своим голосом, когда он кончил.

«Фортепьянная пьеса из «Моцарта и Сальери», — отвечал он и рассмеялся. — Вижу, что зацепила! Вот подожди, отработаю, тогда еще не так проникнешься!...»

«Однокурсник» — это я. В актовом зале стоял рояль, купленный в начале XX в. для размещавшегося тогда в нынешнем физико-математическом корпусе ИГУ Девичьего института, и я действительно играл на нем, когда не было занятий; или гас свет, и лекции прекращались. Но эту пьесу Бородин слышал не менее 2–3 раз, и хорошо ее знал. Об описанном им эпизоде

в Ленинграде он мне не рассказывал, но, вероятно, случай этот мог иметь место. Зато конец рассказа, посвященный пьесе Н.А. Римского-Корсакова и размышлениям о ней, производит сильное впечатление.

Попытки Леонида Бородина пропагандировать свои взгляды привели к доносу на него. Где-то в середине декабря я однажды просидел в cocheгарке университета, где он работал, часа полтора. А спустя несколько дней, 24 декабря 1956 г., мы встретились у входа в спортивный зал, чтобы заняться физкультурой. Увидев меня, необычно бледный Леонид отвел меня в сторону и сказал, что его допрашивали в КГБ. Как я узнал позже, в квартире, где он жил у родственников (ул. Чкалова, недалеко от площади Кирова), был произведен обыск; обнаружили и его басню, и весьма откровенный дневник. Там он, в частности, писал, что встретил единомышленников, а позже (когда энтузиазм кружковцев ослаб), что ошибся в них, т.е. — нас. В ноябре советские войска вошли в Венгрию, чтобы подавить народное восстание, и Леонид написал, что с радостью взял бы автомат, чтобы сражаться за венгров.

Придя из университета домой, я сразу же уничтожил «улики» — басню и статью Аллы.

Леонида Бородина не арестовали, но часто после занятий вызывали на допросы. Я предложил собраться и обсудить, что нам следует говорить, если членов кружка тоже будут допрашивать. И вот в конце декабря или в начале января мы ушли с лекции по истории КПСС, и практически напротив здания ИГУ, метрах в трехстах, устроили «заседание» в парке им. Парижской коммуны, на скамьях перед летней эстрадой. На лекции в актовом зале должно было сидеть около ста студентов факультета, и мы не опасались, что наше отсутствие будет замечено.

Однако из кружковцев, кроме меня, никого в КГБ не вызывали. Я же, естественно, старался рассказывать как можно меньше. Впрочем, следователи на меня не давили и не запугивали.

Как только начался второй семестр, в феврале 1957 г., состоялось комсомольское собрание факультета, на котором рассматривалось дело Бородина. Главным обвинителем выступил наш сокурсник, староста группы Миша. Мне как организатору кружка пришлось тоже выйти на трибуну и умеренно каяться. Леонид Бородин был исключен из ВЛКСМ и отчислен из университета, но уголовное дело на него не завели. Мне же, с целью «перевоспитания», предложили на апрельской студенческой научной конференции выступить с докладом о Ленине. Дома у нас был двухтомник воспоминаний о нем, я добросовестно пересказал основные факты и события из жизни вождя. После этого наше начальство решило, что я «исправился», и больше меня не трогали, даже не вывели из состава бюро ВЛКСМ.

Сам Леонид Бородин так говорит об этих событиях: «Самая отчетливая картинка — это мои первые допросы в 1957-м. На меня, студента первого курса истфака Иркутского госуниверситета, заведено дело по «антисоветчине», но я не арестован и даже не на «подписке», меня попросту «таскают» на допросы после лекций. Поставивший на себе крест, я более всего трепещу за судьбу моих «кружковцев». Саша Дулов, сын уважаемого профессора истории, Наташа Симонова — дочка начальника иркутского гарнизона... И остальные... Всех их я «вовлек», «заговорил» обязанностью нашего поколения «докопаться» до полной правды о культе личности... Я — инициатор. Они — жертвы моей инициативы. Так подает дело следователь майор Анфисов, и в этом я с ним полностью согласен...» (Леонид Бородин. «Без выбора...»)

Далее, в этой же книге, он вспоминает, как его допрашивали в КГБ. Но эти страницы я пересказывать не буду.

Лет через 20 один человек, возглавлявший в 1950-х гг. комитет бюро ВЛКСМ, назвал мне того, кто донес на Бородина. Это был Миша, выступавший главным обвинителем на собрании. О том, что он сообщил в КГБ об «антисоветчике», Миша тогда, конечно, не сказал.

Впрочем, думаю, что Миша сделал донос не из-за карьеристских соображений, а потому, что был искренним сторонником советской власти. Любопытен его дальнейший жизненный путь. На 2-м курсе он вступает в КПСС, переводится на юридический факультет и оканчивает его. А в

1960–1970-х гг. и я, и другие наши бывшие студенты часто видят его на экранах телевизоров рядом с Л.И. Брежневым. Наш бывший сокурсник стал одним из его телохранителей. Где-то в 1980-х гг. я услышал, что он умер.

В 1962 или 1963 гг. произошла моя последняя встреча с Леонидом Бородиным. Как-то летом он позвонил мне домой и предложил встретиться. Свидание состоялось на набережной Ангары. Леонид рассказал, что два года он работал на строительстве Братской ГЭС, в рудниках Норильска, потом поступил на историко-филологический факультет пединститута в Улан-Удэ и окончил его. Работал в школе на станции Маритуй учителем или директором школы. Рассказывал он о том, что нашел людей, близких по духу, в Ленинграде и Томске, что серьезно интересуется философией Гегеля. Просил меня поговорить с зав. кафедрой философии ИГУ (не называя фамилии) о возможности поступления в аспирантуру. Так как я сам был уже аспирантом, это было мне не трудно, и в сентябре, когда начались занятия, я выполнил просьбу Бородина. Философ сказал мне, что сначала необходима личная встреча с этим человеком. Я отправил письмо в Маритуй, сообщив о нашем разговоре.

Леонид предложил мне также приехать в Маритуй, чтобы принять участие в инсценировке: он будет читать рассказ Куприна «Гранатовый браслет», а я за сценой должен играть «Largo appassionato» из 2-й сонаты Бетховена. Я бы с удовольствием съездил, но отец, которому история с Бородиным сильно испортила нервы, поездку мне запретил.

Больше я с Леонидом Бородиным не виделся, но еще раз нанести визит в КГБ мне все-таки пришлось. Дату этого события я забыл, но поскольку писатель сообщает в своей книге, что арестован был в 1967 г., следовательно, именно тогда меня и вызвали в это солидное учреждение. Вызвали и спросили, переписывался ли я с Леонидом Бородиным. Я, естественно, ответил, что отправил ему письмо по поводу поступления в аспирантуру (оказывается, адресат его не уничтожил!). Поэтому пришлось мне еще раз рассказывать о Бородине 1956 года!

Думаю, что приведенные мной сведения о пребывании Леонида Бородина в Иркутске в 1956 г. помогут дополнить биографию писателя, сумевшего, несмотря на борьбу за новый политический строй, нахождение в тюрьмах (1967–1973 и 1982–1987 гг.), создать яркие художественные произведения.

Что же касается публикуемой ниже басни Леонида Бородина «Лиса и Слон», то она печатается по копии, переписанной для меня бывшим членом нашего кружка Ольгой. Свой текст я ликвидировал в декабре 1956 г., а через два года попросил ее сделать мне его копию.

ЛЕОНИД БОРОДИН

ЛИСА И СЛОН

Басня, октябрь–ноябрь 1956 г.

Однажды, с некоторых времён
Стал зазнаваться мудрый слон.
В кулак зажал всех граждан леса,
Рычать и лаять запретил.
Имея силу Геркулеса,
Он всех тиранил и давил.
«Ха! — Ворон каркнул — Враг народа!»
Закрытый суд и пуля в лоб.
И массу дел такого рода он сотворил,
Боялись чтоб.
Лишь волк, лиса, два-три медведя
Сумели ему подольстить,
Фальшивой славой ослепить.
Давай слона везде хвалить,
Его талант перевозносить.
Глядишь, и все по их примеру
Отцом вдруг назвали слона
(На то фантазия дана).
Идут года... Старее слон...
И вот уже в постели он.
Все звери траур надевают,
Визжат, скулят — навзрыд рыдают:
«О мудрый слон! О добрый слон!
Как жаль, что нас покинул он!»
Он был велик, он был силён.
Прощай, прощай, любимый слон.
Но больше всех лиса рыдала
И на поляне средь зверей
Ручьями слёзы проливала
(Слона так жалко было ей)
Тут звери все от умиленья
(Или по глупости большой)
Лисы просили соглашенья,
Чтоб она была старшой.
Взглянув вокруг, с улыбкой ясной,
Лиса сказала, что согласна.

* * *

Прошли года... лиса у власти.
Забыт и слон, забыты страсти.
Довольны звери все. Но вот...
Лиса зовёт зверей на сход!
«Зверьё, вы помните слона, —
Так начинает вдруг она. —
Напрасно хвалите его.
Он не заслуживал того.
Вы в нём не знали эгоиста,
Его душа совсем не чиста.

Зверей он много погубил —
Вообще он яростный деспот был.
Самолюбив, самонадеян,
Не так талантлив и умён,
Чужою славою овеян.
Зажал нас сильно старый слон.
Слона прекрасно знаю я,
Кто восхвалять его старался?..
... Подать немедля соловья!
(Тот чуть от страха не скончался)
Смотрите все, сей подхалим
Когда-то был слоном любим,
Не говоря уж обо мне.
Есть много и других зверей,
Слона, быть может, поумней».
Тут соловей посмел вмешаться:
«Ведь я ж от вас о нём слышал!»
«Молчать! Не смей перепираться!
Не будь к тому ж ещё нахал!»
От страху бедный вдруг начал:
«Ура лисе!» — но замолчал.
И все решили, наконец,
Что он действительно подлец.
Лисе понравилось вступление
И состоялось примирение.
«Итак, друзья, поверьте, слон,
Увы, не так уж был силён!»
И соловей пропел: «Друзья!
Всё это подтверждаю я».
(Тут все припомнили обиды,
Что им когда-то слон нанёс).
Но вдруг послышался вопрос:
«Лиса, а где же ты была,
Чего ж ты нас не защищала?
Почему и тогда молчала,
И во весь рот слона хвалила?
Ведь не откроется могила
И слон не скажет — почему
Ты так понравилась ему.
(Мертвец не может оправдаться!)»
«О, дайте с мыслями собраться».
И у лисы готов ответ:
«Нет, звери, нет и ещё раз нет!
Боролась я лишь как могла,
Но чтобы вы узнали правду,
Я только силы берегла».

Мораль сей басни необычной
Для слуха, может, непривычной
Ясна, как в полдень небеса.
«Знакома ль вам моя лиса?..»

АНАТОЛИЙ КАЗАКОВ

ПЕРЕПИСКА С ЖЕНОЙ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА ОЛЬГОЙ СЕРГЕЕВНОЙ

*«Будьте человечны
в одну из самых бесчеловечных
эпох мировой истории,
храните образ человека,
он есть образ Божий...»*

Николай Бердяев

Каждый, кого сподобил Господь прикоснуться к пониманию, что такое исконно русская литература, приходит к очень многозначительным выводам и довольно чётким определениям, одним из которых является то, что русская литература — святая. Именно она после 1917 года продолжала воистину труднейший путь к восстановлению нашей многовековой православной веры.

Прочитав почти все книги Василия Ивановича Белова, несколько лет назад решил написать письмо в Вологодскую писательскую организацию. Конечно, не верилось, что получу хотя бы какой-то ответ.

Но как-то зимним утром, придя с работы, обнаружил в почтовом ящике конверт. Прочитал — обомлел: «Василий Иванович Белов». Дрожащими руками открыв дверь своей квартиры, подошёл к иконе и бухнулся на колени. Крестился и плакал. Господи, ведь сам великий русский писатель, лучший друг Василия Макаровича Шукшина прислал мне, простому столбу, письмо!

Я боялся вскрыть конверт. Как сейчас помню красочную тройку лошадей на конверте и надпись «С Новым годом и Рождеством!». С большим волнением аккуратно надрезал конверт. И вот ещё одно чудо в моей жизни: оказалось, что письмо писала супруга Василия Ивановича Ольга Сергеевна на день моего рождения. Случилось так, что из Вологодской писательской организации мою весточку принесли Беловым прямо домой.

Из письма Ольги Сергеевны я с огорчением узнал, что Василий Иванович давно не работает творчески по причине тяжёлой болезни, и ещё она благодарила меня за глубокое понимание его произведений. Посетовала она и на то, что нынешние книжные полки магазинов завалены бездуховными, абсолютно безнравственными материалами. Вот так просто и незаметливо началась наша переписка. Я стал высылать им мои деревенские рассказы и стихи. Они же в ответ — своё мнение.

Однажды, в разговоре с главным редактором областной газеты «Наш сибирский характер» Сергеем Маслаковым, который родом с Алтая, упомянул о переписке с супругами Беловыми. Его удивление было настолько велико, что он закричал: «Ты понимаешь, Толя, ты же всё равно, что от Василия Макаровича Шукшина письмо получил!..» Поведал мне Сергей и о том, что, когда он женился на молодой журналистке Ирине Лагуновой, то в их семейной библиотеке было всего лишь две книги, одна из которых была Василия Белова.

Именно благодаря Сергею и Ирине несколько писем от Ольги Сергеевны были напечатаны в их газете, и эти публикации затем были отправлены мною Беловым. Ольга Сергеевна на это ответила так: «Разумеется, на публикацию моих писем я не рассчитывала. Была удивлена, где-то недоумевала, хотя, признаться, чуть-чуть было приятно...» Написала она и о 75-летию поэта Владимира Кострова, и о торжестве под названием «Рубцовская осень», на котором многие композиторы и певцы исполняли песни на стихи Николая Рубцова. Я был очень рад об этом узнать: вот уж где действительно настоящее искусство, вот где русский соборный дух! Как же я радовался, читая её прекрасные строки, радовался, что состояние здоровья Василия Ивановича, слава Богу, стабильно!

Уже в следующем письме узнаю, что Ольга Сергеевна свезла его в родную Тимонику. «Родину повидал из окошечка своего дома». Оказалось, что в это самое время проходил в деревне праздник сенокоса. Было соревнование по отбиванию кос, затем косили, смётывали стога. Перед глазами Василия Ивановича и Ольги Сергеевны предстала огромная народная ярмарка. Исполнялись песни, читались замечательные стихи. Узнал из письма и то, что ежегодно в Вологде среди старшеклассников проводятся «Беловские чтения», и что мои работы Ольга Сергеевна отдала в центр Белова, с надеждой, что я возражать не буду.

Именно благодаря Василию Ивановичу я стал писать стихи и рассказы о деревне, названия которых возникали в голове молниеносно. Так родились у меня «Русское знамение», «Блаженный Толька» и «Ванька Баум». Многострадальная, но вместе с тем и добрая деревенская проза великих русских писателей перевернула моё мировоззрение. Каждой клеточкой своего нутра ощущаю тяжелейший труд крестьян и искреннюю их любовь к Богу. В каждом доме бережно хранятся и передаются по наследству иконы и православные книги. Моя же родная деревня — Леметь испокон веку плела лапти и успешно торговала ими. Лишь в XX веке это ремесло сменилось на другое — стали плести корзины, но и это здорово выручало деревенских жителей, ибо пенсию в деревнях в то время не платили. Только благодаря торговле и товарообмену выживали мои предки. Эти воспоминания словно бурлили во мне, просились на бумагу. Сама жизнь указывала мне, какое великое наследие оставили нам писатели-деревенщики, и я с огромной радостью вновь и вновь повторяю их имена — В. И. Белов, В. П. Астафьев, Ф. А. Абрамов, В. М. Шукшин, В. Г. Распутин.

В ожидании очередного письма прошло много месяцев, я понимал, что Ольге Сергеевне не до писем, что ухаживать за тяжело больным мужем не простое дело, но всё же терпеливо ждал. Помнил, что где-то в далёкой Вологде живут дорогие моему сердцу супруги Беловы, и надеялся, что Ольга Сергеевна всё же напишет мне письмо, хотя и присутствовало чувство вины, что беспокою пожилых людей.

Однажды моя жена встретила меня с работы ликующей улыбкой: «Дождался: письмо пришло!» Дрожащими руками вскрываю конверт. Привожу начало письма дословно: «Василий Иванович чувствует себя хуже, потому и не успеваю всё делать. Быт совсем заел. Василий Иванович плох, но, слава Богу, стабилен...»

Нервы мои разбередились не на шутку. Иду в храм, ставлю свечи за здоровье Василия Ивановича и молюсь, молюсь.

Потом получил ещё одно письмо, как оказалось, последнее: «...всё по-прежнему. Василий Иванович в том же состоянии, но есть какие-то надежды на возрождение: чувствует себя бодрее и радостнее...»

А 5 декабря 2012 года в 6 часов утра я, как обычно, включил радио; в короткой сводке последних новостей было объявлено о том, что умер писатель Василий Белов. Внутри все похолодело. Уже в 8 утра мною была отправлена телеграмма в Вологду со словами: «Плачу и скорблю». Ольга Сергеевна все последние годы оберегала нашего великого русского писателя от тяжелого недуга, но болезнь есть болезнь. И тут трудно что-либо добавить.

Ровно за неделю до этого трагического события в нашей городской библиотеке я взял книгу «Лад». Умер же мой любимый писатель, напомним, 4 декабря, и именно этого числа поздним вечером я читал вот эти слова из его воистину замечательной книги: «Старики, до конца исчерпавшие свои физические силы, не теряли сил духовных; одни призывали смерть, другие терпеливо ждали ее. У северного русского крестьянина смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была равносильна тайне рождения. Смерть, поскольку ты уже родился, была так же необходима, как и жизнь...»

Все трое суток я, то и дело переключая каналы телевизора, ждал, как откликнется на смерть великого русского писателя телевидение, общественность, но первым делом с интересом прочитал «Литературную газету». Спасибо им огромное за материал о Василии Белове. И канал «Россия» не подвел — дал обстоятельную и правильную оценку о действительно невозможной потере праведно жившего и оставившего после своего ухода семь томов замечательной деревенской прозы. По каналу «Культура» был показан документальный фильм о Василии Ивановиче. Потрясающе искренние слова об этом фильме были произнесены критиком Валентином Курбатовым. Он сказал, что не надо его, Василия Белова, снимать, лучше жену снимите.

Я переживал: как же тяжело сейчас Ольге Сергеевне!

23 октября 2012 года Василию Ивановичу исполнилось 80 лет, а в сентябре я случайно заглянул на почту, и там мне сказали: вам бандероль от Беловых; до этого, ранешним письмом, я попросил Ольгу Сергеевну, чтобы она прислала мне роман «Час шестый», посоветовал, что в Братске его просто нет. От почты до моей дачи, помнится, я не шел, а летел по дороге, читая молитвы, думая о том, что я счастливый человек. И вот вскрываю бандероль, читаю: «...роман «Час шестый» выслать не можем, отдельной книгой у нас нет. А вот трилогию высылаем. Это вам подарок от нас...» На глаза навернулись слезы. Книга почти в тысячу страниц, куда вошли «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый». Когда я читал эту воистину золотую для меня книгу, то думал о том, чтобы она подольше не кончалась. Эти тысячи страниц исцеляли мою душу.

А в те три дня после кончины Василия Ивановича я не отходил от телевизора, жадно смотрел канал «Культура» и чего-то ждал. И вот, слава Богу, опять информация о Белове, но — безрадостная: когда-то, узнаю, Василий Иванович восстановил в Тимонихе православный храм на свои собственные деньги, но какие-то нелюди храм тот осквернили, что, оказывается, и послужило началом тяжелому недугу. Я содрогнулся от услышанного. Наверное, каждый русский человек задавал себе вопрос: «Почему же с нами все это происходит?»

Недавно написал Ольге Сергеевне. Привожу письмо полностью, ибо по-другому не могу: «Поклон из Братска, дорогая Ольга Сергеевна! Примите мои соболезнования, Вы прекрасно знаете, что для меня есть Василий Иванович, и я не случайно пишу — есть. Православная вера на том и основана. Что вам сейчас трудно, знаю, и буду за Вас молиться. Вы знаете, что я простой сторож, поднимаю двоих сыновей, но мечтать мне никто не сможет запретить, и я буду молить Бога о том, чтобы побывать в Тимонихе и поклониться маме писателя Анфисе Ивановне и, конечно же, Василию Ивановичу, да и всем деревенским, ибо это всегда свято. В Братске многие выражают мне соболезнования, зная мое отношение к Вашему мужу. Дорогая Ольга Сергеевна, я Вас очень, очень, очень люблю. Храни вас Создатель! Вечная память великому русскому писателю Василию Ивановичу Белову».

За время нашей переписки у меня накопилось десять писем, и теперь я воочию понимаю, что письма эти для меня являются нравственным примером любви и самоотверженности русской женщины Ольги Сергеевны Беловой. Несколько писем были опубликованы в книге «Святодавнішня Русь», однако тираж у нее всего 110 экземпляров. Как же я радовался, когда Василий Иванович и Ольга Сергеевна одобрили мою книгу. Я испытал истинное литературное счастье. И как бы дальше ни сложились мои дела, я буду помнить, что в моей жизни была переписка с Беловыми. И детям своим накажу, чтобы помнили.

Письма от Ольги Сергеевны я буду бережно хранить, или передам их в городскую центральную библиотеку Братска.

ВИТАЛИЙ СИДОРЧЕНКО
заслуженный артист России

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА...

ЛЕОНИД ГАЙДАЙ В ИРКУТСКЕ

30 января 2013 года у классика советского комедийного кино Леонида Иовича Гайдая юбилей. В этот день ему исполнилось бы 90 лет. И хотя его нет с нами почти два десятка лет, фильмы его до сих пор известны и популярны у зрителей всех поколений.

Эти фильмы жизнерадостны, остроумны, необыкновенно изобретательны, в их основе всегда лежит жизненное начало. Режиссер Гайдай в совершенстве владел средствами кинематографического языка, приемами гротеска, эксцентрики и пантомимы, но вместе с тем всегда умело мотивировал своих героев, проникал в их психологию. И не случайно, что его блистательные комедии и теперь пользуются необыкновенным успехом.

Путь же к этому успеху у Леонида Иовича, как и у каждого истинного художника, был непростым. Он родился в дальневосточном городе Свободном и приехал в Иркутск в начале 30-х годов прошлого века. Отец его, Иов Исидорович Гайдай, еще в молодые годы за участие в революционных событиях на Украине в 1905 году был сослан на каторжные работы на Дальний Восток. Когда кончился срок каторги, он остался на поселении в Приамурье, приобрел профессию счетовода, а затем бухгалтера, и всю свою жизнь проработал на железнодорожном транспорте.

Товарищ по каторге познакомил его со своей племянницей из Рязани Марией Ивановной. Они встретились в городе Свободном, поженились и прожили всю свою большую жизнь в любви и согласии. Вырастили троих детей: Александра, Леонида и Гутю.

Как хорошего и опытного специалиста отца часто переводили из одного города в другой — в Хабаровск, Благовещенск, Читу и, наконец, в Иркутск. Ребята пошли учиться в школу №10, впоследствии переименованную в 42-ю железнодорожную. Старший Александр, которого в семье звали Шурик, характером вышел в отца. Был рассудителен, добросердечен, отлично учился, много читал. В школе был комсоргом, редактором стенгазеты, сочинял стихи. Старшее поколение иркутян знает Александра Гайдая как талантливого поэта и журналиста.

СИДОРЧЕНКО Виталий Петрович. (1938, с. Порог Нижнеудинского р. Иркутской области). Окончил Иркутское театральное училище, отделение журналистики ИГУ. Актёр Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова. Заслуженный артист России; член СП России. Автор книг и статей о театре, истории сибирского театра. Живёт в Иркутске.

Юный Ленья, по воспоминаниям его одноклассников Владимира Соболя и Георгия Новицкого, отличался весьма озорным характером. В 1934 году, когда одиннадцатилетнего Ленью Гайдай определили в пятый класс 42-й железнодорожной школы, он в первый же день показал классу «фокус с партой». Парта для его роста была низкая, а ноги у Лени были не по возрасту длинные. Он сел за парту, приподнял ее коленями, и так они пошли с соседом вперед к учительскому столу. За ними почти весь ряд сделал то же самое. Учитель шутку не понял и велел всему ряду привести в школу родителей. Пришлось старосте класса Владимиру Соболю выручать юного Гайдаю. Он предложил классу взять Ленью на поруки, «в связи с первым днем его учебы в школе». Родителей все же пришлось пригласить, а «длинного Ленью» посадили на последнюю парту.

— А на предпоследней парте сидела я, — вспоминала его одноклассница Наталья Иннокентьевна Белых. — Однажды была у нас физкультура. Мы с соседней девочкой Валей Карповой принесли сменную форму, положили ее в парту и ушли на перемену. Ленька Гайдай это видел, и, пока мы отсутствовали, он взял у Вали платочек, а у меня тапочки. Мы заходим в класс и видим такую сцену: Ленька стоит за учительским столом, на голове повязан Валин платок, на руки надеты мои тапочки, и ими он шлепает по столу. А сзади его дружок продел руки в рукава и активно ими жестикулирует. При этом Ленья с серьезным лицом говорит какую-то речь. Класс покатывается со смеху! Тут, как всегда не вовремя, входит учитель, и спектакль заканчивается на самом интересном месте.

Озорной был парнишка! В школу ездил на одном коньке. Потом прятал его в сугроб, а после уроков опять лихо катил на нем до самого дома. Превосходно ходил на лыжах.

До войны на Синюшиной горе были построены два трамплина для прыжков лыжников. И ребята из ближних дворов часто проводили там время. Владимир Соболев с восхищением вспоминал, как его друг Ленька выбирал самый высокий трамплин и лихо с него прыгал. И в плавании ему не было равных. Сверстники собирались на берегу реки Каи, купались в ней. Гайдай переплывал Каю, а затем возвращался, гребя одной рукой, а в другой, высоко поднятой, держал букет белых лилий.

Конечно, за отчаянность и озорство ему частенько попадало дома. В пример ему всегда ставили старшего брата Александра — отличника и активиста.

Ленья хорошо играл на балалайке, занимался в струнном оркестре железнодорожного клуба. В школьном драматическом кружке тоже был не последним участником. Хорошо читал отрывки из поэмы В. Маяковского «Облако в штанах». Но коронными номерами у него были все-таки рассказы М. Зощенко.

Журналист Георгий Новицкий, вспоминая школьные годы, писал: «Леонид был высоким, стройным, несколько худощавым юношей. Это придавало его фигуре какое-то особое обаяние. Все в школе знали его как самого активного участника драмкружка. Привлекало в нем прежде всего то, что он был неиссякаемым юмористом. Казалось, все в его натуре заполнено смехом, иронией, сарказмом. Речь его всегда изобиловала остротами, прибаутками, «солеными словечками», «юморными вывертами». Он, что называется, был душой драмкружка. Какие они ставили спектакли! Водевили, шаржи, скетчи, разные сценические трюки. Мы, школьники, смотревшие их, надрывали от смеха свои животы».

В 1938–1939 годах в иркутском госпитале находились на лечении солдаты, получившие ранения в боях на озере Хасан и на Халхин-голе. Участники драматического кружка 42-й железнодорожной школы выступали перед бойцами с концертами и, конечно, Леонид Гайдай активно в них участвовал — читал рассказы Михаила Зощенко.

Бесспорно, Иркутск был началом пути Леонида Гайдаю. Отсюда он сделал первые шаги навстречу своей жизни в большом искусстве, здесь выступал в драматическом кружке и в струнном оркестре железнодорожного клуба, и совсем не случайно по окончании школы он решил идти работать прямо в Иркутский драматический театр. Был принят в его штат, но не артистом, а рабочим сцены.

Но это была тоже учеба. Юный Ленья Гайдай впервые увидел работу профессиональных актеров, что называется, изнутри. Он смотрел из-за кулис на игру мастеров сцены, на их костюмы и грим, удивлялся их профессиональному умению входить в образ. И это ему страшно нравилось.

Еще в первые годы войны, когда враг захватывал города на Украине и в Белоруссии, продвигаясь к Москве, советское правительство приняло решение эвакуировать в глубокий тыл страны фабрики и заводы, научные учреждения и даже театры. Так, в Иркутск в октябре 1941 года прибыл поезд с актерами Московского театра сатиры. Было решено предоставить гостям из столицы сцену драматического театра. Иркутские же артисты вместе с декорациями и костюмами переехали в город угольщиков Черемхово. Часть же специалистов монтажного цеха, в том числе и молодой рабочий сцены Леонид Гайдай, остались работать с московским театром.

Труппу столичных артистов возглавлял знаменитый тогда Владимир Яковлевич Хенкин, Заслуженный артист республики, первый комик советской эстрады, мастер юмористического рассказа, «любимец публики», как тогда говорили. Его выступления зрители ждали всегда с нетерпением.

В труппе Театра сатиры кроме Хенкина были и другие знаменитые актеры, которых зрители знали и по кино, и по концертным выступлениям. Это один из героев популярного в те годы фильма «В шесть часов вечера после войны» И.А. Любезнов, Заслуженные артисты республики П.Н. Польш и Е.Я. Милютина, известные А.М. Бонди, Н.Н. Рыкунин, В.А. Лепко и другие.

Конечно, для восемнадцатилетнего парня, мечтающего о сцене и увидевшего в первые месяцы своей трудовой жизни такое количество столичных спектаклей, а главное — игру мастеров сценического искусства, всё это было настоящим потрясением.

— Я выучил наизусть тексты многих ролей, мог подать любую реплику, — вспоминал он позднее. Помолчал и грустно добавил: — Но такой необходимости не возникало.

Однако уже через три месяца ему пришлось попрощаться с театром. В феврале 1942 года Гайдаю призвали в армию. Военский набор, в который он попал, отправили почему-то не на запад, а на восток. В Маньчжурию. Много лет спустя, по просьбе брата Александра, уже известного поэта и журналиста, Леонид Гайдай обстоятельно описал эти свои армейские и флотские будни.

— ...Высадили нас на станции Ага, на Маньчжурской ветке. Зима, пронзительный, леденящий ветер... Часть наша называлась «КПД-10» и должна была готовить для войск конную тягу. Сразу по приезде мы начали строить конюшни и конюязи. За 15 километров, пешком, естественно, топали в лес, рубили березы, какие покрепче, и на своих плечах тащили их в часть. В день успевали сделать один рейс. Тяжело было. Некоторые не выдерживали. Хорошо, что к этому времени уже весна наступила. На окрестных сопках появился дикий лук мангыр — отличный витамин, существенная добавка к нашему скудному пайку.

И тут пригнали первый табун диких лошадей из Монголии. Задача наша была такая: сделать их послушными, пригодными к воинским будням. Ох и задали они нам! Лошади не давались в руки, ловили их арканом (особенно это удавалось бойцам-бурятам), приучали к недоузду, потом к узде, затем к седлу, а потом, вместе с объезженными лошадками, ребят из части отправляли на фронт.

Но, несмотря на столь нелегкие условия службы, худой, долговязый паренек в линейной гимнастерке, за день впроголодь набегавшись до упаду, успевал после отбоя направляться в солдатский клуб на репетицию драматического кружка. В конце июня 1942 года очередной маршевой командой Гайдай был отправлен на запад.

— ... Не буду описывать, как ехали через всю страну, как в Иркутске меня встретили родители. Наш эшелон через Москву был направлен в Череповец, где шло формирование дивизии. Помню, как между нами ходили командиры и нахваливали разные военные специальности. Я и некоторые ребята, с которыми вместе служили на востоке, решили идти в разведчики. Романтика! Я был зачислен во взвод нашей разведки (рядовым) 1263 стрелкового полка 381 дивизии. Короткая учеба в лагере под Можайском — и на фронт. Начались фронтовые будни, охота за «языками». Мы воевали на Калининском фронте. В декабре 1942 года меня наградили медалью «За боевые заслуги». А в марте 1943 года был тяжело ранен под Новоскольниками. Госпитали в Великих Луках, Калининне, Иваново. Операции, повязки, костыли, инвалидность. В феврале 1944 года вернулся в родной Иркутск уже демобилизованным и сразу поступил в студию при Иркутском драматическом театре.

Это письмо Леонида Гайдая брату Александру написано сжатым, как в режиссерской рас- кадровке, языком. В нем он сообщал о главных произошедших с ним событиях, не раскрывая их сути и подробностей.

В соответствии с решением Совнаркома РСФСР и распоряжением Управления искусств при СНК РСФСР в Иркутске с 1 января 1944 года при Иркутском областном драматическом театре открылась трехгодичная актерская студия. Приемные экзамены проходили с 1 по 15 января 1944 года. В экзаменационную комиссию было подано 250 заявлений от желающих обучаться в студии. После первого тура осталось 126 человек, а после второго — только 22 человека. Леонид Гайдай опоздал к экзаменам. Он прибыл из госпиталя только 1 февраля. Но в порядке исключения ему разрешили сдавать приемные испытания 1 февраля 1944 года. Вместе с ним разрешение получила также опоздавшая по уважительной причине Л. Кириллова. Сохранился приказ по театральной студии от 1 февраля 1944 года.

«На основании протокола комиссии от 1 февраля 1944 года зачисляются студентами театральной студии следующие лица:

1. Гайдай Л.И.;
2. Кириллова Л.И.

Указанных студентов зачислить на хлебное довольствие, прикрепление к столовой с 1 февраля 1944 года.

Директор театра О. Волин».

Кроме «прикрепления» к столовой Горзолотопродснаба всем студийцам выдавали еще продуктовые и *жировые* (!) карточки, определили в одну из поликлиник, а также в спортзал общества «Динамо». Иногородних поселили в специально выделенные комнаты в актерском общежитии на улице Красной Звезды. Руководителем студии назначили худрука и главного режиссера драматического театра Н.А. Медведева. После его отъезда в 1945 году, возглавил студию тоже художественный руководитель и главный режиссер театра М.М. Ляшенко. Преподавали в студии режиссеры и ведущие актеры театра, а общеобразовательные предметы вели педагоги иркутских вузов.

Леонид Гайдай поступил в студию не совсем здоровым — болела раненая нога. Проучившись пять месяцев, он лег в госпиталь, накануне написав дирекции заявление:

«Ввиду предстоящей операции (ранение ноги) я вынужден лечь в госпиталь с 21 мая с.г. Не желая отставать от занятий в студии, могу выехать после выздоровления (приблизительно в конце июня) на место пребывания театра (гастроли театра — В.С.). Прошу сообщить мне о такой возможности по адресу: г. Иркутск, ул. Касьянова, д. 35. Гайдай. 20.5.44 г. или в г. Иркутск, ул. Красной Звезды, 7, облспецбольница. Гайдай».

Учился Леонид Иович старательно, практически без троек. Сказался и опыт работы в театре и, конечно, участие в боевых действиях на фронте. Он просто осознанно шел к своей цели — стать актером и работать в театре. Был в хороших отношениях с однокурсниками, уважал труд педагогов, хотя иногда, считая что-нибудь несправедливым, показывал и характер.

«Заведующему учебной частью т. Москаленко И.А. от Бродского М.А. Рапорт. Студент Гайдай, скептически относясь к музграмоте, разлагающе действует на группу. За нетактичное поведение 14 декабря от уроков освобожден. Преподаватель Бродский. 14.12.44 года».

Через 10 дней от Гайдая последовало следующее объяснение: «В местный комитет при Иркутском драматическом театре от студента театральной студии Гайдая Леонида Иовича. Заявление. В приказе по театру мне был вынесен выговор за нетактичное поведение на уроке музграмоты. Считаю причины, выдвинутые преподавателем музграмоты М.А. Бродским к удалению меня с урока, неосновательными. Прошу МК передать мое заявление на рассмотрение РКК. 26.12.1944 г. Гайдай (подпись)».

Судя по отсутствию всяких последующих документов, конфликт был разрешен мирно. А в экзаменационной ведомости по музграмоте у Гайдая стоит все-таки отличная оценка.

После двух лет обучения студийцы сдавали серьезные переводные экзамены на следующий, заключительный учебный год по основным профилирующим предметам, в том числе и по актерскому мастерству. В программу этого экзамена входило: исполнение монолога из

пьес русской и зарубежной классики, исполнение этюдов «на общение, сценическую задачу и внутреннюю характерность», групповые этюды «на скульптурность», массовые этюды, а затем исполнение небольших отрывков из пьес. Гайдай выбрал для показа экзаменационной комиссии монолог Подколесина из пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба». Конечно, это не было случайностью. Гоголь уже тогда привлекал внимание будущего выдающегося кинорежиссера своей остротой, яркостью характеров, гротесковостью. Как прошел этот экзамен, можно узнать по чудом сохранившейся записи тех далеких военных лет, в протоколе собрания педагогического совета студии 1 июля 1946 года.

В Иркутске. 1943 г.

«...Гайдай. Умеет перевоплотиться из одного материала в другой; умеет находить характер, хорошо мыслит, развит. Но необходимо обратить внимание на голос. Без преодоления имеющегося у него горлового звука, мы не вправе будем вручить ему диплом на звание актера». Но руководитель студии, главный режиссер Иркутского драматического театра Михаил Михайлович Ляшенко, оценивая экзамен по специальности за второй год обучения, поставил Гайдаю пятерку, добавив при этом: «Это будет настоящий характерный актер».

Студийцы, буквально с первого курса, были заняты во многих спектаклях театра, участвовали и в концертных выступлениях. Так, в программе городского вечера, посвященного памяти Л.Н. Толстого в ноябре 1945 года, студийцы вместе с актерами театра, хором и оркестром Иркутского Радиокomiteта выступили в концерте, в котором исполнили III действие из пьесы великого русского писателя «Власть тьмы». Роль Никиты в этом действии исполнил студиец Леонид Гайдай.

Особенно памятной будущим артистам была поездка на Дальний Восток в 1945 году, когда театр целых три месяца был командирован обслуживать 2-й Дальневосточный фронт. Из-за необходимости выступать со спектаклями и концертами в действующих воинских частях вместе с театром занятия в студии были на некоторое время отложены. Об этих незабываемых днях, о бытовых условиях, в которых жили студийцы на гастролях, с юмором вспоминает в своей книге «Второй после всевышнего» бывший студиец (он учился в другой, младшей, группе) народный артист РСФСР Виктор Пантелеймонович Егунов.

— ...В 1945 году мы вместе были на гастролях в Хабаровске. Нас всех поселили в большой полуподвальной комнате Дома офицеров, где было много крыс. Мы заткнули все щели и жили до поры до времени спокойно. Но однажды ночью меня за ухо укусила крыса. Я соскочил с кровати и заорал. Зажгли свет, подбежали ко мне. Из уха бежала кровь. Леня Гайдай разбудил администратора театра Коцюкевича, и ночью повели меня в травмпункт. Дежурная сестра сделала противочумный укол. До утра уже никто не спал, боялись следующего укуса. Сидели и решали, как бороться с крысами. Борьбу придумал Леня. Утром, когда уходили, оставляли большую алюминиевую кастрюлю с недоеденной пищей на столе, а крышку клали у входной двери. Когда возвращались вечером, тихонько открывали дверь и Леня осторожно, на цыпочках пробирался к столу и крышкой накрывал кастрюлю. Попадались одна или две крысы. Потом мы строем шли на берег Амура — вершить возмездие. Леня заходил подальше в воду и вытрясал из кастрюли содержимое. Крысы на радостях плыли в разные стороны, но течение относило их в сторону Тихого океана. Пока мы были на гастролях, началась война с Японией. Нас, студентов, отправили домой в Иркутск. Уезжая из Хабаровска, мы жалели об одном, что амурская рыба осталась без нашего питания.

Студиец Леонид Гайдай был в числе лучших учеников. Об этом говорят оценки его работ в выпускных спектаклях студии летом 1947 года. Он получил «отлично» за роль Соленого

в спектакле «Три сестры» по пьесе А.П. Чехова и «хорошо» за роль режиссера Медведева в спектакле «Слава» В. Гусева. После выпускных экзаменов 27 августа 1947 года директор О.А. Волин объявил, что десять выпускников студии, в том числе и Л.И. Гайдай, приглашены в труппу Иркутского драматического театра. Артисту Л.И. Гайдаю присваивается вторая актерская категория.

Виктор Егунов вспоминал, что одна из первых ролей Лени Гайдая была без слов — в спектакле «Госпожа Министерша» Бр. Нушича. Он играл сына дяди Панта — Милле. Эта комедия была поставлена в 1948 году. «Гайдай выходил на сцену с мамой за ручку, был выше мамы на голову, с оттопыренными ушами, в белой рубашке с бантиком и в коротких штанишках. Это была самая смешная сцена в спектакле. Слов, которые произносили артисты, из-за смеха зрителей не было слышно, и разгневанный режиссер заменил Леню мальчиком из Дворца пионеров.

Гайдай играл много ролей самого разного плана. Для амплуа «характерного актера» ролей всегда хватало. Роли эти были разные по значимости, по объему текста, но к каждой из них Гайдай относился всегда ответственно. Искал тот или иной «актерский ход», характерность, грим, старался нащупать в своем герое то главное, чем он будет интересен зрителю. И успех не заставил себя ждать. В 1947 году на сцене Иркутского театра был поставлен спектакль по инсценировке книги А. Фадеева «Молодая гвардия». Спектакль этот шел на сценах многих театров страны. Был очень популярен и одноименный фильм, снятый режиссером Сергеем Герасимовым. В Иркутске спектакль «Молодая гвардия» был поставлен режиссером Д.А. Хадковым.

«Режиссер, — как писала газета «Восточно-Сибирская правда», — сумел сохранить в спектакле важнейшую художественную особенность романа Фадеева — гармоничное сочетание реалистических мотивов и высокой революционной романтики. Много вдохновенного труда вложили в спектакль актеры, и прежде всего исполнители главных ролей. Вожака молодогвардейцев Олега Кошевого играл народный артист Таджикской ССР С. Якушев. Его Олег не думает о себе, о своей личной славе. Все его помыслы сосредоточены на успешной целеустремленной борьбе «Молодой гвардии» с заклятым врагом... Большого творческого успеха добился в роли Сергея Тюленина А. Логашов... Артистка В. Архангельская играет в спектакле Улю Громову. Как и роль Олега, образ Ули относится к наиболее сложным. Сложность эта заключается в показе душевного становления героини, ее внутреннего мира. Чувствуешь, что к сознанию необходимости бороться не за жизнь, а на смерть Громова — Архангельская приходит после больших, глубоких раздумий о своем будущем, о судьбе своей Родины, своего народа... Хотелось бы только видеть в исполнении В. Архангельской больше сердечности и мягкости в сценах, рисующих лирические черты Ули...»

Эти слова рецензента наверняка очень сильно затронули исполнителя роли Вани Земнухова — артиста Л. Гайдая. Ибо, как мы убедимся в финале его актерской службы на Иркутской сцене, слова: «Хотелось бы в исполнении В. Архангельской больше сердечности и мягкости» напрямую отнесутся и к судьбе Леонида Гайдая. Что же касается воплощения в спектакле образа Вани Земнухова, то рецензент отметил, что артист Л. Гайдай вполне справился с этой ролью. «В угловатом и мечтательном юноше из шахтерского городка он сумел увидеть энергичного, жизнедеятельного, кристально-честного человека. «Измен не знают наши чувства», писал в своих стихах Ваня Земнухов, и это качество его характера ярко передает актер».

Эти слова можно всецело отнести и к судьбе самого актера Леонида Гайдая.

Газета Восточно-Сибирского военного округа «Советский боец» в статье «Правда искусства», отмечая работу молодого актера, писала: «Л.И. Гайдай вполне справился с ролью Вани Земнухова. Он одинаково хорошо провел патетические и лирические сцены, бережно раскрыл богатый душевный мир молодого героя». Видимо, образ, созданный в этом спектакле Леонидом Гайдаем, по-настоящему взволновал военных журналистов. Они даже предложили недавнему фронтовику, а ныне начинающему актеру выступить на страницах газеты с рассказом о работе над образом красnodонца Вани Земнухова. Конечно, он не мог отказать их искренней просьбе и вскоре в военной газете появилась, наверное, первая публикация будущего известного комедиографа и сценариста. Приводим ее полностью.

Большая душа

В этом году в моей жизни произошло знаменательное событие: после трех лет учебы я закончил театральную студию и впервые вышел на сцену как полноправный актер. Мне посчастливилось начать свой самостоятельный творческий путь с исполнения роли члена штаба «Молодой гвардии» Героя Советского Союза Ивана Земнухова.

С чувством глубокой ответственности приступил я к работе над этим образом. Снова и снова перечитывал замечательный роман Александра Фадеева «Молодая гвардия», привлекал многочисленные журнальные и газетные материалы, старался представить себе Ваню живым со всеми его характерными чертами и привычками.

Образ Вани Земнухова глубоко захватил и взволновал меня. Я почувствовал, какая большая, поэтически прекрасная душа была у этого угловатого, мечтательного и в то же время энергичного юноши из шахтерского поселка.

Не мне судить, насколько я справился с порученной мне ролью.

Артист Леонид Гайдай

Чтобы оценить другие роли, которые поручались в Иркутском драматическом театре актеру Леониду Гайдаю, приведу несколько цитат из рецензий на спектакли, в которых он участвовал в 1947 – 1949 годах.

«...Артист Гайдай передал несвойственные ему черты чудака-ученого, оторванного от действительности мечтателя...» (Спектакль «Хлеб наш насущный» Н. Вирты. Роль агронома А.А. Твердова)

«...Привлекательно, живо, со знанием дела сыграл артист Третьяков роль советского сержанта Егоркина. Особенно хорошо получилась сцена встречи с американским сержантом Гарри Перебейнога (арт. Гайдай). Однако, Третьякова надо упрекнуть в излишнем комиковании роли». (Изн. Луговской, спектакль «Губернатор Провинции», Бр. Тур и Шейнин)

«...Следует отметить верно переданные образы в спектакле — ворчливый, но вместе с тем добродушный капрал Барбарз (!) (арт. И.А. Московченко), командир партизанского отряда Бондаренко (арт. Б. Ситко), юная романтически влюбленная Санька (арт. Т.Н. Кривцова), рабочий Левит (арт. Л.И. Гайдай)». (Спектакль Л. Славина «Интервенция»)

«...Нужно отметить хорошую игру Н. Афанасьевой, Э. Успенской, Л. Кирилловой, Л. Гайдая — «Неизвестный посетитель». (Спектакль «На той стороне» Ан. Барянова)

Эти цитаты приведены из рецензий, опубликованных в газете «Восточно-Сибирская правда» в 1948, 1949 годах.

Для молодого выпускника студии, прослужившего на профессиональной сцене неполных два года и сыгравшего при этом более десятка разноплановых ролей, стало постепенно вырисовываться его будущее амплуа — играть острохарактерные роли.

...Вскоре Гайдаю дали комнату в знаменитом театральном общежитии на улице Красной Звезды (сейчас улица Сухэ-Батора). У него появились друзья из других театров. Теперь он мог спокойно думать о своем будущем, строить дальнейшие творческие планы. Часто приходила мысль — попробовать себя в режиссуре. Коллеги по театру стали замечать какие-то наметки особых отношений Гайдая с молодой артисткой Валентиной Архангельской. Она приехала в театр вместе с маленькой дочкой в марте 1945 года. Довольно успешно стала играть роли молодых энергичных девушек. Летом 1945 года Валентина Архангельская вместе с группой актеров Иркутского театра работала во фронтовой бригаде на Дальневосточном фронте, была награждена за это медалью «За победу над Японией». Проявились отношения между Валентиной Архангельской и Леонидом Гайдаем только через много лет.

В 2004 году журнал «Караван историй» опубликовал беседу своего корреспондента Андрея Колобаева с дочерью известного барда Александра Галича — Аленой (Александрой Галич-Архангельской). «...После войны мама в поисках работы уехала в Иркутский драмтеатр. Папа остался в Москве... У мамы в Иркутске было несколько романов, в том числе два серьезных. У мамы был настоящий роман с Леонидом Гайдаем. Леню, как я его называла, я

просто обожала. Он был начинающим актером и, в отличие от мамы, примы местного театра, которую я практически не видела, имел много свободного времени, которое целиком посвящал мне. Каждый день меня ставил на подоконник, я махала маме рукой, и она убегала на спектакль. Дальше я перекочевывала к Лёне — в его крошечную комнату в общежитии. Мы читали, ели, укладывались спать. Лёня со мной нянчился, играл в разные игры, учил грамоте. Еще у нас был урок... мужества. Замечательный урок!

У Лени над кроватью висел коврик-тигр, нарисованный люминесцентными красками. Леня тушил свет, выходил за дверь и грозно рычал. «Урок мужества» заключался в том, что я, оставшись наедине со страшным зверем, не должна реветь.

Самое сильное потрясение я испытала, когда меня привезли на репетицию спектакля «Под каштанами Праги» и усадили в третьем ярусе, чтобы не мешала. Вдруг вижу, как со сцены уносят «убитого» — моего любимого Леню. Я устроила такую истерику — еле успокоили. Только когда он взял меня на руки и оказался живым, я замолчала.

Думаю, роман у мамы и Лени был настоящий. Леня любил ее безумно. Но, во-первых, мама сильно переживала из-за разницы в возрасте — она была старше Леонида Иовича на «целых» два года. Во-вторых, в ее жизни уже появилась новая тайная страсть — актер Юрий Аверин, который позже стал ее вторым мужем. По словам мамы, именно во время последнего объяснения с Гайдаем она уговорила его бросить сцену и поступить во ВГИК на режиссуру. Уговорить уговорила, однако ни слова не сказала, что расстанется с ним и «бежит» из Иркутска с Авериним.

С мамой у родного дома в Иркутске

Но Леня все равно не женился восемь лет и появился в нашем доме, только когда расписался с Ниной Гребешковой. Прекрасно помню, как мы все сидим за столом — я, мама, Аверин, Ниночка, Гайдай — и в комнате то и дело возникает гнетущая пауза. По-моему, Леня так и не простил ее «побега»...

В августе 1949 года Леонид Иович Гайдай поступил на режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии на курс известного кинорежиссера Григория Александрова... Началась новая жизнь.

АНАТОЛИЙ СОСУНОВ

РОССИЯ СНОВА КОРМИТ ПТИЦ

СВОЙ ЖАНР

В пресс-акции «Покормите птиц!» Анатолий Сосунов не подписывает своим именем тексты, созданные им по устным рассказам друзей и знакомых, а ставит подлинное имя рассказчика — такая подпись называется аллоним. В нашей литературе аллонимами давно уже никто не пользуется, а между тем есть случаи, когда это просто необходимо — и для убедительности материала, и для решения чисто художественных задач. Анатолий Сосунов в процессе своей работы над пресс-акцией с удивительной точностью уловил эту необходимость. Под аллонимами им созданы «Среди прохожих птицы узнают меня», «Повод для раздумий», «А чё их кормить?..», «Каждый год в синичкин день», «Сегодня мы рисуем птиц» и потрясающий маленький шедевр экологической публицистики — «Реквием по убитым птицам», под которым стоит подпись его старого друга и соратника по Движению в защиту Байкала Георгия Николаевича Тарновского, фронтовика, известного учёного-минералога, художника и библиофила (свои собственные тексты Анатолий Сосунов во многих случаях оставляет вообще без подписи).

При вдумчивом изучении открывается, что вся пресс-акция буквально пронизана пересмысленной идеей русского культуролога, философа и филолога Михаила Михайловича Бахтина о равноправии культуры и жизни, о созидательном единстве многоголосия. Яркий полифонизм «Покормите птиц!» позволяет вполне серьёзно вести разговор о публицистической симфонии, точнее — о публицистической фуге. Эта пресс-акция стала новым и значительным явлением в русской публицистике.

Кто ответит основательно на вопрос: что такое пресс-акция? Ни в одном словаре, ни в одной публикации до 2002 года этого термина (как и самого явления) нет. Его ввёл в литературный обиход и успешно работает в этом жанре Анатолий Сосунов.

«У каждого в душе свой жанр», — заметил Антон Павлович Чехов. Я сделал только беглый набросок, но того, кто займётся детальным анализом пресс-акции «Покормите птиц!», ждут удивительные открытия.

(Публикуется в сокращении)

Виталий Зоркин, профессор,
заслуженный работник культуры России

СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Известный публицист, эколог и правозащитник Анатолий Сосунов удостоен диплома «Иркутский журналист года» и специальной награды IV конкурса «Золотая Запятая» за три работы из пресс-акции «Покормите птиц!» в газетах «Восточно-Сибирская правда», «Всё о связи» и «Город рекламы». Свою награду — домашний кинотеатр фирмы PHILIPS — Анатолий Сосунов подарил больным детям (кстати, став лауреатом предыдущего конкурса «Золотая Запятая», Анатолий Сосунов всю полученную премию отдал Союзу охраны птиц России).

От имени Анатолия Александровича (сам он приехать не смог) зоолог и эколог Вадим Ивушкин (он же — главный специалист по работе со СМИ администрации г. Иркутска) вручил подарок 150 ученикам специализированной коррекционной школы-интерната № 8 для слабовидящих и слепых детей. Судьбе этих детей не позавидуешь — многие из тех, кто сейчас ещё что-то видит, с возрастом могут потерять и эту способность. Тем ценнее для них такие вот подарки, позволяющие набираться (быть может — впрок) новых впечатлений и хоть как-то расширить границы своего тесного мира. К тому же практически все ребята, обучающиеся в этой школе, — из малообеспеченных семей. В планах главного воспитателя интерната Ларисы Бутаковой — создание небольшого зоосадика, в котором дети могли бы общаться и с подстреленной браконьерами серебристой чайкой, и со сбитым автомашиной красавцем сизарём, и с выпавшим из гнезда желторотиком. Как это будет важно для поражённых недугом ребят — в полной мере вдруг осознать свою исключительную необходимость для других несчастных случаев и свою высокую ответственность за судьбу этих маленьких «других».

Елена Всеволожская

Пресс-акция — это слово и дело: масштабная подача в полифонической форме животрепещущей социальной проблемы и вместе с тем конкретные практические действия рука об руку с разбуженной, воодушевлённой общественностью. Это — публицистическая композиция синкретического построения. Это — жанр.

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Публицистическая сюита из одноимённой пресс-акции

*Памяти писателя Евгения Носова,
фронтовика призыва 1943 года*

Друзья мои!

Давайте откровенно: ну кого из нас может всерьёз тронуть участь какой-то там несчастной синички? Много ли среди нас таких, кто всегда найдёт время и горсточку чего-нибудь для голодающих птиц? А ведь все мы вроде бы любим природу и вроде бы отрешены её плачевным состоянием. Но как легко и просто любить природу вообще и как трудно любить каждого воробья, каждый одуванчик.

Забудьте — не случайно! — на балконе или за форточкой распакованную пачку маргарина, отдайте два рубля уличной торговке и рассыпьте тут же по снегу вокруг её тугого мешка стакан семечек — устройте праздник белощёким хлопотуньям-синичкам и чумазикам-воробьям. Почувствуйте себя человеком, творящим добро.

Умер писатель Евгений Носов. На его могильной плите два слова, оставленные им миру: «Покормите птиц».

И поздним морозным утром, и на раннем закате зимнего дня раздаётся за окнами тихое постукивание...

Ты слышишь? Они стучатся в наши сердца... Отвори!

*Анатолий Сосунов,
«Восточно-Сибирская правда», 30.11.2002 г.*

Среди прохожих птицы узнают меня

Прочитала в газете «Восточно-Сибирская правда» подборку «Покормите птиц!» и захотелось мне, дорогие читатели, поделиться с вами радостью, которую я испытываю вот уже много лет.

Каждым зимним утром меня встречают у подъезда воробьи. Густо облепив ветки деревьев, они ждут завтрака. Спускаясь по лестнице, я уже слышу их нетерпеливые голоса. Я открываю дверь подъезда, и в этот миг воцаряется абсолютная тишина. Но всего лишь на один миг. Следом начинается такой гвалт, такое чириканье, что разговаривать в это время с кем-то просто невозможно. Тут же синички порхают перед самым лицом и прямо-таки заглядывают в глаза. Я не тороплюсь уходить, я жду, пока птицы не кончат завтракать.

Потом воробьи всей стаей провожают меня на работу — это недалеко от дома. Они летят именно за мной — среди прохожих птицы узнают меня. Трогательно и немного забавно...

К вечеру вся пернатая братия поджидает меня у служебных дверей. Гурьбой мы идём и летим домой, ужинать.

Понятна ли тебе, дорогой читатель, радость от сознания своей необходимости этим беззащитным и милым существам? Знакомо ли тебе благотворное состояние готовности в любую минуту прийти им на помощь? Видел ли ты когда-нибудь благодарных тебе птиц?

Поделилась я радостью, поделюсь и огорчением. В зимнюю стужу не раз я замечала, как на автобусных остановках голодные воробьишки с надеждой смотрят на людей, лузгающих семечки. Птички лежат на снегу, прикрыв своими тельцами заочневшие лапки. Но люди, как правило, не обращают внимания на то, что происходит у них прямо под ногами.

Так, пожалуйста, дорогие мои иркутяне, оглянитесь вокруг, посмотрите себе под ноги, бросьте птицам горсть семечек, крупы, хлебных крошек. Остановки городского транспорта пропускают за день сотни и тысячи людей. Синички и воробьи держатся здесь с утра и до вечера. Мы давно могли бы — и не сговариваясь, а просто пораскинув умом — превратить эти остановки в оригинальные и эффективные пункты зимней подкормки птиц. Бросьте в сторонке всего одну горсточку! Может быть, она окажется первой, но — я уверена! — не последней. Она станет одной из многих тысяч.

Лидия Чумакова, инженер

Повод для раздумий

Есть вещи на первый взгляд простые, но как обманчива их видимая простота!

В акции «Покормите птиц!» принимала участие вся наша школа. Но особенно старались малыши. Кормушки удались на славу, и мы развесили их в школьном дворе, во дворах нашего микрорайона и в парке музея-усадьбы Сукачёва.

Через несколько дней со школьного двора исчезли две самые лучшие кормушки.

Воришки были скоро установлены. Ими оказались два ученика нашей школы — из числа тех, кого принято называть «педагогически запущенными детьми из неблагополучных семей».

Встал вопрос о принятии мер.

И вдруг мы узнаём, что похищенные в школе кормушки используются по прямому назначению. Похитители установили их дома на своих балконах, буквально от них не отходят, птицы собираются со всей округи, разумеется, сорят, и уже назревает конфликт этих «трудных» детей с их «чистоплотными» родителями.

Отбившиеся от рук человеческих, уличные сорванцы были приручены синицами и воробьями.

Мы не тронули мальчишек. Простили. И оставили им кормушки.

У Антуана де Сент-Экзюпери есть замечательная притча о том, что в цветке, например, можно найти то *самое главное*, чего мы ищем повсюду и не находим.

Притча эта известна всему миру.

*Ольга Кобец,
руководитель 2 «В» класса иркутской школы № 21*

«А чё их кормить?»

Мне очень понравились рассказы детей о птицах, собранные учителем Черошниковым, и я принесла их на работу, чтобы в обеденный перерыв почитать вслух всей нашей бухгалтерии.

Меня слушали с интересом, и, заметив это, я предложила: «Давайте кормить птичек здесь, за окошком».

Главный бухгалтер строго так посмотрела на меня и сказала: «А чё их кормить?.. Грязь тут разводиться».

Татьяна Строк

Реквием по убитым птицам

Когда нас не могут убить — убивают наших друзей, чтобы болью утраты всё-таки убить нас.

13 марта были насмерть отравлены сразу семь синичек, девять голубей и двадцать шесть воробышек, которых я всю зиму прикармливал у своего окна.

Кто ты, убийца моих друзей? Какой отец зачал тебя, какая мать вынашивала в своей утробе?

Нет, ты не обездоленный и обзлѐнный на весь мир человек. Это не ты напал однажды на меня среди бела дня и выхватил кошелѐк с пенсией — у старого солдата, раненного в бою под Новороссийском.

Ты — из других.

Ты из тех, кто сам себя считает нормальным, практичным человеком. Но я-то тебе скажу, кто ты есть: ты духовный урод, и в трудный час ты предашь Родину.

Простите меня, мои маленькие пернатые друзья. Простите, что я не смог уберечь вас, что вам уже не придѐтся звонкими голосами встречать новую весну. Простите...

Нет такого доброго дела, на которое бы — как чёрное эхо — не откликнулось зло.

И всё-таки... Покормите птиц!

*Георгий Тарновский,
фронтовик призыва 1942 года, заслуженный ветеран СО АН СССР*

Каждый год в синичкин день

Кормить птиц и сажать деревья — самые прекрасные занятия на земле, но только дети и старики делают это с удовольствием, от чистого сердца, без всяких там рассуливаний о том, что птички, дескать, уничтожают вредных насекомых, а деревья обогащают воздух кислородом. И происходит это, по-моему, оттого, что дети ещё не знают зла, а мы, старики, наоборот, — слишком хорошо с ним знакомы.

Я кормлю птиц уже много лет, хотя пенсия у меня по своему размеру, можно сказать, птичья. Но всё же я сумел выкроить из неё немного «материальных средств», чтобы сделать десять ксерокопий с подборки «Покормите птиц!». По примеру Евгения Носова я расклеил их по остановкам городского транспорта.

Мне кажется, что вот эту акцию — «Покормите птиц!» — нужно возобновлять регулярно, каждый год в синичкин день (так ещё называют в народе день Зиновия-синичника), то есть — 12 ноября, а 15 января (в день рождения Евгения Носова) проводить что-то вроде проверки нашей совести — посмотреть, много ли птиц осталось к середине зимы после нашей заботы, и ещё раз подумать, как бы нам этим оставшимся помочь дотянуть до весны.

Александр Хлопицкий, пенсионер

«ГОРЬКО И ОДИНОКО ПОСЛЕ ВСЕГО ЭТОГО...»

О Носове Евгении

*А мои-то куряне — опытные воины...
«Слово о полку Игореве»*

Любовь к людям — совершенная степень любви, и поэтому не может быть искренним человеколюбие того, кто равнодушен к страданиям животных: его «любовь» есть либо притворство и расчёт, либо насилие над своими чувствами.

Подлинная любовь к человеку доступна немногим. Человека любить трудно, и тот, кто не имеет серьёзного опыта — пусть не любви — сострадания к братьям нашим меньшим, не справится с тяжестью любви к человеку.

* * *

В разгар зимы — как раз на святки! — в краю прославленных курских соловьёв появился на свет человек, которому было суждено осознать конечную глубину и великий смысл одной простой общечеловеческой истины.

Фронтовик и писатель, он ушёл от нас с достоинством пророка, оставив, как завещание, сокровенные слова, высеченные на его надгробном камне.

В тяжёлые дни усобиц и потрясений, перед лицом толпы обездоленных людей и беспризорных ребятишек, среди необузданного хамства, злобы и воплей отчаяния он сказал тихим голосом два слова, прозвучавшие с библейской мощью: «Покормите птиц».

Имя этому человеку — Евгений Носов.

Нет, друзья мои, весёлые «Приключения Незнайки» написал Носов другой — Николай. В русской литературе оказалось не тесно двум Носовым, как и двум Некрасовым (да ещё Некрасовой Ксении!), трём Толстым...

Носов Евгений, в отличие от своего популярного однофамильца, весёлых книг не писал. Но он был не менее знаменит. Россия читающая хорошо знала его.

Имя русского советского писателя Евгения Ивановича Носова стоит в ряду создателей «деревенской прозы», основательно заявившей о себе в середине 60-х годов. Вместе с Виктором Астафьевым, Фёдором Абрамовым и Борисом Можаевым он принадлежит к старшему поколению «деревенщиков», прошедших сквозь огонь Великой Отечественной. В окопах, на передовой, заряжающий второго расчёта отдельной артиллерийской бригады сержант Носов узнал и по-своему оценил натуру русского крестьянина, разглядев за его видимой темнотой и невежеством — мудрость, за грубостью — отзывчивость.

Сельский люд и среднерусская природа заняли в творчестве Евгения Носова центральное положение. С деревней были связаны заветные его надежды и — как он полагал — надежды России.

Надежды эти не сбылись. С болью и досадой обманувшегося человека увидел он, как дети и внуки его Касьянов, Шуряков и Ульянов, возжелав стать «*попугаями на простой российской ракете*», отбросили напрочь дедовскую мудрость, отпихнули отцовскую отзывчивость и, оставив при себе — как оружие — грубость и невежество, ринулись в город на подхват «массовой культуры», наступающей на Россию с Запада.

Боль вошла в него, поселилась в нём и больше его не покидала. Наверное, ни в одном из его произведений не проступает она с такой горькой откровенностью, как в очерке «На дальней станции сойду...» (1986 г.), где сами выражения и сравнения, допущенные им в отношении крестьянских слётков, — «*деревеница*», «*зверёныш*», «*волчата*» — выдают крайнюю степень его душевного смятения.

На дальней станции сойду...

Особой гордостью почти каждого нынешнего деревенского парня являются мушкетёрские кудри, распущенные по плечам. Со стороны это выглядит презабавным, поскольку

феминоподобные кудри, позаимствованные у зарубежных киноэкранных сердцеядов, никак не сочетаются с простенькими и наивными лицами среднерусской деревенщины, которая пока ещё и рта не умеет держать взаперти, а так и пялится на весь этот энтээровский мир с удивлённо распахнутым зевом.

А ещё не по душе мне эти суетные, беспокойные взгляды. В них промелькивает скрытая озабоченность, вопрошающая, пристальная ко всему приглядка. Время от времени парни кидают окрест эти блуждающие озабоченные взгляды. Похожее выражение я встречал у молодых волчат. Зверёныш едва встал на лапы, а глаза уже наострённые, рыскающие, озабоченные неопределённостью ближайшей минуты...

Потому, наверно, озирается нынешний крестьянин, что сорвался с исконных мест, побежал, зарыскал по дорогам, а то и бездорожью судьбы. Многих сельских жителей нынче не столько руки, сколько ноги кормят. Им наивно и ложно представляется, что именно так — длинноволосо, козлокопытно, с галантерейным боталом на шее — счастливо и беспечно живут в городах, где по вечерам неистовствует рок и где, вертясь на круглом, как под пианистом, сиденье, тянут из трубочек манго-коктейли.

Да, такому или такой уже не до любви к земле. Напротив, они стыдятся крестьянской родословной, тайно, про себя, клянут судьбу, что родились в какой-то Никодимовке или Кудасовке, стыдятся обычаев своей земли, не поют и слушать не хотят исконных деревенских песен... В разгар сельских работ в глазах у них дремотная лень и скука. А иногда вдруг вспышивает беспричинная злоба, рождённая собственной пустотой. Кто-то из них, вздыбленный водкой и дикостью, будет взад-вперёд слоняться по электричке, расталкивая людей и оголтело изрыгая грязную ругань... Они подстерегут и кучей навалятся, до полусмерти ногами запинают отставшего от своих городского, приехавшего помочь с уборкой колхозной картошки. Или содеют такое, что и вовсе никакому уму непостижимо: изловят за околицей доверчивую лошадеёнку и сперва загонят её так, что та под конец ткнётся мордой в дорожную пыль, а потом привяжут проволокой к дереву и обольют бензином... И будут дико хохотать и каннибальски приплясывать, глядя, как, схваченное ревушим огнём, корчится и утробно стонет уже бесхвостое, безгривое и обезумевшее животное. Могла ли она, эта коняга, знать, да и мы с вами тоже, что в эпоху торжества технического прогресса, над воцарением которого и она, как могла, немало потрудилась, её, недавнюю кормилицу, постигнет такая страшная участь — гибель на костре от рук крестьянского сына?

Чего же хотят эти парни и девушки? Вряд ли они знают. А вот чего не хотят — знают определённо: не хотят больше жить в своих исконных местах. Приехав в город, они в меру и не в меру своих сил и пробойности натуры принимают отталкивать других — штурмовать подножки трамваев и автобусов.

Городская культура претерпела нежелательное воздействие: в парках, трамваях, кинотеатрах появились откровенно подвыпившие люди, на улицах — окурки, смятые сигаретные пачки... И оскорбительный гогот в затемнённом кинозале. И сквернословие при свете дня. И драки у пивных ларьков...

Скрывать нечего, и в самом городе ещё немало своей собственной скверны. Но и этим многотысячным стихийным деревенским наплывом поддерживается, подпитывается благоприятная среда для шабашики и халтуры.

Полезны ли эти стихийные тысячи городу? Отвечать на это однозначно нельзя. Несомненным остаётся одно: не усвоив традиций и трудовой этики, без развитого чувства самосознания и достоинства рабочего человека, без твёрдых навыков культуры городского общежития даже те, кому повезло стать у заводского станка или взойти на леса новостроек, будут представлять собой всего лишь полурабочего и полустроителя, то есть некондиционный человеческий материал, из которого трудовым коллективам и всему городу только предстоит воссоздать подлинного горожанина.

(Фрагменты очерка в свободной композиции)

* * *

В культуре старого русского города не было, пожалуй, традиции более трогательной, нежной и — я бы сказал — врачующей душу, чем традиция подкармливать птичек «в студёную зимнюю пору». Она давала редкую возможность любому человеку уже с детских лет почув-

ствовать себя кормильцем и покровителем. Родившись в стенах православных монастырей, традиция эта быстро перекинулась в города и предместья. В деревне, среди крестьян, она не закрепились, но в помещичьих усадьбах получила очень большое распространение. Здесь птиц не только кормили — им отводили специальные помещения, где они переживали зиму. На Благовещение их торжественно выпускали. Большим другом пернатых был генералиссимус Суворов: в его родовом имении Кончанское бедствующие птицы всегда получали на зиму просторную и светлую «избу». В городских домах баснописца Крылова, композиторов Римского-Корсакова и Лядова птицы зимовали целыми стаями. Художник Куинджи мешками запасал зерно и каждый зимний день рассыпал его на крыше...

Нахлынувшая деревня смяла и придавила традиционную городскую культуру, и без того уже ослабленную октябрьским переворотом семнадцатого года.

Спору нет, из деревни вышло немало выдающихся личностей, прославивших Россию, но *общая культурная среда* — если это выражение здесь употребить — образуется всё же из людей преимущественно обычных, рядовых, не выдающихся. Они-то и делают погоду, от них главным образом зависит *общий культурный климат*.

Из нашего обихода исчезла традиционная городская деликатность — нормой стала грубость. Обломанные деревья... Оборванные цветы... Затапанные газоны...

Полученное в институтах высшее образование мало что меняло: амбициозная сверх всякой меры дипломированная *«деревенщина»* (выражаясь языком Носова) как раз и стала основой того явления, которое Александр Солженицын назвал *«образованщиной»*.

Здесь — если по справедливости — надо прямо сказать: город пожинал плоды зла, посеянного в деревне «пролетарской» диктатурой. Возникший (с трудом скрываемый) антагонизм между городом и деревней привёл к драматическому финалу — деформации обеих культур.

Культура народа — в его традициях. Ими освящается понятие родины. Разрушая традиции, мы — сами того не замечая — превращаем родину в будничное место своего рождения и обитания, в среду отбывания наказания Божьего — *среду обывания*.

«Размножил на принтере стихотворение Александра Яшина «Покормите птиц» и расклеил на видных местах: у подъезда своего дома, на двери почтового отделения, на ближайшей автобусной остановке, возле кинотеатра «Юность», у входа в булочную, на аллеях «Парка пионеров», под навесом соседней школы и просто на фонарных столбах.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Недели через две, когда крыши домов, газоны и стволы деревьев припорошил неспешный снежок, отправился посмотреть окрест, как воздействовал яшинский призыв — ведь минувших двух недель с того дня, как я расклеил стихотворение, вполне достаточно тому, кого оно расстроило, всколыхнуло душу, чтобы смастерить и вывесить кормушку.

Оглядел дом напротив — пусто. На соседнем строении тоже ничего...»

Душевные раны терзали писателя не меньше, чем раны фронтовые, которые в последние годы жизни всё чаще и чаще бросали его на больничную койку.

«Нигде ничего, ни одной кормушки...» — скажет Носов о своей неудачной попытке возродить традицию зимней подкормки птиц в родном Курске, где *«кто-то по дикости ума совсем недавно перебил ноги скульптурной лани, а гипсовому кенгуру отшиб оба уха... Горько и одиноко после всего этого...»*

* * *

Он открыл глаза — ему послышался знакомый тихий постук в оконный переплёт. Какими непостижимыми путями синицы смогли отыскать его здесь, в больнице?..

Нашарил и сгрёб в кровать папку с листами чистой бумаги — она всегда лежала рядом, на больничной тумбочке, — теперь он твёрдо знал, что должен сделать.

Да, это будет его главное произведение, последнее и самое короткое — оно будет высечено на камне, его надгробном камне.

Приподнялся. И крупно вывел через весь лист: *«ПОКОРМИТЕ ПТИЦ»*.

Нет, друзья мои, вы ошибаетесь, если полагаете, что в словах «Покормите птиц» нет ничего глубокого и мудрого. Эти слова — из ряда тех вроде бы обычных слов, глубина которых — при особых обстоятельствах — открывается совершенно неожиданно. Александр Македонский, наслышавшись о мудрости Диогена, решил встретиться с ним. Подъехав на коне к обиталищу мудреца (по преданию, Диоген жил в бочке), Александр спросил: «Чего ты желаешь? Я могу сделать для тебя всё!» Тень державного всадника пала на бочку. Мудрец показал ему рукой в сторону и ответил: «Не заслоняй мне солнце». Мудрость не терпит многословия.

За малым не до конца испивший горькую чашу Великой Отечественной войны: режим фашистской оккупации, фронт, тяжёлое ранение, Евгений Носов указал нам в завещание на открытый им источник утоления духовной жажды — глубокий и незамутнённый, спасительный ключик животворящей мысли. Ищущий — найдёт, жаждущий — напьётся.

Время строго отбирает из того, что мы ему предлагаем. Но как бы ни сложилась судьба литературного наследия Евгения Носова, скажу, не колеблясь ни минуты, что в сокровищнице человеческой мудрости появилось ещё одно великое изречение — русского Диогена из города Курска: «Покормите птиц». Вы хотите понять сокровенный смысл этих слов? Птица — символ одухотворённости, символ души. Покормить птиц — значит напитать свои души добрыми чувствами, обрести утраченную одухотворённость.

Покормите птиц. Будьте добры. Будьте культурны.

**От редакций газет «Восточно-Сибирская правда», «Ямщик»,
«Мои года», «Восточно-Сибирский путь», «Что почём»,
«Восточно-Сибирские вести», «СМ Номер один»
(конец 2002 – начало 2003 гг.)**

Надеемся, что никто не останется в стороне от затронутой темы. Мы призываем все газеты — большие и малые, общественно-политические и рекламно-информационные — последовать нашему примеру и поддержать пресс-акцию Анатолия Сосунова «Покормите птиц!» памяти писателя Евгения Носова.

Ждём ваших писем и действий, друзья!

Давайте действовать вместе!

Первыми поднялись классы 5 «Б», 7 «А», 7 «Б», 7 «Д», 8 «Б», 8 «Г» школы № 24. Предводимые учителем истории мировой художественной культуры Виталием Черошниковым, ребята буквально заклеили Академгородок листовками с отскерокопированной первой полосой газеты «Восточно-Сибирская правда», где был напечатан триптих памяти Евгения Носова «Покормите птиц!». Родители тоже не остались в стороне и активно распространяли призывный клич по местам своей работы. Вскоре листовки запестрели уже по всему городу.

Регион не дремал. Триптих памяти Евгения Носова перепечатала усть-ордынская окружная газета «Панорама округа»; следом — районные газеты «Ленские вести» (Усть-Кут), «Газета Приильмыя» (Железногорск-Илимский), «Бирюсинская новь» (Тайшет), «Киренга» (Казачинск); на свой манер в дело вступила слудянская районка «Славное море».

Не сразу, но зато очень весомо подключились газеты «Иркутск», «Бизнес уик», «Город рекламы», «Терминатор», «Всё о связи», «Деловая неделя». Слегка и капризно — «Ангарские огни».

Пресс-акция «Покормите птиц!» стала культурно-экологическим событием региона.

* * *

...Мы полагаем, что следует: возродить старую русскую традицию отмечать 12 ноября день Зиновия-синичника (синичкин день, синичкин праздник); объявить 15 января — день рождения Евгения Носова — Днём зимующих птиц России; неделю с 1 апреля (Международный день прилёта птиц) по 7 апреля (Благовещение — традиционный день освобождения закованных птиц) объявить Неделями птиц; акцию памяти Евгения Носова «Покормите птиц!» провозгласить общероссийской и ежегодной.

Мы предлагаем внести указанные праздники, памятные дни и связанные с ними мероприятия в Российский культурно-экологический календарь.

Давайте действовать вместе!

«Восточно-Сибирская правда», 19.04.2003 г.

Дорогие иркутяне!

Вы первыми в России, серьёзно и масштабно, во весь голос повели разговор о возрождении культурных традиций нашего народа в области его связей с окружающей природой.

Желаем вам успехов! Пусть девизом нашей совместной работы на благо России станут слова, с которыми вы обращаетесь ко всем, кого призываете в свои ряды защитников родной природы: *«Давайте действовать вместе!»*

*Председатель президиума Центрального совета
Всероссийского общества охраны природы
И.Ф. Баршпол*

Вначале было слово... С запоздалым раскаянием приходится признать, что мы, куряне, не отреагировали на него первыми. Хотя именно нам, нашей газете, писатель Евгений Носов доверил право донести до земляков его тревогу и сердечную боль за тех, кто неминуемо погибнет без людской помощи. «Покормите птиц» — завещал он на излёте своей жизни, с особой, трепетной любовью рассказывая нам, вечно куда-то спешащим, а потому ничего не замечающим, о нелёгком существовании пернатых крох.

...Услышали Евгения Ивановича далеко от родных мест — в далёкой Сибири, на иркутской земле.

Что тут добавить? Давайте действовать. Вместе!

«Курская правда», 22.01.2003 г.

Дорогие друзья!

Союз охраны птиц России делает всё возможное, чтобы культурно-экологическая акция «Покормите птиц!» стала действительно всероссийской.

Большое спасибо вам за помощь зимующим птицам России!

*Президент Союза охраны птиц России,
академик В.М. Галушин*

РОССИЯ СНОВА КОРМИТ ПТИЦ

Нигде ничего, ни одной кормушки... Покормите птиц.
Евгений Носов

Курская интеллигенция, а поклонники творчества своего земляка писателя Евгения Ивановича Носова — особенно, рады приветствовать жителей Иркутска с началом благородной акции «Покормите птиц!».

Ваш патриотический почин с проведением такого важного мероприятия горячо поддержан на родине Мастера.

Евгений Иванович очень любил синичек, считал, что они облагораживают человеческую душу, рождают самые светлые и высокие чувства. У него на балконе было несколько кормушек разной конфигурации, которые он наполнял каждое утро. Синички вдохновляли его на творчество.

*Евгения Спасская,
заведующая литературным отделом
Курского областного краеведческого музея,
литературовед, исследователь творчества Е.И. Носова*

Курск

По призыву областной писательской организации практически все учебные заведения и трудовые коллективы Курской области активно включились в акцию памяти своего знаменитого земляка — писателя Евгения Носова.

Саратов

Более 300 работ поступило на конкурс детских рисунков «Живой символ малой родины», приуроченный к началу акции «Покормите птиц!» — 12 ноября.

Казань

Награждение участников конкурса на лучшую кормушку завершилось праздничным чаепитием с пирожными и тортиками от спонсоров акции.

Москва

Центром празднования Синичкина дня в столице стал парк «Кузьминки». Особое внимание привлёк к себе необычный конкурс на лучший зимний домик для синиц — синичник.

Нижний Новгород

Выпуски пресс-акции «Покормите птиц!» газеты «Восточно-Сибирская правда» были успешно использованы местными устроителями осеннего праздника птиц.

Иркутск

Город на Ангаре стал первым и пока единственным в России городом, где Синичкин день официально объявлен ежегодным общегородским детским праздником. Постановление об этом подписал мэр города Иркутска.

Из российских газет и журналов

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МЭР ГОРОДА ИРКУТСКА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 11.11.2003 г. № 031-06-1363/3

О проведении ежегодного
общегородского детского праздника
«Синичкин день»

В ноябре 2002 года иркутские газеты, радио и телевидение начали совместную пресс-акцию «Покормите птиц!» памяти писателя Евгения Носова; в это же время администрация города Иркутска инициировала разработку закона «Об экологическом образовании и формировании экологической культуры в Иркутской области».

Природоохранные инициативы иркутян получили высокую оценку в научных кругах и вызвали движение солидарности по стране. В итоге постановлением президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны природы № 21 от 29 апреля 2003 года пресс-акции «Покормите птиц!» придан статус общероссийской ежегодной культурно-экологической акции; день покровителя всех зимующих птиц святого мученика Зиновия — 12 ноября — объявлен днём начала этой ежегодной акции и внесён в Российский экологический календарь под традиционным русским названием «Синичкин день».

В целях поддержки и дальнейшего развития культурно-экологических инициатив иркутской общественности, руководствуясь ст.ст. 7, 10 Федерального закона «Об охране окружающей среды», ст.ст. 6, 35, 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», ст.ст. <...>,

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Объявить 12 ноября днём ежегодного общегородского детского праздника «Синичкин день».

<...>

*И. о. мэра
Ю.В. Волков*

ИРКУТСК ГОТОВ СТАТЬ
ГОРОДОМ — ПОПЕЧИТЕЛЕМ ПТИЦ

17 декабря 2003 года постановлением Законодательного собрания Иркутской области принят Закон Иркутской области «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Иркутской области», разработанный по инициативе мэра города Иркутска Владимира Якубовского.

Птицы, благодаря своей открытости, эстетичности и близости к человеку, издревле пользуются его особой любовью и покровительством. Обсуждается вопрос о возможности вступления города Иркутска в Союз охраны птиц России. Этот акт экологической и духовной культуры будет призван как бы символизировать принятие птиц в число граждан города и способствовать развитию чувств патриотизма, гордости за родной город и личной ответственности каждого иркутянина за судьбу своих пернатых сограждан.

Союз охраны птиц России — общероссийское некоммерческое общественное объединение, членами которого могут быть как отдельные граждане, так и целые организации. Коллективными членами-попечителями этого союза уже стали газеты «Восточно-Сибирская правда», «Иркутск» и «Восточно-Сибирский путь».

Мэр города Иркутска Владимир Якубовский готов подписать договор о вступлении города Иркутска в Союз охраны птиц России, как только будет положительно решён вопрос о юридической стороне этого дела.

**ПРЕСС-СЛУЖБА
АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА ИРКУТСКА**

ВЛАДИМИРУ ЯКУБОВСКОМУ, МЭРУ ГОРОДА ИРКУТСКА

Уважаемый Владимир Викторович!

Вступление города Иркутска в Союз охраны птиц России — необычное, свежее и яркое воплощение замысла разработанного и принятого по Вашей инициативе Закона Иркутской области «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Иркутской области». Сам факт появления города — попечителя птиц в нынешней сложной экологической и политической ситуации сопоставим с возникновением и воплощением в годы напряжённой международной обстановки культурной идеи провозглашения городов-побратимов. Почин иркутян, безусловно, найдёт поддержку в России и привлечёт внимание мировой общественности. Ценность этого акта духовной культуры очень высока.

Мы предлагаем провести церемонию подписания «Договора о вступлении города Иркутска в Союз охраны птиц России» в торжественной обстановке с Вашим личным участием и участием президента Союза охраны птиц России Владимира Михайловича Галушина, академика РАЕН.

Иркутский государственный педагогический университет готов предоставить для совершения этого торжественного акта свой актовый зал и оказать всестороннюю организационную поддержку такому важному мероприятию.

*А.В. Гаврилюк,
ректор Иркутского государственного педагогического университета*

*С.В. Пыжсянов,
проректор ИГПУ по научно-исследовательской работе*

*А.В. Подковыров,
декан естественно-географического факультета ИГПУ*

Формально это недопустимо. И точка

Вступить целому городу в Союз охраны птиц России оказалось не легче, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко: наш культурно-экологический корабль полным ходом сел на процессуально-правовую мель.

ОЛЬГА КАЛАЯНОВА

СТАЛИНГРАД С НАМИ НАВЕЧНО

В который раз открывает ящикек секретера подруга моя давняя, Лидия Егоровна Вялых. Документы важные, оставленные ей в наследство мамой — Ниной Афанасьевной Бурдинской — бережно перечитывает, в далекие, казалось, навсегда ушедшие времена погружается. Нет, не забывается прошлое, годами живет рядом, и сердце болит — горечью насквозь пропитано. Чувства те же остались, не сгорели, не притупились, а пожелтевшие листки писем и документов — как памяти.

Вспомнила Лида мамочку свою: ни годы, ни беды не сломили ее! Всё делала истово, чем бы ни занималась. Себя не щадила в рвении своем и упорстве. Сколько писем отправила в различные военные учреждения, инстанции, комиссариаты, газеты! Просила найти и сообщить ей, дочери Лидии и внуку Андрею место гибели и захоронения мужа — Егора Ивановича Бекасова.

Ни о чем и никогда мама не жалела. Только недоуменно сетовала и удивлялась, когда вспоминала ей один эпизод из далёкого забайкальского села Богомягкова, где в самые тяжёлые военные годы (в 25 лет осталась вдовой) работала в колхозе учетчицей, нормировщицей, бухгалтером. Однажды радостной пришла с заседания правления — наградили ее за хорошую работу отрезом темно-серого шевиота на юбку. Да сшить обнову не удалось — жулик пробрался в избенку и украл чемоданчик, в котором вещи и письма от отца с фронта лежали. Не столько отреза жаль — писем! Ведь выбросил где-то, мерзавец, последние, как оказалось, письма, отцовской рукой написанные.

...Сумерки за окном незаметно сгустились. Встать да свет зажечь бы, но ноги не идут. В руках у Лиды истлевший хрупкий листок, изломанный на сгибах. Не дай бог упадет — вмиг рассыплется! В похоронке — извещении — пером, четким почерком вписаны страшные слова: *«Сержант 203 АЗСП Бекасов Егор Иванович, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит и умер от ран 11.1.43 г. Похоронен на хуторе Червленый Сталинградской области».*

Одна графа осталась незаполненной — место рождения; но Егор, детдомовец, и сам не знал, где родился.

КАЛАЯНОВА Ольга Алексеевна. Родилась во Владивостоке. Окончила филологический факультет ИГУ. Журналист. Живёт в Иркутске.

Вспомнилось, как «тихо умирала» над похоронкой мама, глотая слезы. Загрубевшими ладонями гладила головенку пятилетней дочери, судорожно прижимала к себе, словно ее, «кровиночку Егорушкину», потерять боялась.

УШЁЛ ПОЛК В ИСТОРИЮ

После выхода на пенсию, отработав еще несколько лет, пока сил хватало, и как только письмо от Светлоярского райвоенкома получила, в одночасье собралась Нина Афанасьевна в Волгоград, на могилку к мужу — поговорить, порассказать, земельки родной сибирской к донской южной присыпать.

В 1976 году следопыты нашли Егора и захоронили в братской могиле с сотнями других сибиряков и забайкальцев, защищавших у станицы Червленной подступы к Сталинграду. Немчура с суши их танками давила, с воздуха тысячами мин прижимала к земле, бомбы и снаряды на куски разрывали их. Погибали солдаты, но не отступали. Оборону держали крепко.

... Вихрастый парнишка лет шестнадцати вручил в тот день Нине Афанасьевне книгу воспоминаний генерал-майора И.К. Морозова «От Сталинграда до Праги» с надписью: *«От учащихся и учителей Червленовской средней школы в день посещения братской могилы.»*

15 сентября 1976 г., с. Червленое, Волгоградская область, Светлоярский район».

* * *

Вот и разошлись все, а женщина-вдова еще долго стояла над холмиком. Думала: «Лежишь ты здесь, родимый, уже тридцать три года. Совсем молодой. Мало пожил. Ушел почему так рано? И любил, и страдал! Война проклятая всё у тебя забрала, даже день завтрашний не довелось увидеть. Уста свои занемевшие никогда не откроешь. А я расскажу, что сейчас глаза мои видят: сторона, что приют тебе последний дала, — южная, теплая. Все здесь благодно — сады богатые фруктовые, птахи поют, а цветы какой невиданной красоты! Да лучше наших жарков и уругек (подснежников) все равно нет. Жалко, что не могла тебе привезти. После войны настроили здесь плотины, каналы нарыли, и вода по ним потекла. Обидно, что ничего этого ты не видишь.

Однополчане твои из 203-го стрелкового почти все на этой высотке у хутора рядом с тобой головы сложили. Фамилии их отчеканили на памятнике. Дивизия 422-я дальше ушла, добывать немчуру. Дошла до Праги и победу великую там отпраздновала. Отвоевались солдатики, оставшиеся в живых! А вы, родимые, в памяти нашей навсегда остались.

Господи, упокой души ваши...»

ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НИХ ЗЕМЛИ НЕ БЫЛО

Генерал-майор И.К. Морозов в «летописи» своей «От Сталинграда до Праги» (Нижеволжское книжное издательство, г. Волгоград, 1976 г.) вспоминает: *«... Обстановка на фронте была очень напряженной. Захватчики оккупировали Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтийские республики. Ленинград был блокирован.»*

Вот в это время срочно Верховное командование приступило к созданию новых резервов и переброске их на опасные направления. Я помню, как со всех концов Дальневосточного края прибывали рыбаки в огромных сапогах, голенища которых подвязывались к поясному ремню. Тихо перешагивали пороги штабов таежные следопыты и охотники, будто подкрадывались к белке или соболю. С достоинством представлялись шахтеры, не расставившие со своими горняцкими шляпами. Степенно входили колхозники — труженики земли и боевитые рабочие.

Через несколько минут, сменив гражданскую одежду на военную форму, все они становились солдатами Юго-Западного фронта, защищавшего Сталинград.

Загрузился эшелон. Орудия укрепили на платформах и подивизионно прицепили к вагонам с личным составом стрелковых полков. Разгрузились на станциях Гумрак и Котлубань. Подошли к малой излуцине Дона, но не успели оборону построить, как перебросили 422-ю дивизию в 57-ю армию Толбухина.

...Комбинированным маршем от Дона до реки Червленной полки двигались пешком и на машинах на новый рубеж.

Шли через Сталинград, мимо обелиска, что стоял на площади Павших борцов. Надпись отчеканенную читали: «Здесь погребены защитники Красного Царицына, зверски замученные врангелевскими палачами в 1919 г.» Клятву дали, что ни пяди земли Сталинградской не отдадут (и сдержали клятву).

А в Большой излуцине Дона уже гремела грозная канонада. Горели хлеба, хаты. Черный дым драл горло. Прошли полки по безводной, сожженной пальцим солнцем степи. Оборонительные рубежи стали строить...

Сколько ж отборных не только немецких, но и румынских королевских и итальянских полков стояло под Сталинградом, вооруженных отборной военной техникой и хорошо обученных?! Сейчас уже точно подсчитано, сколько дивизий пехотных, моторизованных, танковых сюда кинул Гитлер. Подсчитано, сколько их и разбито было.

Здесь немцы выстроили сильно укрепленную оборонительную полосу с сотнями орудий прямой наводки и тысячами пулеметов. Создали крепости в поселках, посадив сюда головорезов из разбитых авиационных, авиатехнических и танковых войск и остатков румынской дивизии.

В январе сорок третьего шли бои и днем и ночью. Паулюс бросал в бои последние войска Южной группы.

Если б мог рассказать каждый клочок земли, каждый камушек с Большой излуцины Дона о битве титанов — сибиряков и забайкальцев с исчадием ада — с немчурой! Это их позиционные сражения выматывали врагов до измора.

10-го января все полки 422-й дивизии должны были прорвать оборону противника и, повернув фронт на восток, наступать вдоль железной дороги. Готовность в 24.00 9-го января 1943 года...»

РОКОВОЙ ДЕНЬ — 11 ЯНВАРЯ 43 ГОДА

Нина Афанасьевна, приладив очки, но почти не глядя, частенько доставала с книжной полки зачитанную до дыр книгу, когда-то привезенную из Волгограда. «Егорушкин командир, Морозов, написал её! На все мои вопросы ответил. Вроде заранее знал, как для меня это важно. Именно про этот день, про последний бой Егора на странице 81 всё мне рассказал».

«Утром 10-го января после мощной артиллерийской подготовки полки дивизии перешли в атаку и начали штурм немецких позиций. Прорвать укрепленную оборону противника по северо-восточному берегу реки Червленная в этот день не удалось. В ночь на 11-е января прорвали оборону северо-восточнее...»

Всю ночь происходили рукопашные схватки с остатками 371-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий немцев.

Выбитые из сел гитлеровцы начали отход, бросились в степь, через песчаный карьер.

Целый день — 12 января гремела в степи канонада. Не умолкала она и ночью...»

А в степи завывала метель, тучи низко висели над полем, занесенным глубоким снегом. Дивизия с остатками полков бросалась в атаки не переставая, но Егор Бекасов, солдат 57-й армии генерала Толбухина, этого дня — 12 января — уже не видел. Убит был. Пал смертью храбрых.

Зима свирепела. Выла, как зверь, загнанный в берлогу, снегом засыпала воронки и тела погибших героев.

По данным ЦАМО — Центрального архива Министерства обороны РФ потери войск Донского фронта с 10 по 15 января 1943 г. составили убитыми, ранеными, пропавшими без вести и по другим причинам 22 043 человека, кроме не поступивших данных по 64 армии.

Войска фронта возобновили наступление с 15-го января.

* * *

Большая излуцина Дона!.. Это памятник, созданный самой природой-матушкой. Здесь каждый сантиметр высоток, курганов пропитан алой кровью наших дедов и отцов. А вдов и сирот сколько на Руси осталось? Стоны до сих пор не утихают, хотя прошло после тех битв кровавых немало лет.

В Волгограде на площади Павших борцов стоит высокая стела — памятник воинам 57-й, 51-й и 64-й армий, отдавшим свои жизни во имя победы.

А сколько обелисков неприметных серых со звездами установлено по небольшим станциям и хуторам! Все они воздвигнуты на средства местных жителей. Не такие они величественные, но по-христиански, по-человечески захоронены здесь наши родные.

ПРИКАЗ № 181

Этим приказом Министра обороны РФ совсем недавно был рассекречен огромный массив документов, которые позволили без купюр и умолчаний написать подлинную историю Сталинградской битвы. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны были недоступны до сих пор для изучения. Пылились они в архивах. Получилось так, что авторы этих донесений писали письма в будущее, своим потомкам.

Полную картину переломного сражения в Великой Отечественной войне дали эти рассекреченные документы. Ведущий военный историк Алексей Исаев считает, что изнурительные позиционные сражения, в которых было задействовано в несколько раз больше войск, чем на улицах самого города, сотни самолетов и танков Сталинградского и Донского фронтов к северу от Сталинграда сыграли большую, может быть, и основную роль в разгроме немцев под Сталинградом, при этом не умаляется ратный подвиг непосредственных защитников великого города.

Севернее, у истоков Дона, прикрывали Сталинград стрелковые и танковые полки Донского фронта. Стрелковый полк № 200 занял оборону около села Репьевка. Сюда от Харькова прошли солдаты пешим маршем около 300 километров до Сумской области. Выдолбили в каменистом грунте землянки и стали крепко оборону держать — почти четыре месяца, с октября 42-го по январь 43-го. Ежедневно отражали бешеные атаки и налеты вражеской авиации.

Алексей Исаев в своей книге «За Волгой для нас земли нет» (Издательство «Эксмо», Москва, 2008 г.) пишет: *«Оборона Сталинграда — это один из типичных примеров защиты крепости не только силами защитников, но и интенсивным воздействием извне...»*

Несомненно, именно присутствие так называемой «северной группы» войск диктовало распределение сил немецкой 6-ой армии и направление ударов при штурме Сталинграда.

«В позиционных сражениях под Сталинградом, — отмечает Алексей Исаев, — в оперативных документах войск, сражавшихся к северу, в степях, где «плохо» было с лесами, часто упоминается местный ориентир — семафор на железной дороге, идущей от Котлубани в сторону Сталинграда. Этот элемент путевого хозяйства пережил несколько жестоких сражений. Удивительно, как он не был свален атакующими танками или разнесен на куски снарядами и авиабомбами. Семафору у разъезда в гораздо большей степени можно претендовать на роль символа Сталинградской битвы, чем дом сержанта Павлова. Хотя бы потому, что он оказывался в центре событий гораздо чаще и упоминался в оперсводках до фронтового уровня включительно. Да и солдат с обеих сторон в окрестностях семафора лежит намного больше, чем вокруг любого отдельно взятого дома в Сталинграде...»

ВОВКА ЖДАЛ ПИСЬМА С ФРОНТА

Полевая почта незамедлительно отправляла солдатские письма по адресам. Открытки и «треугольники» летели в далекую Восточную Сибирь, в город Иркутск. Сюда из Красноярского края, из Ширы, вернулась Наталья к своим родителям — Софье Николаевне и Леониду Васильевичу вместе со своим сорванцом, пятилетним Вовкой, после того как в марте 42-го года проводила мужа Николая Ильича Калайнова на фронт.

Эшелон с сибиряками и алтайцами через Мичуринск ушел на запад, чтобы на северных высотах Большой излучины Дона построить оборонительные рубежи. Сибиряки восполняли потери Сталинградского фронта.

...Почтальонша тетя Маша аккуратно доставляла фронтовые весточки по всей улице Подгорной. Население «деревянной» улицы, расположенной почти в центре города, знало

эту говорунью давно и любило, потому что нрава она была доброжелательного и сострадательного. Ждал Машу и стар, и млад. Что в её тяжелой сумке таилось — никто загодя не знал. Но начали уже приходиться похоронки. И голосили бабы — жены, матери, плакали детки. Как костры горючие вспыхивали на Подгорной всполохи слез и горя. Маша-почтальонша лицом темнела, начинала причитать, словами утешительными успокаивать. Где только и брала их!

Деревянные, крашеные и некрашеные почтовые ящики висели в холодных подъездах. Безмолвно заглядывали они «добычу», до поры до времени не открывали свои тайны. Почтальонша уходила, когда убеждалась, что весточка пришла в дом добрая.

Вовка больше всех ждал писем от отца. Веселился, когда видел в окно Машу. Папка в каждом письме рисунки отправлял — то Деда Мороза с пятиконечной звездочкой на шапке-ушанке, то лыжника в стеганом ватнике с автоматом, перекинутым за спину. Даже фрицев нарисовал — уродливых, мордастых, носатых. Вовка сразу присмирел: понял, как фриц страшен.

Бодрые письма от отца радовали и бабушку с дедом. Дед забавно кричал, усы подкручивал и изрекал:

— Дождемся папку, соберемся — и в тайгу махнем на несколько дней. Порыбачим, а где и дичь какую добудем. Я хорошие места знаю.

Наталья после таких весточек преображалась — глаза голубели, и песню про синий платочек тихонечко напевала.

Николай всегда хорошо заканчивал свои письма — одной строчкой: *«Люблю, целую. Ждите, приеду»*.

Тревога поселилась в доме, когда редко стали приходиться письма. А потом и вовсе почтальонша даже не останавливалась около почтового ящика с номером их квартиры. А если с Натальей встречалась, то глаза прятала, словно виновата была. Вовку гладила по голове и успокаивала:

— Не хныч, ерой, можа, у отца карандаш куда сховался или бумага кончилась. Сам знаешь, сколь писем он тебе уже настрочил. Не барствует он на войне, а воюет. Не реви, скоро батя тебе картинок опять нарисует...

Так в тревожном ожидании прошел февраль, март наступил. В апреле снег почти стаял, хотя ручьи еще бормотали. Дед ежедневно слушал сводки Информбюро. Утешительными они были. И это успокаивало немного.

ПАУЛЮС ПРИНЯЛ УЛЬТИМАТУМ

По радио Левитан давно сообщил, что 8 января 1943 года Советское командование предъявило ультиматум окруженным под Сталинградом немецким войскам с предложением капитулировать. Алексей Исаев в своей книге «За Волгой для нас земли нет» пишет: *«Ответ ждали 9 января 1943 г. у разъезда Конный — станция Котлубань. Это место было знаковым — не дом в Сталинграде, не населенный пункт на западном фронте окружения, а место «сражения за семафор» — место жестоких позиционных боев, гремевших на высотах с конца августа 1942 года.*

Паулюс отклонил ультиматум. И тогда утром, 10 января, войска Донского фронта пошли в наступление. Земля гудела под железным градом артиллерийского обстрела. Преисподняя разверзлась. Грохот орудий не умолкал.

12 января войска 64 и 57 армий прорвали оборону противника и продвинулись на 6–8 км.

Каждый день приносил ощутимые победы. Враг отходил, теряя солдат, военную технику. Потери наших войск тоже были неизбежны и велики (с 10 по 15 января 1943 г. по Донскому фронту они составили 22 043 чел.).

Все уже понимали, что крах врага неизбежен, и дни считали.

30 января Ф. Паулюс получил последнюю радиogramму Гитлера: «Поздравляю Вас с производством в генерал-фельдмаршалы». Это был заваленный приказ покончить жизнь самоубийством. Паулюс не подчинился.

...Штаб «новоиспеченного» фельдмаршала разместился в подвале исполкома Сталинграда. Обычно указывается, что штаб 6-ой армии располагался в универмаге, однако в жур-

нале боевых действий Донского фронта уверенно указывается в качестве штаба и места пленения именно исполком. Возможно, в последующем сообщали о пленении Паулюса в подвале универмага, чтобы не бросать тень на здание, в котором размещались органы исполнительной власти. Наверняка злые языки сразу же обозвали бы обиталище слуг народа «Домом Паулюса»...»

Утром 31 января в подвал исполкома спустилась делегация 64 армии с ультиматумом, который был полностью принят. Так закончилась самая кровавая в истории битва, и уже 2 февраля 1943 года войска Донского фронта, все дивизии грузились в эшелоны, — уходили на запад добывать фашистов.

ПИСЬМО ПРИШЛО НЕ ОТ ОТЦА

Вовка вылетел в коридор пулей — кто-то громко стучал в дверь. Как ни старался малец скинуть тяжелый крючок, ничего не получалось. Ручонки еще силы не набрали. Мама помогла — широко открыла дверь. Ждали тетю Машу-почтальоншу. Так и есть — собственной персоной явилась. Письмо Наталье в руки отдала, почему-то в ящик не скинула.

Наталья взглянула на «треугольник». Почерк незнакомый, чужой, хотя адрес тот же, Коленькин, — п/п 16/96, часть 200. Боль по сердцу прошла. Ни вздохнуть, ни выдохнуть. Почти прошептала:

— Прости, Маша, одна читать буду. Ты иди, соседи ждут тебя.

Сегодня 2013 год. За окном весна. Снег растаял. В руках у меня письмо, полученное Натальей от незнакомо­го бойца. Она сохранила его с «Коленькиными весточками» — это листок из ученической тетради, разлинованный еле видимыми голубыми полосками. Простым карандашом солдат с передовой написал жене своего окопного товарища, с которым вместе Сталинград защищал в 1943 году.

Содержание письма я передаю дословно, ничего не прибавляя и не убирая.

Письмо пущено 3/III 43 года.

Письмо от товарища вашего мужа Николая Илича от Минова Николая В. Наталья Лионидовна я вам спешу сообщить что ваш муж Николай Илич погиб за родину на фронте 30/I 43 в 2 часа дня погиб. Так что без всякой муки сразу и не кричал он. Наташа наверно чувствал что так придется. Перед этим днем вобщим 29/I 43 нас с ним овиация к окопам минами пригнула, крошила. Он такой невеселый что я даже и не видал его такого за год бывши вместе. Но в этот день был очень скучен. Я у него спрашиваю почему вы такой Илич скучен а он отвечал незнаю вот и все что я хотел вам сообщить. И песню вашей рукой написанную отсылаю. В гимнастерки держал. Рассказывал как вместе ее пели. И раз сказал если что отошли ее Наталье.

*...Кончится зимняя стужа,
Даль голубая ясна.
Солнцем согрето, близится лето,
Солнцем ласкает весна.*

*И вновь весной
Под зеленой тенистой сосной
Мелькнет, как цветочек, синий платочек
Милый, желанный, родной.*

*Помню, при нашей разлуке
Ты принесла мне к реке
С песенкой звонкой горсть незабудок
В маленькой нежной руке.*

*И мне не раз
Снятся в предутренний час
Косы в платочке
И синь твоих девичьих глаз.*

Уцелела песня, танки ее не раздавили, не уничтожили. Вернулась она из окопов Сталинградских к любимой, желанной, родной. Душа вернулась.

Я познакомила Вас с несколькими куплетами романа — его первым, начальным вариантом... Еще до войны, в сороковых годах, Изабелла Юрьева впервые исполнила «Синенький скромный платочек». В то время песня стала настоящим хитом — народ распевал ее именно с этими словами. Из каждой форточки можно было ее слышать, и на патефонах ее «крутили». Это был популярный уличный романс. К.И. Шульженко песня не понравилась, она посчитала ее мешанской. В угоду ей поэт Сурков изменил слова. Так появился второй вариант «Синенького платочка».

* * *

Софья Николаевна, Вовкина бабушка, из старенького комодика достала завернутую в мягкую салфетку тоненькую желтую свечку. Укрепила ее в медном подсвечнике, зажгла. Сладкий запах воска медленно поплыл и растекаясь по комнате. И Всевышнего попросила:

— Упокой, Господи, души усопших раб Твоих и всех православных христиан и прости им все согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное.

* * *

Моря рукотворные разлились по тем местам, где в степях когда-то гуляли суховеи, где балки зарастали чаканом, полынью и кугой. В засушливые степи хлынули воды Цимлянского и Волгоградского морей. Хлеба тучные поднялись, сады, покореженные взрывами, возродились. На лесополосах, высаженных после войны, шумят могучие деревья — дубы, липы.

По берегам Дона, Чира, Червленной, под яблонями и абрикосами стоят обелиски со звездами. Местные жители, школьники берегут покой сибиряков и забайкальцев, помнят, что жизни свои герои отдали за этот чудный край.

ЛЕОНИД КОРЫТНЫЙ

ПРОДАЖА АЛЯСКИ КАК КРУПНЕЙШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОШИБКА РОССИИ

30 марта 1867 года — одна из самых печальных дат в истории нашей страны. В этот день был подписан договор о продаже Россией США территорий в Северной Америке — на полуострове Аляска, Алеутских и других островах в северной части Тихого океана.

Эти суровые в природном отношении обширные пространства площадью более 1,5 млн кв. км были открыты российскими промышленниками еще в начале XVIII века и затем за 100 с лишним лет с большими трудностями и жертвами освоены. В конце XVIII века последователями

и родственниками Григория Шелихова была основана Российско-Американская компания (РАК), которая фактически монопольно управляла этими территориями, включая в первой половине XIX века и владения в Северной Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и даже на Гавайях. К русскому образу жизни было приучено местное алеутское и индейское население, в чем важную роль сыграла православная церковь.

Наибольшая роль в развитии тихоокеанских промыслов в XVIII в. принадлежала вологодским и иркутским купцам. Вначале наиболее активными были купцы Вологодской губернии Холодиловы, Нератовы, Пановы, организовавшие свои компании на Тихом океане, в которых принимали участие жители городов Тотьмы, Устюга Великого, Вологды, Архангельска, Каргополя. С историей становления РАК неразрывно связаны имена одного из правителей Главной конторы компании зятя Г.И. Шелихова великоустюжского купца М.М. Булдакова,

КОРЫТНЫЙ Леонид Маркусович. (1947, г. Житомир, Украина). Окончил Ленинградский государственный университет. Доктор географических наук, профессор. Заместитель директора Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Автор более 400 научных трудов.

первого правителя Русской Америки, каргопольского купца А.А. Баранова, его сподвижника, основателя Форта Росс тотемского купца И.А. Кускова.

С середины XVIII в. основным центром формирующихся заокеанских колоний России — Русской Америки — становится Иркутск. Здесь возникали купеческие компании, заключались торговые сделки, набирались команды промышленников и мореходов. Сотни иркутских жителей участвовали в заморских вояжах на судах различных промысловых компаний. Иркутское купечество вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане: И. Бечевин, Н. Трапезников, позднее М.В. Сибиряков, Н.П. Мыльников, Ф.Я. Дудоровский, братья Киселевы и многие другие. Вместе с купцами из других российских городов они открыли и освоили острова Командорские, Алеутские, Прибылова, а также побережье и острова залива Аляска. Именно в Иркутске проявился предпринимательский талант и государственное мышление рыбьего купца Г.И. Шелихова, объединившего вокруг себя большинство предпринимателей. Иркутяне приняли самое активное участие в создании РАК: из 20 человек, подписавших Акт о создании объединенной компании, 14 принадлежали к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям. Здесь же первоначально в самом центре города размещалась главная контора РАК; это здание сохранилось до настоящего времени, и в нем целесообразно открыть музей Русской Америки. Иркутск сыграл заметную роль в подготовке миссионерских кадров для новых колоний. Православным подвижником Русской Америки стал Св. Иннокентий Вениаминов (Иван Попов), по праву названный апостолом Америки и Сибири.

Потеря Аляски особенно резко отозвалась на столице Восточной Сибири, фактически стала переломным моментом в судьбе тысяч ее жителей. Началось падение экономической и политической роли Иркутска, которое, к сожалению, продолжается и до сих пор. Поэтому есть смысл вернуться еще раз к этим давним временам, рассмотреть разнообразные последствия этого события, в контексте напрашивающихся параллелей с днем сегодняшним.

ПОЯВЛЕНИЕ ИДЕИ О ПРОДАЖЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ И ЕЕ ОБОСНОВАНИЕ

История продажи русских владений в Северной Америке достаточно хорошо известна и описана [1 и др.], однако есть смысл кратко напомнить основные события.

Считается, что первый «звоночек» прозвучал еще в 1841 г., когда русские покинули Форт Росс в Калифорнии, 200 лет со дня создания которого отмечалось в 2012 году. Однако следует напомнить, что еще в 1818 г. Россия отказалась от возможности укрепиться на Гавайских островах, которая была вполне реальной.

Весной 1853 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев представил Николаю I записку, в которой изложил свои виды о необходимости укрепления позиций империи в указанном регионе, будущей судьбе русских владений в Северной Америке и важности тесных отношений с Соединенными Штатами. Фактически он первый начал внедрять в высшие сферы идею, что с американского континента придется уйти: «Нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши... но, уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев» [цит. по 1, с.370]. Обидно, что именно один из выдающихся иркутских деятелей причастен к уходу России с заморских территорий и, как следствие, к началу «заката» Иркутска. Но нельзя забывать, что главной идеей записки Н.Н. Муравьева было совсем не это, а конкретные предложения по укреплению позиций России на р. Амур и на острове Сахалин, что было главным делом его жизни, и он считал более важным сосредоточить усилия и ресурсы на этом. Кстати, именно РАК в результате было поручено «занять остров Сахалин на тех же основаниях, как она владела другими землями, упомянутыми в ее привилегиях, с тем чтобы не допускать на Сахалине никаких иностранных заселений» [там же]. Что же касается ухода с Аляски, то известна по-

зиция Николая I (правда, высказанная не по этому поводу): ни одной пяди русской земли не отдавать; где флаг российский поднят, опущен он быть не может!

Между тем произошли важные события: началась Крымская война России с Англией и Францией, Николая I сменил Александр II. Однако вопрос о заморских владениях продолжал обсуждаться, главным образом в контексте опасности захвата их Англией. В связи с этим даже были подготовлены документы о фиктивной уступке этих территорий США, чтобы не пустить туда Англию [1]; переговоры с сенатором Гвином и госсекретарем Марси проводил российский посланник Э. Стекло, сыгравший важную роль во всех последующих событиях. Впрочем, сделка не понадобилась, РАК заключила договор с соседней английской Компанией Гудзонова залива, продлила договор с Американо-русской торговой компанией в Сан-Франциско и обеспечила себе безопасность и торговые перспективы. Однако идея о возможном приобретении новых территорий уже попала на благодатную почву в США, обсуждалась в газетах.

В это время в России решающими оказались субъективные обстоятельства: идея о возможности продажи Русской Америки США овладела братом царя, Великим князем Константином, который и довел ее в течение 10 лет до логического завершения. Уже в письме из Ниццы в марте 1857 г. министру иностранных дел А.М. Горчакову он писал, ссылаясь на стесненное положение государственных финансов и трудности с сокращением бюджета морского министерства: «Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребовала только вознаграждения нашей Российско-американской компании» [цит. по 1, с.378].

В дальнейшем обсуждение проблемы шло по двум основным линиям. Часть ответственных чиновников поддерживала Константина, который развивал свои идеи: «Североамериканские Штаты, следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всей Северной Америкой, и поэтому рано или поздно встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями, даже без больших усилий...» [цит по 1, с. 382]. Им противостояла более осторожная «партия» во главе с главой МИД Горчаковым, которые, не вступая в конфликт с братом царя, говорили о нецелесообразности продажи в ближайшее время, об опасности разрушения существующих международных договоров, о необходимости очень тщательной подготовки к решению проблемы. А.М. Горчаков, в частности, полагал, что если уж продавать русские владения в Америке, то инициатива должна исходить от американского кабинета в Вашингтоне, а не от царского правительства в С.-Петербурге. Эта линия поведения на время победила: Александр II отложил решение.

Вскоре Соединенным Штатам стало не до покупки Аляски: в апреле 1861 г. началась Гражданская война. Как считал Э. Стекло, из-за сложившегося в США положения никаких переговоров о продаже русских владений вести уже невозможно. Судьба, казалось, благоприятствовала РАК: был поднят вопрос уже не о продаже, а о продлении ее привилегий на новый срок, что и решилось в 1866 г. Государственный совет утвердил «главные основания» нового устава РАК, а правлению компании удалось даже получить от правительства дополнительные льготы: ежегодное из государственного казначейства пособие по 200 000 рублей и снять с нее долг казне в размере 725 000 руб. Однако это в конечном итоге сыграло отрицательную роль: финансовые дела государства были не блестящи, требовались иностранные заимствования, и РАК легла дополнительным бременем на бюджет. К тому же Гражданская война в США закончилась, и к переговорам можно было вернуться.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПРОДАЖЕ АЛЯСКИ И ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

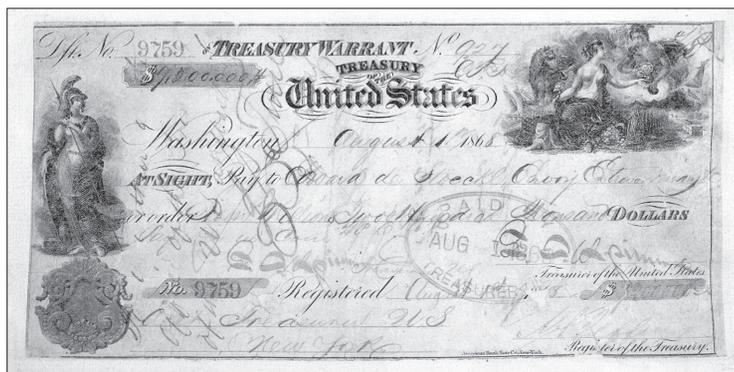
К вопросу о продаже Аляски вернулись осенью 1866 г., после приезда из США Стекла, опять-таки по инициативе Великого князя Константина. К решению вопроса был привлечен министр финансов М. Рейтерн, который полностью поддержал Константина по необходимости

сти снять с государства бремя финансовой поддержки РАК и особо подчеркивал несостоятельность Российско-американской компании в ее практических действиях. Последнее было преувеличением, но имело под собой и некоторые основания: дела РАК в последние десятилетия шли отнюдь не блестяще ввиду исчерпания запасов пушнины, неудачи ряда коммерческих сделок, а также недостаточно компетентного управления, осуществляемого с начала 1830-х гг. не промышленниками, а назначаемыми правительством морскими офицерами. Не вызывало восторга и монопольное положение РАК.

В итоге Горчаков был вынужден согласиться с доводами Константина, Рейтерна и Стекла. Историческое решение было принято 18 декабря на секретном заседании в МИД России на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, в котором участвовало 6 человек: Александр II, Константин, Горчаков, Рейтерн, Стекло, а также морской министр Н. Краббе. Стекло было поручено предложить правительству США купить заокеанские российские территории за сумму не менее 5 млн долларов. Барон справился с этим заданием в рекордно быстрые сроки и даже перевыполнил его, поскольку итоговая сумма сделки составила 7,2 млн долларов. Для правительства США и президента Джонсона это предложение в определенной степени было неожиданным, но они быстро поняли всю его выгоду. Главную роль в этом сыграл государственный секретарь У. Сьюард. Поздно вечером 30 марта Стекло получил разрешение на подпись документов на продажу от Александра II, и в ту же ночь документы были готовы, а к утру подписаны. В относительно короткое время документы прошли утверждение в законодательных органах США, и эта страна получила в свои владения огромную территорию, а Россия в октябре 1867 г. навсегда ушла с американского континента.

Договор является настолько кратким, что основные положения его нетрудно процитировать [2].

Договор о продаже Россией полуострова Аляска Соединенным Штатам Америки 18 (30) марта 1867 г.

Ст. 1. Е. в. имп. всерос. сим обязуется уступить Соединенным Штатам... всю территорию с верховным на оную правом, владеемую ныне его величеством на Американском материке, а также прилегающие к ней острова. Сказанная территория заключается в нижеозначенных гео-

графических границах, а именно: восточную границу служит линия разграничения между российскими и британскими владениями в Северной Америке, как таковая линия постановленная конвенциею, заключенною между Россиею и Великобританиею 16/28 февраля 1825 года... Западная граница... проходит через точку в Беринговом проливе под 65 градусов и 30 минут северной широты в ее пересечении с меридианом, отделяющим на равном расстоянии острова Крузенштерна... от острова Ратманова..., и направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане... Граница... включает в уступленную территорию все Алеутские острова, лежащие к востоку от... меридиана (193 градусов западной долготы).

Ст. 2. Передача одновременно с территорией права собственности на все публичные здания. Церкви, воздвигнутые русским правительством, остаются собственностью членов православной церкви.

Ст. 3. Жители уступленной территории могут по своему желанию возвратиться в Россию в трехгодичный срок, сохраняя свою национальность. Но если они предпочитают оставаться в уступленной стране, то они, за исключением, однако, диких туземных племен, должны быть допущены к пользованию всеми правами..., предоставленными гражданам Соединенных Штатов... Дикие же племена будут подчинены законам и правилам, которые... могут быть постановляемы Соединенными Штатами в отношении к туземным племенам этой территории.

Ст. 6. На основании вышеустановленной уступки, Соединенные Штаты обязываются заплатить... дипломатическому представителю или иному е. в. имп. всероссийским надлежаще уполномоченному лицу, семь миллионов двести тысяч долларов золотую монетою...

Решение высшего руководства страны не сразу стало известно общественности и населению, поскольку долго держалось в секрете — реакция была предсказуемой. И действительно, впервые страна отдала завоеванные потом и кровью 6% своей территории, причем добровольно. Впервые был спущен российский флаг. В трудном положении оказалась Российско-американская компания и особенно русское население Аляски, насчитывающее к тому времени около 800 человек — они были поставлены перед фактом, многие людские судьбы оказались сломлены.

Различные мнения по этой важнейшей для истории страны проблеме были даже в МИД. Показательным является архивный документ, подготовленный молодым сотрудником указанного департамента Ф. Р. Остен-Сакеном вечером того же дня [цит. в сокр. по 3].

«Доводы в пользу продажи наших американских колоний заключаются, сколько известно, в следующем:

- 1) Совершенная для России бесполезность этих колоний.
- 2) Опасения, что рано или поздно они у нас будут отняты.
- 3) Выгоды получить за них довольно значительную сумму денег.

По первому доводу:

В состоянии ли мы в настоящее время составить себе определенное понятие о том, могут ли эти колонии быть полезны России или нет? В продолжении 70 лет колонии эти находились в исключительном распоряжении безжизненной компании, единственная заслуга которой в отношении к России заключалась в том, что ее существование служило как бы внешним знаком нашего владения и этим воспрепятствовало посторонним державам занять никем не занятое место. В настоящее время правительство, убедившись наконец в несостоятельности Компании, приступило к преобразованию существующего в колониях порядка вещей. Разве правительство уже теперь отчаивается в успехе ответа, задуманного еще в 1860 году, но не приведенного в исполнение? Из бесполезности Компании можно ли выводить заключение о бесполезности самой земли, которую она заведовала и о которой мы положительно ничего не знаем, за исключением отрывочных сведений, дошедших до нас большей частью через руки той же самой Компании.

По второму доводу:

Положение наших американских колоний в мире политических отношений может быть названо особенно выгодным. История расширения тамошних владений русских, английских, американских всего лучше разъясняет нам, почему нас уже давно не вытеснили из Северной Америки. Если ознакомиться с историей постоянного соперничества между Англией и Америкой на северо-западном берегу Америки в течение нынешнего столетия, то становится ясно, каким образом ничтожная власть нашей Компании могла уцелеть подле таких могучих соседей. Этим соперничеством, кажется, только и можно себе объяснить выгодные (сравнительно) трактаты 1824 и 1825 годов, а также конвенцию о нейтралитете во время последней войны. Пока существует нынешний порядок вещей в Северной Америке, едва ли основательно опасаться захвата наших Колоний другой державой.

По третьему доводу:

Если бы сумма, которую мы получим за наши колонии, была так значительна, что могла бы покрыть известную часть нашего государственного долга, то, конечно, приманка была бы сильная. Но несколько миллионов и даже десятков миллионов рублей едва ли имеют государственное значение в империи, имеющей около полумиллиарда ежегодного дохода и расхода и более чем полтора миллиарда долгу. Опасению, более или менее безотчетному по потере колонии через нападение на нас посторонней державы, может, казалось бы, противоречить другое опасение относительно разных недоразумений, невыгоды, дальнейших захватов и т. п., которым мы сможем подвергнуться, если получим нового ближайшего соседа в лице Соединенных Штатов Северной Америки.

Может быть, эти опасения столь же безотчетны, как первое, но не заслуживают ли некоторого внимания следующие соображения. Через продажу наших американских колоний:

1. Сложившееся исторически распределение североамериканского материка между тремя великими державами будет нарушено.

2. В настоящее время для дальнейшего движения американцев все дальше на Запад, вдоль берега Тихого океана существует важная преграда: владения сильной морской державы Англии. Купив наши колонии, американцы разом перешагнут через эту преграду. В состоянии ли мы оказать им какое-либо противостояние на восточных, Сибирских пределах? Ныне существующее благотворное для нас равновесие в северо-западном углу Америки тогда уже будет разрушено безвозвратно.

Нельзя не заметить, что во всем вышеизложенном представляются только как бы отрицательные достоинства наших американских колоний. Что касается до положительных выгод, то действительно они принадлежат только будущему, но казалось бы, что нынешнее поколение имеет святую обязанность сохранить для будущих поколений каждый клочок земли, лежащей на берегу Океана, имеющего всемирное значение».

Может быть, если бы этот документ попал в руки участников секретного совещания, решение было бы другим. Хотя это вряд ли... К тому же история не терпит сослагательного наклонения. Тем не менее важно вернуться к последствиям этого события. Можно согласиться с мнением тех, кто и в те далекие годы, и в наши дни считает решение о продаже Аляски крупнейшей ошибкой.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Политические последствия огромны: Россия потеряла возможность фактически главенствовать и в Арктике, и в северной части Тихого океана. Думается, что военные угрозы и со стороны Англии, и со стороны США были явно преувеличены. Статус-кво с этими странами обеспечивалось соглашениями соответственно 1824 и 1825 гг.; территории находились под безусловной российской юрисдикцией, которая никем и не оспаривалась. Геополитическая ситуация была даже более благоприятной, чем в предыдущее десятилетие. США находились в этот момент «на пике» самых доброжелательных отношений с Россией, которая посылкой двух эскадр к американским берегам помогла северянам победить в гражданской войне. Они вполне могли вступить с Россией в союз, противостоящий английской экспансии. Весь ход мировой политики и истории мог пойти по-другому.

США должны быть безмерно благодарны нашей стране за великолепный плацдарм. Его стратегические преимущества были использованы сполна. На Аляске расположен целый ряд военных объектов США, крупнейшим из которых является авиабаза Элмендорф неподалеку от Анкориджа. На ней базируются Аляскинское командование вооруженных сил США, командование Аляскинской зоны НОРАД (воздушно-космической обороны Северной Америки), 11-я воздушная армия США и многие другие подразделения. Рядом с базой Элмендорф, в форте Ричардсон, расположена воздушно-десантная бригада. К тому же обеспечение функ-

ционирования этих и многих других военных объектов на Аляске — важная составляющая экономики штата, а федеральное правительство США — один из крупнейших работодателей в штате.

Еще более рельефны экономические последствия. Сумма сделки оказалась небольшой даже по меркам того времени: менее 5 долларов за 1 кв. км территории. В начале того же века Луизиана была приобретена у Наполеона более чем вдвое дороже — за 15 млн долларов; даже строительство единственного в то время трехэтажного здания окружного суда в Нью-Йорке обошлось дороже аляскинской продажи. По ориентировочным подсчетам А.Ю. Петрова [4], уплаченные 7,2 млн долларов сегодня эквивалентны 7–8 млрд долларов. Это чуть более 1% золотовалютных запасов России в начале XXI века...

Изначальный расчет стоимости Русской Америки принадлежит бывшему правителю Русской Америки (1830–1835) и директору Российско-американской компании (1840–1849), а затем и военно-морскому министру России адмиралу Ф.П. Врангелю. В основу расчета он положил годовую стоимость акционерного капитала. Но при этом он не преминул заметить, что «богатые угольные запасы, лед, строительный лес, рыба... и превосходные морские порты представляют гражданам Соединенных Штатов такие огромные выгоды, что правительство Штатов не должно бы затрудняться в приобретении этих выгод этой сравнительно незначительной суммой» [цит. по 1, с. 379].

Об упущенной в итоге Россией огромной возможной выгоде говорит тот факт, что по интегральному природно-ресурсному потенциалу Аляска относится к богатейшим территориям не только США, но и мира. Уже в то время появились предположения о вероятном нахождении на Аляске золотых месторождений, и это не было тайной для царского правительства. Более того, это парадоксальным образом стало одним из аргументов за продажу Аляски: придут американские золотоискатели, а за ними войска — территории не защитить. На самом деле только в 1898 году было найдено золото в районе города Ном, а в 1902 году — в районе современного Фэрбенкса. Сегодня Аляска занимает второе место в США (после Невады) по объемам добычи золота. Значительны запасы и других руд. Штат дает около 8% добычи серебра в Соединенных Штатах Америки. Шахта «Ред Дог» на севере Аляски — крупнейшая в мире по запасам цинка и дает около 10% мировой добычи этого металла, а также значительные количества серебра и свинца.

Но главным богатством является нефть, месторождения которой были открыты только в конце 1950-х гг. Сегодня Аляска занимает второе место в США по добыче «черного золота», здесь добывается 20% американской нефти. На севере штата разведаны огромные запасы нефти и газа. Месторождение Прудо-Бэй — крупнейшее в Соединенных Штатах (8% добычи нефти в США). Нефть транспортируется к порту Валдез на южном побережье Аляски по построенному в 1970-х гг. Трансальяскинскому нефтепроводу, длиной почти 1 300 км. Он сооружен из труб диаметром 122 см, его пропускная способность — около 340 000 м³ в сутки. На северо-западе штата огромную территорию занимает Национальный нефтяной резерв — земли, на которых разведаны нефтяные месторождения, но добыча не ведется. В отличие от России, в США думают о будущих поколениях.

Полезные ископаемые, конечно, составляют основу экономики современной Аляски, но важно подчеркнуть, что она существенно диверсифицирована. В прибрежных водах очень развито промысловое рыболовство. Много лосося, трески, минтая и крабов экспортируется из штата, причем дары моря относятся к тем немногим продуктам, которые дешевле в Аляске, чем в каких-либо других штатах США. На юге штата, на полуострове Кенай и в долине Матанаска, неподалеку от крупнейшего города Аляски Анкориджа, существует ряд фермерских хозяйств. В них выращивают овощи, разводят крупный рогатый скот. На полуострове Сьюард, в западной части штата, хорошо развито оленеводство.

В последние десятилетия на Аляске активно развивается туризм, в том числе круизный — регион ежегодно посещают сотни огромных комфортабельных лайнеров. Здесь существует национальный парк США Денали общей площадью около 25 тысяч км². На территории парка

находится высочайшая вершина Америки — Мак-Кинли (6193 м). Парк посещают более одного миллиона туристов в год.

Все эти богатства могли принадлежать России. Отдельно нужно сказать о прекращении уникального опыта взаимовыгодного взаимопроникновения культур — русской и аборигенной, основанных на единении с природой. Даже спустя полтора века следы этого исторического общения заметны, во многом благодаря существованию Русской православной церкви на Аляске: православные составляют около 13% населения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Хотя прошло почти 150 лет, ряд аналогий с современными событиями значителен и удивителен.

1. «Кулуарное», но зато на «высшем» уровне решение важнейших для страны проблем, по-видимому, является отечественной традицией. Судьбу Аляски решило секретное заседание шести человек, судьбу Советского Союза — «тайное вече» троих в Беловежской пуще. В истории страны найдутся и другие примеры недостаточно взвешенных решений, принятых узким кругом, без гласности и демократичности; авторитаризм — характерная черта и современной российской политики. Разителен контраст со США, где даже чтобы гарантировать согласие конгресса на покупку Аляски, России пришлось приложить немалые усилия и средства.

2. Как уже говорилось, одной из причин принятия решения о продаже стало неумелое управление РАК в последние десятилетия ее существования. Но кто же принял решение о замене правителей Русской Америки — опытных менеджеров — сибирских промышленников — военными офицерами, которые были преданы Родине и храбры, но далеки от коммерческих забот; к тому же постоянная «чехарда» правителей не способствовала стабильности. Не напоминает ли это последнее российское десятилетие и назначения губернаторов из центра, нередко далеких от понимания специфики региональных проблем?

3. Уход с Аляски и вообще с северо-западного побережья США и значительной части акватории Тихого океана стал закономерным продолжением тенденции России на изоляцию от морских просторов и проблем. Странно и обидно, что лидером такой политики стал Великий князь Константин, руководивший и военно-морским флотом, и недавно созданным Русским географическим обществом. К сожалению, в постсоветской России продолжение этой тенденции вырисовывалось, в частности, в резком сокращении научно-исследовательского и рыболовного флота и научных исследований, и в итоге — в потере приоритета в добыче морепродуктов и в других направлениях океанического хозяйства.

4. Рассмотрим еще один важный момент. Уже упоминавшийся выше адмирал Ф. Врангель писал А. Горчакову, что поскольку от прекращения деятельности РАК будет нанесен ущерб Сибири, целесообразно в случае продажи Аляски использовать «проценты с суммы в 3 700 000 руб. серебром для благоустройства побережья Восточной Сибири от р. Амур до Камчатки по предметам, способствующим торговым предприятиям» [цит. по 1, с. 379]. Как о самом собой разумеющемся, о приоритете использования средств, полученных от продажи Аляски, для восточных территорий многократно говорил и А. Горчаков.

Но на самом деле эти средства пошли совсем на другое. Недавно А.Ю. Петровым были найдены архивные документы, дающие ответ на вопрос: куда пошли полученные за Аляску деньги? [4]. Оказывается, их основная часть пошла на строительство железнодорожной сети в Центральной России и приобретение для нее за рубежом движущего состава — своей техники у нас еще не производилось. Конечно, это совсем неплохое вложение полученного капитала. Однако восточным территориям, вложившим огромные людские и финансовые ресурсы в освоение Америки, ничего не досталось. Это вполне согласуется с излюбленными общеполитическими и стратегическими соображениями Константина: Россия «должна всячески стараться укрепляться в центре своем, в тех сплошных коренных русских областях, которые составляют по народности и вере настоящую и главную силу ее, и должна развивать силы этого

центра» [цит. по 1, с. 382]. Другими словами, случившееся — достойное воплощение колониальной политики Центра по отношению к восточным территориям. Но ведь она фактически продолжается и сегодня, в том числе в виде проталкиваемой определенными зарубежными и отечественными кругами концепции о целесообразности «сжатия восточного пространства России», связанной с искажением его истинной геоэкономической и геополитической роли.

5. В заключение — еще об одной претензии к РАК, положенной «в копилку» обстоятельств, способствующих принятию решения о продаже. Речь идет о монополии Компании, о неудачном совмещении административных и торговых функций. Об этом говорил Э. Стебль: «Монополии — это учреждения не нашего века, и на Тихом океане они так же невозможны, как и в любом другом месте. Компания не может продолжать сохранять свои ограничения, не создавая дальнейших затруднений, провоцируя серьезные дискуссии между двумя правительствами и нанося ущерб своим собственным интересам». С этим мнением можно согласиться. Но не являются ли эти слова актуальными и в наше время, когда «сверху» идут предложения о создании корпорации Восточной Сибири и Дальнего Востока, которую предполагается наделить немислимыми привилегиями?

Таким образом, суммарные последствия решения о продаже Аляски весьма значительны, и без него ход развития востока России, да и всей страны мог быть совсем иным. Конечно, «сквозь даль времен» судить легче; для принятия ответственного решения у руководства страны были свои весомые аргументы, которые в тот момент и перевесили. Однако извлечь из этой печальной истории уроки, особенно с учетом исторических параллелей, просто необходимо.

Литература

1. **Болховитинов Я.Я.** Возникновение проектов продажи Русской Америки (1853–1861) // История Русской Америки (1732–1867). Т.3. Основание Русской Америки. Гл.9. — М.: Международные отношения, 1997. — С. 370–394.
2. **Ключников Ю.В., Сабанин А.** Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. 1. — С. 194–195.
3. <http://www.sovsekretnoru/magazine5/articl>
4. <http://finam.fm/archive-view/525/>

АНАТОЛИЙ СОБЕННИКОВ

ВЛАДИМИР КОСТИН
«КОЛОКОЛ И БОЛОТО»
М.: Изд-во «Беловодье», 2012 г.

«Колокол и болото» — третья книга томского писателя Владимира Михайловича Костина — свидетельство его человеческой и гражданской зрелости. У Владимира Костина свой, не заёмный, взгляд на отечественную историю, на историю Сибири, на современность.

В центре романа — старинный сибирский город Потомск, его особая, демократичная часть, прозванная «Болотом». Роман символичен, в его пространственной архитектонике оживает древний архетип града, равного миру (Рим — Мир). Меняются времена, меняется власть, меняются люди в Городе, а жизнь на Болоте не меняется. И в этой преемственности природного и социального писатель видит возможность спасения, ибо меняться могут формы жизни, но не её суть. Жители Болота — маргиналы, но почему именно они заинтересовали писателя, а не успешные, современные люди?

Одна из центральных глав называется «Дом на Болоте». Дом — ветхий, деревянный, но его обитатели знают друг друга, они связаны пространством, временем, бытом, ссорами и праздниками, связаны человеческими отношениями. И даже местные хулиганы — «ребята с нашего двора». После драки здесь пьют «мировую». И эти человеческие связи оказались для матери Алёши, главного героя романа, дороже новой четырёхкомнатной квартиры в Городе.

Владимир Костин не идеализирует своих героев, их Дом. Его книга — горькое размышление о временах и нравах. Повествователь помнит о шестидесятых — семидесятых годах, когда двери в квартирах «не закрывались». А сейчас? «Закрываются они по сей день. Дети выросли и разлетелись. Их всегда рождалось на болоте больше, чем оно может приютить. Взрослые постарели и устали общаться. И о чём нынче общаться — о деньгах, о сексуальной ориентации телевизионных тел? Но еле здравующиеся соседи всё-таки объединены памятью о былом, и эта память для них как тайный запас, значка на чёрный день, она может воскреснуть и согреть. Ничего, что они не отдают себе в этом отчёта», — отмечает повествователь.

Есть люди, которые живут сегодняшним днём. Но русское сознание, если говорить о его ментальности, с одной стороны, утопично, устремлено в будущее, с другой стороны, архаично, помнит о прошлом. Тема памяти — важнейшая в романе. Бабушка Алёши ухаживала за клумбой, разбитой возле Вознесенской церкви на Горе. Завела клумбу прабабушка Алёши. И Алёша узнает, что клумба разбита на месте, где похоронен его прадед. А прадед, купец-миллионер Алексей Афанасьевич Васильков, был славен тем, что поставил на свои кровные Благовест — главный колокол города. В тридцатые годы колокол разбили и увезли. Наступили новые времена, и новый Благовест должен заменить старый, уничтоженный большевиками.

СОБЕННИКОВ Анатолий Самуилович (род. в 1952 г.), литературовед, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и журналистики ИГУ.

Христианская символика Благой Вести не случайна. Роман должен напомнить читателям о том, что, в какое бы историческое время мы ни жили, смысл нашей жизни зависит от нас, а не от внешних обстоятельств, что добро и зло, истина и ложь, жизнь и смерть в наших душах. Бог есть Истина, Бог есть Любовь. Герои Владимира Костина спасаются любовью. Поэтому роман и заканчивается историей Алёши и Ванды, историей первой любви, которая была, есть и будет в любое время. Если нет для человека опоры в общественном бытии, остаётся частная жизнь. Сюжетная линия Алёши и Ванды должна закончиться созданием новой семьи на Болоте, зарождением новой жизни. И это оставляет читателю надежду.

И вот на что ещё следует обратить внимание. В Доме на Болоте живут русские, татары, евреи, потомки сосланных в Сибирь поляков. В образе мира, созданном писателем, нет места вражде и ненависти на национальной почве. Люди плохи и хороши не потому, что они русские или евреи, люди есть люди. И роман Владимира Костина не только о русской жизни, он «о жизни вообще». В число тех новых двенадцати апостолов, кто слушал поучения Старца, вошли и татарин Ильдар Сейдияхметович, и еврей Борис Исаакович, и полька Ванда, и русский Алёша.

«Колокол и болото» — не массовое «чтиво», это роман интеллектуальный, рассчитанный на зрелого читателя, укоренённого в отечественной культуре. Культурная память заставит читателя вспомнить Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, М.А. Булгакова, М. Метерлинка и многих других предшественников писателя. Юного героя зовут Алексеем, не в честь ли Алексея человека Божьего и Алексея Карамазова? А Бабушка не напомнит ли читателю знаменитую Бабушку из романа И.А. Гончарова «Обрыв»? И, конечно же, образы современного градоначальника Нарымова и его многочисленной челяди не восходят ли к бессмертным страницам «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина? И не глуповцы ли мы? «Мы — «люди мелкаго счастья, нас, если что, могут «в зьмской избе остерегать», — иронизирует повествователь. А фантастический Старец и Чудо, которое случилось в городе Потомске в наше просвещённое время, не напоминают ли роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»? В образе Старца угадывается также легенда о томском старце Федоре Кузьмиче, канонизированном русской православной церковью.

Целое романа держится не на фабуле, «скрепой» становится точка зрения автора, вольно соединяющего «времена и нравы», жанровые формы, стилистические краски. В романе органично сочетаются гротеск и бытописание, историческая хроника соседствует с проповедью. Один из смысловых узлов романа — проповедь Старца: «Никогда такого не было, — говорит он, — чтобы люди посягали на родовые свои свойства, отказываясь от души, от дома, от семьи, взаимно выращиваясь как «цивилизованные потребители»... Сего зверя глобализации не предсказано и в Апокалипсисе, нет там ни образа его, ни числа!»

Писатель и мы, читатели, вместе с ним отказываемся быть винтиками в бюрократической машине, отказываемся быть Иванами, родства не помнящими. Мы — люди, и мы интересны своей непохожестью, своей индивидуальностью, своей способностью любить и быть любимыми. И в новом урбанистическом глобальном мире пусть звучит Благовест, напоминая о тех, кто построил Дом на Болоте, кто жил честно и умер в свой срок.

«И последние станут первыми...» — сказано когда-то.

Ностальгия Сергея Ступина

Больше полутора человека, не побоявшись мороза и грозных слухов о 21 декабря, пришли в этот день в Культурный центр Александра Вампилова, где свой творческий вечер проводил первый заместитель министра культуры и архивов Иркутской области Сергей Ступин. Поменяв деловой пиджак на клетчатую рубашку, а папку с документами на микрофон, Сергей Геннадьевич впервые предстал перед большой аудиторией в своём творческом амплуа. А заниматься музыкой, между тем, он начал давно: в школе, затем в институте (высшее образование получил на историческом факультете ИГУ). Учась в аспирантуре Ленинградского госу-

дарственного университета, Сергей Ступин попробовал переложить на музыку поэзию Есенина и свои собственные стихи. И это получилось. Первыми слушателями стали друзья. Именно поэтому свой диск, который вышел два года назад, Сергей Геннадьевич назвал «Песни друзей».

Идея проведения концерта появилась тринадцать лет назад: в 1999 году в автобусе по пути из Кутулика, где иркутяне были в рамках вампиловского фестиваля, Галина Солуянова, директор Центра А. Вампилова, услышала, как поёт Сергей Ступин. Через несколько дней она сказала ему: «Когда в Иркутске наконец-таки откроется вампиловский культурный центр, первый музыкальный вечер будет Ваш». Всё произошло точно так.

«Ностальгия по Настоящему» — такое название получил творческий вечер Сергея Ступина. «Каждый волен найти здесь свой смысл, — сказал музыкант, — для меня это воспоминания, переживания, связанные с прошлым, со студенчеством. Есть и второй подтекст: мы сегодня ностальгируем по неподдельности, потому что вокруг много искусственного. Хочется прикоснуться к настоящему — к поэзии, музыке».

В организации и проведении вечера Сергею Ступину помогали его друзья-музыканты, чьи имена иркутской публике небезызвестны: Владимир Соколов, Юрий Фандеев, Николай Николаев, Андрей и Ольга Мингалёвы. Со сцены прозвучали четырнадцать авторских песен, четыре из которых были исполнены впервые. Эти и другие композиции, над которыми сейчас работает Сергей Ступин и его творческая команда, войдут в новый диск. Возможно, мы услышим его уже этим летом.

Повторный концерт состоялся в Театре пилигримов 16 января.

*Научный сотрудник Культурного центра им. А. Вампилова
Екатерина Фалалеева*

Москва театральная — Александру Вампилову

В начале нового года театральная Москва была захвачена главным событием — празднованием 150-летнего юбилея реформатора русской сцены Константина Сергеевича Станиславского. В дни торжеств в Театральной галерее государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина на Малой Ордынке состоялось более скромное по масштабу, но не менее значимое событие — открытие выставки, посвящённой творчеству иркутского драматурга Александра Вампилова. Вернисаж состоялся 18 января.

«Приглашение в мир театра Александра Вампилова. Поэты рождаются в провинции» — такое название получила размещённая в четырёх залах экспозиция, в основу которой вошли театральные афиши, эскизы декораций и костюмов, фотографии спектаклей. Экспонаты были представлены наследниками драматурга, а также ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, музеями Драматического театра им. К.С. Станиславского, Музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко, МХТ им. А.П. Чехова, Театра-студии О. Табакова, Театра «Около дома Станиславского» и т.д. Весь этот наглядный материал отражает историю развития отношений между драматургом и столичными театрами, которая началась ещё при жизни Александра Вампилова, когда в 1965 году он отправился «покорять» столицу, и продолжается по сей день. После гибели драматурга в 1972 году по всей стране случился настоящий «вампиловский бум»: казалось, не было театра, где бы не шли его пьесы.

«Благополучен театр или нет? Совершенен? Профессионален или не профессионален? Я могу судить об этом по тому, идут или не идут в них постановки по пьесам Александра Вампилова», — произнёс на открытии выставки заместитель генерального директора бахрушинского музея Александр Рубцов.

Среди гостей в Театральной галерее была ведущий российский вампиловед Елена Стрельцова. «Пространство Вампилова очень глубоко и высоко, как пространство Чехова.

Фото Леонида Бурмистрова

Он честен. И мы всё время будем к его пьесам, его героям, его женщинам возвращаться, возвращаться и никогда не вернёмся, пока не перестанем друг другу и себе, в театре, в жизни ли лгать», — сказала она.

Завершающей речью торжественного открытия стало выступление куратора выставки Галины Солюяновой, директора иркутского Центра А. Вампилова: «Я ставлю Александра Валентиновича в ряд Николая Васильевича Гоголя, Александра Николаевича Островского, Антона Павловича Чехова. Затем — Александр Валентинович Вампилов. А дальше — тишина». Также инициатор выставки напомнила москвичам, что в 2002 году во МХАТе у Олега Табакова прошла презентация книги «Драматургическое наследие Александра Вампилова». «Спустя 10 лет ещё раз Москва говорит слова благодарности, нежности Александру Валентиновичу». Творческий роман продолжается.

Екатерина Фалалеева

Хроника литературной жизни

В конце 2012 г. в Иркутске вышел в свет фотоальбом «Валентин Распутин. Дорога домой». Красочное издание, посвящённое 75-летию выдающегося писателя-земляка и 75-летию образования Иркутской области, содержит уникальные репортажные фотографии из четырёх путешествий Валентина Распутина в его родное село Аталанка и по Ангаре во время съёмок документального фильма «Река жизни» режиссёром Сергеем Мирошниченко. Издатель фотоальбома — депутат Законодательного собрания Иркутской области Андрей Чернышёв, тираж в 1000 экз. отпечатан в ОАО «Иркутская областная типография № 1».

По словам министра культуры и архивов Иркутской области Виталия Барышникова, в 2013 г., объявленном губернатором Сергеем Ероценко Годом библиотек области, эта книга станет одним из самых замечательных подарков областным и районным библиотекам.

*Из материала П. Борисовой «Деревенский репортаж»
Байкальские вестн, 2013, 28 янв.–3 февр.*

* * *

В декабре 2012 г. Иркутский городской театр народной драмы стал участником X Международного театрального фестиваля в рамках III Славянского форума искусств «Золотой Витязь» в Москве. Театр был приглашён со спектаклем «Изба», созданным по произведениям Валентина Распутина. Поставленный к 75-летию писателя спектакль прошёл в Иркутске с аншлагами.

5 декабря в переполненном зале (рассчитанном на 600 человек) Театра Армена Джигарханяна состоялась двухчасовая московская премьера. В.Г. Распутин и члены Иркутского землячества «Байкал», присутствовавшие на спектакле, представители жюри дали постановке высокую оценку. Главный приз фестиваля — статуэтка «Золотой Витязь» и Золотой диплом были вручены заслуженному деятелю искусств РФ, директору Иркутского городского театра народной драмы Михаилу Корневу 6 декабря в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя.

— Спектакль вырос из творческого вечера, посвящённого юбилею Валентина Распутина. «Изба» — это символ, и смысл его очень глубок: каждый человек должен строить свою избу, свой внутренний храм, беречь традиции и заново возрождать утраченное, — отметил Михаил Корнев.

Из информации сайта Иркутского городского театра народной драмы

Редакция «Сибири» поздравляет коллектив театра с новой наградой!

«Я не смогу без книги...» — так называется сборник воспоминаний о Юрии Ивановиче Бурыкине (1931–1991), директоре Восточно-Сибирского книжного издательства в 70–80-е гг., заслуженном работнике культуры РСФСР, человеке, который совершил прорыв в книгоиздании Восточной Сибири. В годы его руководства широко издавались книги иркутских писателей — как известных, так и начинающих, выходили в свет знаменитые серии — «Полярная звезда» и «Литературные памятники Сибири», публицистические сборники о Байкале, памятниках иркутской старины, современных проблемах развития Сибири. Составитель — читинская тележурналистка Ида Файерштейн, издатель Геннадий Богданов (ООО «Экспресс-издательство», 2012).

13 декабря в зале Музея города Иркутска о директоре и издательстве, проживших одни годы — ВСКИ было основано в 1931 г., после ухода из жизни Ю.И. Бурыкина и оно постепенно угасло, не

выдержав перехода к рынку, — вспоминали бывшие сотрудники издательства, авторы мемуаров, родственники и друзья, собравшиеся на презентацию книги.

О том, как повлиял на культурную жизнь региона и на их литературную судьбу талантливый руководитель, рассказали в своих выступлениях редакторы Лина Иоффе, Светлана Асламова, Валентина Семёнова, бывший заместитель губернатора Иркутской области Юрий Гуртовой, врач и автор книг о здоровье Изислав Лившиц; о роли Ю.И. Бурькина в возрождении казачества в наших краях — атаман Иркутского войскового казачьего общества Николай Шахов, о том, как вместе учились на отделении журналистики ИГУ, — актёр и писатель Виталий Сидорченко. Выступили также дочь Ю.И. Бурькина Ольга и внучка Елена. Сын Олег Юрьевич, внёсший основной финансовый вклад в издание книги, передал директору музея Ирине Терновой в дар семейную реликвию — казачий мундир отца.

Вечер вела бывший начальник управления культуры администрации г. Иркутска, ныне директор Института культуры и искусств Светлана Домбровская.

В. Семенова

* * *

14 декабря в Гуманитарном центре-библиотеке им. Семьи Полевых прошёл большой литературно-музыкальный вечер, посвящённый 110-летию со дня рождения известной сибирской поэтессы Елены Жилкиной под названием «Сердце не забывает».

Программа охватила многое: судьбу, начиная с детства, прошедшего на берегу Байкала в благополучной семье, дальнейшие тяготы, связанные с крушением старого мира и построением нового, обретение поэтического голоса в 20-е гг., несправедливые гонения в 40-е оттого, что этот голос по лирическому чувству перекликался с ахматовским. И — неуклонный путь к мастерству, творческой зрелости при сохранении задушевности и доброты и в стихах и в жизни.

Образ Елены Жилкиной был очерчен всеми возможными средствами: череда слайдов на экране отражала время в лицах, звучали стихи из книг «Верность», «Пора листопада», «Родные ветры», «После вьюги», вёлся рассказ о судьбе поэтессы, в тон вечеру певицей Антониной Истоминой были исполнены песня и романс, а также песня на стихи Елены Жилкиной «Я иду по городу» в аудиозаписи автора музыки — Валерия Стукова. Нашлось место и высказываниям о Елене Викторовне известных литераторов — поэта Сергея Иоффе, драматурга Александра Вампилова, литературоведа Василия Трушкина.

Немаловажная подробность: часть книг из библиотеки Елены Жилкиной передана дочерью поэтессы Татьяной в дар Гуманитарному центру.

Из информации Гуманитарного центра-библиотеки Семьи Полевых

* * *

14 декабря в Доме литераторов им. П.П. Петрова вечер памяти Ростислава Филиппова собрал друзей и поклонников его таланта в связи с 75-летием со дня рождения поэта.

Вечер получился камерным; он был наполнен духом возвышенности и чувством душевной теплоты, исходящими из самих стихов Ростислава Филиппова, соединивших конкретику человеческой судьбы и философские раздумья. Чтение любимых стихов поэта — о живой воде ручья, бегущего в Байкал, иркутском музее, об «огородных жителях» и обездоленности «доверчивых русских людей» — его друзьями, писателями, актёрами, книгоиздателями было преисполнено серьёзности и строгости, не допускавшей проходных замечаний, и прозвучало так, как если бы стихи были написаны не годы назад, а вчера. Выступили Василий Забелло, Василий Козлов, Николай Есипёнок.

В преддверии этого вечера, подготовленного преподавателем БГУЭП, другом поэта Марком Демидовым и писательской организацией, юбилей Ростислава Филиппова был отмечен ещё одним важным событием в его память.

В начале декабря радением первой жены поэта, известной иркутской журналистки Веры Филипповой был установлен надгробный памятник, выполненный на средства её семьи, иркутян, а также руководителей сельхозпредприятий Усольского района по проекту заслуженного архитектора России читинца Виктора Кулеша. Барельеф поэта был отлит сыном Кулеша Леонидом и доставлен из Читы (оба архитектора потрудились безвозмездно, включая доставку). Состоялось открытие памятника и поминальный обед для всех, кто присутствовал в этот день на Покровском погосте за Пивоварихой.

В. Семенова

Хроника Дней русской духовности и культуры «Сияние России»

30 сентября – 6 октября 2012 года

ГОСТИ ПРАЗДНИКА:

Екимов Борис Петрович — прозаик, лауреат многих литературных премий, в т. ч. им. И.А. Бунина, лауреат Государственной премии РФ, премии А. Солженицына, член Союза писателей России, член правления СП России (г. Волгоград);

Елфимов Аркадий Григорьевич — председатель общественного фонда «Возрождение Тобольска», книгоиздатель, меценат (Тобольск);

Орлов Борис Александрович — поэт, председатель отделения Союза писателей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург), лауреат Большой литературной премии;

Перминов Юрий Петрович — поэт, публицист, главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь», составитель антологии «Слово о матери» в 2-х томах (Омск);

Литературоведы, специалисты по творчеству А.В. Вампилова:

Головчинер Валентина Егоровна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Томского государственного педагогического университета, театральный критик (Томск);

Погосова Наталья Вартамовна — кандидат филологических наук, театровед, доцент РАТИ (Москва);

Стрельцова Елена Ивановна — старший научный сотрудник Отдела театра Государственного института искусствознания, кандидат искусствоведения, член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей, член Чеховской комиссии РАН (Москва).

Инициатор Дней русской духовности и культуры — В.Г. Распутин, куратор программы — заместитель министра культуры и архивов Иркутской области С.Г. Ступин, ответственные за мероприятия — иркутские писатели, члены СП России: Ю.И. Баранов — директор Иркутского Дома литераторов, В.К. Забелло — председатель правления Иркутского регионального отделения Союза писателей России, В.П. Скиф — секретарь правления Союза писателей России, В.А. Семенова — литературный критик; в выступлениях принимали участие прозаики В.Н. Хайрюзов, В.П. Максимов, И. Комлев, А.С. Донских, А.Г. Байборodin, поэты М.Е. Трофимов, В.В. Козлов, А.Г. Никифоров и др.

Нынешние дни «Сияния России» совпали с несколькими юбилеями года: 75-летием образования Иркутской области, 75-летием со дня рождения драматурга Александра Вампилова, 75-летием прозаика и публициста Валентина Распутина, и это нашло отражение в программе.

30 сентября, в воскресенье, открытие Дней русской духовности и культуры по традиции ознаменовалось праздничным богослужением в Соборе Богоявления, Крестным ходом и молебном «Во славу Земли Иркутской», приветственным словом митрополита Иркутского и Ангарского Вадима. Вечером того же дня гостей праздника пригласил Литературный театр «Слово» при Иркутском Доме литераторов на спектакль «Век живи — век люби» по рассказам В. Распутина. Назавтра Иркутский городской театр народной драмы провёл открытие «Сияния России» на городском уровне спектаклем по рассказу В. Распутина «Изба»; общение с гостями продолжилось в неформальной обстановке, на которой поэты читали свои стихи, артисты театра исполнили несколько песен.

Две крупные встречи прошли в Восточно-Сибирском институте МВД (1 октября) и Иркутском государственном университете путей сообщения с выступлением большой группы гостей и писателей-иркутян. По доверительной и благожелательной атмосфере залов чувствовалось, что и студенты-железнодорожники, и курсанты правоохранительного института получают в часы таких встреч не только литературно-просветительское дополнение к образованию, но и духовно-нравственную поддержку, так необходимую людям столь ответственных профессий.

В последующие дни гости в составе небольших групп выступали перед студентами и преподавателями ИрГТУ (1 октября), БГУЭПа (3 октября), ВСГАО (3 октября), ИГУ (две встречи 5 октября), Иркутского театрального училища. В Доме литераторов им. П.П. Петрова собрались иркутские писатели и литературная общественность с тем, чтобы послушать гостей «Сияния России» и задать вопросы на тему современной литературной и культурной жизни.

Презентацию новых книг библиотеки альманаха «Тобольск и вся Сибирь» провели А. Елфимов и Ю. Перминов в библиотеке-филиале № 9 ЦБС г. Иркутска (2 октября), областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского.

А. Елфимов напомнил иркутянам историю создания альманаха «Тобольск и вся Сибирь», название которого было предложено В. Распутиным, представил одно из последних изданий — своего рода энциклопедию по истории сибирского казачества «Сибирское казачье войско», рассказал о книге 2011 г. «Сибиряки в битве за Москву», успешная презентация которой состоялась в столице, в иркутском землячестве «Байкал», новом издании «Лесной азбуки» М. Трофимова, уникальной цельногравированной книге В. Распутина «Возвращение Тобольска» (художник Н. Казимова, предисловие В. Курбатова, тираж — 50 экз.), изданной к юбилею писателя.

— ...Сегодня ищу автора, который бы написал о границах Сибири. Очень важно — с севера, идёт спор о том, кто первым был на севере — там много полезных ископаемых, — поделился своими заботами издатель.

Относительно задач издания главный редактор Ю. Перминов выразился так: «Одна из целей альманаха «Тобольск и вся Сибирь» — воссоединение духовно-культурной истории Сибири». Поэт читал свои стихи, в т. ч. стихотворение о матери из антологии.

В планах издателей Библиотеки альманаха книга об участии сибиряков в Сталинградской битве, о Байкале и др. издания.

Отдельно в Музее города Иркутска (5 октября) была представлена антология сибирской поэзии «Слово о матери» (составитель Ю. Перминов, библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь», 2012) в 2-х томах, в которую вошли стихи многих иркутских поэтов: Р. Филиппова, Г. Гайды, П. Реутского, В. Скифа, М. Трофимова, В. Забелло, В. Козлова, Т. Мироновой, Т. Суровцевой и др. Издание иллюстрировано репродукциями картин сибирских художников, в большинстве своём иркутян. Вечер вёл В. Скиф, немало поработавший над составлением подборок своих земляков. В Музее города также прошёл поэтический вечер «Голоса России» с участием петербуржца Б. Орлова, омича Ю. Перминова и иркутских поэтов (3 октября).

В рамках «Сияния России» в областной юношеской библиотеке им. И. Уткина состоялось представление альманаха «Иркутский Кремль» (5 октября); несколько отдельных встреч с читателями провёл В. Хайрюзов: в ИрГУПСе, областном совете ветеранов и в своей родной школе № 42 (27 сентября – 1 октября).

4 октября была проведена научная конференция «В мире Александра Вампилова», посвящённая 75-летию со дня рождения выдающегося драматурга конца XX в. Её организаторы — Культурный центр Александра Вампилова (директор Г.А. Солуянова) и факультет филологии и журналистики ИГУ (декан А.С. Собенников). Участники — литературоведы Москвы, Томска и Иркутска, всего — 11 докладчиков.

Е. Стрельцова («Вампилов и театр: первое десятилетие XXI века») высказала сожаление по поводу продолжающихся неудач в постановке пьесы «Утиная охота». Отмечены лишь единичные успешные спектакли. Московский критик предложила Центру А. Вампилова проводить круглые столы, посвящая каждый одной пьесе драматурга, чтобы рассмотрение было более основательным и глубоким. Н. Погосова («Быт и бытие в драматургии Вампилова»)

говорила о нынешнем времени двойных стандартов, тоске по смыслу, и сделала любопытное сопоставление «Утиной охоты» с поэмой Р. Рождественского «О разных точках зрения» (1968 г.), приведя из неё строки: «Вы думаете, грохочут новостройки, а это наши челюсти жуют». В. Головчинер сделала обзор двух спектаклей «Прощание в июне», поставленных Томским драматическим театром с интервалом в 25 лет.

Специалисты по творчеству А. Вампилова из Москвы и Томска выступили на факультете филологии и журналистики ИГУ (5 октября). По отзывам преподавателей, литературоведы стремились раскрыть актуальность произведений Вампилова как носителя живых нравственных истин, как художника, болеющего за человека, и как гения драматургии, наиболее сложной формы художественной литературы; встреча также способствовала укреплению чувства патриотизма студентов, гордости за факультет, на котором учился будущий драматург.

Были организованы три поездки в посёлки Иркутской области. Родину А. Вампилова — пос. Кутулик и музей А. Вампилова посетили театроведы Н. Погосова, В. Головчинер, Е. Стрельцова, научный сотрудник Культурного центра А. Вампилова Е. Фалалеева. В библиотеке им. А. Вампилова состоялась встреча с жителями Аларского района. В Усть-Уде, на родине В. Распутина, побывали Б. Екимов, А. Елфимов, Ю. Перминов, Ю. Баранов, В. Скиф и выступили в районном Доме культуры вместе с группой артистов областной филармонии (Р. Бурматов; Е. Переверзева (сопрано), Р. Сорвина (пианино) (4 октября). В родном селе свяителя Иннокентия (Вениаминова) — Анге — встретились с жителями Б. Орлов, В. Забелло, В. Козлов, А. Никифоров. В концерте приняли участие «Байкал-квартет» и квартет «Знамение» Знаменской соборной церкви (4 октября).

Известный писатель Борис Екимов, к гордости иркутян, отчасти их земляк (в раннем детстве недолго пробыл в Иркутске), навестил места, где жили родственники. В Хомутово, на родину бабушки Александры Алексеевны, урождённой Садовниковой, помог организовать поездку журналист К. Житов; заместитель главы администрации Иркутского района Алексей Менг принял в ней личное участие.

Программа завершилась 6 октября экскурсией на Байкал и в Лимнологический музей в Листвянке.

СЛОВО ГОСТЮ «СИЯНИЯ РОССИИ»

Борис Екимов: *«Лучшая встреча с писателем — встреча с его книгой...»*

Те, кто следит за современной литературой начиная со второй половины XX века и ценит настоящую прозу, хорошо знают писателя Бориса Екимова. Как при имени Фёдора Абрамова мы невольно обращаемся мыслью к Архангельской земле, при имени Виктора Астафьева — к енисейским берегам, Валентина Распутина — к нашему Прибайкалью, так и творения Бориса Екимова вызывают в нас образы природы и людей далёких от Сибири южнорусских краёв. Придонье, городок Калач-на-Дону, степи и хутора стали родными для писателя с сибирскими корнями. Книги его повестей и рассказов — «Холюшино подворье», «За тёплым хлебом», «Пастушья звезда», «Пиночет», «Ночь проходит» и многие другие — о людях, живущих в хатах, не слишком отделяющих их от тёплой матушки-земли. Она, земля, и есть главный предмет их сердечных дум, трудов, забот, чем и наполнены страницы екимовских книг, а язык, которым выписаны характеры и судьбы, говорит о прозаике как верном продолжателе отечественной классической традиции.

Лауреат многих литературных премий и Государственной премии России, автор книг, переведённых на несколько иностранных языков, по мнению критики, «тяготеет к изображению положительных начал в народной жизни», подчёркивает «нравственную стойкость и цельность простого человека» (И. Арзамасцева) — что, заметим, немало важно для России, ещё не пережившей очередной смуты.

Предлагаем вниманию читателя запись, составленную из ответов на вопросы Бориса Екимова во время его выступлений в иркутских вузах, Доме литераторов им. П.П. Петрова и библиотеке № 9 в октябре 2012 года, а также его рассказ, присланный по нашей просьбе для «Сибири».

О литературе. Для чего нужна литература? Одна — от скуки (например, про шпионов или «дамские романы»), другая — для мудрого собеседования. Особенно это нужно в молодости, когда остро ощущается одиночество. И у Пушкина, у Льва Толстого была молодость, и было одиночество. «Мне грустно и легко, печаль моя светла...» — это и ваши слова.

Русская литература в XX веке стала такой же обыденностью и необходимостью, как, например, воздух. Не замечаем, а дышим. Самое высшее произведение — Библия — живёт века, значит, литература нужна.

Если бы не было русской литературы, не знал бы мир России и русского человека. Так бы и думали: страна медведей. Но Россию знают как Наташу Ростову, Катюшу Маслову, Андрея Болконского... Литература — это честное историческое повествование. Что бы мы знали о Гражданской войне без «Тихого Дона»? Когда из огромной семьи Мелеховых остался на развалинах усадьбы один мальчик — сын Григория. Вот история России. И история человеческой жизни, человеческой любви. Война, беда, кровь... Но цветёт человеческая любовь — Григория и Аксиньи, Дуняши и Петра. И пока лучшего романа нет.

Русская литература в XX в. взяла на себя великую задачу воспитания человека — церковь была уничтожена. Помните рассказ Л. Пантелеева «Честное слово»? Скольких этот рассказ воспитал! Или «Тимур и его команда» А. Гайдара. Это ведь не постановление ЦК партии. Это призыв жить по совести. И ныне продолжается воспитание литературой подспудное. Спасибо учителям и библиотекарям. Последние 20–30 лет идёт растление молодых душ, неокрепших. Надежда на учителей. Одна учительница пишет мне: «Каждый новый учебный год, несмотря на программы, я начинаю урок литературы с Вашего рассказа «Ночь исцеления»».

Мне бы хотелось, чтобы вы, когда станете педагогами, понимали, какой это великий труд. И благодарный. Суть профессии не измеряется зарплатой для учителей, врачей, библиотекарей.

«Всё — в тебе», — повторял Толстой. ...Всё в вас, и от вас зависит. В смутные времена есть ближний круг — друзья, родные, они вас не обманут. Вот опора. Светлое небо, светлая река, берёзы... светлые доверчивые глаза ребёнка, любимых — вот она, жизнь. Короткая и долгая... Молодость скоротечна, мы больше всего торопим время в молодости. Вот кто-то сегодня сказал: нынче время разбито на осколки. Не верьте. Жить всегда хорошо. Надо ценить день сегодняшней. Это — день вашей жизни.

...Книги пришли на полки библиотек, а дальше? Опять надежда на учителей, библиотекарей. Я получаю, пусть нечасто, письма от читателей. Присылают детские рисунки, фотографии с уроков, где читают мои книги. Спасибо учителям!

О постмодернизме в современной литературе. Сюда уходят, когда нет дара. Не получается по-доброму, значит, мели «по-новому», для «узкого круга». Но дым оседает — что остаётся? Если хочешь сказать «люблю», то скажешь просто, так, чтобы тебя поняли.

Мы должны лучше писать.

О «деревенской» прозе. «Деревенская» проза, «недеревенская» — это глупости. Лев Толстой — какая проза? Он и «деревенский» писатель, и «военный». Не понимаю вопроса.

О трудностях последних двух десятилетий, о будущем. Только не надо причитать. Была профессия — писатель, её нет. Был заработок — его нет. Но есть небо, солнце, есть хлеб. Посмотрите на дедов и прадедов, как они жили. Говорят, в царское время хорошо жили. Мой прадед от голода и нищеты из Вятской губернии пришёл в Забайкалье. Работали, копили деньги, чтобы выучить детей. И вот революция, война, новая беда. Опять много работы. Потом 37-й год — ссылки, опять война, голод. Только в 54-м хлеба наелись. Вот и половина века. Потом стали жить лучше. Но... Опять революция, опять разрушение.

Стали заглядывать в чужой огород. На Западе живут лучше. Да, лучше. А в Индии, Африке — нищета. Калькутта: на свалках копошатся люди, строят себе жилище. Худые, истощённые лица, голодные детские глаза. Китай, Египет... Это — цена «западного» достатка.

Мы посередине между Западом и Востоком, вот и живём средне. Не надо завидовать. Надо своё ценить. В «погоне» за Западом мы многое потеряли. Например, добрые человеческие отношения.

Раньше из каждого двора к соседу была своя калитка, чтобы не обходить по улице. А потом заборы стали расти всё выше и выше, калитки исчезли.

Молодым нужно больше читать и думать. Ваше будущее произрастает из вашего настоящего, из профессии: умеете ли вы что-то делать. Нравятся другие страны — учите языки, поезжайте, посмотрите, поработайте.

О философских или религиозных убеждениях. Какими взглядами я руководствуюсь в своём творчестве? Наверное, общечеловеческими. Вот жизнь — вот литература. Со страдание — в этом вся русская литература. (Писатель читает свой рассказ «Ночь исцеления».)

О расколах в обществе, когда люди не слышат друг друга. Мудрые слышат друг друга. Все разные, и так должно быть. Но живём вместе. Славянофилы — замечательные люди; западники... Герцен? Ну, какой он западник...

Ответ на отклик преподавателя: рассказ построен на чувстве вины. Восточная культура это отвергает, считает, что такая литература обречена.

Если я так буду думать, я не напишу ничего. Писатель — это Божья дудка, как говорил Есенин. Я только хочу, чтобы меня поняли.

Литературоведы начинают расчленять произведение. Как если бы глядя на красивую женщину, кому-то захотелось заглянуть внутрь, под кожу, внутрь черепной коробки. И что бы он увидел?.. Литература — это жизнь, образ — это живой человек, люди себя узнают. «Я — Махора», — сказала мне читательница в Америке о героине моего рассказа.

Об учителях в литературе. Учителей в литературе нет. Мои учителя — вся русская литература, и — мировая тоже. Что привело в литературу? Это непонятно. В какой-то мере одиночество, когда никто тебя не понимает. И ты не понимаешь: есть прекрасная природа, красивые люди, но почему война, ложь?.. Какой прекрасной может быть жизнь, если мы будем мудрее. Отсюда и вера в коммунизм... Эту веру пытаются очернить, уничтожить. Не получится. Человеку хочется «рая» земного.

О прототипах произведений. Русская литература — она не придуманная. Всё — от жизни, но если Бог дал талант, то сумейте написать так, чтобы поняли.

О чтении. Я вначале в детстве, в молодости читал всё подряд. Евтушенко, Вознесенского (про унитазы-уши), но потом душа стала просить иного: мудрого, чистого. Прошёл XX век. Осталось то, что осталось. Шолохов, Астафьев, Белов, Распутин — хотя не всё принимаю; Рубцов... Читаю рассказы Шукшина — это гений русской литературы. Читаю «Территорию» Олега Куваева. Литература у нас великая. Есть что читать и о чём думать.

Что читать из написанного мною? Не знаю. Разным читателям нравится разное. Вот, например, из Беслана пришёл хороший отклик на рассказ «Подарок».

Раньше читали мои рассказы на радио (в том числе артист Олег Табаков). Теперь на радио — другое. Но читатели остались. Кроме литературных журналов («Новый мир» и другие) печатает мои рассказы такая газета, как ЗОЖ («Здоровый образ жизни»). Тираж 2 миллиона. Читают. Там же книга вышла — «Целебные рассказы Бориса Екимова». Целебные... Спасибо.

Сегодня, если есть желание, можно всё найти: не в библиотеке, так в интернете. Находите, читайте. Встреча с писателем — это встреча с его книгой.

Материалы подготовлены Валентиной Семеновой

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

ПИСАТЬ ПО-СВОЕМУ, ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА, ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ

О КНИГЕ АНАТОЛИЯ ЗМИЕВСКОГО «В ПОЛУШАГЕ ОТ ЗВЕЗДЫ»

В начале ноября 2012 года, у талантливого и весьма значительного, на мой взгляд, иркутского поэта, не только регионального, но и российского масштаба, у Анатолия Змиевского вышла новая книга стихов — «В полушаге от звезды». Отрадно отметить, что книга опубликована благодаря финансовой помощи Министерства культуры и архивов Иркутской области, в издательстве «Сибирская книга», очень хорошо зарекомендовавшем себя при осуществлении ряда грандиозных проектов, связанных с изданием книг к 350-летию нашего славного града Иркутска.

Однако, от издательства вернёмся к поэту, ибо первичен всё-таки он, творец, а всё остальное вторично.

В конце прошлого века, а точнее в 1996 году, Анатолий Змиевский подарил мне свою первую книжку стихов — «Среди божественного хлама», изданную «Восточно-Сибирским книжным издательством». (До сих пор жалею, что такое великолепное государственное издательство перестало существовать.) Книга сразу обратила на себя моё внимание, прежде всего необычностью и мощью стиха. Про себя я тогда даже подумал: «Ну, прямо как Есенин!».

К слову, я полностью согласен с небольшой аннотацией, предваряющей ту книгу: «Первая поэтическая книга А. Змиевского должна была выйти по крайней мере лет восемь назад, но либо автор был чрезмерно строптив для начинающего поэта, либо творчество его не укладывалось в административно-бюрократические издательские требования, во всяком случае, рукопись ему возвращали много раз. Однако с отчаянием обречённого человека А. Змиевский продолжал писать, писать по-своему, от чистого сердца, из глубины души...»

Следует отметить, он всегда оставался самим собой, что, конечно же, весьма ценно для любого человека, занимающегося творчеством, поскольку только в неповторимости создаваемого проявляется уникальность им создаваемого, и последние слова в приведённом фрагменте издательской аннотации кажутся мне ключевыми — «писать по-своему, от чистого сердца, из глубины души...»

По-другому Анатолий Змиевский писать просто не может. И это его неумение подлаживаться под общепринятые стандарты ох как часто мешало ему! Но, к счастью, поэт не изменил себе и своей манере письма. И даже свою недавнюю, довольно обширную подборку стихотворений в журнале «Сибирь» назвал, как бы в пику всем и, возможно, в том числе прекрасному писателю Николаю Лескову, автору повести «Очарованный странник», — «Разоча-

рованный странник». Кстати, за эту публикацию Анатолий Змиевский отмечен литературной премией имени иркутского поэта Геннадия Гайды.

Ещё в позапрошлом веке Александр Полежаев, современник Пушкина, сказал:

*Что остаётся от поэта?
Мундир? А, может быть, грехи?
Нет. Это достоянье света.
Стихи, друзья мои. Стихи.*

Почти о том же говорит в своей новой книге и Анатолий Змиевский:

*У Бога воздуха прошу,
за грудь хватаюсь,
ведь я пишу не как дышу —
как задыхаюсь.*

Или ещё:

*Земного мира посещение
есть лишь возможность молвить слово
да проследить за превращеньем
себя живого в неживого.*

И, как бы предваряя свой разговор с Создателем, поэт признаётся, что «кроме искренних стихов мне оправдаться будет нечем». Поистине предельная искренность поэта, и она нередко просто ошеломляет, а иной раз и мешает самому поэту, поскольку порою он готов вывернуть, как говорится, всю свою подноготную. А этого, думаю, делать не стоит. Даже у очень больших поэтов, на мой взгляд, это выглядело пошловато. Например, у того же Сергея Есенина: «Своих детей по свету разбросал, свою жену легко отдал другому...», или: «Подсмотрел я ребяческим оком, лижут в очередь кобели истекающую суку соком...» Физиология какая-то. Но если Сергей Есенин о подобных вещах в своих стихах говорил: «Розу белую с чёрной жабой я хотел на земле повенчать...», чего, к счастью, до конца ему не удалось выполнить, то во многих стихах Анатолия Змиевского, очень похожего по манере письма на Сергея Есенина, такое действие, увы, осуществляется. Я понимаю, что это делается от предельной искренности, но всё-таки, опять же на мой взгляд, не всегда и не везде надо обнажать до предела свои чувства и действия, вытекающие из них. Более того, мне иногда даже становится страшно за Анатолия из-за его этой предельной искренности во всём. И я часто ловлю себя на мысли, как же он с такой ранимой душой живёт в нашем жестоком мире! И, кажется, нахожу ответ на этот риторический вопрос в его стихах:

*...глядя плакучие ивы
над омутами кабаков...
Но если б я был счастливым,
Я б не писал стихов.*

И ещё, почти о том же, но уже в другом стихотворении:

*Нет ничего души дороже,
и оттого в лесах людских
дерусь я с чёртом за хороших,
молюсь пред Богом за плохих.*

Ловлю себя на мысли, что хочется цитировать и цитировать дальше стихи этого самобытного поэта. Однако я оставлю все эти приятные, неожиданные, завораживающие открытия читателям новой книги Анатолия Змиевского «В полушаге от звезды», в которой он, как и в предыдущей своей книге, «Любовные письма», выступил и редактором и оформителем. И это тоже, на мой взгляд, минус. Ибо и редактор и художник должны быть профессионалами в своём деле. И, может быть, поэтому есть некоторая перегруженность, что ли, иллюстративным

материалом, особенно в предыдущей книге. И цвет обложки, и имя автора на ней набрано, как мне кажется, неточно. Что же касается профессионального редактора, то если бы он был, то, наверное, не пролезли бы в книгу немногочисленные, к счастью, ляпы. Такие, например:

*Читал поэт во славу духа
стихи, пел ангел в облаках,
и нимб всходил над потаскухой, (стр. 161, подчеркнуто мной — В. М.)
качавшей сына на руках.*

Или вот ещё: «Являя собою сомненье всесилья...» (стр. 206). Это об ангелах. Я, честно говоря, не могу понять, о чём это. Такая же замудрённость и в других строках: «Не ближе зыбкой линии дыхания, не дальше различного черты...» (стр. 152). Так и хочется спросить поэта, сам-то он понимает, *что* сказал? На мой взгляд, слишком уж усложнённо. И ещё мне кажется, что наиболее слабым стихотворением сборника является «Вдохновение» (стр. 104) с его какой-то даже патологической и слишком уж физиологичной последней строфой, приводить которую мне здесь не хочется.

В заключение же хочу отметить, что я нередко поражался той удивительной образности, которой блестяще владеет поэт. Порою мне даже казалось, что я наяву начинаю видеть живые картины, нарисованные словом.

И ещё одно. По тем книгам, которые у меня есть, я знал, что Анатолий Змиевский хороший поэт. Очень даже хороший. Но я всё-таки не предполагал, что он ещё и глубокий философ. А именно об этом, в частности, говорят такие циклы из его новой книги, как «Зари иконостас», «Тропа к Вифлеему» и «Звезда Вифлеема».

И закончить свою небольшую рецензию мне хочется фрагментом ещё одного стихотворения Анатолия Змиевского из его новой книги:

*Но и самую беззвёздной,
бесконечной самой ночью
подаёт нам знак в морозном
мраке лучик одиночный,*

*что никто, никто не брошен,
не отвергнут, что за Летой
мы потонем все в хорошем,
потому что смерти нету!*

*Небо выветится тонко,
сквозь песок цветы пробьются;
утро солнцу, как котёнку,
синевы нацедит в блюдце.*

Воистину, Анатолий Змиевский пишет по-своему, от чистого сердца, из глубины души!

Хроника событий 2012 года в Иркутской региональной писательской организации и Областном доме литераторов

2012 год был богат на юбилеи писателей. В марте весь Иркутск отмечал 75-летие Валентина Распутина. Иркутским Домом литераторов совместно с писательскими организациями были проведены следующие мероприятия: **лекции-беседы** по биографии и творчеству В.Г. Распутина: 6 марта в Вост.-Сиб. Академии образования выступил писатель А. Обухов; 12 марта в Вост.-Сиб. институте МВД — прозаик В. Максимов и поэт В. Скиф. **Прошли открытые уроки литературы, посвященные творчеству В.Г. Распутина: 5 марта** в школе № 11, 13 марта — в школе № 23 выступил писатель В. Максимов, 14 марта в школе № 16, 15 марта в школе № 15 — писатель Ю. Баранов, 14 марта в средней школе п. Смоленщина — поэт В. Забелло. **12 марта состоялась экскурсия** по Дому литераторов для учеников школы-интерната для слабовидящих детей, а также обзор книжной выставки «Век живи — век люби», посвященной юбилею В.Г. Распутина.

Состоялись публикации в журнале «Сибирь», посвященные жизни и творчеству В.Г. Распутина: в № 1 была опубликована беседа писателя И. Шумейко с Валентином Распутиным «Жив народ... в нем вся наша мудрость». В № 2 содержатся две публикации, посвященные В. Распутину: М. Лисаускене «Иркутяне о Валентине Распутине»: результаты социологического исследования; в рубрике «Литературная хроника» статья В. Семеновой «О силе распутинского слова». Кроме того, в № 3 опубликовано исследование Е. Галимовой «Без реки, без Ангары нашей, никто не проживет...». В № 4 опубликована статья А. Беляева «Дорогая родина моя...» о литературных сборниках «Край Распутина» и статья В. Кириченко «Две избы на косогорах» об одноименных рассказах В. Распутина и Н. Атарова.

Весна — время пробуждения и перемен. **24 марта** изменения произошли в творческой жизни Дома литераторов: здесь открылся первый в Иркутске литературный театр «Слово». Особенность театра, во-первых, в том, что в сценическом решении спектаклей самым важным является донесение слова автора, и приоритет отдан жанру художественного слова. Во-вторых, театр ориентируется на постановку, прежде всего, произведений иркутских авторов. Не случайно открылся театр спектаклем по произведениям В.Г. Распутина «Век живи — век люби». В постановку вошли рассказы: «Что передать вороне?», «Встреча», «Василий и Василиса».

27 марта в Центральной межпоселенческой библиотеке п. Качуг и в библиотеке с. Верхоленское выступил писатель А. Никифоров с лекцией «Творчество Валентина Распутина».

28 марта в Центральной детской библиотеке п. Качуг и Центральной межпоселенческой библиотеке выступил писатель А. Обухов на тему «Проза Валентина Распутина».

В начале апреля возобновились творческие командировки иркутских писателей по области. В районных библиотеках наших авторов всегда ждут, интересуются их творчеством и хорошо принимают. Организуется по несколько выступлений в одной библиотеке, чтобы все желающие могли услышать любимого автора, побеседовать с ним.

Необходимо сказать, что в рамках проекта «Урок проводит писатель», разработанного в

июле 2012 года, теперь в Доме литераторов будут проходить встречи писателей с иркутскими школьниками. У молодёжи появится возможность знакомиться не только с новыми произведениями и книгами, но и обсуждать прочитанное непосредственно с их авторами: задавать вопросы, делиться впечатлениями, мнениями. Это позволит включить молодёжь в современный литературный процесс, и, надеемся, будет способствовать развитию интереса к чтению.

Весна порадовала иркутян и выходом новых книг. Состоялась премьера книги К. Баяна «Моя любовь». Вышел сборник стихов Валентины Сидоренко «Складень». Литература для детей пополнилась замечательной книгой Юрия Баранова «На площади Тихвинской».

1 июня Иркутским Домом литераторов совместно с Областной детской библиотекой им. Марка Сергеева был организован большой литературный праздник для детей «Баранкин день». Символом праздника баранка стала не случайно. Все дети знают и советский мультфильм «Баранкин, будь человеком» и то, что баранка так похожа на солнышко, и начинать с неё лето очень даже здорово, к тому же секрет дырки от бублика ещё никому не удалось раскрыть! Участники праздника отвечали на вопросы викторин и разыгрывали экспромтом сценки по произведениям иркутских авторов, читали стихи, помогая зацвести единственному в Иркутске «баранковому» дереву. Юные актёры театра «Вдохновение» Детской школы искусств украсили праздник поэтическим спектаклем «Шёл по городу волшебник». В рамках праздника состоялось награждение участников конкурса на лучшую азбуку для маленького жителя Иркутской области «Полезная азбука».

6 июня — в Пушкинский день — Дом литераторов пригласил иркутян на литературно-музыкальный вечер «Звучащий Пушкин». Стихи и романсы звучали для гостей в исполнении заслуженного артиста Республики Бурятия Геннадия Мельникова и вокального ансамбля «Лира» под руководством Тамары Голоушкиной.

Август — не только астры и звёзды, но и памятные, юбилейные вечера. Иркутск вспоминает Александра Вампилова. С 15 по 19 августа в Иркутске и Иркутской области прошли следующие юбилейные мероприятия: «**Иркутский областной кинофонд**» при поддержке министерства культуры и архивов Иркутской области начал реализацию проекта «Ретроспектива фильмов Александра Вампилова». В 14 населённых пунктах области были показаны фильмы по произведениям «Отпуск в сентябре», «Валентина», «Старший сын», «Прощание в июне», «Дом окнами в поле», «История с метранпажем», а также документальные ленты о жизни и творчестве нашего знаменитого земляка, такие как «Александр Вампилов» (режиссер Владимир Эйсер) и «Воспоминания». Помимо демонстрации фильмов в рамках проекта прошли встречи с иркутскими писателями и кинематографистами, которые рассказали о литературном наследии Александра Вампилова.

В Иркутской областной научной библиотеке имени И.И. Молчанова-Сибирского завершилась работа над библиографическим указателем к 75-летию со дня рождения Александра Вампилова. Такого рода работа не проводилась ещё ни одной библиотекой страны. Сотрудникам Молчановки удалось отыскать информацию о предках Вампилова, самая ранняя из которых датирована 1889 годом. Составлен список зарубежных изданий, переводов работ писателя. Указатель включает в себя наиболее полную информацию о классических печатных источниках и о ресурсах сети Интернет, так или иначе связанных с именем Александра Вампилова.

5 августа на малой родине писателя в поселке Кутулик состоялось открытие памятника драматургу. Торжественная церемония открытия прошла в рамках празднования 75-летия писателя. В Кутулик прибыли руководители Иркутской области — заместитель Председателя Правительства Валентина Вобликова, заместитель Губернатора, руководитель администрации Усть-Ордынского Бурятского округа Анатолий Прокопьев, министр культуры и архивов Виталий Барышников, депутаты Законодательного собрания региона, мэр Аларского района Александр Футорный, делегация из Республики Бурятия. Для участия в праздничных мероприятиях в Кутулик также приехали сестра драматурга Сэржена Вампилова и дочь Елена Вампилова, друзья, однокурсники, коллеги. Как сообщила Валентина Вобликова, памятник изготовлен на средства жителей Аларского района и земляков, проживающих в Республике Бурятия и Иркутской области. Высота памятника — 1,25 м, скульптор Болот Цыжилов.

В июле в Черемхово на театральной площади состоялось торжественное открытие скульп-

птурной композиции, посвященной трем известным драматургам — Александру Вампилову, Владимиру Гуркину и Михаилу Варфоломееву. Автор памятника — иркутский скульптор Карим Мухамадеев.

17 августа — для всех почитателей творчества А. Вампилова прошла поминальная церемония у камня-символа на берегу Байкала в Листвянке.

19 августа — в день рождения драматурга, состоялось официальное открытие государственного автономного учреждения культуры Иркутской области «Культурный центр Александра Вампилова». На традиционной встрече друзей была представлена премьера — инсценировка рассказа А. Вампилова «Солнце в аистовом гнезде» и вручена премия Иркутского областного Фонда А. Вампилова «За верность традициям шестидесятников».

ИРО СП России совместно с МТД — Молодёжным театральным движением организовали акцию «Подарок в день рождения». Неравнодушным иркутянам было предложено приносить в Дом литераторов книги для детей и молодёжи, которыми хочется поделиться. **Вечером 19 августа** эти книги были подарены иркутской молодёжи, оказавшейся в этот счастливый день и час на набережной. В книги были вложены открытки, на одной стороне которой располагалась фотография драматурга, краткая биографическая справка и цитата из его произведения, на обороте — фотография Иркутска, соответствующая цитате.

1 сентября в Доме литераторов провели литературный праздник для школьников «Путешествие в страну Читалию». Участники знакомились с литературными достопримечательностями Иркутска, разгадывали названия улиц, ещё раз убедились в том, что у драматического театра расположен памятник вовсе не Есенину, узнали, что Дома литераторов в Иркутске носят имена П. Петрова и М. Сергеева.

3 сентября в Иркутском Краеведческом музее состоялась презентация книги Юрия Баранова «Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона». В презентации приняли участие музыканты иркутской филармонии, актив Молодёжного театрального движения под патронатом ИАДТ им. Н.П. Охлопкова. Они представили чтецкую композицию, составленную из отдельных глав произведения.

11 сентября в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке им. Молчанова-Сибирского состоялась презентация антологии «Иркутск. Бег времени». Собрались представители писательских союзов, Министерства культуры и архивов Иркутской области.

20–21 сентября в рамках культурной программы Дней Иркутской области в Москве в Иркутском землячестве «Байкал» состоялась презентация книги Ю.И. Баранова «Иркутский драгун Лешка, или Тайна Наполеона». В Иркутске издано первое в России художественное произведение, посвящённое 200-летию победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. В книге затейливо переплетаются история и вымысел, судьба нашего современника, иркутского школьника Лёшки и боевой путь Иркутского драгунского полка во время Отечественной войны 1812 года. Автор нашёл возможность на страницах книги рассказать о героях Отечественной войны, их вкладе в общую победу русского оружия.

В октябре литературный театр «Слово» объявил о наборе новых участников. На собеседованиях в течение недели побывало более 70 человек. 21 октября состоялось первое занятие. Старшеклассники, студенты и взрослые работающие люди — вот пёстрый творческий состав, который сложился на тот момент, и будет развиваться, расти, изменяться, совершать творческие открытия, участвовать в создании новых постановок.

11 ноября в Театральном зале Иркутского Дома литераторов состоялся литературно-музыкальный вечер, посвящённый творчеству Евгения Суворова, «Лесные колодцы». На этом вечере прозвучали отрывки из произведений Суворова «Вот где красота», «Лесные колодцы», «Голос муравьиного царя» в исполнении участников студии при театре «Слово». Гости вечера увидели фильм из цикла «Как слово наше отзовётся», а также вдова, Тамара Тимофеевна, принесла альбомы с фотографиями разных лет, на которых Евгений Адамович находится в окружении друзей — друзей детства, братьев по перу, учеников и родных. Множество снимков, вошедших в последние книги «Мы вернёмся в деревню» и «Вот где красота», предоставила дизайнер Нина Мазутова.

17, 18 и 20 ноября литературный театр «Слово» вновь пригласил зрителей на спектакль

«Век живи — век любви» по рассказам Валентина Распутина. Для гостей Дома литераторов была организована небольшая экскурсия по особняку перед началом спектакля. На нужный лад помогли настроиться романсы о любви в исполнении вокального ансамбля «Ли́ра». А чтобы гости могли поближе познакомиться с творчеством Валентина Распутина, участники студии подготовили викторину по его произведениям.

23 ноября коллеги и друзья поздравляли с премьерой книги поэта Сергея Эпова. «Алфавит–13» — третья опубликованная книга поэта. Она «о любви и смерти, о поиске предела языка, за которым немота и небытие. О поиске гармонии в этом мире...» — отмечено в ре-марке.

24 ноября в Доме литераторов прошёл литературно-музыкальный вечер «**Русская песня**», участие в котором приняли солистки вокального ансамбля «*Сибирские напевы*» — Нина Левенец и Лариса Александрова, общественный *председатель клуба иркутских гармонистов* — Александр Филатов, иркутские писатели Михаил Трофимов и Анатолий Байбородин, который и выступил автором идеи провести подобный песенный вечер. По его словам, знакомство и приобщение современного человека к лучшим песенным традициям русского народа является неотъемлемой частью процесса сохранения народной культуры и воспитания духовных основ личности. Наряду с русскими народными, были исполнены и авторские песни, которые, в свою очередь, можно отнести и к народным: их знают и подхватывают все, стоит только слышать мелодию «Вот кто-то с горочки спустился», «Расцвела под окошком белоснежная вишня» и др. На вечере также прозвучали стихи иркутских авторов: Татьяна Суворцевой — «Возле печки так легко сочинить стихотворение...», Андрея Румянцева — «Задыхаясь от нежности, вновь прошепчу я: Россия!» и «Вечёрка» Георгия Замаратского.

27 ноября в конференц-зале Дома литераторов царил необычайное оживление. Казалось, весь город собрался здесь, чтобы поздравить с **30-летием** уникального певческий коллектив — **народный вокальный ансамбль «Ли́ра»**. Среди гостей праздника были друзья и поклонники коллектива, представители творческих профессий и чиновники. Пожелания вдохновения, творческих сил, слова благодарности за преданность своему ремеслу, неоценимый вклад в развитие и улучшение культурной жизни города прозвучали в адрес коллектива и его бессменного руководителя Тамары Ильиничны Голоушкиной от представителей творческого досугового центра «Любимовка», председателя Совета ветеранов Октябрьского округа г. Иркутска Валерия Ивановича Евтушенко. Поздравил юбиляров и исполнительный директор фонда гражданских инициатив А. Битарова Квасов Александр Александрович. Программа концерта, подобранная тщательно, с большим вкусом и мастерством, заворожала слушателей. Гости подпевали и даже, казалось, пританцовывали, покачиваясь в своих креслах в такт мелодии.

28 ноября состоялось открытие Распутинских литературных вечеров «Век живи — век любви», проводимых Домом литераторов совместно с Иркутским ТЮЗом. Перед спектаклем состоялась встреча литературной общественности, школьников и студентов с иркутскими писателями Юрием Барановым и Владимиром Скифом, а также с режиссёром театра Виктором Токаревым. Организаторы поделились идеями и ожиданиями от проекта «Распутинские литературные вечера», рассказали о творчестве Валентина Распутина, о необходимости его изучения, прежде всего молодыми людьми, и о возможностях внедрения в этот процесс современных технологий. После встречи в фойе театра состоялось открытие фотовыставки Анатолия Бызова. Спектакль, впервые представленный иркутским зрителям, в рамках проекта увидели жители Усть-Илимска, Братска, Ангарска и Шелехова. Перед спектаклями также проходили встречи зрителей с иркутскими писателями.

28 ноября–13 декабря состоялись литературные вечера «Валентин Распутин: век живи, век любви». Основная задача проекта — привлечь внимание читателей и зрителей к проблематике распутинского творчества, к постепенной утрате современными людьми тех ценностных и нравственных ориентиров, которые отличают многих героев его произведений.

В общий проект был включен как спектакль ТЮЗа им. А. Вампилова «Век живи, век любви», так и одноименный спектакль театра «Слово».

В день открытия — 28 ноября — на основной сцене иркутского ТЮЗа им. А. Вампилова состоялась премьера спектакля по мотивам распутинских произведений. Зрители увидели

литературно-музыкальное театрализованное представление, в котором переплелись игровые моменты, чтецкие отрывки, исполнение народных песен и залихватских частушек, и хореографические номера в исполнении участников детской студии пластики и танца «Мотылёк». Режиссёр-постановщик — засл. работник культуры РФ Виктор Токарев.

Также в акции приняли активное участие иркутские писатели Ю. Баранов, В. Скиф, В. Скурихин, проводившие беседы с преподавателями литературы и школьниками о значении творчества В. Распутина. Они выступили в г. Усолье-Сибирское (29 ноября), в пос. Анга (30 ноября), в г. Ангарске (7 декабря), в Шелехове (13 декабря).

1–2 и 8–9 декабря на Театральной сцене Дома литераторов состоялась премьера спектакля «Варшавская мелодия» в исполнении участников народного театра «Диалог». Спектакль все дни шёл с аншлагом. Видимо, в городе давно ждали подобной пьесы. Её хорошо знает старшее поколение, о ней слышана и молодёжь. За неделю до премьеры все билеты были раскуплены, а желающие продолжали осажать вахту Дома литераторов с просьбой позвонить, если вдруг появится свободный билетик. И спектакль оправдал надежды зрителей. Теплая атмосфера, музыка Шопена, Грига в исполнении Ольги Токарской, молодой и слаженный дуэт — Ирина Романова и Николай Мареев. Искренность и проникновенность, с которой актёры воспринимают события пьесы, не могут оставить равнодушными, заставляют задуматься: от каких чепуховых обстоятельств и мнений, возникающих независимо от нашего желания, и на которые мы не в силах влиять, порою зависят личное наше счастье и будущее! Как услышать, как не потерять друг друга в общественном массовом гуле, диктующем свои правила жизни? И — что же такое счастье?

13 декабря спектаклем «Век живи — век люби» Иркутского ТЮЗа в г. Ангарске завершились Распутинские литературные вечера нынешнего года. Просторный зал ДК «Нефтехимик», только открывшийся после ремонта, был переполнен. Но прежде чем актёры вышли на сцену, состоялся заинтересованный, откровенный разговор с педагогами, литераторами, школьниками старших классов о творчестве нашего знаменитого земляка, который провели заместитель директора ТЮЗа по работе со зрителями Вера Сулименко, писатели Юрий Баранов и Владимир Скурихин. В разговоре звучали стихи, посвященные В. Г. Распутину.

16 декабря литературно-драматическая студия театра «Слово» провела открытый урок. Новые участники в полном составе предстали перед зрителями: сначала в упражнениях по сценической речи и актёрскому мастерству, а после в этюдах и чтецких работах. Студийцами были подготовлены композиции по стихам Елены Жилкиной и Ростислава Филиппова, которые в будущем станут основой литературных вечеров.

20 декабря в Культурном центре Александра Вампилова состоялось награждение лауреатов премии Губернатора Иркутской области за достижения в области культуры и искусства. В соответствии с распоряжением Губернатора Иркутской области от 6 декабря 2012 года № 146-р «Об утверждении списка творческих работников и коллективов творческих работников для присуждения премии Губернатора Иркутской области творческим работникам за достижения в области культуры и искусства» лауреатами премии по направлению «Литературные произведения» стали:

— творческий коллектив в составе Байбородина Анатолия Григорьевича, Бронштейна Виктора Владимировича, Козлова Василия Васильевича, Козлова Ивана Ивановича, Яникова Федора Леонидовича — за создание цикла литературных произведений, посвященных памяти Геннадия Гайды;

— творческий коллектив в составе Лаптева Александра Константиновича, Гольдфарба Станислава Иосифовича, Семеновой Валентины Андреевны, Забелло Василия Константиновича, Смирнова Владимира Петровича (Скифа) — за создание антологии «Иркутск. Бег времени» (3 тома).

В течение 2012 года в фойе Дома литераторов было организовано более 20 книжных выставок. Основная задача организаторов — познакомить читателей с новыми книгами, современными изданиями, а также сохранить память о важных литературных событиях.

С января по март действовали книжные выставки:

1. «Новые издания иркутских писателей», где были представлены книги О. Слободчиков, Г. Пакулова, В. Забелло, В. Максимова, М. Яковенко.
2. «Из наших архивов» — выставка редких старинных изданий А. Пушкина.
3. «Век живи — век люби» — выставка, посвящённая юбилею В.Г. Распутина.
4. «Родины свет» — выставка, посвящённая юбилею А. Горбунова.

С апреля по июнь:

1. «Поэзия серебряного века».
2. К 80-летию В.П. Гусенкова.
3. «Строки, опалённые войной».
4. К 120-летию К. Паустовского.
5. «Книга-юбилар: Л. Толстой «Детство».
6. «Книга-юбилар: И. Тургенев «Записки охотника», «Отцы и дети».
7. К юбилею Р. Рождественского.
8. «Книга-юбилар: Н. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки».

С июля по сентябрь:

1. А. Грин «Алые паруса».
2. К 65-летию В. Козлова.
3. К 70-летию В. Нефедьева.
4. «Вспоминайте меня весело»: к 75-летию А. Вампилова.
5. К 65-летию В. Забелло.
6. «Литературный театр «Слово» представляет...»

С сентября по декабрь:

1. «В полемике с веком»: к 120-летию М. Цветаевой.
2. Книга-юбилар: М. Шолохов «Поднятая целина», «Судьба человека».
3. «Вот где красота...» — творчество Е. Суворова.
4. К 85-летию П. Реутского.
5. «Шел на песню — как путник на свет» — к 65-летию Г. Гайды.
6. «Я говорю от первого лица...» — к 110-летию Е. Жилкиной.
7. «В памяти года перебирая...» — к 75-летию Р. Филиппова.

Материалы подготовила Маргарита Просекина

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

Известная в нашем городе своей благотворительностью фирма «СибАтом» в 2012 году учредила благотворительный фонд имени Геннадия Михайловича Гайды, известного иркутского поэта, к сожалению, более четырёх лет назад ушедшего от нас в мир иной.

Средства данного фонда планируется расходовать на литературные премии авторам журнала «Сибирь». Вручение премий планируется проводить ежегодно 21 ноября — в день рождения Геннадия Гайды, о творчестве которого, по-моему, очень точно сказал писатель Анатолий Байбородин: «Чем больше нет с нами Гайды, тем в большей степени со временем вырастает в наших глазах его самобытное, талантливое творчество».

Виктор Бронштейн, открывая 21 ноября 2012 года своей речью церемонию награждения литераторов, произнёс: «Пусть простят меня присутствующие здесь художники, премия учреждается всё-таки не им, а писателям, поскольку литераторам в наше время живётся ещё беднее, чем художникам». «А при чём здесь художники?» — может спросить нетерпеливый читатель. А при том, ответу я ему терпеливо, что нынешнее награждение литераторов было приурочено к 15-летию со дня первой выставки иркутских художников из частной коллекции Виктора Бронштейна. Поэтому в зале на втором этаже Дома мебели «СибАтома» по улице Октябрьской Революции, 3 можно было увидеть много знакомых лиц — и знаменитых, и менее знаменитых писателей и художников. Послушать прекрасную живую музыку в исполнении блистательного пианиста Михаила Клейна. И просто пообщаться друг с другом за бокалом хорошего вина.

Первыми награждёнными стали: прозаики Ким Балков, Альберт Гурулёв — можно сказать, «зубры» сибирской литературы; поэты Василий Козлов, Сергей Корбут, Анатолий Змиевский — все иркутяне; прозаики — Анатолий Байбородин (Иркутск), Андрей Хромовских (Жигалово), Александр Никифоров (Верхолениск), Андрей Антипин (село Казарки Усть-Кутского района) и архимандрит Тихон (Шевкунов) (Москва).

Несомненно, благое дело затеяно учредителями фонда. И дай-то Бог, чтобы оно не стало разовой акцией.

В конце 2012 — начале 2013-гг.
увидели свет следующие книги:

1. Карлос Балян. «**ЛЮБОВЬ МОЯ**». Стихи. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 128 с.; илл. ISBN 978-5-91871-022-7.
2. Валентина Сидоренко. «**СКЛАДЕНЬ**». Стихи. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 528 с. ISBN 978-5-91871-023-4.
3. Юрий Баранов. «**ИРКУТСКИЙ ДРАГУН ЛЁШКА, ИЛИ ТАЙНА НАПОЛЕОНА**». Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 128 с.; цв. илл. ISBN 978-5-91871-030-2.
4. Владимир Карнаухов. «**ИСХОД ВЕЛИКОГО ШАМАНА**». Языческая мисте-рия. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 572 с.; илл. ISBN 978-5-91871-025-8.
5. Надежда Куликаускене. «**ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕМУ**». Сборник статей. Иркутск: Сибирская книга, 2011. — 312 с. ISBN 978-5-91871-026-5.
6. «**БЕГ ВРЕМЕНИ. АВТОГРАФЫ ПИСАТЕЛЕЙ**». Два тома в трёх книгах. Информационно-справочное издание. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — I том 720 с.; 2 том, книга I 704 с. I том 720 с. 2 том, книга II 712 с. ISBN 978-5-91871-014-2.
7. Сергей Эпов. «**АЛФАВИТ-13**». Стихи. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 92 с. ISBN 978-5-91871-032-6.
8. Андрей Антипин. «**ЖИТЕЙНАЯ ИСТОРИЯ**». Роман в трёх повестях. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. — 272 с. ISBN 978-5-91871-033-3
9. Анатолий Байборodin. «**ОЗЁРНОЕ ЧУДО**». Повести и рассказы. — Москва: Вече, 2013. — 528 с. ISBN 978-5-4444-0619-9.
10. Ким Балков. «**КУДА ПОДЕВАЛОСЬ НЕБО**». Рассказы. — Иркутск 2012. 450 стр.
11. Александр Емельянов. «**РАБОТНИК НА ТРОНЕ**». Исторические чте-ния. Книга I, 320 с. Книга II, 312 с. — Иркутск: Сибирская книга, 2012. Илл. ISBN 978-5-91871-025-8.

**ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИЙ
ЖУРНАЛА «СИБИРЬ»
ИМ. А.В. ЗВЕРЕВА**

24.02.2013 года исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного сибирского писателя Алексея Васильевича Зверева. А 27 февраля в Иркутском доме литераторов состоялся торжественный вечер памяти писателя, а также были вручены дипломы и премии авторам журнала. Открыл торжественный вечер директор Дома литераторов Юрий Иванович Баранов. С напутственной речью выступил руководитель писательской организации Василий Забелло. Участие в вечере приняли артисты Театра народной драмы под руководством Михаила Корнева, участники вокального ансамбля «Ангарские зори» и хора «Литера», актёры литературного театра «Слово», гости из родного села писателя — Усть-Куды, библиотекари, писатели, журналисты и множество гостей. Состоялся просмотр документального фильма, подготовленного Владимиром Скифом. Выступавшие — критик Валентина Семёнова, писатели Василий Забелло, Валерий Нефедьев, Михаил Трофимов.

Главный редактор журнала «Сибирь» Александр Лаптев объявил имена лауреатов премии им. А.В. Зверева и вручил им дипломы и денежные премии.

Лауреатами премии стали:

Альберт Гурулёв (проза),

Анатолий Горбунов (поэзия),

Валентина Семёнова (критика и публицистика).

Им были вручены дипломы и денежные премии.

Дипломы второй и третьей степени были вручены:

Оксане Гордеевой и Светлане Степановой

(по разделу прозы);

Юрию Розовскому и Светлане Аниной (поэзия);

Максиму Орлову и Василию Забелло

(критика и публицистика).

В заключительном слове главный редактор пожелал всем лауреатам творческих успехов и выразил надежду на то, что премия им. А.В. Зверева станет ежегодной, а её размер увеличится.

«ВСПОМНИМ, БРАТЦЫ, РОССОВ СЛАВУ!»

О НОВОЙ КНИГЕ Ю.И. БАРАНОВА

«ИРКУТСКИЙ ДРАГУН ЛЁШКА, ИЛИ ТАЙНА НАПОЛЕОНА»

В тысячелетней истории России было много ратных дел, которыми мы можем гордиться. Перечисление побед и достижений обычно начинают со всем известного «Ледового побоища», произошедшего в 1242 году. Затем следует грандиозная (по тем временам) Куликовская битва (1380 г.). Ещё через два века на авансцену выступает Иван Грозный, совершивший за свою не очень длинную жизнь столько военных подвигов, сколько их не было за все предшествующие века (упомянем лишь взятие Казани, покончившее с непрекращавшимися набегами степняков и открывшее доступ к Поволжью, среднему Уралу и к несметным просторам Сибири; кстати сказать: героический поход Ермака за «Каменный пояс» состоялся в 1581 году — через 30 лет после взятия Казани и при жизни Ивана Грозного). Ещё через полтора века мы видим колоссальную фигуру Петра Первого, усилиями которого Россия совершила могучий рывок и стремительно выдвинулась в число могущественнейших европейских держав. Затем была Екатерининская эпоха, отмеченная военным гением Суворова и размахом Потёмкина. И почти сразу за ней — война с Наполеоном — та самая, что, по словам декабриста А.А. Бестужева, помогла русскому народу «впервые ощутить свою силу».

Ну а потом, а после... особо нечего и вспомнить. Опуская весь девятнадцатый век (с его мучительными исканиями, прозрениями, бомбометателями и безумцами) и пропуская начало века двадцатого (с его кровавым хаосом), отметим лишь Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.), явившую поразительные примеры народного мужества и долготерпения.

Но вот парадокс! Если о последней войне написаны целые библиотеки мемуаров, романов и стихов, и если о Ермаке, о Петре и об Александре Невском — слагают песни и былины, то об Отечественной войне 1812 года сказано и написано сравнительно немного (особенно в прозе). Ну конечно, сразу на ум приходит «Война и мир» Толстого. Ещё можно назвать роман Л. Рубинштейна «Дорога победы», историческую хронику Н. Задонского «Денис Давыдов», романы С. Голубева «Багратион» и Г. Данилевского «Сожжённая Москва», повесть Рыленкова «На старой Смоленской дороге», роман Г. Серебрякова «Денис Давыдов» и некоторые другие менее значительные произведения. Всё это написано или в XIX веке, или же в середине XX. Зато в последние годы интерес к этой теме заметно снизился. Даже и к двухсотлетию Бородинского сражения что-то не видно новых книг, не снимаются фильмы, не собираются научные конференции, не спорят учёные и политики. Вместо этого у всех на слуху ситуация в Сирии (а нам что за дело?), вместо этого ежедневная хроника о процессе над группой «Пусси-Райт», вместо этого навязчивые новости о курсе доллара, о каком-то там Ассанже, о президентских выборах в Америке, и т.д. и т.п. Где же среди всего этого благодарная память о прошлом? Где гордость за победу над непобедимой армией Бонапарта, перед которой трепетала вся просвящённая Европа? Почему же не помним, не изучаем подробности, не

анализируем? Или уж настолько у нас отбили интерес к собственному прошлому, до такой степени дискредитировали это прошлое, что и знать не хотим? — то самое прошлое, которое стараниями советских историков было сплошь замазано чёрной краской, так, что теперь уже ничего нельзя толком рассмотреть?

Не хочется в это верить! Так не должно быть. И так не будет. Наперекор всеобщей апатии и ступору, вопреки многолетней лжи и очернению памяти предков — мы должны предпринять всё от нас зависящее для восстановления того, что зовётся «исторической справедливостью». Нужно воздать по справедливости всему светлому и героическому, что было в тысячелетней истории Руси. Время всё расставляет по своим местам. Память народная и народный инстинкт безо всякого принуждения дают верные оценки и выносят справедливые суждения тому, что было в нашей истории. Всё доброе в конце концов будет названо добрым, а злокозненное точно так же получит свою оценку и приговор. Герои будут возведены на пьедестал, а человеконенавистники будут прокляты во веки веков. Произойдёт это, повторяю, не по чьему-то приказу или умыслу, а как бы само собой, примерно так, как река неодолимо спрямляет своё русло и пробивает себе путь, невзирая на препятствия и завалы. Тут действуют законы высшего порядка. Затронуты жизненные основы, на которых зиждется всё.

Такие вот мысли посещают меня, когда я беру в руки недавно изданную в Иркутске книгу Юрия Баранова *«Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона»*. В названии этой книги, казалось, бы, несоединимые слова и понятия. «Иркутский», «драгун», «Наполеон» и какой-то там «Лёшка». Да ещё и «тайна» сюда затесалась. Впрочем, вся мировая история есть тайна (в некотором смысле). Любое мало-мальски значимое событие может предстать в самом неожиданном свете, открыться неведомыми глубинами, поразить неизвестными подробностями. В данном конкретном случае это и произошло!

Автор книги написал увлекательную историко-приключенческую повесть. Главный герой этой повести — обычный мальчик, ученик седьмого класса иркутской школы — чудесным образом переносится в 1812 год и оказывается в расположении Иркутского драгунского полка (оказывается, был такой полк, дислоцировавшийся в Иркутской губернии, полк этот принимал самое деятельное участие в войне с французами). Там наш герой встречает своего далёкого предка — драгуна Алексея Хабардина. Вдвоём они задумывают и успешно осуществляют дерзкую операцию, намереваясь лишить зловредного Наполеона тайного могущества и положить конец ужасной войне.

Обо всём этом просто и убедительно рассказывается на ста двадцати страницах. Повесть представляет не только художественный интерес, но и отвечает строгим историческим канонам, содержит достоверные сведения об ушедшей эпохе, массу интересных деталей и подробностей. Книга издана на отличной бумаге и превосходно иллюстрирована. Самобытный иркутский художник Денис Серков снабдил повесть живописными иллюстрациями и придал рассказу предельную наглядность и живость. Книгу с интересом прочтут не только школьники, но и взрослые (как это и бывает с талантливыми произведениями). Эпоха — такая далёкая, почти уже мифическая — предстаёт перед читателем во всей живости и полноте. Достигнуто главное — передан дух времени, его живой нерв — тот самый, что тянется через века и немыслимые преграды, соединяя поколения и сохраняя в народе «душу живу».

Осталось сказать напоследок, что инициатива издания этой книги принадлежит Сергею Иннокентьевичу Дубровину. Средства на издание были выделены Иркутским региональным фондом «Духовное возрождение», председателем которого является Ежов Вячеслав Михайлович. Помощь в издании оказал Сергей Витальевич Курилов.

Всем им низкий поклон за такое неравнодушие!

Александр Лантев

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ!

**Подведены итоги конкурса международной
литературной премии имени П.П. Ершова**

Жюри международной литературной премии имени великого сказочника
П.П. Ершова в день его рождения, 6 марта,
подвело итоги очередного конкурса.
В конкурсе приняли участие 328 авторов.

В номинации «Лучшие стихи или проза для детей и юношества» победил

Юрий Баранов

(село Пивовариха Иркутской обл.) за книгу прозы
«Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона»

В номинации «Лучшая сказка» победителем стала
Тамара Ломбина (Сыктывкар)
за рукопись книги сказок *«Северные бирюльки»* и книгу
«Я дарю вам руку, сердце и веник из мимоз»

В номинации «Выбор мецената» победил оригинал-макет книги
Веры Лавриной (Кемерово) *«История Сибири для детей»*

В номинации «Лучший дизайн и оформление детской книги» победителем
стало издательство **«КомпасГид»** (Москва),
представившее серию своих книг.

Дипломы конкурса присуждены **Татьяне Дашкевич** (Минск),
Анне Никольской (Лондон), **Надежде Крюковой** (Тобольск),
Ефиму Гаммеру (Иерусалим), **Мише Быкову** (Тобольск),
творческому коллективу мультимедийного проекта *«Жужа»* (Москва),
Юрию Чернову (Дмитров, Московская область).

Председатель жюри Г.В. Иванов

**РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» СЕРДЕЧНО
ПОЗДРАВЛЯЕТ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА БАРАНОВА
С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ УСПЕХОМ И ЖЕЛАЕТ ЕМУ
ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ!!!**

«ИРКУТСК. БЕГ ВРЕМЕНИ» — НОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

Несмотря на все жалобы и стенания писателей по поводу упадка культуры, несмотря на козни врагов, на суровые зимы, на равнодушие властей и тупость обывателей — книги в Иркутске (и по всей России) регулярно издаются и даже читаются.

Совсем недавно в Иркутске прошла презентация солидного трёхтомника «ИРКУТСК. БЕГ ВРЕМЕНИ». В каждом томе представлено по двести авторов. Все они жили и живут в Иркутской области. Все так или иначе оставили свой след — в виде книг и публикаций. Временной охват — 80 лет, начиная с начала 30-х годов (когда в Иркутске официально оформилась писательская организация) и по настоящее время (когда писательских организаций целых три, а число писателей увеличилось в несколько раз).

Первый том (с подзаголовком «Автографы писателей») посвящён Иркутску. В него включены очерки Валентина Распутина и Марка Сергеева, Анатолия Шастина и Екатерины Авдеевой-Полевой, Ивана Калашникова, Григория Потанина, Гавриила Кунгурова, Марка Азодовского, Станислава Гольдфарба, Ивана Козлова, Валентины Мариной, Василия Трушкина, Евгения Раппопорта, Франца Таурина, Сергея Иоффе, Юрия Самсонова и других авторов. Здесь же солидная подборка стихов о родном крае. Общий объём тома (как и других томов) — более 700 страниц. Среди составителей: С. Гольдфарб, Ю. Багаев, В. Скиф.

Во второй том (поэзии) вошли произведения Александра Балина, Елены Жилкиной, Юрия Левитанского, Иннокентия Луговского, Ивана Молчанова-Сибирского, Анатолия Ольхона, Константина Седых... Веры Захаровой, Анатолия Кобенкова, Глеба Пакулова, Петра Реутского... Юрия Скопа, Виктора Соколова, Ростислава Филиппова, Юрия Черных... Геннадия Аксаментова, Татьяны Андрейко, Бориса Архипкина, Людмилы Бендер... Григория Вихрова, Николая Вяткина... Василия Забелло, Анатолия Змиевского, Надежды Кудашкиной, Олега Кузьминского, Владимира Монахова, Александра Никифорова, Владимира Пламеневского, Любви Сухаревской, Андрея Тимченова, Сергея Эпова, Светланы Шегебаевой... — Всего двести имён! Конечно, всех назвать невозможно. Составители тома — В. Забелло и В. Скиф — постарались представить каждого автора. Подборка в пять-десять стихотворений даёт представление о человеке, которого мы уже никогда не увидим, книг которого не найдём в книжных магазинах. Краткая биографическая справка подобна эпитафии, венчающей человеческую жизнь.

В том прозы вошли произведения Исаака Гольдберга, Агнии Кузнецовой, Гавриила Кунгурова, Беллы Левантовской, Валентины Мариной, Георгия Маркова, Петра Петрова, Константина Седых... Анатолия Байбородина, Александра Вампилова, Альберта Гурулёва, Валентина Распутина, Алексея Зверева, Льва Кукуева, Нелли Матхановой, Геннадия Михасенко, Михаила Просекина, Евгения Суворова, Валерия Хайрюзова, Иннокентия Черемных, Анатолия Шастина, Любви Щедровой... Галины Афанасьевой-Медведевой, Светланы Волковой, Нины Ворониной, Василия Гинкулова... Бориса Ротенфельда, Олега Слободчикова, Семёна Устинова, Арнольда Харитоновна, Алексея Шманова (и многих других). Над томом прозы работали Валентина Семёнова, Альберт Гурулёв и автор этих строк.

Вся работа продолжалась почти год. Пришлось обращаться в архивы, листать старинные фолианты, разыскивать материалы, о существовании о которых никто уже не помнит.

В целом можно с уверенностью сказать, что трёхтомник «Иркутск. Бег времени» есть уникальное собрание произведений писателей Восточной Сибири. Оно ценно именно своей полнотой, завершённостью. Составители постарались никого не забыть, не упустить ничего значимого. Каждый автор, каким бы незначительным он нам сегодня ни казался — достоин быть упомянутым в этом издании. Несколько написанных строк способны пережить целые эпохи, если только эти строчки вырвались из самого сердца. По этим строчкам можно судить об их авторе и даже — о времени, в котором жил этот автор.

Составлять такие коллективные сборники чрезвычайно сложно. Поэтому они выходят крайне редко, а каждое издание сопровождается радостным ожиданием и едва сдерживаемым восторгом. Что-то похожее издавалось в Иркутске в середине 90-х годов. Тогда вышла книга «Писатели Приангарья». Объём этой книги примерно в десять раз меньше суммарного объёма трёх томов «Бега времени». Соответственно, сравнивать эти два издания очень сложно. Но даже скромная книжица «Писатели Приангарья» пользуется огромным спросом, и теперь её ни купить и ни потрогать. Нету! Какая же судьба ожидает новое издание, которое смело можно назвать энциклопедией литературной жизни Восточной Сибири? Об этом можно только гадать. Но уже сегодня этот трёхтомник стал библиографической редкостью. Это издание станет настольной книгой для библиотекарей и филологов, для всех тех, кто интересуется и будет интересоваться историей Приангарья, его культурой и достижениями.

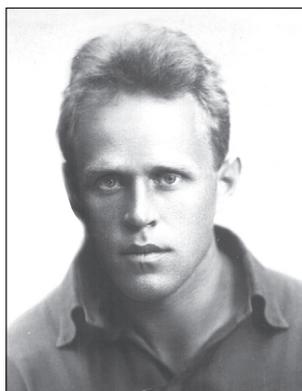
Остаётся сказать, что этот трёхтомник был издан при финансовой поддержке Министерства культуры Иркутской области и Правительства Российской Федерации, при непосредственном содействии бывшего губернатора Мезенцева Дмитрия Фёдоровича. Всем им сердечное спасибо!

Также хочу поблагодарить иркутскую типографию «Репроцентр А1» и её директора С.Е. Макарова за великолепную полиграфию. Дизайнер издания — известный иркутский художник и книжный оформитель Владимир Дейкун — сумел придать книге благородную простоту и изящество.

А всех читателей я поздравляю с таким замечательным подарком. Трёхтомник уже поступил в библиотеки города и области, и каждый желающий может прочитать эти уникальные книги. С большой вероятностью можно прогнозировать переиздание трёхтомника в ближайшие годы. Дело стоит того.

Александр Лантев

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

ЗДЕСЬ МИГ ПОХОЖ НА ВЕЧНОСТЬ...

1 мая 2013 года исполняется 110 лет со дня рождения поэта Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского. При жизни он издавался достаточно часто, а после смерти, с 1958 по 2013 год вышло всего 6 книг, включая детские издания.

Разбирая архив, мы с женой, Молчановой Евгенией Ивановной, нашли множество записных книжек, фронтовых тетрадей, в которых обнаружили неопубликованные прежде стихи. В этих произведениях творчество И.И. Молчанова-Сибирского раскрывается по-новому, с неожиданной стороны. Тематика разнообразна, необычны и ярки метафоры, лирические стихи искренни и пронзительны. Поэт очень много работал над стихами, есть несколько вариантов того или иного произведения, к которому он возвращался неоднократно. Даже в вышедших из печати книгах мы находили правки стихов, сделанные им прямо по печатному тексту. А в книге «Граница на Востоке» на форзаце он оставил скромное, но образное признание о работе над стихами:

МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ Иван Иванович (1903, Владивосток — 1958, Иркутск), поэт, прозаик, общественный деятель, руководитель литкружка 6-й школы, участники которого написали знаменитые книги: *База курносых* и *В гостях у Горького*. 25 лет руководил Иркутской писательской организацией. Член Союза писателей СССР. Автор книг: *Покорённый Согдиондон* (1932), *Рождение радости* (1934), *Стихи* (1935), *Синие Саяны* (1937), *Граница на Востоке* (1939), *Полевая почта* (1942), *Яблонька* (1943), *Мои товарищи* (1948), *Письмо из тайги* (1951), *Зариницы* (1952), *Лирика* (1959), *Синий снег* (1970), *Моё предместье* (1985), *Дяди Ванин тусок* (2008) и др.

Нельзя на этой книге строгой
О днях походов и побед
Писать про лунные дороги
Весьма изысканный сонет.

В боях за Родину мужает
Мой грубый стих, суров и прост,
Он не пьянит, не поражает,
В нём нет дыханья чистых роз.

В нём нет оттенков акварели...
Слова бредут, как мураши,
И вздрагивают в самом деле
Постройки трепетной души...

Далее идут следующие строки *«Стих не дописан до конца. Иркутск. Апрель»* (видимо, 1939 год, потому что книга вышла в тридцать девятом году). Хотя мы знаем, что в его стихах есть и замечательные краски, и оттенки акварелей и трепет высоких чувств. Чего стоит одна только вот эта метафора «Слова бредут, как мураши...»

Нам был особенно интересен ранний Молчанов-Сибирский, те его стихи, которые были написаны в 19 и 20-летнем возрасте, датированные 1922-м и 1923-м годами. Некоторые из ранних стихов мы публиковали в журналах «Библиотечный вестник Прибайкалья» (№ 1 — 2003 г.), «Сибирь» (№ 5 — 2003 г.), «Москва» (№ 3 — 2004 г.), «Наш современник» (№ 5 — 2004 г.), «Иркутский альманах» (№ 2 — 2010 г.), «Иркутский альманах» (№ 1 — 2011 г.).

Ранние стихи Ивана Молчанова, ещё не имевшего приставки «Сибирский», удивляют ясностью поэтического видения и особенностью выявить мельчайшие детали окружающего мира, природы, быта. В одном из стихотворений он примечает, что «...Тополёк в последних листьях, / Будто стрижен под гребёнку...» (1922 г.), а в стихотворении «Кузнец» видит, как «...Тени по стенам бегут / И осыпаются в горны...» (1923 г.). А вот страстные и в то же время несколько ироничные строчки из стихов о любви: «Вы умеете ласково мучить, / Вы умеете нежно играть. / Дайте сердца мне вашего ключик, / Мне спокойнее с ним умирать» (1923 г.). Не случайно известный в то время поэт Илья Сельвинский пишет об Иване Молчанове следующее, называя, видимо, по первому восприятию его стихи — песнями: «В его песнях есть и разлив и язык, они увлекают, и полны теми приятными неожиданностями, которые являются первыми признаками поэтического дарования. В них автор весь в обаянии своей темы — он поёт и не думает о том, чтобы это было похоже, как принято, в «хороших домах» (15.09.1937 г.) Это поэтическое качество и трепет любящего сердца Иван Молчанов-Сибирский сохранил на долгие годы.

Предлагаем вниманию читателей небольшую подборку, в которую входят стихи разных лет.

Владимир Скиф

В РАЗЛУКЕ

Дорога дальняя пуста.
Ветров студёные объятъя.
Здесь холод дальнего поста.
Здесь нет подруг.
Здесь только братья.

Разделены, как рубежом,
Полями необъятной сини,
Ещё сильнее мы любим жён,
Чем мы любили их доньне.

1944

НА БЕРЕГУ

Слушаю: плавится рыба,
Птицы ночные кричат.
С грохотом катится глыба —
Струи речные звучат.

Ночью хотел я дожждаться
Первой колючей звезды.
Станут сейчас усмехаться
Омуты звёздной воды.

Трудно мне сдвинуться с места.
Черная даль. Тишина.
В золоте, словно невеста
В степь выплывает луна.

1945

УТРО В СТЕПИ

Степь безмолвна. Дымка аргала.
Вдруг дохнул ветерок. По приволью
Вмиг повеяло вереском, смолю,
Горьким жаром таёжного пала.

Будто степь вмиг покрылась лесами,
Будто всюду ручьи зажурчали,
Колебался стружок на причале
На реке сумасбродной, на Маме.

Будто снова иду я тропюю,
А она всё вздымается круче.
Кедры, словно витязи к бою,
Поднимают, как сабли, сучья.

Скоро ль, скоро ль моя судьбина
Приведёт — побороться с японцем.
Предо мною лежит равнина
И трава, спалённая солнцем.

Июль 1945 года

РУССКАЯ ГАРМОШКА НА ХИНГАНЕ

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.

Кухня батальонная в тумане,
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.

Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская — баклажка —
Больше суток без воды гремит.

То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в тишине...
Русская гармошка за границей,
На маньчжурской дальней стороне.

1945

ДУБ В ПУСТЫНЕ ЧАХАР

Как старик седой — у двора,
У дороги — столетний дуб.
На рассвете ему — ветра
Развевают зелёный чуб.

Грустно здесь стоять одному,
А кругом — полынь да ковыль.
Я на память лист подниму
О тебе, старина-бобыль.

На рассвете, в степи чужой,
Ты один провожал нас в бой.

9 августа 1945 г.

ТАНК В ОБЛАКАХ

Танк на Хингане. Вестник нашей славы.
Он вознесён на гребне в облака,
Как монумент могущества Державы,
Прославленной отныне на века.

Травую зарастут войны дороги,
Но этот танк от Родины вдали
На башне сохранит простые строки:
«Здесь в сорок пятом русские прошли!»

1945

ГОД НАЗАД

Отроги гор. Их дальняя вершина
Цепями стягивает сумрачный Хинган.
А наша одинокая машина —
Скорлупкой брошена
В песчаный океан.
Какая тишь!

Здесь миг похож на вечность.
Века назад —
Была морская гладь кругом.
Теперь степей усталых бесконечность.
Не здесь ли мы найдём в песках
Свой вечный дом?

29. 08. 46.

* * *

Держала ночь рассвет
в косматых лапах,
Но солнце все же
вырвалось из плена.
И снова золото —
в долине Керулена,
И ощутительней
полыни запах.

И небо кажется
прозрачней и чудесней,
И шире степь
от края и до края —
Вчера зелёная,
сегодня золотая.
Проснулся ветер
и помчался песней.

9. 08. 46.

МАНЧЖУРСКАЯ ОСЕНЬ

Пустынна площадка для волейбола,
Завяли крапива и тощий бурьян.
И степи — голы, и небо — голо,
Лежат распростертые, как океан.

Недавно в расцвете, недавно в движенье,
Почти от восхода до первых звёзд.
Печально и тополя обнаженье,
Который один на тысячи вёрст.

Печально, что дни невозможно кратки,
И листья отсвечивают янтарём.
Порою солнце пригреет украдкой,
А осень опять поглядит сентябрём.

Вновь ветром пронзительно засвистело,
Подбросило листья с прибитых клумб,
Мчит туча, похожая на каравеллу,
В которой в Америку плыл Колумб.

Да! Туча сия сегодня не властна.
И вот уже тише ветра шумят.
Оранжевый, палевый, розовый, красный
В полнеба вспыхнул манчжурский закат.

И сердце печальное этому радо,
Следит, как меняет пустыня цвета...
Ведь знает: вернётся весна, как награда,
И радость цветенья, и трепет листа.

10. 09. 46.

* * *

Что ж, быстрее падай, падай,
Пожелтый, скорбный лист,
Ты — последняя отрада...
День осенний хмур и мглист.

Вот зима без проволочки
Наступила. Снег пушист.
Но уже таятся в почке
Молодой и клейкий лист.

1946

* * *

Как много, как много прожито —
Четыре десятка лет.
За окном даже тополь тревожится,
Похожий на утлый скелет.

Безвольные сучья заломлены,
Омытые горьким дождём,
Как будто скрежещут: запомните —
Всё смертно и все мы умрём.

Но рано сулить недобитому,
Шинель деревянную мне.
Много еще не дожито мной,
И сердце пылает в огне

Пусть дикая вьюга бесится,
Мчится — она не права.
Мне еще жить не месяцы,
Работать не год и не два...

11. 09. 46.

БЕЗЫМЯННЫЙ РУЧЕЙ

От таянья снега, от многих ключей
Берёт он живое начало.
Никто не сумеет быстрее и ловчей
Спуститься в тайгу с перевала.

Он прыгает с самой высокой скалы
И нежно журчит по равнине,
Обходит с боков валуны и стволы
И рвется в байкальские сини.

Журчит и воркует, как голубь с утра,
Беглец голубой тихоструйный,
Но если загрохает ливень в горах,
Тогда он становится буйный.

Тогда не журчанье, а хохот и визг
Он мечет, седой и жестокий.
Бросятся кедровые вершинами вниз
В кипящие смерчем потоки.

На страх и на ужас таёжной родне
Весь мчится от края до края.
Не могут торчать даже камни на дне —
Поток их могучий срывает.

Окончится ливень — опять тишина...
Ручей, затаивши улыбку,
Журчит и воркует, с темна до темна
Качает байкальскую зыбку.

13. 09. 46.

У ТАЁЖНОГО КЛЮЧА

Краюха хлеба аржаного —
Хороший завтрак у ключа,
Вода в котором так сурова,
Что мнится — вправду горяча.

Мгновенно губы леденеют,
Как будто от осколков льда.
Ладони жаркие немеют —
Свела студёная вода.

В него, головками качая,
Глядятся стебли иван-чая.
В листве черёмух и осин
Небесная гуляет синь.

Смородины душистой листья
Над зябким холодом повисли...
Я в три погибели согнусь,
Студёной досыта напьюсь.

14. 09. 46.

ПЕРВОМУ

Кто первый здесь прошел, кто вырубает затесь?
Таёжную тропу кто первый протоптал?
Идущим вслед за ним он оставляет запись,
Чтоб приискатель и охотник не пропал.

У быстрых горных рек кто обозначил броды?
Кто проторил нам путь сквозь черный бурелом?
Быть может, это он — землепроходец бодрый —
В неземное шагнул на пару с топором.

Отметины свои он вырубал повсюду,
Которые потом залечатся смолой.
Они ещё видны, в тайге свершится чудо:
Без компаса тайгу прошьём и мы иглой.

Водою ключевой баклаги мы наполним...
Землепроходец — ты — нам затеси дарил.
В немереной тайге мы благодарно помним
Того, кто первый был и путь нам проторил.

ЗОЛОТОНОСНАЯ ТРОПА

Тропа змеится по опушке,
В таёжную стремится глуть,
Где стонет медленно кукушка,
Как будто просит: приголубь!

В чужом гнезде приют непрочен,
И вечно бесприютен стон.
Как мехом — мохом оторочен
Деревьев хмурый бастион.

Как бороды свисают космы
Зелёно-голубого мха.
Молчат перед закатом сосны,
Тайга загадочно тиха.

Тропа ведёт меня на кручи,
Где учащённей сердца стук,
Где тишину цепляют сучья,
И паутину ткёт паук.

Где меж камней — проворный рокот
Неугомонного ключа.
Тайга раскинулась широко,
Касаясь моего плеча.

Тропа спускается в долину —
В преддверье нераскрытых недр,

Где может нашептать былинку
Тропе тысячелетний кедр.

Чего не знали даже предки,
Услышать внуку суждено.
Звените, иглы! Пойте, ветки,
О том, что минуло давно.

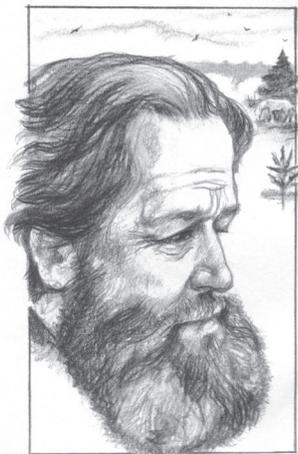
Тропа, братаясь не со всеми,
Окончится, а путь далёк...
По звёздам — путь, по солнцу — время.
Всё дальше, дальше — на восток.

Нет, не для почести и славы
Мои скитанья и труды.
Ищу я для родной державы
Сиянье золотой руды.

Для укрепления русской мощи
Я эти поиски веду!
Пускай ручей в лотке полощет
Золотоносную руду.

Сверкнули первые крупинки,
Едва потолще волоска...
Так превращаются тропинки
В широкий путь на приискá.

1948

ОН С НАМИ!

Слово на блаженную кончину писателя
Леонида Леонтьевича Кокоулина

Сегодня, когда в нашей Православной Церкви поют песнь Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение языков...», — отлетела навстречу со Спасителем в Небесные обители душа настоящего русского писателя, фронтовика Леонида Леонтьевича Кокоулина, автора романов «Колымчане», «Огненная кобылица», «Колымский котлован», «В ожидании счастливой встречи», «Пашня», «Подруга», «Огонь», «Не плачьте, волки», трилогии «Красноярский волок», повестей «Битва за державу», «Затески к дому своему», «Андрейка», рассказов...

Биография Леонида Леонтьевича Кокоулина схожа с миллионами его сверстников. Он родился в далеком 1926 году, в деревне Хаёрино под Канском Красноярского края. В действующую армию был призван в 1943 году из Иркутска, а закончил Великую Отечественную войну сначала на западе, под Кенигсбергом, а немного позже — на востоке, под Старым Харбином. Почти тридцать лет отдал гидростроению: возводил Иркутскую, Вилюйскую, Колымскую ГЭС...

В этих довольно скупых строчках не прочтешь, как Леонтьевич, — так в просторечии называли его товарищи, — в дни торжества Великой Победы, вспоминая сгоревшего в танке своего фронтового друга Сергея Наумова, надолго замолчал...

Сколько было сказано-пересказано в том молчании!

Он так и говорил: «Сидим мы с другом под вязом. Долго сидим. Долго молчим. А потом встану и скажу ему, прощаясь: «Как хорошо мы с тобой поговорили сегодня»».

А какие чудесные нестареющие книги писал Леонид Леонтьевич! Каждый раз он открывал читателю всех возрастов новый мир, новую поэзию природы и труда...

Книги Леонида Кокоулина разные: о русских солдатах, о русских тружениках Сибири и Севера, о русском крестьянине, вековым его умению жить в ладу с природой, людьми, со своей совестью... Они исполнены тонкого психологизма, глубокого проникновения в законы человеческого бытия, что в равной степени отличает любое произведение известного русского писателя.

Читаешь его повесть «Андрейка», где Леонид Леонтьевич рассказывает о мальчике-сироте, воспитаннике рабочей бригады строителей ЛЭП, и видишь красоту русского природного добра, неповторимость суровой и вдохновенной романтики тружеников дальнего Севера, очарование сибирской природы, в простых, на первый взгляд, таежных былях, что надолго останутся в памяти сердца.

Особняком в творчестве Леонида Леонтьевича Кокоулина стоит трилогия «Красноярский волок». Её он писал в последние десятилетия. Это книга о миссии похода Семёна Ивановича Дежнёва и его сподвижнике казаке Кокоулине... В трилогии Леонид Леонтьевич описал свою родословную с XV века. В эпопее «Красноярский волок» есть всё: и жизнь, и история, и русское слово, и русский безграничный мир!

Леонид Леонтьевич Кокоулин — это человек века веков. Он был для нас, его коллег по строительству ЛЭП, писателей и читателей, — братом, другом, отцом.

Нам сегодня трудно понять, что завтра в этой земной жизни мы уже не услышим его негромкого голоса. И все же, он с нами!

Мы слышим песнь святого праведного Симеона «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему...», — отдавая последнее целование рабу Божиему Леониду Кокоулину и поем ему «Вечная память!»

Юрий Бондарев, Михаил Годенко, Семен Шуртаков, Семен Борзунов, Егор Исаев, Михаил Лобанов, Валерий Ганичев, Виктор Лихоносов, Виктор Потанин, Валентин Распутин, Юрий Лоциц, Владимир Крупин, Сергей и Станислав Куняевы, Сергей Котькало, Сергей Куличкин, Валентин Зубков, Владимир Зимянин, Иван Лыкошин, Зураб Чавчавадзе, Константин Скворцов, Евгений Юшин, Геннадий Иванов, Михаил Ножкин, Сергей Небольсин, Николай Дорошенко, Сергей Харламов, Геннадий Попов, Марина Ганичева, Лариса Баранова-Гонченко, Лариса Лыкошина, Анна Евтихиева, Григорий Калюжный, Ким Балков, Юрий Буданцев, Сергей Исаков, Анатолий Rogov, Виктор Гуминский, Николай Гребнев, Владимир Молчанов, Александр Доронин, Евгений Кулькин, Виктор Линник, Елена Кузьмина, Елена Галимова, Николай Коняев, Николай Егоров, Станислав Кузнецов, Игорь Янин, Валерий Хайрюзов, Вадим Цеков, Александр Стрижев, Геннадий Мокеев, Михаил Попов (Архангельск), Сергей Прохоров, Александр Романовский.